

Творческая Мастерская «Альтернатива – Арт»

в рамках реализации проекта с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов

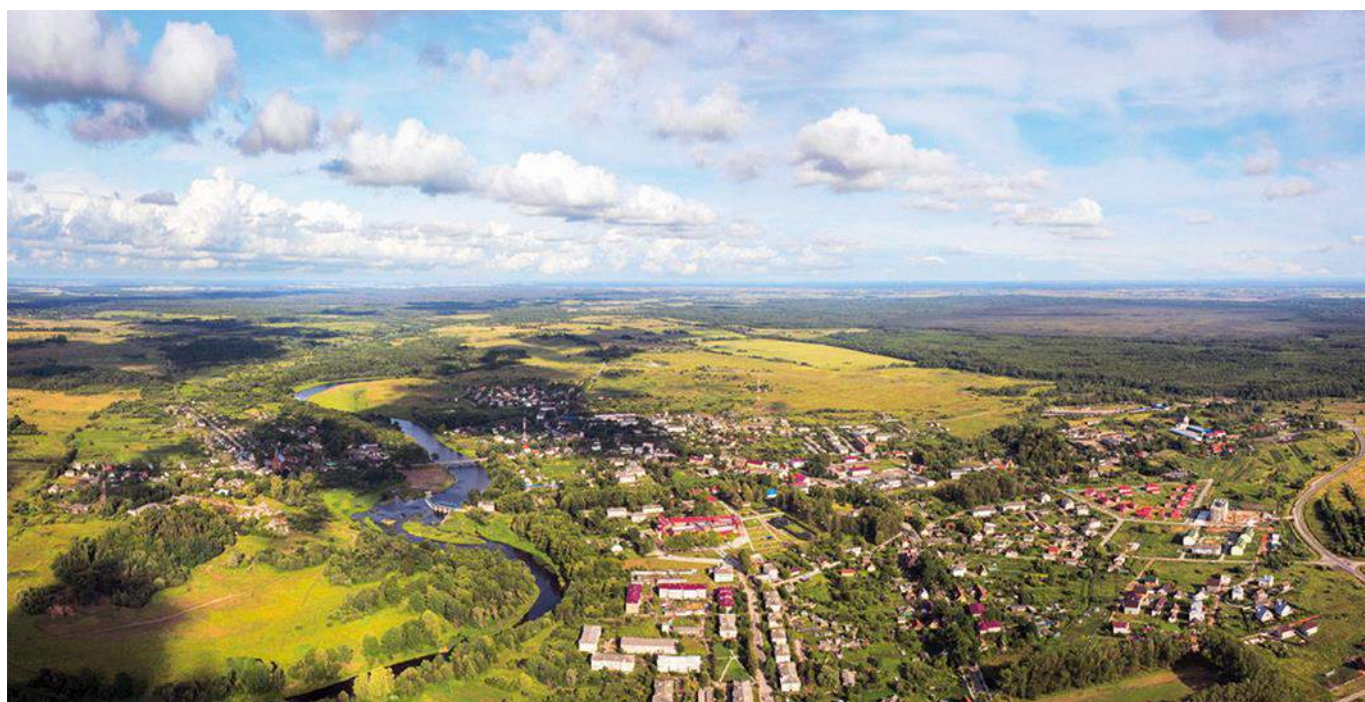
«История. Люди. Память» – серия видеофильмов и репортажей об историческом наследии и об объектах, находящихся под угрозой исчезновения на территории Калининградской области»

№ 20-2-006713

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Туристический маршрут по Краснознаменскому району Калининградской области

**«Автотур в живописный Краснознаменский район
в поисках камней Первой мировой войны».**

Первое информационное и невероятно очаровательное знакомство с Краснознаменским районом представлено на странице сайта администрации городского округа. Предлагаем вместе проникнуться богатствами нашего края.

Источник: <https://krasnoznamensk.gov39.ru/istoriya.html>

Добро пожаловать «в край лесов, живописных рек и озер, на северо-восточной окраине Калининградской области, где расположен наш Краснознаменский район».

«Тенистые леса и плодородные поля **Краснознаменского района** омываются водами рек Немана и Шешупе, его **рельеф разнообразный, в сравнении с другими районами области более возвышенный**. Площадь территории округа составляет 128 047 га, четверть которой занимают леса. Район имеет общие границы с Неманским, Гусевским и Нестеровским районами Калининградской области. Граница с Литвой протяженность более 100 км проходит по рекам Шешупе и Неман.

Большая часть земель используется под пашню, сенокосы, пастбища.

Недра района богаты залежами нефти, высококачественных глин, торфа, песчано-гравийной смеси, минерализованных вод.

В жизни все устроено очень мудро. Если она лишает нас чего-то, то непременно и награждает чем-то. «Не хватает нам немного моря, и далек от нас Калининград», но у нас есть лес – главное богатство района. Лес – наш защитник, наш кормилец и вдохновитель.

В знаменитых лесах Краснознаменского района преобладают сосновые насаждения, но там, где встречаются тяжелые суглинистые почвы, растут смешанные елово-лиственные древостой. Наиболее распространенными являются сосна, ель, береза, осина, клен.

Не последнее место занимают такие ценные породы как дуб и бук. Повсеместно распространен орешник, который стал символом города и отражен в его гербе.

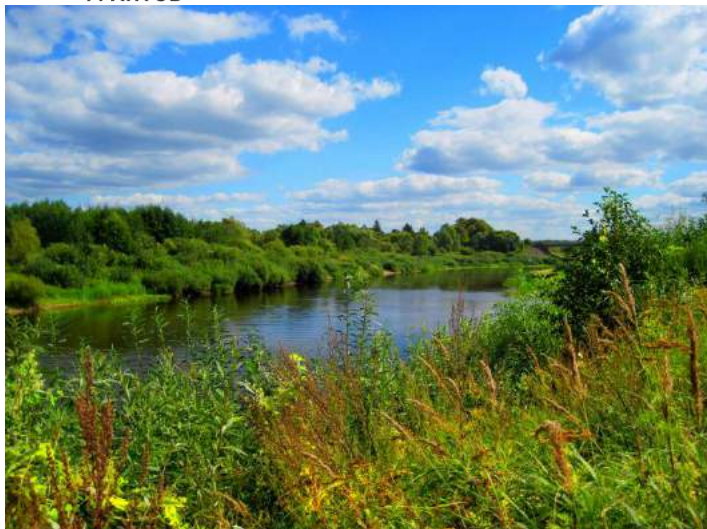

В зеленом наряде города Краснознаменска, поселка Добровольск (до войны – Пиллькаллен, являлся административным центром района) немало деревьев и кустарников иноземного происхождения – интродуцентов.

Богат и разнообразен животный мир.

В лесах и на просторах района водятся олени, косули, кабаны и самое крупное животное здешних мест – лось. Хорошо

чувствуют себя в лесах белки, куницы и бобры, еноты. На полях и лугах благоденствуют зайцы, лисы, горностаи и ласки, ежи, кроты и землеройки. Малые водоемы приютили ондатр, несколько видов амфибий: тритонов, лягушек и жаб. Много ящериц и змей: веретениц, ужей и гадюк.

Небо безраздельно принадлежит птицам. Мелкие пичуги: воробьи, синицы, скворцы, стрижи, ласточки, голуби, галки, сороки и другие обеспечивают неплохое существование хищных птиц: соколов, ястребов, коршунов. Неизменным атрибутом населенных пунктов района являются аисты.

На реках и озерах разнообразно птичье население: здесь обитают лебеди и цапли, вальдшнепы и несколько видов уток.

Глубины рек и озер принадлежат большому числу рыб.

Многочисленные озера, реки Неман и Шешупе привлекают любителей отдыха на воде и, прежде всего, великолепной рыбалкой. В чистых водах рек и озер водятся: рыбец (сырть), лещ, судак, щука, сом, голавль, линь, плотва и другие рыбы.

Для грибников и ягодников – рай в обширных лесах. Здесь растет северная морошка, клюква, черника, малина, ежевика, земляника, белые грибы, грузди, подосиновики, лисички, под-березовики, моховики, опята.

Рано утром тихо в лесу. Изредка пролетит ворона, оглашая окрестности громким карканьем. Иногда удастся увидеть голубую сойку – жар-птицу наших лесов. Когда в лесу птицам не хватает корма, они прилетают в город, рассчитывая на поддержку людей.

Частыми гостями в палисадниках бывают снегири и свиристели. А воробьи и синицы – это постоянные жители нашего города. Случается, осчастливят своим присутствием иволги – птицы необыкновенной красоты. Сами они серые, но на крыльях чередуются черные небелые перья, на конце хвоста – ярко-желтая оборочка.

Чем глубже удаляешься в лес, тем сходство леса с морем ощущается все сильнее. Где-то далеко по верхушкам крон начинает свой разбег ветер. Шум нарастает волнами, как шум моря. Ветер уносится в даль, и вновь ничто не нарушает первозданной тишины.

И дышится в лесу так же легко, как на берегу моря. Только там озон выделяют водоросли, а здесь хвойные деревья.

Клочьями свисают с поваленной ели длинные седые пряди лишайника-бородача. Аппликациями украшает кору осин золотянка. Интересно, почему она никогда не растет на коре березы?

Под ногами мягкая под-стилка из хвои и опавшей листвы. Трухлявые пни покрыты бархатным зеленым покрывалом из блестящего мха.

Вот где-то, вроде, медведь рывкнул вдалеке. А вот, как будто, кабан хрюкнул ... Да это же сосны, раскачиваясь под тяжестью своих крон, издают такие звуки, словно разговаривают между собой!

У самой кромки леса, возле грунтовой дороги стоит могучий дуб и своими мощными сучьями держит в объятиях сухую ель, как древний рыцарь возлюбленную. То ли она росла так близко, что ветви их переплелись, то ли при падении во время бури угодила к дубу в объятия. Кто знает... Но зрелище впечатляющее.

Лес служит источником топлива для той части населения, которому пока не посчастливилось получить голубое топливо – природный газ.

Мягкий влажный климат создает прекрасные условия для произрастания трав: клевера, тимофеевки, люцерны, ромашки. Пастбища и сенокосы позволяют заниматься мясомолочным производством».

В результате знакомства с историей Краснознаменского района, довоенного округа Пиллькаллен (с 1938 года – Шлоссберг), в которой особо ярко прослеживается момент формирования восточно-прусской народности из многочисленных переселенцев, прибывших из соседних и немецких земель, а также европейских стран в «дикуую пустошь» на северо-восточной окраине прусской провинции, у команды проекта родилась идея познакомить со всеми имеющимися материалами, касающиеся непосредственно тех событий, что происходили на большей части этого уникального уголка нашей области.

В сопроводительном материале к туристическому маршруту основной работой является очерк об истории округа Пиллькаллен/Шлоссберг профессора Эрвина Шпера, представляющий собой полную версию сведений от древних жителей диких мест до окончания существования района Шлоссберг. Ряд исследовательских статей калининградских специалистов по истории Первой мировой войны вошли в данную работу, в частности очерк по воспоминаниям об участии поэта Николая Гумилёва в разведывательных разъездах осени 1914 года, анализ проблемы сохранения культурной памяти калининградцев о Первой мировой войне 1914–1918 годов и о самих захоронениях Первой мировой войны, часть которых расположены на территории Краснознаменского округа. Безусловно в сопроводительном материале отражено знакомство с населёнными пунктами, вошедшими в карту данного маршрута. Не менее любопытным в предложенной работе станут материалы об этнических группах, переселившиеся на северо-восток Пруссии и повлиявшие на формирование картины культурного ландшафта – что такое «Прусская Литва», кто такие зальцбургские эмигранты и как повлияли швейцарские колонисты на социальное положение крестьянского сословия.

Надеемся, что выполненная работа участниками проекта «История. Люди. Память» при поддержке Фонда президентских грантов –

репортажи из цикла «Немного истории»:

«Краснознаменск – Lasdehnen» <https://www.youtube.com/watch?v=vG6WoRjuHCM> и

«Краснознаменск. Узкоколейка» <https://www.youtube.com/watch?v=vG6WoRjuHCM>

видеофильм «Николай Гумилёв. Поэт и воин»

<https://www.youtube.com/watch?v=pLISitdNCXs&t=18s>

и туристический маршрут «Автотур в живописный Краснознаменский район в поисках камней Первой мировой войны» –

даст отличный повод отправиться в окрестности Краснознаменска и проникнуться его особенной историей и необыкновенной красотой.

1. Краснознаменский городской округ

Краснознаменский городской округ, в состав которого входят 55 населённых пунктов, в 1946 году мог бы гордо, в честь реки Шешупе, назваться Шешупинским районом.

«Во время подготовки указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 сентября 1946 года о присвоении новых названий райцентрам Калининградской области, советские власти рассматривали для города название Шешупинск (по географическому принципу — в честь реки Шешупы), однако в итоге выбрали название Краснознаменск».

Маслов В. Н. «Переименование районных центров Калининградской области в 1946 году». Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014 год.

Один из наиболее богатых природными ресурсами зелёных уголков Калининградской области на сегодняшний день является одним из малонаселённых районов Калининградской области. На территории муниципального образования проживают около 12 тысяч человек. Это обусловлено не столько отдалённостью от областного центра, сколько наличием протяжённой водной государственной границы с Литвой (по рекам Неману и Шешупе).

«Осенью наш Краснознаменский край особенно красив. После жаркого лета наступившая прохлада сентября и яркие краски октября позволяют по-новому взглянуть на окружающий нас мир — наступает осенний бал природы под музыку ветра... Мы любим «в багрец и золото одетые» деревьями — исполинами, удивляемся необычному разрезу листьев кустарников и плодам на них...

Но знаем ли мы, что, дошедшие до нас древесные породы были частью широкомасштабного рабочего плана по выращиванию иноземных древесных пород в государственных лесных насаждениях Восточной Пруссии, который стал осуществляться с 1881 года. В опыт по выращиванию экзотов (иноземных древесных пород) были вовлечены все земли Германской империи и промежуточные результаты публиковались в «Лесном и охотничьем журнале».

*Из записок Заведующей музейным отделом города Краснознаменска
Людмилы Петровны Литвиновой.*

Границы современного Краснознаменского района почти совпадают с границами довоенного крайса, название которого было образовано от расположенного в городе Пиллькаллен (с 1938 года – Шлоссберг) районного центра – современного посёлка Добровольск Краснознаменского района Калининградской области. Центр района был перенесен в Краснознаменск из разрушенного в ходе упорных и кровопролитных боев января 1945 года Пиллькаллена.

Крайс Пиллькаллен особо гордился богатой коллекцией ландшафтного парка Кумстлер из различных сортов кустарников и деревьев, которая доходила до трёхсот экземпляров. В Краснознаменском районе этот уникальный парк теперь носит название «Добровольский». Ему присвоен охранный статус «Памятник природы регионального значения» в 2007 году. Парк имеет научное значение с 1985 года.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 021255
Kussen, Kreis Schloßberg, MT12100-7. Naturdenkmal Ahornbaum. (1905-1914), ©

На территории крайса Пиллькаллен был и другой памятник природы – клён, который рос в центре населённого пункта Куссен, сейчас это посёлок Весново на территории Краснознаменского района. Высота красавца достигала 19 м, обхват ствола – 4 м и размах кроны – 28 м.

На фотографии указана дата 1905 – 1914 годы, однако, крайс Шлоссберг – это наименование Пиллькаллена с 1938 года.

2. Музей Краснознаменска.

Расположен по адресу ул. Калининградская, 50, бывшая Дорфштрассе (Dorfstraße).

«Маленькие музеи не только для посещения и знакомства с историей, но и уникальное место для встреч и общения с интересными людьми. Первый мой вопрос незнакомому посетителю: «Откуда Вы?». Ведь история переплетена не только событиями и людьми, но и территорией».

Так рассуждает Заведующая музейным отделом города Краснознаменска Людмила Петровна Литвинова.

Богатейший своими экспонатами музей Краснознаменска привлёк и нашу съёмочную группу. На странице Центра культуры Краснознаменска Людмила Петровна с любовью рассказывает о музее, событиях, людях, обо всём, что переплетается на территории музея и самого Краснознаменска.

«Музей Краснознаменска создан в 1988 году решением исполнительного комитета районного Совета народных депутатов для сохранения истории родного края и размещался в Доме Культуры по ул. Советской. Первым организатором и смотрителем Краеведческого музея стала Огурцова Серафима Николаевна.

После её ухода из жизни, музей был на грани исчезновения. Новый директор Савенков Николай Петрович дал второе рождение музею. Музей переехал в более просторное помещение площадью уже 87,7 кв. м. по адресу ул. Калининградская, 39.

За свою общественную деятельность, весомый вклад в развитие Краснознаменского района Серафима Огурцова 31 августа 1988 года одна из первых получила звание «Почетный гражданин города Краснознаменска», а Николай Савенков в 2014 году получил звание «Почетный житель Краснознаменского района». В конце 2015 года музей переезжает по адресу ул. Калининградская, 50 и размещается в девяти комнатах общей площадью 320 кв. м. на втором этаже».

Эстафету музейного смотрителя и хранителя истории Краснознаменска приняла Людмила Литвинова. Её небольшие заметки рассказывают об уникальном уголке нашей Калининградской области, опубликованы на сайте Центра культуры города Краснознаменска <https://center-kultury.klgd.muzkult.ru/KRAEVEDMUSEUM> и процитированы здесь.

История Краснознаменского района богата и разнообразна довоенным периодом и послевоенным – история Восточной Пруссии и Государства Российского позволяет смотреть на историю Краснознаменского района, как и любого другого из Калининградской области, с разных сторон – бурное прошлое, меняющееся сегодня, смело переходящее в будущее. И Музей меняется в связи с новыми фактами из исторического прошлого и настоящими событиями, связанными с жизнью района.

«Расположился Музей Краснознаменска в одном из красивейших зданий довоенной постройки, отреставрированном в 2015 году. Здание конца 19 века было повреждено в Первую Мировую войну и восстанавливалось русскими пленными в 1916 году, о работе которых свидетельствует кирпич, вмурованный в стену коридора здания первого этажа и найденный при ремонте в 2014 году.

До 1945 года в здании была немецкая частная школа, потом до 2014 года – начальная школа. С декабря 2015 года весь второй этаж трехэтажного здания занимает Краснознаменский краеведческий музей. Символично то, что спустя 30 с небольшим лет, в здании, построенном руками русских солдат, была открыта школа для детей послевоенных переселенцев, а также то, что именно благодаря работам по созданию МФЦ

был установлен уникальный, как для здания, так и для жителей города, исторический факт». Сегодня здание является украшением города, в холле МФЦ сделана небольшая экспозиция исторических вех здания и выставлена фотография уникальной находки – того самого кирпича с надписью.

Здесь проводят выставки, экскурсии (не только по музею, но и по городу и району), историко-литературные конференции, различные праздники.

«Краснознаменский музей – лучшее место, чтобы познакомиться с Краснознаменском и всем районом, рассказать о себе и о своей семье, прикоснуться к памяти людей с боевыми и трудовыми подвигами.

Музей Краснознаменска относительно молодой музей Калининградской области. В 2018 году он отметит свое 30-летие. За годы своего существования музей три раза менял адрес своего пребывания, но неизменным оставался интерес к своему району, его истории и современности.

Начало коллекции краеведческого Музея Краснознаменска положили экспонаты, собранные Серафимой Николаевной Огурцовой и Николаем Петровичем Савенковым.

Экспозиция Музея представлена от небольшой археологической коллекции до подборка живописных работ калининградской художницы Нелли Смирнягиной и художника, офицера, писателя, коллекционера, главного редактора регионального издательства, председателя писательской организации Владимира Павловича Лебедева–Шапранова (подарок супруги Лидии Анатольевны Фроловой, как завещание художника о необходимости трепетного отношения к природе, любви к ней).

В музее бережно хранятся копии архивных фотоматериалов населённых пунктов на территории Краснознаменского района, бывшего Пиллькалленского округа, разрушенных в результате Первой мировой войны, предметы того времени, церковные книги приходов с информацией о войне начала XX века.

В музей обращаются жители из отдалённых уголков России в поисках без вести пропавших родственников, как в Первую мировую, так и во Вторую.

Фотографии, филателия, коллекция значков, нумизматика, редкие книги... Фонд документально-письменных источников хранит переписку юных краеведов с героями Великой Отечественной войны, воспоминания участников ВОВ и работников тыла, первых переселенцев Краснознаменского района. Фонд вещественных источников позволяет воссоздать быт жителей Восточной Пруссии, первых переселенцев Краснознаменского района, жителей 70-х годов.

Особое место в экспозиции Музея Краснознаменска занимает Первая Мировая война. Театр военных действий развернулся на территории Восточной Пруссии, в том числе, Пиллькалленского края. Участниками событий этой войны на территории этого округа стали правнуки Николая I, штабс-ротмистр В. В. Бушнев, генерал Н. Епанчин, поэт Н. С. Гумилев.

Редкие книжные издания и собранный в музее материал могут дополнить сведения о наших соотечественниках.

Война представлена и в рисунках Митрофана Афанасьевича Лисовского – уникальная возможность перенестись в прошлое на сто лет назад. Это память о наших русских воинах, защитниках государства Русского. Митрофан Лисовский, художник, участник боевых действий на территории Пиллькалленского (Краснознаменского) района. Его Альбом № 2 «Силуэты войны» с 30 рисунками 1914 – 1915

годов посвящен событиям, происходящим в населенных пунктах Пиллькаллен (Добровольск), Ласденен (Краснознаменск), Куссен (Весново), Лангенфельде (Белкино), Малльвен (Майское) и др. Достоверность изображения подтверждается музеем фотографией усадьбы в Куссене (Весново) более позднего периода. Особенно интересны подписи автора к своим работам. Судьба художника неизвестна. В Центральной библиотеке им. Ленина в Москве альбом, издательства Петроград, 1916 г., был востребован за столетний период только два раза, включая сотрудника Краснознаменского краеведческого музея».

В городе Краснознаменске есть мемориальное захоронение времён Первой мировой войны, на одном из гранитных крестов которого, педантичной немецкой рукой высечена надпись о захоронении 157 русских солдат.

3. Красавица река Шешупе.

«Если бы Шешупе была в 23 раза длиннее, то она бы соперничала с Амазонкой – крупнейшей рекой в мире, длина которой превышает радиус Земли. А вот по красоте, может поспорить! Шешупе в студеную зимнюю пору покрывается толстым слоем льда, а Амазонка в тропической зоне не видела даже снега. Каждую весну завораживают нежной зеленью и первоцветами склоны берегов на всем 298 км своего пути, летом отражаются в реке облака, а осенью яркие краски оттеняют темные неспешные воды Шешупе.

Источники Шешупе берут свои начала в Сувальском Пейзажном парке Польши. Она течёт неспешно по дну большой долины, среди лугов и болот, пересекает 6 озер, может даже стать стремительным потоком в суженной части местности Рутка Тартак. Шешупе подпитывается не только осадками в виде дождя и снега, но и притоками до впадения в реку Неман.

Первые свои 27 км Шешупе течет по территории Польши. Большая часть реки (158 км) имеет «Литовскую прописку», 51 км «на пограничной службе» между Литвой и Россией и 62 км «путешествует» по России, нашему Краснознаменскому району.

Река не судоходная, местами мелкая, а где и широкая, глубокая. В Шешупе водятся карп, рыбец, елец, лещ, карась, окунь, сом, щука, уклейка, голавль и другие виды рыб.

Берега Шешупе соединены около двумя десятками автомобильных и пешеходных мостов. В Краснознаменске – деревянный мост, был сооружен в 1824 году и простоял 100 лет. В 1924 году он был заменен на металлический без опор

длинной 77 м и грузоподъемностью 7 тонн, который был взорван в январе 1945 года немцами, чтобы приостановить продвижение Советских войск.

Когда-то деревянный мост, затем железобетонный автомобильный, позднее был реконструирован. До войны перед мостом была лодочная станция с купальней в летнее время, о чем свидетельствует фотография. Вдоль берега был променада. На реке стояла водяная мельница Людвиг Фрахфогеля и к ней через Лазденен была подведена узкоколейная железная дорога.

Есть мост через Шешупе в посёлке Тимофеево. А также северо-восточнее поселка Лесного находятся новый автомобильный мост через реку Шешупе и сохранились остовы старого немецкого моста.

В советское время на реке были праздничные гуляния. И в наше время у плотины сосредоточенные на поплавке неподвижные фигуры рыбаков и даже рыбачек – в летнее время отважные купальщики. Поэтому в музее и появилась пусть небольшая, но выставка о реке, которая в 23,4 раза меньше Амазонки...»

*Из записок Заведующей музейным отделом города Краснознаменска
Людмилы Петровны Литвиновой.*

4. Итак, знакомьтесь! Река Шешупе.

Река Шешупе сохранила почти в неизменном виде немецкое название Scheschuppe (Шешуппе). В Литве река называется Шяшупе (Šešupė), в Польше Шешупа (Szeszupa).

Шешупе берёт начало в Польше на Балтийской гряде в одном километре на север от села Водзилки и в восемнадцати километрах севернее города Сувалки. Длина реки Шешупе 298 километров, 27 из них приходится на территорию Польши, 158 километров – Литвы, 62 километра – России.

51 километр реки является государственной границей между Российской Федерацией и Литвой.

Шешупе является крупным левобережным притоком реки Неман.

Срединная часть водосбора реки – равнина. Низовья водосбора находятся в Неманской низменности.

Река Шешупе одна из самых заповедных рек Калининградской области. Местность, по которой она протекает, занята густыми лесами и лугами. На реке живет много бобров.

Замерзает река Шешупе с середины ноября по январь, вскрывается ото льда в конце февраля – начале апреля. Средний годовой расход воды, измеренный в 43 км от устья, 33,2 м³/сек. Питание реки смешанное, преобладает дождевое.

Ширина долины реки колеблется от 0,4 до 1 км. Склоны вогнутые, пологие и умеренно крутые (местами обрывистые), высотой 10-20 м.

Пойма (часть речной долины, находящаяся выше русла и затопляемая в половодье или во время паводков) реки двухсторонняя, переходящая с одного берега реки на другой, преобладающей ширины 100-200 м. Поверхность поймы пересечена староречьями, которые летом пересыхают. Грунты поймы песчано-илистые и торфянистые.

Русло реки извилистое, умеренно разветвлённое. Ширина русла от 10-30 м достигает у устья 20-50 м.

Плёсы (широкое водное пространство между перекатами) и перекаты чередуются в реке через 150-300 м. Длина перекатов 25-80 м. Глубины от плёсов к перекатам меняются плавно: от 1,5-2,0 м на плёсах до 0,2-1,0 м на перекатах. На участках перед плотинами глубины увеличиваются до 4 м. Скорость течения на плёсах не превышает 0,2 м/сек, на перекатах – 0,3-0,5 м/сек, в период весеннего половодья достигает 1,8 м/сек. Берега русла крутые, местами обрывистые, легко размываемые, высотой 1,5-10,0 м.

Дно русла ровное, на плёсах песчано-илистое, на перекатах гравелистое, местами встречаются валуны, местами зарастает водной растительностью. Водный режим реки характеризуется высоким весенним половодьем. Доля весеннего стока в годовом составляет около 50%. Половодье начинается примерно во второй декаде марта, часто при ледоставе и продолжается около 50 дней. Максимум половодья приходит в конце марта – начале апреля. Высота наивысшего весеннего уровня 3-3,5 м в верхнем и среднем течении и 7 метров в низовьях.

Весенний ледоход начинается в середине марта и продолжается 6-10 дней. В отдельные годы образуются заторы льда. Межень, обычно низкая, прерывается дождевыми паводками летом и паводками смешанного происхождения зимой.

В Калининградской области Шешупу подпитывают несколько левобережных притоков: Шервинта, Будовка, Озерная, Гаяка, Черная.

В нижнем течении долина Шешупе примыкает к большим лесным массивам. Эти леса богаты на грибы и ягоды. Лесорастительные условия позволяют выращивать качественную древесину хвойных пород. Прежде еловая древесина находила спрос на предприятиях целлюлозно-бумажной промышленности в городах Немане, Советске и Калининграде.

По Шешупе, а далее по реке Неман осуществлялся сплав леса в плотах. Семь километров устьевое участка Шешупы (до пос. Лесного) используются в качестве водного пути и включены в Перечень внутренних водных путей Российской Федерации. Самый активный период эксплуатации этот водный путь переживал в 1980-е годы. Когда, помимо древесины, по Шешупе транспортировался на баржах большой объем насыпных строительных материалов из

крупного правобережного песочного карьера у пос. Лесного. Автомобильные мосты через Шешупе имеются в Краснознаменске, Лесном и Тимофеево. В довоенное время на Шешупе имелаась малая гидроэлектростанция. По степени сохранности этот гидроэнергетический объект, находящийся в Краснознаменске, отнесён ко второй категории (водосливная плотина в рабочем состоянии). Рассматривается возможность строительства на его базе малой ГЭС мощностью 1,2 МВт.

Река Шешупе является притоком реки Неман и единственной рекой на территории Калининградской области, где, преодолевая расстояние около 100 км от Куршского залива, нерестится рыбец.

Шешупская равнина, расположенная на северо-востоке Калининградской области, имеет относительно небольшую плотность населения.

Это обусловлено не столько отдалённостью от областного центра, сколько наличием протяжённой водной государственной границы с Литвой (по рекам Неману и Шешупе).

Большую площадь, наравне с лесами, здесь занимают болота. Самые крупные, лежащие неподалёку от реки Шешупы, – это верховое болото Кабанье (расположено в междуречье Шешупы и реки Инструч, площадь около 1,3 тыс. га) и верховое болото Пограничное (площадь около 1,1 тыс. га).

Природный комплекс «Лес Шешупский» (площадь около 7,0 тыс. га) является местом произрастания многих редких видов растений. В бассейне реки Шешупе выделяется одна из четырёх популяций лося и благородного оленя, обитающих в крупных лесных массивах на территории Калининградской области. Поэтому существуют научные обоснования для организации в Краснознаменском районе комплексного ландшафтного заказника.

Устьевая часть Шешупы привлекает к себе внимание не только рыбаков, ценящих богатство и разнообразие рыбных запасов реки, но и любителей «тихой охоты», а также любителей сплавов на байдарках и лодках. Пока недостаёт мест размещения: к услугам туристов только усадьба «Оленьи врата», расположенная на берегу реки Шешупе в пос. Никольском.

На реке Шешупе есть только один относительно крупный населённый пункт – это город Краснознаменск. В городе есть краеведческий музей, ряд памятников архитектуры и истории, в том числе реконструированная плотина бывшей ГЭС.

Водный туризм представлен на российском участке реки Шешупе двумя байдарочными маршрутами.

Первый водный туристический маршрут «Кутузово – Краснознаменск» начинается в 200 м к востоку от п. Кутузово и в 500 м ниже по течению р. Шешупе от литовского города Кудиркос-Науместис. Конечным пунктом

является г. Краснознаменск. Общая протяженность маршрута составляет 65,8 км. Период функционирования маршрута длится с мая по середину октября.

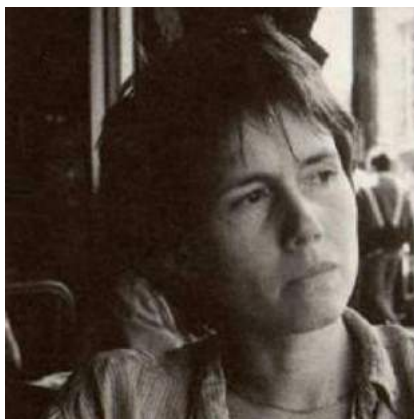
Второй туристический маршрут «Краснознаменск – устье Шешупе» проходит полностью по территории Российской Федерации и лишь на конечном пункте подходит к границе Литвы и России. Общая протяженность маршрута составляет 46,5 км. В сплавах по реке участвует Багратионовский клуб «Бальга».

Источники: <https://catcher.fish>, <https://water-rf.ru> и <https://istok39.ru>

5. «Прусская Литва».

Автор очерка Улла Лахауэр.

Что такое «Прусская Литва» сегодня многим и, в том числе, в Германии трудно понять. Восток Германской империи забыт. Это удивительно, потому что двенадцать миллионов человек из Восточной Пруссии, Померании, Силезии и пограничного региона Позен (Познань) в провинции Западная Пруссия приехали на Запад. Каждый пятый немец был изгнанным после войны.

«Прусской Литвой» с 17 века назывался самый северо-восточный регион Пруссии. Это была земля вокруг Мемеля, где в основном проживали литовцы. Это может быть определено только географически на северо-востоке, где линия, установленная между Тевтонским орденом и польско-литовскими князьями, согласно Миру (Мирного соглашения) в Мельно (район озера Мельно, Олыштынское поозерье) 1422 года, ознаменовала собой политическую и культурную

границу. На юго-запад территория простиралась примерно до реки Дейма и в 1714 году становится административным округом.

Административная палата округа Литвы (Litauische Amtskammer) находилась в Тильзите на берегу реки Мемель (Неман). Это управление было сформировано в результате, так называемого, «Большого Ретаблисмента» (großen Retablissements).

Рис. 7. Типичная страница книги «История эмигрантов или казненные потери из отечества Литвы», Пештупт, 1732 г.

Rétablissement – это название исторического события, которое возникло во время восстановления страны в Восточной Пруссии после великой чумы между 1709 и 1740 годами. Великая чума между 1709 и 1711 годами считалась четвертой и унесла около 240 000 жизней в Восточной Пруссии. Только в Кенигсберге погибло 9 827 человек – четверть населения города. Восстановление заброшенной

страны началось, хотя и очень медленно, в последние годы правления короля Фридриха I. На момент его кончины, в 1713 году, только две пятых из вымерших крестьянских поселений были заселены и обрабатывались сыновьями местных фермеров или иммигрантами из Литвы.

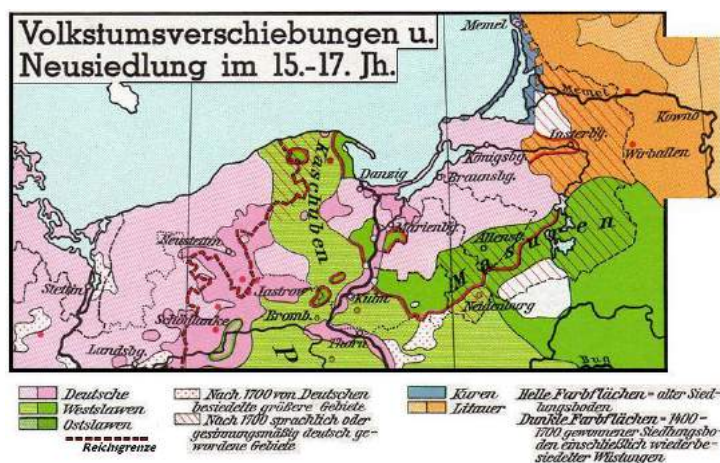

«Пруссия полностью губит меня, она съедает меня», – стонал Фридрих Вильгельм I, подсчитывая стоимость восстановления провинции. Король позволил «поселиться желающим из Пфальца и Нассау, 2 000 швейцарцам и 17 000 изгнанным за веру из Зальцбурга протестантам в Восточную Пруссию». В результате с 1713 по 1740 год население Восточной Пруссии выросло на 160 000 до примерно 600 000 человек и росло оно не в последнюю очередь, благодаря личным связям короля с князьями различных немецких земель, и за счёт иммигрирующих иностранцев, в том числе литовцев. Ретаблисмент продвигал Карл Генрих цу Вальдбург – первый верховный президент Восточной Пруссии, после его смерти Фридрих фон Гёрне.

В начале 18 века чума опустошила большую часть страны, и прусский король Фридрих Вильгельм I решил системно её заселять. Король принимал религиозных беженцев из Зальцбурга, призывал меннонитов из Голландии и Швейцарии и бросал клич колонистам в Южной и Западной Германии. Самую многочисленную группу по численности составляли литовцы. Они выбрали кратчайший путь и, как и в предыдущие столетия, прибывали в основном без явного приглашения. В годы «ретаблисмента» возникла смесь людей, которая сформировала восток Пруссии.

Государство обещало всем своим жителям религиозную терпимость. Он также предоставил литовским крестьянам привилегию сохранять свой язык и культуру. Согласно правилу Лютера и прусским законам, пасторы должны были проповедовать слово Божье на соответствующем родном языке. Церкви и школы были двуязычными, немецкими и литовскими, когда требовалось. В управлениях амтов и в судах предоставлялись переводчики.

Карта. Смена этнической принадлежности на востоке Германской империи

В отличие от новых жителей, ассимилированные более или менее быстро, связь среди литовцев сохранялась в течение долгого времени – не только потому, что они были более многочисленны, но и потому, что литовцы образовали однородную группу. Они были и оставались

фермерами, и твёрдо держались своих традиций. Особенно севернее Мемеля литвцам удалось утвердиться в своём положении надолго. Ближе к границе влияние городской немецкой культуры было меньше, чем, например, в районе Инстербурга.

В 19 веке государство начало оказывать давление на своих иноязычных граждан. Началась «политика германизации» и прежде всего распространялась через школы. Но в конечном итоге, необходимость принудительного обучения немецкому языку вовсе отпала. Тотальная индустриализация, современные условия труда и оборот товаров расстроили многовековой крестьянский быт. Литовцы больше не могли обходиться без немецкого языка.

Раньше хорошее знание немецкого языка было необходимо исключительно для перехода на более высокое положение в обществе или, например, на время военной службы. Но теперь, когда крестьянские дети толпами переезжали в Рур, это было необходимо для выживания. Что можно было сделать с языком, который через два часа уже не понимал ни один человек?

Пострадавшие смирились с неизбежным. Родители несколько раз протестовали против запрета литовского языка в школах, но в основном недовольство выражалось в весьма уважительных петициях. В них «самого проникательного и милостивого императора» попросили лично разрешить детям говорить на их родном языке, хотя бы на уроках религии. Церковь, пока была необходимость, довольно последовательно сохраняла двуязычие, тем самым смягчая процесс отделения.

В отличие от острого взрывоопасного «польского вопроса», на крайнем северо-востоке империи было мало национально-политического недовольства. «Прусская Литва» была этнической страной между народами, но никогда не колебался в своей лояльности к прусской монархии и германскому государству.

В 1910 году статистика насчитывала чуть менее 100 000 граждан, говорящих на литовском языке.

*По материалам статьи «Прусская Литва» Уллы Лахауэр.
http://wiki-de.genealogy.net/Preu%C3%9Fisch_Litauen*

6. Эрвин Шпер (Erwin Spehr). Об истории района Пиллькаллен/Шлоссберг.

https://wiki-de.genealogy.net/Portal:Pillkallen/Geschichte/Aus_der_Geschichte_des_Kreises_%28von_Erwin_Spehr%29

Профессор Эрвин Шпер родился 14.09.1934 г. в Беднорене, после 1938 г. Штансдорф (населённый пункт между посёлками Весново и Майское Гусевского района), округ Пиллькаллен (с 1938 г. Шлоссберг) в Восточной Пруссии.

Это место трудно разглядеть на карте района, Штансдорф был не отдельно стоящей деревней, а тем, что называют разрозненным поселением.

Der Hof Lemhöfer in Stahnsdorf im Winter 1927/28.

Это была чисто фермерская деревня, состоящая всего из 12 более или менее самостоятельных ферм. Ремесленников и торговцев не было. У фермеров были свои поля, луга и пастбища в непосредственной близости, так что пути к возделыванию собственных наделов были короткими. Так такового центра в поселении не

было, скорее сформированный перекрёсток естественным образом простой деревенской жизнью: местные улицы пересекались у моста через деревенский ручей. Здесь же находились доска для оповещения жителей, пруд для тушения пожаров и место встреч («Kiewenschauer»). Отсюда дороги вели в соседние села: в Раденау (3 км) и Акермюле (1,8 км), в Мальвен (6 км), в Микельфельде (1,5 км), а также в Вильднисроде (2 км) и в Куссен (4,5 км).

В 1945 году семье пришлось бежать в Шлезвиг-Гольштейн, а в 1949 году окончательно переехать в Баден-Вюртемберг. Эрвин Шпер окончил там среднюю школу и учился в Вайнгартене/Вюртте и Штутгарте. С 1969 года профессор Шпер преподавал физику и ее дидактику в Педагогическом университете Ройтлингена, а затем в Педагогическом университете Гейдельберга до своего выхода на пенсию в 1999 году. Среди прочего, он принимал участие в научной разработке учебников для школ по физике.

Увлечением профессора Шпера была история Восточной Пруссии и исследование старых прусских фамилий. Результатом этой деятельности стали многочисленные публикации в «Ассоциации семейных исследований в Восточной и Западной Пруссии» (VFFOW), в Остпрройссенблатт (Ostpreußenblatt/PAZ) и в заметках окружной общины Шлоссберг/Восточная Пруссия.

Одна из фундаментальных работ профессора Эрвина Шпера по истории края Пиллькаллен/Шлоссберг представляет собой полную версию сведений, ценных для интересующихся довоенной историей Краснознаменского района. Великолепный труд состоит из 17 глав от древних жителей до окончания существования района Шлоссберг, которым мы с удовольствием делимся в сопроводительном материале к туристическому маршруту по Краснознаменскому району.

«Из истории района Пиллькаллен/Шлоссберг».

На северо-востоке Пруссии в результате крупных прусских реформ из семи приходов в 1818 году был образован пограничный округ Шлоссберг. Но история этого района намного старше, поэтому заглянем в предысторию для понимания, кто изначально поселился на этих землях.

Глава 1. Древние жители Восточной Пруссии

Доисторические жители Восточной Пруссии, пруссы, принадлежали к балтской группе, как куршы, литовцы и латыши. Эта далекая земля была известна еще древним римлянам (примерно ещё до Рождества Христова), и откуда везли желанный янтарь.

Период Великого переселения народов (около 100 г. до н.э. – 600 г. н.э.) вызвал сильную перемену и смешение жителей Европы, но почти не повлиял на пруссов. Когда соседние готы мигрировали из региона Вислы на юго-восток к Черному морю, пруссы распространились на запад до Вислы. Миграция славян на Запад и их завоевание южных земель также прошли мимо Пруссии. Так сложилось, что в раннем средневековье, в то время, когда в Западной и Центральной Европе уже существовали романские, германские и славянские государства, коренные языческие народы мирно жили на северо-востоке христианского Запада.

О пруссах известно немного, поскольку они не знали письменности и не зафиксировали своих преданий. Однако из заметок путешественников и их рассказов, а также и археологические находки могут дать о них чёткое представление.

Это был крестьянский народ без какой-либо государственности. Они жили независимо друг от друга в своих одиннадцати племенных областях. Пруссы не знали городов, но знали толк в торговле и имели торговые центры. В своих разбросанных сельских поселениях они занимались земледелием, скотоводством и коневодством. Обширные леса и множество озер позволяли охотиться, рыбачить, а также заниматься собирательством. По свидетельству римского историка Тацита, пруссы были более трудолюбивы в земледелии, чем германцы, на которых, однако, они были очень похожи по внешнему виду. Их жизнь была простой и близкой к природе, любили шумные праздники, а их гостеприимство было известно далеко за пределами древней

Пруссии. Нравы и обычаи, как это часто бывает у язычников, были очень суровыми, а их законы – строгими.

Власть принадлежала крупным землевладельцам дворянских поместий, которые жили на преимущественно укрепленных территориях. Но в то же время основная масса пруссов были свободными крестьянами.

Будущий район Шлоссберг своей северной частью относился к землям шалауэров/скалов, поселившихся по обе стороны реки Мемель, а южной частью – к землям надровов, обитавших в районе истока реки Прегель.

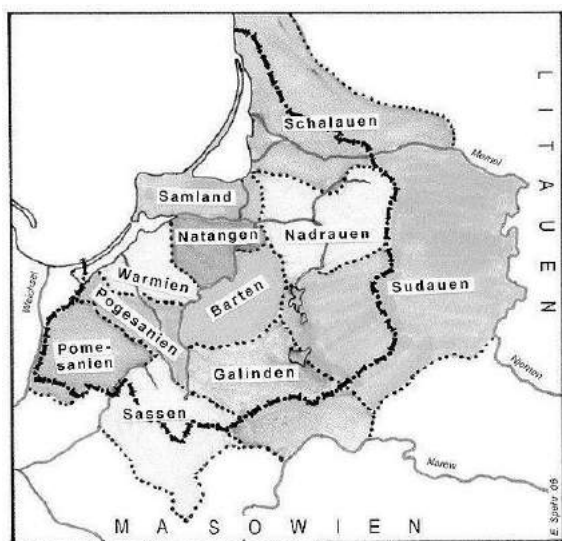

Bild 1. Die elf preußischen Gaue im 13. Jahrhundert und die spätere Grenze von Ostpreußen (nach Walter Görlitz). Die Namen der meisten Gaue blieben bis in die Gegenwart als Landschaftsnamen erhalten.

По преданию, главная прусская святыня «Ромове» находилась в Надровии. Здесь проживал верховный жрец всех пруссов, у которого прусские князья получали советы в самые сложные моменты.

Примерно в 1000 году нашей эры Пруссия оказалась в свете истории. К югу от пруссов возникло Польское королевство. Болеслав I, исполненный христианского миссионерского духа, стремился к Великопольской империи и искал выход к Балтийскому морю. Однако ему не

удалось ни мирно привлечь пруссов в свою веру, ни обратить их мечом. Согласно средневековой правовым воззрениям, языческая земля считалась бесхозной – кто бы ее ни христианизировал, тому она принадлежала. Многие миссионеры, переехавшие в Пруссию, больше не возвращались. Старая вера и воля к свободе пруссов, видимо, были явно сильнее. Так и польские крестовые походы терпели неудачу.

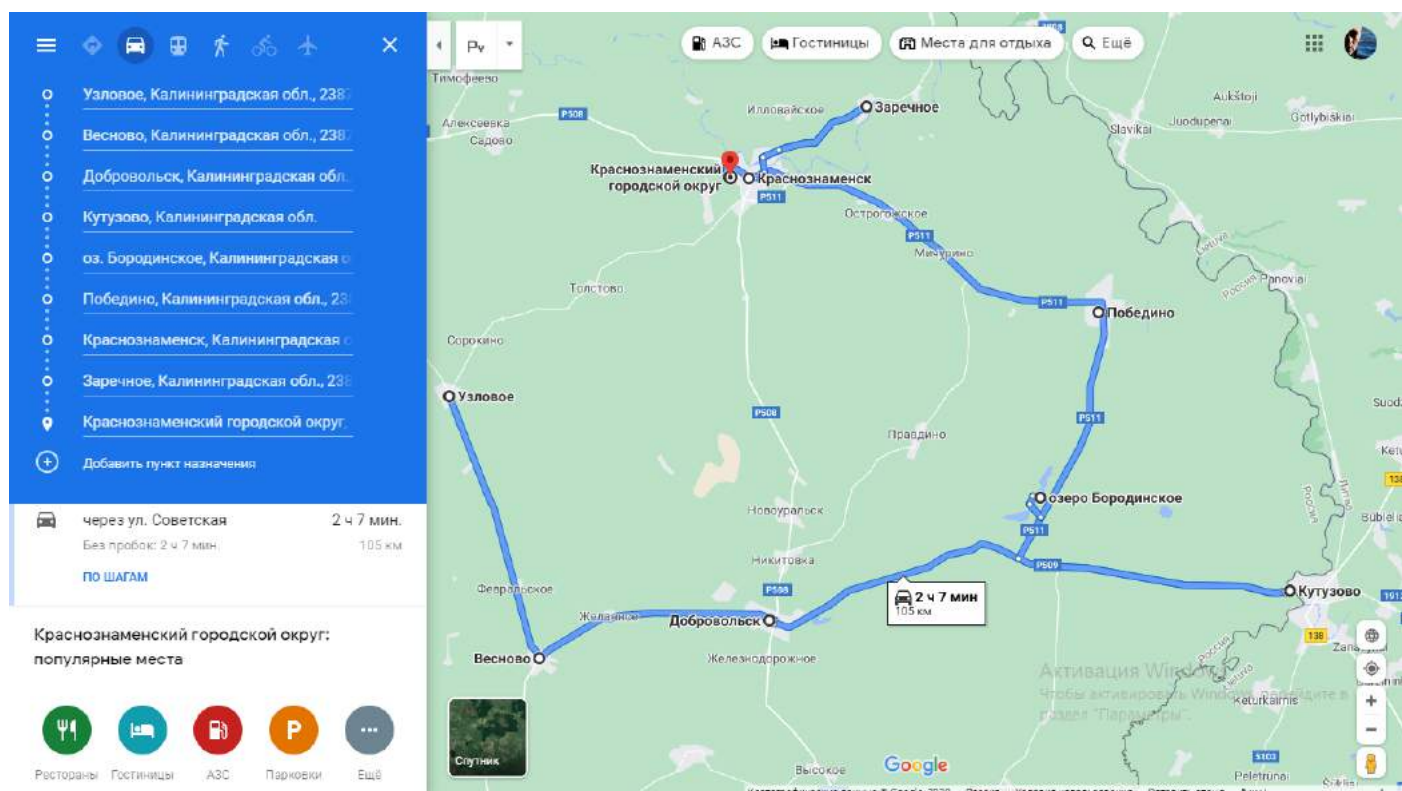
Более чем 200 лет польское королевство тщетно и безуспешно пыталось подчинить пруссов. Но пруссы теперь сами активизировались и вторгались в польские земли. Тогда польский герцог Конрад Мазовецкий призвал на помощь Тевтонский рыцарский орден.

В истории Пруссии началась новая эпоха.

Продолжим...

Весь наш путь построен, скорее, вокруг районного центра «...в поисках камней Первой мировой...», мы коснёмся довоенного прошлого этих мест и воссоздадим картину столетней давности, упомянем причастных к «Великой войне».

Начнём с посёлка Узовое, переедем в посёлок Весново, оттуда в Добровольск, затем в пограничный Ширвиндт – сейчас это посёлок Кутузово, обязательно посетим посёлок Победино, от него в Краснознаменск... но прежде заглянем в посёлок Заречное и завершим наше путешествие в районном центре – в городе Краснознаменск, бывшем Лазденене, полюбуемся его церковью, в башне которой застрял снаряд осени 1914 года.

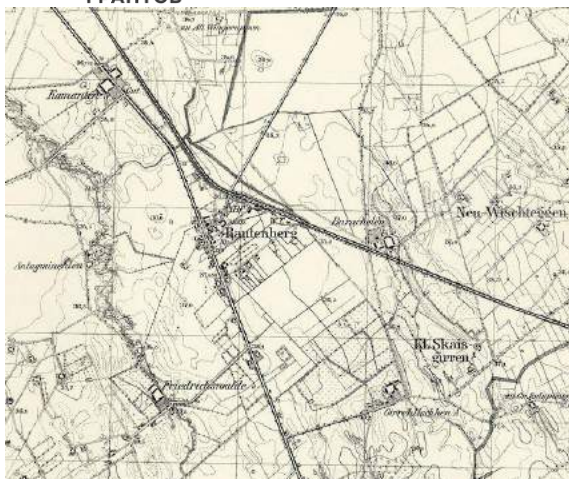
7. Первая точка маршрутной карты – посёлок Узловое.

В посёлке Узловое, довоенном Раутенберге (Rautenberg), до переименования в 1938 году литовских названий – Раутенберкис (Rautenberkis), расположено захоронение 63 неизвестных русских воинов Русской императорской армии, погибших в феврале 1915 года. Но найти его можно на бывшем кладбище хозяйственного поселения ворверк (почему-то слово *vorwerk* часто произносится как фольварк) Ной Лёбегаллен, где сохранился бетонный надгробный памятник с высеченным православным крестом и надписью на немецком языке: «63 неизвестных русских воина. 9.2.1915».

Бывший Раутенберг, оправдывая своё современное название – Узловое, расположился вдоль дороги, соединяющей Ленгветен (Lengwethen) – посёлок Лунино (Неманского района), и Лесгевангминнен (Lesgewangminnen) – посёлок Забродино (Неманского района), с Куссен (Küssen) – посёлок

Весново, туда мы отправимся позже. Раутенберг находится в 30 км от его первоначального административного районного города Рагнит, в 40 км от более позднего – города Тильзит и в 18 км от сегодняшнего районного центра Краснознаменска, бывшего Лазденен.

Название Раутенберг, вероятно, произошло от имени Готфрида Раутенберга, который купил землю у помещика Хофера в Гросс-Скайсгиррен (посёлок Большаково) в 1772 году. Семья Раутенбергов эмигрировала в Восточную Пруссию из Нижней Саксонии (район Хильдесхайма и Целле).

С 15 апреля 1874 года, момента своего основания, и до 1945 года Раутенберг являлся административным центром 20 сельских общин и

одной усадьбы, подчинялся администрации Гросс-Скайсгиррен округа Гумбиннен. Районная деревня Раутенберг стала независимым муниципалитетом только в 1876 году. До 1922 года Раутенберг принадлежал к району Рагнит, затем к району Тильзит-Рагнит, подчинявшихся региональному округу Гумбиннен. На 1 января 1945 года к району Раутенберг относилось 13 общин.

Сегодня бывший Раутенберг, посёлок Узловое, принадлежит к администрации сельского поселения Весново, бывшего Куссен, в Краснознаменском районе.

Примечательно, что Раутенберг был основан относительно поздно – он не был указан на карте 1818 года, в момент образования округа Пиллькаллен. Но в 1818 году он упоминался в документе административного района Гумбиннен, как поселение с тремя дворами и 18 жителями, принадлежавшие владению Лесгевангминнен, с 1938 года переименованный в Лесгеванген (посёлок Забродино).

Жители этих дворов относились к трём уже существовавшим приходам Будветен (посёлок Маломожайское Неманского района), Краупишкен (посёлок Ульяново Неманского района) и Куссен (посёлок Весново), и решили создать свой независимый приход. С 1853 года в Раутенберге в качестве временной церкви использовалось здание помещика Либе. С 1866

года церковный приход назывался «Кирхшпиль Фридрихсвальде». Лишь в 1867 году здесь была построена отдельная церковь, которую официально открыли в 1876 году, с момента образования церковного прихода. Церковь была построена на фундаменте и в стенах конюшни, принадлежавшей помещику Хоферу из Гросс-Скайсгиррен. 30 июня 1876 года – дата образования церковной общины Раутенберг. Община относилась к территории бывшего тогда района Рагнит и располагалась на юго-восточной границе с районом Пиллькаллен, с 1938 года район Шлоссберг. В тот год в общину вошли ещё несколько жилых районов.

Строение церкви Раутенберг представляло собой простое прямоугольное здание с окнами в арочном стиле и оштукатуренной кирпичной кладкой. Небольшая двускатная башня служила опорой для единственного церковного колокола. Интерьер был относительно плоским и имел боковые галереи. Церковь рассчитана была на 500 человек. Амвон и алтарь были расположены друг над другом и выполнены абсолютно просто.

Всего в 1925 году приход насчитал по переписи 4 тысячи прихожан, проживавших почти в 40 населенных пунктах.

В двух Мировых войнах церковь пострадала незначительно. После 1945 года она использовалась исключительно под склад и стремительно разрушилась. В 1998 году от здания остались руины, которые позже окончательно снесли. Сегодня в посёлке Узловое ничего не напоминает о бывшей приходской церкви в Раутенберге.

Значительный вклад в колоссальное развитие всего региона Раутенберг внесло открытие однопутной линии железнодорожного сообщения от Тильзита (город Советск) до Шталлупёнена, после 1938 года – Эбенроде (город Нестеров). С 1893/94 года Раутенберг был железнодорожной станцией на линии, на которой ежедневно курсировало три пары поездов, а иногда между

Тильзитом и Раутенбергом использовалась дрезина. Помимо пассажирских перевозок, однопутной дорогой перевозились различные грузы и скот, для этого на вокзале были оборудованы необходимые платформы. Дорога после 1945 года не была введена в эксплуатацию.

Еженедельно по пятницам в Раутенберге проводились базарные дни. Поместья Науйек и Дринкманн предлагали в основном сельскохозяйственные продукты.

В Раутенберге ещё до 1917 года было открыто своё почтовое отделение. Всего пять сельских муниципалитетов имели почту в районе Шлоссберг. Здесь также существовала телефонная связь.

Имелись два офицера полиции, добровольная пожарная команда, основанная в 1918 году с транспортными средствами, оснащённые механическим опрыскивателем.

В Раутенберге была своя двухклассная начальная школа на базе коммерческой предпрофессиональной школы, а также свой дантист, медсестра, две акушерки, ветеринар. В то время как в Альтенкирхе и Брайтенштайне были врачи общей практики и аптеки.

Финансами граждан первоначально занимался филиал Кайзеркассы Альткирхен, затем касса Тильзит-Рагнита и Райффайзенкасса.

В 1925 году в Раутенберге проживало 278 человек, в 1939 году – 580 человек.

19 января 1945 года Раутенберг был взят войсками 3-го Белорусского фронта.

В 1947 году Раутенберг и соседние деревни Камантен и Брахфельд были объединены и

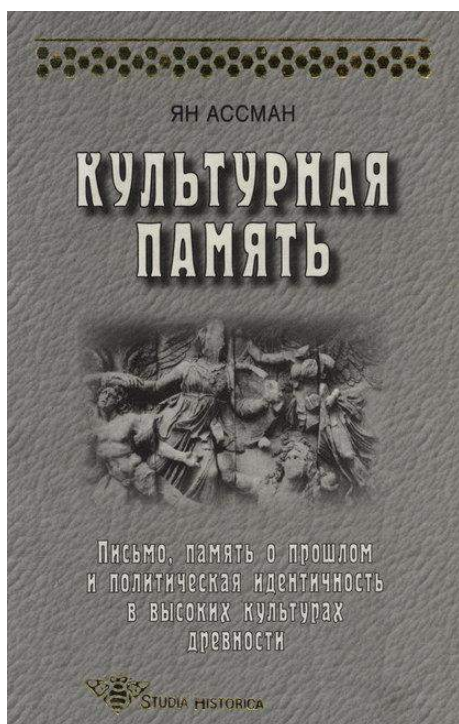
получили новое название – Узловое.

По состоянию на 14 октября 2010 года в бывшем Раутенберге проживает 562 человека.

Источник: [http://wiki-de.genealogy.net/Rautenberg_\(Kreis_Tilsit-Ragnit\)](http://wiki-de.genealogy.net/Rautenberg_(Kreis_Tilsit-Ragnit))

8. «ГЕНЕЗИС ЗНАНИЙ КАЛИНИНГРАДЦЕВ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ».

Исследование профессора Геннадия Викторовича Кретинина.

Ян Ассман утверждал, что рубеж смены эпохи насчитывает всего сорок лет, после чего живое воспоминание оказывается под угрозой исчезновения. С ним дискутировал Л. Нитхаммер, который на опыте устной истории (oral history) установил, что в современных обществах живая история может охватывать период длительностью до 80 лет.

Актуализация истории Первой мировой войны произошла в связи с постепенной утратой живого воспоминания о Второй мировой войне 1939–1945 гг. Неожиданно обнаружилось, что нечто подобное уже случилось в отношении культурной памяти о первом всемирном катаклизме XX в.

И если определенную индифферентность общественного сознания к событиям Первой мировой войны в «большой» России еще можно как-то оправдать — например, на российской территории непосредственных боевых действий до того момента, как страна вышла из войны, практически не велось, мирное население не испытало непосредственных ужасов войны, — то кажущееся длительное равнодушие к истории Первой мировой войны в Калининградской области требовало объяснения, ибо в 1914–1915 гг. здесь, в тогдашней Восточной Пруссии, провинции Германии, воевала Российская армия.

В силу влияния государственной идеологии в СССР война изначально была обозначена как «Первая мировая империалистическая война» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Соответственно, и отношение к российской армии в Советском Союзе было не как к армии собственного государства, а как к армии империалистического государства. Эта армия была «старорежимной», следовательно, противником советской власти.

Проблема сохранения культурной памяти калининградцев о Первой мировой войне 1914–1918 гг. возникла и начала формироваться в то время, когда с момента естественного ухода из жизни последних ветеранов той войны, независимо от того, в каких странах они жили, на каких фронтах воевали, прошло уже достаточно времени. Однако ветераны оставили воспоминания о военном периоде, передав их непосредственным наследникам памяти — своим

ближайшим потомкам, ставшим, опосредованно, носителями-хранителями живого воспоминания. Это была вынужденная, но, как оказалось, не спасительная мера: историческая память о войне постепенно растворялась во времени.

Казалось, естественным должен был стать процесс превращения исторической памяти в культурную, когда непосредственные, живые воспоминания участников, свидетелей, тех, кто тесно общался с ветеранами и, по сути, также превратился в носителя таких воспоминаний, в определяющей степени материализуются, информация становится доступной в различных формах носителей, ее можно получить из музейных экспозиций, книг, топонимики,

мемориальных объектов и т. д. Это и есть процесс превращения исторической памяти в культурную.

Смена населения во второй половине 40-х годов прошлого века привела к уходу с этой территории носителей живой памяти: участников боев между немецкими и российскими войсками в 1914–1915 гг., тех, кто пережил этот период в родных местах или в той или иной степени был хорошо знаком с событиями, происшедшими здесь в начале Первой мировой войны. Как бы там ни было, но

именно они в первые послевоенные годы стали хранителями живой памяти об этой войне, зафиксировав ее в материальных свидетельствах: памятниках и надгробиях, установленных не только на местах боев, но практически в каждом населенном пункте провинции. Очень часто захоронения павших были общими, на одном кладбище располагались могилы и немецких и российских солдат. Только на территории современной Калининградской области насчитывалось более 800 захоронений, обозначенных памятными знаками.

Среди пришедших на смену немецкому населению советским людям, естественно, были и участники Первой мировой войны, хотя они могли воевать и за пределами Восточной Пруссии. Среди первых жителей Калининградской области были и потомки тех русских солдат, которые погибли и были захоронены здесь. Но редко кто мог указать конкретное место захоронения или даже район боевых действий. Документальных свидетельств об этом не сохранилось.

Отношение нового населения к воинским захоронениям Первой мировой войны, даже, если на них упоминались имена российских воинов, легко формировалось как негативное: мало того, что это были противники советской власти (которой тогда, естественно, они еще не могли быть!), так еще и памятники им ставили немцы! В результате о восстановлении надгробий, поврежденных в 1944–1945 гг., не могло быть и речи, впрочем, как и об уходе за воинскими захоронениями.

Следовательно, население области как бы самоустранялось от живой памяти о Первой мировой войне, несмотря на то что волею судьбы оказалось в местах, где эта память была уже в значительной мере материализована, естественным образом из исторической превращалась в культурную, общую память для человечества.

В советском государстве складывалось двойственное восприятие Первой мировой войны. С одной стороны — идеологическое, о котором только что говорилось. С другой — военно-профессиональное. Дело в том, что любая война способствует развитию военной науки и является объектом последующих исследований.

Несомненно, революционное значение в военной науке сыграла Первая мировая война (появление массовых армий и управление ими, развитие

оперативного искусства, появление новых и совершенствование существующих видов вооружения — авиация, бронетехника, морской флот и т. д.). Не изучать опыт этой войны было невозможно, даже несмотря на идеологические воззрения руководства государства того времени. Более того, в СССР, в силу очевидных причин, связанных с особенностями защиты советской власти, развитие военной науки было сущностно необходимо. На этой почве происходило единение в военной теории взглядов военных теоретиков и политического руководства РККА.

В армиях западноевропейских государств процесс освоения накопленного опыта начался сразу же после окончания войны, впрочем, как и в Советской России. Причем в нашей стране этот процесс не замедлился даже в трагические для многих советских военных исследователей 30-е гг. Более того, в СССР издавались воспоминания и научные труды бывших противников. В центральных библиотеках, не говоря уже о библиотеках советских военных академий, пусть и в ограниченном доступе, появились даже исследования российских военных специалистов, оказавшихся в эмиграции. Естественно, особое внимание уделялось начальному периоду войны, в том числе и операциям в Восточной Пруссии.

В то же время население Калининградской области, даже если бы у него и возник интерес к событиям 1914 г., на новой советской территории получить исчерпывающую информацию не могло. В периодической печати о том военном периоде практически ничего не сообщалось. Восполнить недостаток знаний могли бы вновь образующиеся библиотеки. Их фонды формировались за счет поступлений из библиотек других регионов страны. Однако литература о войне 1914–1918 гг., хотя и поступала в Калининград, но попадала в спецфонд и стала доступна десятилетия спустя.

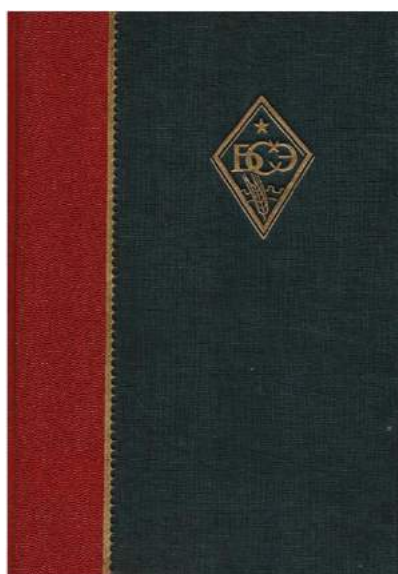

Первым источником знаний о военных действиях в Восточной Пруссии в 1914 г. могла стать коллективная монография «Восточно-Прусская операция Красной армии 1945 г.». В двух из трех глав монографии приведена сравнительная оценка двух операций: 1914 и 1945 гг. В первой — «Особенности операции», подготовленной генерал-лейтенантом Е. А. Шиловским, речь шла в основном о Восточно-Прусской стратегической наступательной операции 1945 г., в отдельных случаях использовались сравнения с аналогичной операцией русских войск в 1914 г. Вторую главу подготовил генерал-майор Н. А. Таленский и озаглавил ее «Две армии — два сражения».

Материал обеих глав носит явно выдержанный пропагандистский характер с позитивным уклоном в сторону событий 1945 г. Но надо отдать должное авторам, в открытой печати они впервые сумели произвести сравнительный анализ действия российской и советской армии на одном и том же театре военных действий, в котором должным образом отметили успехи советской полководческой школы.

Как бы там ни было, эта монография могла бы дать определенную информацию населению формирующейся Калининградской области о событиях в Восточной Пруссии в 1914 г., но ее постигла та же участь: ограничение в выдаче на руки читателям. Она стала доступной только в 1980-х гг.

Был еще один источник, из которого калининградцы в 1950–1960-х гг. могли получить информацию о Восточно-Прусской операции 1914 г. Это энциклопедии — весьма популярные в советское время издания.

Анализ этих изданий показал, что полнотой, а главное, достоверностью приводимых данных энциклопедические статьи не обладали. Более того, в первом издании доступной в областной библиотеке Большой советской энциклопедии 1929 года, главным редактором которой являлся О. Ю. Шмидт, в т. 13 имелась статья о немецкой провинции Восточная Пруссия, но война 1914–1918 г. в ней не упоминалась. Через десять лет в этом же издании БСЭ (в 44-м томе) появляется упоминание о вторжении Северо-Западного фронта Русской армии в Восточную Пруссию. Далее конспективно сообщается о «значительных встречных боях» 1-й армии «в районе Сталлюпёнена и Гумбинена», выигранных русскими войсками, о преждевременном наступлении армии Самсонова, начавшемся отходе армии Притвица к Висле.

Разрозненные действия корпусов 2-й армии генерала Самсонова, бездействие командующего 1-й армией генерала Ренненкампа привели к поражению 2-й русской армии. Затем потерпела поражение и армия Ренненкампа, вынужденная оставить Восточную Пруссию. Была достигнута основная цель операции — немецкому командованию пришлось ослабить свою группировку на парижском направлении в целях спасения Восточной Пруссии.

Более информативной оказалась статья о Восточно-Прусской операции 1914 г. в 9-м томе второго издания БСЭ, увидевшем свет в 1951 г. В ней сообщается, что вторжение русских войск в Восточную Пруссию было начато по настоятельному требованию англо-французских союзников.

Требование о начале Россией боевых действий было прежде всего французским, не «англо-французским». Упоминание англичан в данном случае было данью времени: только что началась «холодная война», началась именно «с территории Англии» и требовалось подчеркнуть «вероломство» бывшего союзника, которому Россия оказывала помощь в тяжелые для

него времена.

Боевые действия были описаны более подробно, но с уклоном в раскрытии трагедии 2-й армии генерала Самсонова. Ренненкампф по-прежнему обвинялся в бездействии, причем как на этапе возможного преследования немецкой 8-й армии после Гумбинненского сражения, так и при катастрофе 2-й армии. Следует отметить, что сама статья была написана вполне профессионально, на хорошей историографической базе. Впервые приводится список использованной литературы при подготовке статьи, что, естественно, давало возможность читателю обратиться и при желании найти расширенную информацию о Восточно-Прусской операции 1914 г.

Последующие энциклопедические издания, по существу, тиражировали уже устоявшуюся точку зрения на операции русских войск в Восточной Пруссии в 1914–1915 гг., по-прежнему делая упор на французский, но не англо-французский, фактор преждевременного начала операции, бездарность российского армейского и фронтового командования, допущенные им ошибки, в конечном итоге приведшие к поражению русских армий. Естественно, о каких-либо подробностях операции, подвигах рядовых участников, которые в массовом количестве погибли и которым были установлены памятники на территории Восточной Пруссии, найти было практически нельзя.

По информации К. А. Пахалюка, состоянию памятников русским воинам, впрочем, как и погибшим немецким солдатам, в 1950–60-х гг. уделялось внимание со стороны местных властей.

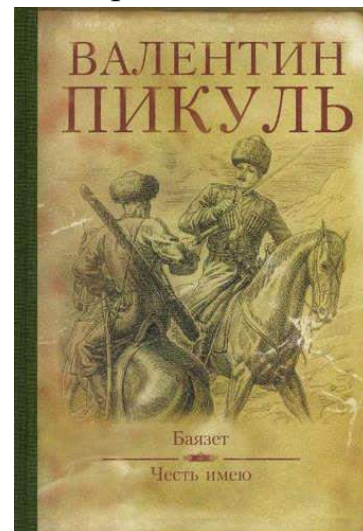

Принимались постановления, объекты ставились на учет, но вся эта работа велась неактивно.

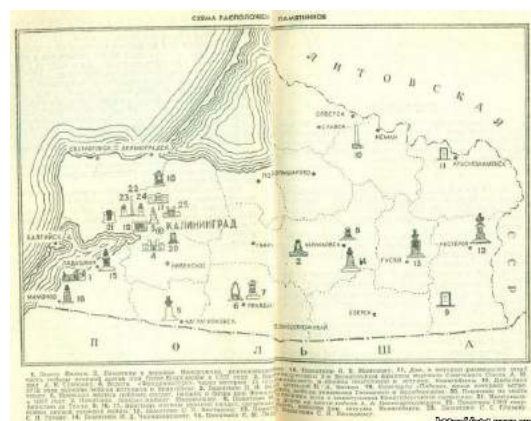
Местное население, казалось бы, могло почерпнуть знания о тех событиях в литературе. По всей вероятности, именно идеологические факторы привели к тому, что на 1914 г. долгое время не было литературного отклика. Л. Аннинский в начале 1990-х гг. тонко подметил, что всю военную прозу 1914 г. в стране составили «разрозненные горьковские сцены (в “Самгине”) и некоторые эпизоды у Шолохова и Федина». Даже появившиеся в 1980-х гг. роман В. С. Пикуля «Честь имею» и хроникально-документальное повествование А. И. Солженицына

«Август Четырнадцатого» мало могли помочь калининградцам в расширении их познаний о военном прошлом их края. Дело в том, что действие в обоих произведениях разворачивается практически на территории современной Польши, а территория будущей Калининградской области остается в стороне.

Определенным прорывом в расширении знаний населения о Первой мировой войне, о боевых действиях в Восточной Пруссии стала популярная брошюра известного российского (калининградского) писателя Вольдемара Бализина о памятниках русской боевой славы в Калининградской области. В ней автор посвятил Первой мировой войне и Восточно-Прусской операции четвертую главу, в которой описал действия русских и немецких войск, используя не только немецкие названия, но и современную российскую топонимику.

Видимо, впервые в калининградской, а может быть, и в советской, литературе прозвучали слова о том, что в Калининградской области «сохранилось несколько памятников, поставленных над могилами русских солдат, павших во время Восточно-Прусской операции 1914–1915 гг. Эти памятники находятся на территории Нестеровского, Краснознаменского и Советского районов».

Балязин, естественно, не владел всей полнотой информации о количестве памятников русским солдатам Первой мировой войны на территории области. Возможно, он и не знал, кто их устанавливал, хотя фотография стелы с надписью на немецком языке на кладбище в Советске, также впервые в отечественной историографии была помещена в очерке. О том, что это были массовые захоронения он тоже не сообщил, отметив, наоборот, что «иногда это небольшие кладбища, иногда отдельные обелиски (г. Краснознаменск, совхоз «Чистые пруды» Нестеровского района»).

Как бы там ни было, но очерк Балязина стал первым шагом для калининградцев в знакомстве с относительно недавним прошлым края. Более того, можно предположить, что очерк способствовал необычному шагу местных властей, которые на кладбище в Степном (бывший Вальдаукадель) в 1964 г. к 50-летию начала войны установили 4-метровую стелу с надписью: «Вечная слава русским воинам, погибшим в Первой мировой войне. 1914–1918» (Однако через три года захоронение исчезло из списка памятников и пришло в запустение).

Необычность подобного действия заключалась в том, что венчала стелу выбитая в ее верхней части пятиконечная звезда красного цвета. Документов, комментирующих такой факт, пока обнаружить не удалось. Среди местного населения имеют хождение, по крайней мере, две легенды. По одной, стелу установили по решению местного совхозного руководства, по другой — первого секретаря Нестеровского райкома КПСС. Общее в этих легендах — мотивация: «Здесь похоронены наши отцы и братья, русские солдаты, и мы должны хранить о них память». Утверждается также, что инициатор и организатор возведения стелы был привлечен к партийной ответственности. В конечном итоге последующие два десятилетия после некоторой активности во внедрении в общественное сознание калининградцев информации о событиях 1914–1915 г. в Восточной Пруссии характеризовались некоторым застоем. Появившиеся в свободном доступе новые исследования по истории Первой мировой войны А. А. Строкова в 1974 году и И. И. Ростунова в 1976 году, не могли повлиять на изменение положения дел, если учесть их общую проблематику, в которой Восточно-Прусской операции отводилось незначительная роль.

У калининградцев сформировалось четкое представление о том, что война была империалистическая, России не нужная, но она была вынуждена принять в ней участие из-за союзнических обязательств перед Францией. Русская армия вступила в Восточную Пруссию, однако в результате бездарности военного командования, граничащего с предательством, особенно это относилось к генералу П. К. Ренненкампу, потерпела поражение и оставила почти завоеванную провинцию.

Ситуация начала меняться в лучшую сторону во второй половине 80-х гг., в период, который связывают с общими изменениями в сознании советских людей, с появлением у них интереса к прошлому своей страны.

Для калининградцев этот интерес грозил оказаться неудовлетворенным, ибо исследований по восточно-прусской тематике в области по-прежнему не велось, публикаций о действиях русской армии в немецкой провинции не осуществлялось. Не говоря уже о том, что архивы, даже советские, были недоступны, часто по идеологическим причинам. Например, личное дело вольноопределяющегося Н. Гумилёва в Российском государственном военно-историческом архиве автор этих строк смог получить только в 1992 г.

К концу 80-х — началу 90-х гг. в местной периодической печати стали появляться первые статьи о событиях 1914 г. Их появление стимулировал приближающийся 75-летний юбилей начала Первой мировой войны. Общественность восточных городов области (прежде всего Гусева, Советска) благодаря деятельности руководителей краеведческих музеев А. Иванова и Г. Игнатова была информирована о том, что в городах и близлежащих поселках находятся захоронения русских воинов, могилы и надгробные памятники нуждаются в реставрации. Руководитель Калининградского отделения Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры Н. Н. Ковалёв организовал восстановление памятного знака на месте боев в Бракупёнене (пос. Кубановка). Была предпринята попытка персонализировать захоронения.

Г. В. Кретинину, в то время действующему офицеру Советской армии, удалось получить доступ к документам РГВИА. Поиск показал, что документов с пофамильным перечнем русских солдат, захороненных до марта 1915 г. в многочисленных могилах в Восточной Пруссии с привязкой к местности, не существует. Однако удалось, хотя бы частично, установить, как и при каких обстоятельствах был оборудован мемориальный

сектор старого городского кладбища в Краснознаменске, где похоронены 157 русских воинов.

В фондах архива удалось найти наградной лист на командира эскадрона 3-го Уланского Смоленского полка ротмистра Владимира Бенедиктовича Бушнева, героически погибшего при взятии моста через р. Инстер на дороге Ласденен — Пиллькаллен. Сообщение о герое Первой мировой войны вызвало неподдельный интерес у краснознаменцев, а городской совет ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. принял решение об установке памятного знака В. В. Бушневу на месте подвига.

На рубеже 80–90-х гг. плотина молчания была «прорвана». Инициаторы поиска, сбора и доведения до калининградцев информации о Восточно-Прусской информации 1914 г. оказались и плодотворно работали во многих городах и населенных пунктах области: В. Яновский и Г. Разумный — в Черняховске, А. Фесенко в Гусеве, В. Кенть в Славске, Г. Игнатов в Советске, сотрудник ВООПИиК И. Музыкантова в Калининграде и многие другие. Члены Калининградского клуба краеведов в юбилейном 1989 г. (в сентябре) организовали первую в Калининградской области телевизионную дискуссию о проблемах сохранения культурной памяти о Первой

мировой войне. И. Музыкантовой удалось провести первую в области выставку экспонатов из частных коллекций, посвященной Восточно-Прусской операции 1914 г.

Калининградское отделение Российского фонда культуры организовало встречу общественности с Э. А. Фальц-Фейном, внуком генерала от инфантерии Н. А. Епанчина, командира III корпуса 1-й армии, одержавшего победу под Гумбинненом.

По заказу редколлегии журнала «Запад России», уже приобретшего известность не только в области, но и в других российских регионах, и за рубежом, к 80-летию начала Первой мировой войны была подготовлена и опубликована в двух номерах статья с символическим названием «Неизвестная война».

В ней впервые в региональной истории была предпринята попытка рассказать калининградцам о том, что собой представляла Первая мировая война в восточно-прусском контексте, о причинах ее возникновения, формирования государственных интересов и противоречий, роли Восточной Пруссии в военных планах России и Германии и подготовки провинции к войне. В статье рассказывалось о первых героях Великой войны, как ее называли современники, об успешных полководцах и их неудачах, о том, как формировались мифы и легенды, в течение многих десятилетий искажающие истинное знание о всемирной трагедии.

награды в Первой мировой.

Отличился в боях в Восточной Пруссии ротмистр П. Н. Врангель, впоследствии возглавивший Вооруженные силы Юга России. За бой под Каушеном (посёлок Междуречье Гусевского района) он был награжден орденом Св. Георгия IV степени.

В конце 1980-х гг. в библиотеках были открыты для широкого доступа отделы специального хранения. Литература, некогда недоступная советским гражданам, дала возможность рассказать о событиях того времени словами непосредственных участников той войны — российских эмигрантов. Так, раздел этой же статьи о Гумбинненском сражении 20 августа 1914 г. написан с использованием неизвестной прежде широкому кругу читателей рукописной брошюре генерала А. П. Будберга «Гумбинен. Забытый день русской славы» 1937 года.

Калининградцам практически ничего не было известно о втором наступлении русской армии в Восточную Пруссию, завершившемся так называемой зимней Ласдененской операцией в феврале 1915 г. В статье говорится об участии во втором наступлении русского поэта, тогда вольноопределяющегося, Николая Гумилёва. Причем это упоминание имеет значимые последствия, ибо вскоре в Калининграде была установлена мемориальная доска памяти участника войны Н. Гумилёва (скульптор Н. Фролов).

Через несколько лет, в местах, где поэт непосредственно участвовал в боях, в частности в пос. Победино Краснознаменского района, был установлен памятный знак Н. Гумилёву (скульпторы Л. Богатова и О. Сальников). С 2002 г. ежегодным литературно-историческим праздником стала «Гумилёвская осень», в которой принимают участие российские и калининградские деятели культуры, поэты, писатели, творческие коллективы.

В 1996 г. усилиями Э. А. Фальц-Фейна, внука генерала Епанчина, была опубликована книга воспоминаний командира III армейского корпуса, который в составе 1-й русской армии 20 августа одержал победу под Гумбинненом. По сообщению Фальц-Фейна, рукопись этой книги ждала своего часа с 1940 г. В ней отставной генерал рассказывал практически обо всех боях в Восточной Пруссии, в которых ему волею судьбы пришлось принять участие.

Калининградцам именно от Епанчина удалось узнать о подробностях совершенно неизвестной им Ласдененской операции зимой 1914–1915 гг. Значимым шагом в распространении знаний о событиях Первой мировой войны стал выпуск двух монографий калининградских историков, в которых были помещены специальные главы, посвященные Первой мировой войне. Обе монографии получили широкую известность у населения области и способствовали более адекватному восприятию калининградцами событий Первой мировой войны.

Следует учесть, что в 1990-х гг. редко какая газета, начинавшая свой путь к калининградскому читателю, обходилась без историко-краеведческой рубрики, значимое место в которой отводилось описанию событий Первой мировой войны.

Наконец, в середине нулевых годов уже этого столетия молодой любитель, энтузиаст Константин Пахалюк поставил перед собой задачу составить историографический свод о Восточно-Прусской операции 1914 г. Его указатель стал определенным прорывом в дальнейшем освоении калининградцами информации о боях на территории нынешней Калининградской области как летом-осенью 1914 г.,

так и зимой 1914–1915 гг.

Последние десять лет каких-либо проблем с получением информации о начальном этапе Первой мировой войны, нашедшем значимое отражение в отечественной, особенно, региональной, историографии, не возникало. О том, что Калининградская область является особой российской территорией, сохраняющей память о Первой мировой войне, все большее знание теперь уже получают жители других регионов страны. Не без оснований.

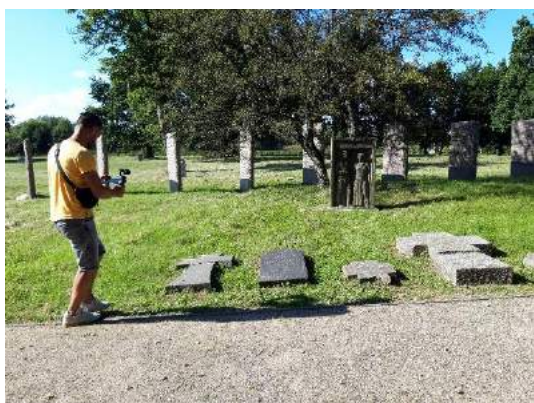

Долгое время считалось, что в России не сохранилось памятников Великой войны. Публицисты, например, сообщали, что единственный в мире памятник русским офицерам Первой мировой находится не в России.

Между тем Восточная Пруссия в тот период оказалась единственной территорией Германии, где шли кровопролитные бои между немецкой и русской армиями. Территорией, на которую неоднократно в течение 1914–1915 гг. прорывались русские войска и на которой погибло большое количество солдат обеих армий. Им и были поставлены памятники, сохранившиеся до настоящего времени.

Постепенно, по мере того как в общественном сознании был накоплен в значительной степени информационный ресурс, проблема генезиса знаний о Первой мировой войне была скорректирована.

Дело в том, что в области еще в советский период существовала проблема так называемых «черных копателей», людей, которые собирали на местах боев Второй мировой войны предметы армейского быта, предметы вооружения, обмундирования, нагрудных знаков.

В постсоветский период это движение получило еще большее развитие, но в конечном итоге его удалось как-то формализовать. Неожиданно обнаружилось, что значимым посылом для развития подобной поисковой работы оказались места боев и захоронений Первой мировой войны. Это была целина, до рубежа веков осваиваемая разве что членами Народного союза Германии по уходу за военными могилами. Члены немецкой

общественной организации привлекали для своей деятельности немецкую и российскую молодежь и приводили в порядок воинские захоронения обеих мировых войн.

Эта деятельность получила известность у калининградцев, и, наряду с возросшим уровнем знаний местных жителей о Первой мировой войне, также активизировала создание общественных групп и других структур по поиску неизвестных и приведению в порядок сохранившихся памятных знаков и братских могил Восточно-Прусской операции 1914 г.

Подобное движение способствует расширению знания калининградцев о событиях 1914–1915 гг. на территории нынешней Калининградской области, хотя и несет в себе определенные, часто негативные моменты личностного характера. Но в целом это движение следует считать позитивным, ибо цельное знание о прошлом можно получить только в том случае, если вести комплексную научную и практическую работу по его изучению.

9. Эрвин Шпер (Erwin Spehr). Об истории района Пиллькаллен/Шлоссберг. Продолжение...

Глава 2: Время орденского государства в Пруссии

Рыцарский Тевтонский Орден представлял собой вооружённую монашескую организацию во главе с Великим Магистром, основанную в Палестине во время крестовых походов в феврале 1191 года по уходу за больными. Потеряв необходимость своего присутствия в Палестине, Центральной и Восточной Европе, Орден отправился на Восток обращать язычников в христианскую веру с помощью оружия.

Четвертый Великий Магистр ордена Герман фон Зальца принял призыв герцога Мазовецкого, заручившись письменным подтверждением от императора Фридриха II «Золотой буллой папы Римского» в 1226 году о принадлежности всех завоеванных территорий в Пруссии Ордену.

Весной 1231 года под предводительством нового ландмейстера Германа Балка семь братьев-рыцарей, узнаваемых по черному кресту на белом плаще, и толпа из нескольких сотен крестоносцев переправились через Вислу у Несау и захватили первое прусское укрепление. В том же году они построили здесь замок Торн.

Теперь с перерывами последовала многолетняя борьба, которая велась с обеих сторон с обычной в то время жестокостью и жёсткостью. Однако орден действовал осторожно и планомерно при захвате страны. На каждой покоренной территории сначала возводили замки, а затем её заселяли и обустроивали поселения и города, прежде чем подвергнуть вооружённому нападению следующий район. Орден намного превосходил пруссов в вооружении, ведении войны и строительстве крепостей, но завоеватели не имели численного превосходства, учитывая даже то, что пруссам не удалось объединить все племена для совместного сопротивления.

Во время восстаний Орден понес большие потери и неудачи. В конце концов, после 53-летней войны вся Пруссия оказалась в руках Ордена.

Восточные прусские племена были окончательно покорены, поэтому в 1277 году все силы Ордена были брошены на северо-восток, на земли отважно сопротивлявшегося Шалауэра. Часть этого относительно небольшого племени, проживавшего в

северной части будущего района Шлоссберг, отказалась покориться и бежала к литовцам, родственниками этого племени. Остальные принявшие христианство были переселены в западные районы Пруссии. Местность обезлюдела. Год спустя орден поступил аналогичным образом с Надровией и в 1283 году густонаселенный район Судовии наконец сдался. Местных оставшихся жителей переселили во внутренние районы Ордена, в основном на территорию Замланда.

Три теперь необитаемых восточных района быстро зарастали (примерно к востоку от линии Лабиау-Веллау-Лётцен), создавая дикую природу, похожую на пустоши. Вероятно, это было намерением ордена, потому что полоса дикой природы шириной около 200 км служила естественной защитой между центральной территорией государства ордена на западе и языческой враждебной Литвой на востоке. Будущий район Шлоссберг был частью этой, так называемой, Великой пустоши, в которой в течение 200 лет простирались редкие европейские леса и

густой вереск.

Но эта дикая необитаемая местность не была пустынной: на важных транзитных пунктах жили «следящие за тропой», состоявшие на службе у ордена, они размещали постоянные дворы и оказывали услуги разведчиков. Бродили по этой дикой местности охотники и сборщики меда, добывали необходимые на продажу шкуру, воск и всё то, чем можно было торговать.

Немецкий рыцарский орден в Пруссии создал современное для того времени государство «Пруссия» с образцовой финансовой экономикой и высокоразвитым управлением. В 1309 году резиденция рыцарского ордена была перенесена из Венеции в новый построенный замок Мариенбург. Верховный магистр теперь был не только духовным главой орденских братьев, но и регентом орденского государства, так называемый, рейхсфюрером. Для управления земля была разделена на комтурства.

Будущий округ Шлоссберг принадлежал по большей части к комтуру замка Рагнит, а юго-западная часть округа, территории будущих приходов Малльвен (посёлок Майское Гусевского района) и Куссен (посёлок Весново) находились в ведении комтура замка Инстербург.

Основной заслугой Тевтонского ордена является создание за сто лет процветающего европейского культурного государства из нетронутой цивилизацией Пруссии. Это наиболее наглядно проявилось в богато развернутом строительном искусстве орденовских замков, монастырей, в разнообразной историографии, в особой поэзии и, прежде всего, в планомерном освоении и заселении страны. Только в XIV веке, в период расцвета орденового государства, было основано 93 города и 1400 деревень. Кто были эти жители и откуда они?

Почти половину населения орденового государства составляли коренные пруссы, жили они исключительно в сельской местности небольшими деревнями. Остальные жители были немцы-иммигранты, переселившиеся на восток в основном из северных и центральных, а также из южных земель Германии. В качестве фермеров они селились в созданных из лесных наделов деревнях, но, прежде всего, – в качестве ремесленников в небольших и многочисленных городах.

На протяжении нескольких поколений пруссы перенимали у немцев лучшие ремесленные и сельскохозяйственные методы, их более высокую культуру и, наконец, их язык: покорённые пруссы и переселившиеся немцы слились в Пруссию. Тем не менее, прусский язык просуществовал около 400 лет, прежде чем был забыт в конце 17 века. Однако многочисленные прусские слова вошли в восточно-прусский диалект.

Таким образом вошли в оборот и стали известными выражения, такие как: Butsch (поцелуй), Marjell (молодая девушка), Kampen (разрезка хлеба или жарка), Spirgel (жареные кусочки бекона), Schmand (сливки), Kujjel (кабан), произошли из прусского. В тоже время сохранены и прусские названия полей и местностей, в большинстве своём в районе заливов, и имена людей, распространившиеся по всей стране, например, Бахлау (Bahlau), Гаузе (Gause), Калнайн (Kalnein), Кюбарт (Kübart), Матуль (Matull), Подель (Podehl), Заукен (Saucken), Степпун (Steppuhn), Восеген (Wosegien). Вряд ли найдется восточный пруссак, у которого не оказалось бы прусских предков. Что осталось, так это исторически сложившаяся любовь к лошадям и радушное гостеприимство, которое было обычным для этой стороны.

В районе Шлоссберг также сохранились остатки некоторых замковых стен прусского периода, например, в Блоксвальде (Blockswalde/Maschuiken) на Шешупе (северо-восточнее Краснознаменска), в Кёшен (Köschen) на озере Виллунен (озеро Бородинское), в Сайдлершоэ (Seidlershöhe/Klein Warningken, юго-восточнее посёлка Добровольск) и в Шлоссберге (Schloßberg/Pillkallen – посёлок Добровольск).

Но вернемся к орденскому государству. После крутого подъема к крупной европейской державе с территорией, простирающейся от Одера до Финского залива, Орден рухнул в 15 веке. Великий князь Литовский Ягайло принял христианство и женился на наследнице польской короны. Новая польско-литовская уния провоцировала Орден на военные столкновения. В одном из величайших сражений средневековья, битве при Танненберге в

июле 1410 года, армия Ордена потерпела сокрушительное поражение. Великий Магистр Ульрих фон Юнгинген и почти все командование пали в битве.

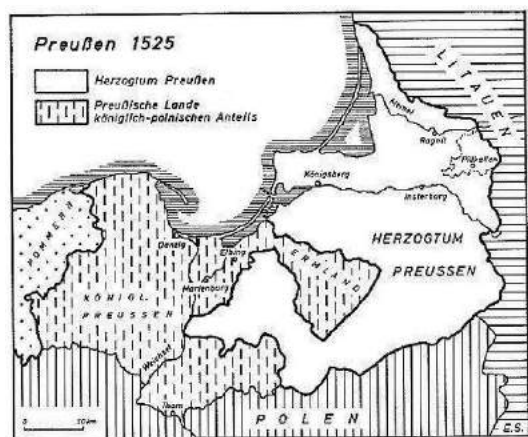

Bild 3. Der Rest des Ordensstaates wird 1525 zum Herzogtum Preußen. Der spätere Kreis Pillkallen ist eingezeichnet.

Последующие войны привели и к экономическому разорению Ордена. Даже Мариенбург пришлось отдать под залог лидерам наемников, которые продали замок польскому королю в 1456 году. После этого Великий Магистр перенес свою официальную резиденцию в Кёнигсберг. Второй Торнский мир 1466 года закрепил лишения земель орденского государства Пруссии. Большая часть территории была потеряна. Государство сократилось до области, которая включала примерно более позднюю Восточную Пруссию без

Вармии.

Еще в 1422 году Тевтонский орден и Литва договорились в Мельно-зее Мирным договором о границе между своими государствами в районе Великой пустоши. Пустошь была разрезана, сократив её, практически, вдвое по длине. Эта новая граница между Пруссией и Литвой просуществовала около 500 лет. Она считалась одной из старейших государственных границ в Европе и была поставлена под сомнение Литвой только в 1919 году к северу от Мемеля. Эта граница, как культурная граница, отчетливо проявлялась и внешне. Кусок этой древней пограничной линии пролегал по рекам Шервиндта и Шешупе, начиналась между деревнями Дайне и Гренцхайде, и являлся восточной границей будущего крайса Шлоссберг.

Чтобы улучшить экономическое положение оставшейся части орденового государства, рыцари начали колонизацию земель Великой пустоши. При последнем Великом Магистре и первом герцоге Альбрехте Бранденбург-Ансбахском, Гогенцоллерне франконской ветви, началось заселение крайних восточных земель Прусского государства.

Итак, с освоения Великой пустоши начинается история района Шлоссберг.

Продолжим...

10. Эрвин Шпер (Erwin Spehr). Об истории района Пиллькаллен/Шлоссберг. Продолжение...

Глава 3. Первый этап заселения района Шлоссберг

Примерно в конце 15 века начинается заселение района. Кто были эти первые поселенцы, которые взяли на себя труд расчистить дикую пустошь и возродить землю?

В конце 14 века поток переселенцев из малонаселённых немецких территорий резко снизился. В конце 15 века поток иммигрантов хлынул с востока: в страну пришли литовцы, в том числе вернулись потомки тех пруссов, спасавшиеся бегством в соседнюю Литву, отказавшись 200 лет назад подчиниться Ордену, – у Ордена не было причин отказывать этим иммигрантам. Напротив, им были рады, поскольку переселенцы способствовали развитию страны и увеличивали налоговые поступления в казну. Единственные условия – быть христианами и порядочными подданными. Национально-государственное мышление в то время было неизвестно.

Что побудило этих людей покинуть свою родину и начать все сначала в дикой пустоши? После

объединения Литвы с Польшей положение сельского населения резко ухудшилось, поскольку литовское дворянство, согласно польскому праву, усилило эксплуатацию крестьян и ввело крепостное право. Поэтому литовские крестьяне предпочли бежать, тайно и под угрозой смерти, от своих социальных и экономических бед и решили начать все сначала в соседней Пруссии, где больше личной свободы. Сначала заселение шло не организовано и, в каком-то смысле, своеобразно: семьи иммигрантов выбирали себе подходящее место и расчищали его на своё усмотрение.

Как правило, комтур требовал несколько быков в качестве покупной цены за выбранный земельный надел. В течение трех лет новые жители освобождались от каких-либо налогов пока занимались расчисткой территории. Таким образом образовались несвязанные между собой поселения фермеров, в том числе и в районе будущего округа Шлоссберга.

Когда упоминаются первые названия современных поселений, то, следовательно, их не следует рассматривать как названия уже образованных населённых пунктов, скорее, эти названия относятся к большой территории с разбросанными и рядом стоящими отдельными хозяйствами. По административному делению, большая часть района была заселена со стороны Рагнита, на юго-западе района шла колонизация со стороны Инстербурга.

Старейшим поселением в районе Шлоссберг является Бенигк (Бенигкемен/Бейникен, посёлок Долгое), основанный между 1486 и 1490 годами. Это следует из протокола об урегулировании спора между фермерами Бенигка и Галибраста (Гальбрастен, комтурство Рагнита, посёлок Ливенское). Разрозненное поселение Бенигк располагалось на Шешупе к северу от Ласденена/Хазельберга и включало территории более поздних поселений Машуикен/Блоксвальде (поселение в районе посёлка Долгое), Гриклаукен/Беник (посёлок Зеленолесье), Галлвошен/Сандвальде, Хермонайтен/Хермансдорф и Шакен (поселения по обоим берегам реки Шешуппе в районе посёлка Зеленолесье). Слово «Бенигк» прусского происхождения и являлось названием поля.

В качестве следующего поселения Шлосбергк (Пилькаллен/Шлоссберг, посёлок Добровольск) впервые упоминается в 1516 году. Это обширное так же рассредоточенное поселение, которое не только включало более позднюю городскую территорию, но также и более поздние общинные приходы Ужпяунен/Киесдорф (посёлок Никитовка), Ютшен/Вейденбрух, Шамайткемен/Линденхаус и Гросс-Туллен/Райнкенвальде на севере (существовавшие поселения северо-западнее посёлка Добровольск), на западе Хенскишкен/Хенскен (посёлок Желанное), на юге Карчарнингкен/Блюменфельд (посёлок Железнодорожное) и Петерайчен/Петерсхаузен (южная окраина посёлка Добровольск), а на востоке Дагучен/Тегнерскруг (существовавшее поселение юго-восточнее посёлка Добровольск). Поселение Шлосбергк получило свое название от возвышенности, которая была укреплена крепостным валом в прусский период.

Еще одно разрозненное поселение, появившееся в 1516 году, – это Эллендтвлис, расположенное на южной окраине района на реке Бредуппе (ранее Эллендтвлис). Это поселение соответствовало по своей территории более поздним Шилленингкен (посёлок Высокое в районе посёлка Добровольск), Гросс Дадутелен/Штройхёфен, Клайн Дадутелен/Доротендорф, Гросс Варнингкен/Штайнكيرх, Кляйн Варнингкен/Сайдлерхёэ (существовавшие поселения в районе посёлка Высокое не далеко от Добровольска) и Юкнишкен/Фёренхорст, относившийся позднее к крайсу Шталлупёнен/Эбенроде (город Нестеров).

К востоку от него находился Рауш на реке Раушве (Rausch an der Rauschwe), также впервые упомянутый в 1516 году. В него вошли более поздние общинные приходы Маурушатшен/Гренцфельде, Дайнен/Дайне, Урбанташен/Урбансхёэ, Шимкунен/Шварценберге и Барчкюнен/Кюнен (ныне не существующие поселения ближе к Ширвиндту/Кутузово).

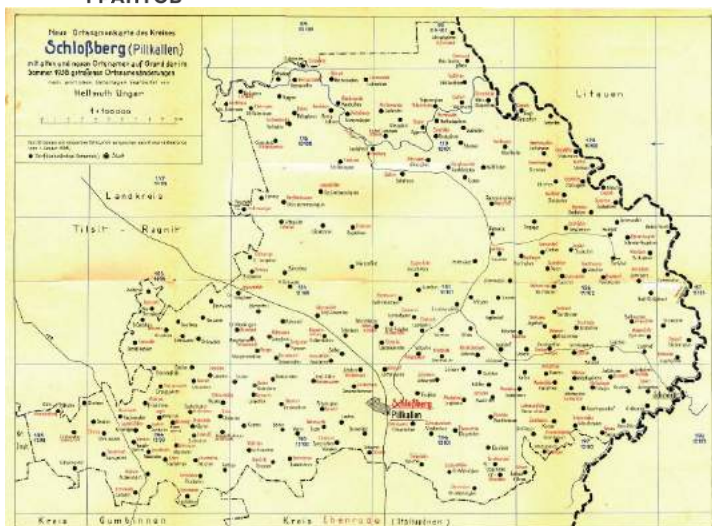
Впервые в 1516 году Шервинт/Ширвиндт (посёлок Кутузово), как независимая деревня, появляется в устье реки Шервиндт/Ширвиндт при впадении в Шешупе. Годом позже упоминается Девинтин, который располагался на реке Шешупе и охватывал район более поздних деревень Висборинен/Гренцхёэ, Симокен/Хинтертаннен, Сербентен, Гросс Даргушен/Таннек и Клайн Даргушен/Гренцхайде (существовавшие поселения располагались вдоль реки Шешупе между посёлками Победино и Заречное).

К востоку от Лазденена/Хасельберга в 1517 году появляется деревня Альтенснаппен/Алкснупёнен (посёлок Высокое в районе города Краснознаменск) на одноимённом ей небольшом притоке реки Шешупе.

Хазельпуш (Лазденен/Хасельберг) упоминается в 1521 году как уже существующая деревня, поэтому место, скорее всего, старше указанного года.

К юго-западу от Лазденена/Хасельберга появляется в 1525 году поселение Версамник (Версмениянгкен/Лангенфельде – посёлок Белкино).

Грамот о первых заселениях со стороны Инстербургского района не сохранилось. Однако некоторые свидетельства дают понять, что юго-запад округа около 1500 года еще не был заселен, но иммиграция началась вскоре и в налоговом Положении 1539 года уже упоминаются семь поселений:

Маллвишкен (Маллвен, посёлок Майский Гусевского района) – старейший из них. В поселение тогда входили будущие общинные приходы Эдеркемен/Эдерн (поселение находилось между посёлками Майское и Новинки) и Ужбаллен/Биркенрид (принадлежал позже крайсу Гумбиннен, посёлок Лощинка Гусевского района).

Касси (Куссен, посёлок Весново) – в 1539 году это уже было относительно

большое поселение.

Эггленингкен/Кифернберг (существовавшее поселение находилось в районе посёлков Новинки и Заозёрное), к западу от Куссена, был типичным рассредоточенным поселением, в него входили территории более поздних деревень Кигген/Штайнерсхофен (поселение между посёлками Заозёрное и Февральское), Урблаукен/Урлау (посёлок существовал чуть южнее предыдущего), Кёгстен/Михельфельде (посёлок Новинки), Беднорен/Штансдорф и Вассанткемен/Вильднисроде (несуществующие поселения в районе посёлков Новинки и Заозёрное).

Более позднее поселение Будшунен/Эшенхоэ принадлежал Брушею (существовавшие поселения южнее посёлка Весново) к юго-востоку от Куссена.

Поселение Раттадейлей (Радшен/Раденау) находилось к югу от Куссена, ему принадлежал Йодшен/Акермюле (несуществующие поселения южнее посёлка Весново).

Эйминишке находился к востоку от Куссена (несуществующее поселение между посёлками Весново и Железнодорожное).

И, наконец, упоминается Бойоргаллен (Лёбегаллен/Лёбенау, посёлок Толстово) на Инстере (на реке Московка, приток реки Инстер).

Известно и налоговое Положение от 1540 года района Рагнит. Таким образом, есть возможность зафиксировать заселение всей округи на момент 1539/40 годов. В районе Рагнит к уже упомянутому в этот период добавились поселения:

Отделившиеся от Шлосбергга поселения Эгленик (Хенскишкен/Хенскен, посёлок Желанное) и Успявне (Ужпяунен/Киесдорф, посёлок Никитовка).

Расширенный Эллендт (поселение в районе посёлка Высокое в районе Добровольска) получил обновлённое название Варлаук.

К северу от Ширвиндта вдоль Шешуппе рассредоточено новое поселение Беркенвердер, оно включало, в частности, территории более поздних поселений Бершенингкен-Кумметшен/Фихтенхёе и Новишкен/Бремерхузен (существовавшие поселения на берегу реки Шешуппе от Ширвиндта до Победино).

От старейшего поселения Девинтин отделился Серпентусайл/Сербентен (поселение на востоке района, восточнее посёлка Папортное).

Поселение Ятия в долине реки Шешуппе с более поздними местами, отделившиеся также от поселения Девинтин, Гросс Даргушен/Таннек, Кляйн Даргушен/Гренцхайде и Войтекатен/Остфурт (существовавшие поселения на берегу реки Шешуппе восточнее посёлков Заречное и Папоротное ближе к границе с Литвой).

Новое поселение Шилнигк (Шилленингкен/Эбертанн, посёлок Хлебное) к западу от Ласденен/Хасельберг.

После полувековой расчистки дикой местности в 1539/40 годах на территории будущего округа Шлосберг обозначены 22 различных по площади поселения. Видно, что реки служили хорошим ориентиром для колонизации, по-видимому, таким образом вести расчистку в этих районах было проще. Но и возвышенности в южной части района заселили раньше. А вот низинный, более заболоченный, участок в центре района по-прежнему оставался свободным от поселений.

Замечено, что ранние, обширные и разбросанные поселения в основном получили названия от рек или полей, вблизи или вокруг которых они располагались. Более того, очевидно, что после прибытия новых колонистов более крупные и рассеянные поселения были разделены на части и превращены в самостоятельные населенные пункты. В 22 населенных пунктах, упомянутых в 1539/40 годах, проживало в общей сложности 219 процентщиков, то есть налогоплательщиков фермеров.

Крестьяне имели различные землевладения. Это были, преимущественно, арендаторы, но и байоры (представители или родственники низшей литовской знати) и назначенные лица. Так называемые кругеры (основатели постоянных дворов), крестьяне, имеющие лицензию на продажу пива (кругрехт), в это время в крайсе еще не упоминаются. Кроме того, спустя 50 лет после начала поселения, во всем районе ещё до сих пор нет церкви. Первый приход будет основан немного позже в Ширвиндте.

Продолжение следует...

11. Посёлок Весново, бывший Куссен.

Продолжаем путешествие по Краснознаменскому району, держим путь в сторону посёлка Весново, бывший Куссен – Поцелуй, так звучит перевод названия деревни с церковным приходом.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 021255
Kussen, Kreis Schloßberg, MT12100-7. Naturdenkmal Ahornbaum. (1905-1914), ©

Куссен в крайсе Пиллькаллен считался деревней с самыми красивыми деревьями в Восточной Пруссии.

Неподалёку от каменной церкви, построенной в 1743 году с деревянной башней рос самый могучий клен в провинции. Его венец имел диаметр 28 метров при окружности ствола в четыре метра. Неподалёку рос древний дуб

диаметром в три с половиной метра. В парке усадьбы Куссен росли вековые липы, самая крупная из них имела обхват ствола 4,80 м.

По дороге от Узлового в Весново заглянем в Заозёрное, бывший Енишкен. В этой деревушке в начале XX века проживало чуть больше 130 человек. Во время Первой мировой войны посёлок Енишкен (Йенишкен) находился в зоне боевых действий января 1915 года. Здесь были захоронены 32 русских и 14 немецких воинов. Захоронение было произведено на почетном месте приходского кладбища на окраине Енишкена. В настоящее время границы

территории захоронения не определены. На его месте растёт дуб, у подножья которого была установлена каменная плита с надписью на немецком языке: "32 Unbek. russ. Krieger 27.01.1915" ("Неизвестные русские воины 27.01.1915"). В 2000-х годах плита была перевезена в посёлок Весново.

Бывший Куссен изначально был большой фермерской деревней в районе Пиллькаллен и относился к правительственному округу Гумбиннен. Куссен являлся центром общины со своим церковным приходом и администрацией муниципалитета близлежащих деревень. С дороги хорошо видны поля Хенскишкен, с 1938 года Хенскен (посёлок Желанное), бывшие постоялый двор и станция по разведению жеребцов. И в самом Весново кое-что сохранилось из старины...

Согласно церковной хронике церковь в Куссене была построена в 1586 году. Однако еще в 1538 году замландский епископ Георг фон Поленц подбирал для нее место. В 1743 году по приказу прусского короля Фридриха II Великого на месте старой церкви возвели новую, освященную 23 июня 1743 года. Здание кирхи было построено из валунов и кирпича, с западной стороны на крыше была небольшая деревянная башня.

Во время боевых действий Второй мировой войны кирха не пострадала, в послевоенные годы в здании размещался склад сельскохозяйственного инвентаря. В начале 1990-х годов маленькая башенка на крыше и пристройки в западной и восточной частях здания уже отсутствовали. В 1992 году у нефа все еще была крыша. С 1995 года кирха пустовала и разрушалась. К 2012 году остались лишь стены, внутреннее помещение заросло травой и

кустарником. На июль 2014 года западный фронто́н обрушен.

Весново является административным центром одноимённого сельского поселения. На 2010 год в него входят 12 посёлков с 2000 жителей. Российские жители по своей инициативе восстанавливали немецкие могилы и кладбища в районе Куссена.

10(23) августа 1914 года на кладбище населенного пункта Куссен был похоронен рядовой эскадрона лейб-гвардии Кирасирского Её Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полка. Погребение было произведено священником Иоанном Стратоновичем. В настоящее время местоположение захоронения не установлено.

В ходе Первой мировой войны, 1 мая 1916 года, в Куссене был открыт лагерь для российских военнопленных. Первоначально в лагере содержалось 37 заключенных, затем их число выросло до 58 человек. Русские военнопленные, содержащиеся в лагере Куссена, занимались строительными работами. До окончания войны они построили в поселке 7 жилых домов, 11

конюшен, 4 амбара и множество квартир-временок.

В 1920-е годы в Куссене был установлен памятник погибшим в годы Первой мировой войны. В 1972 году памятник был разрушен, сохранились фрагменты основания. Территория заросла кустарником и травой, ремонтно-восстановительные работы не проводились.

В Весново в 2000-х годах был перевезен надгробный камень с могилы 32 русских воинов, погибших 27 января 1915 года, сама могила находится в 6 км, рядом с исчезнувшим поселком Подлесное (бывший Дауден (Dauden) в районе поселка Заозерного). В настоящее время могилу можно распознать по одиноко растущему дубу.

Территория памятника обустроена, обнесена металлической оградой.

В ночь на 17 января 1945 года, преодолев сопротивление 550-го штрафного батальона немцев, танкисты 4-й танковой бригады под командованием подполковника О.А. Лосика вышли к южной окраине поселка Куссен. С востока подошли воины 854-го стрелкового полка 277-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора С.Т. Гладышева и 291-го стрелкового полка 63-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Н.М. Ласкина, с ходу атаковавшие укрепления противника.

В 1947 году Куссен был переименован в поселок Весново.

На фотографии Мартина Кунста от 6 августа 2013 года перекресток в Куссене – прямо на Шлоссберг, налево на Раутенберг и направо на Бургкампен.

К 350-летию церковного прихода в 1936 году пастор Хайн из Куссена поведал хронику старейшей кирхи в районе Пиллькаллен.

«В Куссене живёт старик. Веками он не двигался и стоял на страже. Он устойчив и крепок от непогоды, пережил морозные зимы и палящие жаркие лета. Его это не особо беспокоило. Многое узнал этот древний человек. Он видел веселых и грустных людей, он знает добрые и тяжёлые времена, он заглядывал в радостные и даже отчаянные сердца. При этом он совершенно

молчалив. Только несколько раз в неделю, обычно воскресным утром, он подаёт голос. Его голос звучит предостерегающе и соблазнительно, но он слышит иначе, его голос звучит жалобно и грустно.

Старик, о котором мы рассказываем, так прост и совсем не тщеславен. Только один раз за всю свою долгую жизнь – это было около 1750 года – он получил новый облик. А потом, перед великой войной, нашему старику подарили часы, но он их не спрятал в карман, а по-дружески показывает всем людям и сегодня, во всяком случае, всем тем, кто целуется и смотрит на него снизу в верх. Но великое событие для этого старика произошло в этом году: он отмечает свое триста пятидесятилетие. Наш старый друг всегда молчаливый, хотел бы поговорить по этому редкому поводу. Ему так хочется рассказать всем людям о том, что он пережил. В это можно поверить, но он не хотел быть болтуном, рассказывая свою историю. Он знает, что многие испытания от Господа Бога, но он также знает, что многое принадлежит людям.

Дорогой читатель, а знаете ли вы, кто этот «старик» из Куссена? Это наш прекрасный шпиль церковной башни, который летом так живописно выглядывает из зелени на бескрайнюю Родину. А вы знаете, какой у него дом? Это наша старая деревенская церковь, которой в этом году исполняется 350 лет.

Давайте теперь послушаем дальше...»

Деревня Куссен принадлежит (наряду с Брюссеном, Эгглингеном и Радзеном) к четырем старейшим поселениям волости, возникшим вскоре после 1500 года. В 1539 году Касси (Cussey) впервые упоминается в документе с восьмью фермерами. Название местности старопрусского происхождения. В 1565 году были даны права Георгу Петцу на открытие трактира.

Этот постоялый двор в Куссене – первый в районе будущего района Пиллькаллен.

История усадьбы Куссен берёт своё начало с момента образования округа, открытия постоянного двора в 1565 году. Из лесной дикой местности Куссен ближе к 1721 году становится королевским имением. Фермерская деревня (фолькверк) Куссен расстраивалась и подчинялась амту Бракупёнен (посёлок Кубановка Гусевского района). Примерно в 1730 году амт Бракупёнен был разделён и район

Куссена стал центром нового домена. После Тильзитского мира в 1807 году по финансовым причинам домен Куссена был распущен. Деревни были распределены между соседними амтами Бракупёнен, Лесгевангминнен (посёлок Забродино), Лёбегаллен (посёлок Толстово) и Кёнигль. А сам домен Куссен был выставлен на продажу в долгосрочную аренду, как наследственное имущество. В 1820 году усадьба Куссен как рыцарское имение на дворянских правах полностью переходит в собственность владельца Фридриха Шмальца. 30 сентября 1928 года имение Куссен входит в состав Куссенского муниципалитета.

Фридрих Шмальц, сын помещика, получил домашнее образование. В 1804 году он арендовал имение Зангенбергов около Цайца (Саксония-Ангальт), а в 1806 году – поместье Пониц около Альтенбурга (район Лейпцига). Будучи самоучкой, приобрел обширные знания в области сельского хозяйства. В 1812 году он принял поместья Куссен и Нойвайде около Гумбиннена, которые он, несмотря на первоначальные трудности, расширил до образцово-прибыльных хозяйств. Параллельно работал редактором сельскохозяйственных журналов. Кроме того, он развернул оживленную публицистическую деятельность. Благодаря вкладу во всех областях сельского хозяйства, Фридрих Шмальц приобрел высокую репутацию в Восточной

Пруссии и во всех странах Балтии.

В 1821 году Шмальц стал секретарем Сельскохозяйственного общества Литвы. В 1829 году он получил приглашение от Дерптского университета (Тарту) в качестве профессора сельского хозяйства и технологий. Незадолго до его вступления в должность, Йенский университет присвоил ему ученую степень доктора. В 1834 году Шмальц основал в имении Альткустхоф недалеко от Дерпата сельскохозяйственный институт, просуществовавший всего несколько лет.

В качестве преподавателя университета, Шмальц выезжал в разнообразные районы России в учебные поездки по сельскому хозяйству.

В Дерпте он написал несколько образовательных и специальных книг по растениеводству. В 1845 году он оставил преподавательский пост и удалился в свое имение Куссен. Он умер во время посещения родственников в Дрездене.

Шмальц считается «ветераном» земледелия, растениеводства и управления помещичьего хозяйства в Восточной Пруссии и странах Балтии.

Основными произведениями Фридриха Шмальца стали 7-ми томный труд «Опыт в области сельского хозяйства» 1814–1842 годов, «О моих фермах в Куссене и Нойвайде» 1829 года, «Большое значение выращивания картофеля для сельского хозяйства и народного хозяйства» 1829 года, «Учение об удобрениях или подробные инструкции по производству, правильному обращению и надлежащему применению различных типов удобрений на плодородной почве» 1831 года, «Руководство для фермеров, лесников и садоводов, которые хотят получить максимально возможный урожай от почвы» 1840 года, «Инструкции по знанию и использованию новой системы земледелия. На основе теории и опыта» 1842 года.

*По материалам статей с сайта <http://wiki-de.genealogy.net/Kussen>
и <https://www.prussia39.ru>*

12. Церковь Куссена

«Большинство церквей в районе Шлоссберг пережили войну, но не послевоенный период». Очерк и фотоматериал профессора Эрвина Шпера.

Строения северной части Восточной Пруссии получили после войны больше разрушений, чем в ходе и в результате самих боевых действий, что непосредственно относится и к церквям. Известный калининградский архивист Анатолий Бахтин, родившийся в Калининграде в 1949 году, с 1980-х годов посещает и фиксирует территории всех церквей, расположенные вокруг бывшего

Кёнигсберга, ведёт документацию по их состоянию и расспрашивает пожилых жителей этих мест. В итоге он заключил, что в своём большинстве церкви не были разрушены в результате войны, а стали жертвами вандализма, преднамеренного разрушения или даже простого пренебрежительного отношения к ним в послевоенный период.

В 1997 году Академия в Люнебурге (Ost-Akademie Lüneburg) подготовила подробную и объёмную документальную работу Анатолия Бахтина для передвижной выставки и опубликовала в 2000 году книгу на немецком языке Бахтина А. и Долизе Г. «Церкви Восточной Пруссии».

Эта документация отражает состояние объектов на весну 1997 года.

По сведениям этой работы, после окончания войны в 1945 году 134 церкви из 224-х в северо-восточной Пруссии («район Кёнигсберга») сохранились неповрежденными – это 60%, остальные были повреждены незначительно. Спустя 52 года, весной 1997 года, 91 церковь была полностью разрушена, 67 – сохранили свои минимальные остатки в виде руин. В общей сложности на тот момент 70% церквей были окончательно утрачены. Только 26 исторических культовых зданий принадлежали церквям и религиозным общинам, использовались для богослужений и были для этого приспособлены. Остальные же использовались в ином назначении и, таким образом, сохранялись, а те, что никак не были задействованы – разрушались дальше. За прошедшее спустя десятилетие добавились новые потери.

Десять церквей района Шлоссберг вписываются в эту общую картину. В юго-восточной части района, где в октябре 1944 г. и январе 1945 г. происходили ожесточенные бои, церкви Ширвиндт, Виллунен, Штайнкирх (посёлок Заболотное Нестеровского района) и Шлоссберг были полностью разрушены войной или сильно пострадали. Руины были вскоре разобраны и, в последствии, следов на их месте не осталось.

По словам Анатолия Бахтина, в Ширвиндте на месте бывшей неоготической церкви сохранился продолговатый холм высотой около метра. В Виллунене он нашел фрагмент стены, в Штайнкирхе – всего несколько кирпичей. В Шлоссберге в 1960-х годах на месте церкви возведен советский военный мемориал.

Однако остальные шесть церквей в районе пережили войну. Но только церковь в Хазельберге, бывший Лазденен (ныне Краснознаменск), – единственная, которая сегодня служит своей первоначальной цели. Уцелевшее здание сначала использовалось как гараж, затем как склад, а в 1991 году было передано Православной церкви.

Протестантская церковь в Шиллфельде (Шиллен (Schillehnen), до 1938 года, ныне пос. Победино) в 1946 году также была в отличном состоянии. Сначала она использовалась как клуб, затем – как склад и, поскольку никогда не ремонтировалась, в 1975 году была в конце концов снесена.

Католическая церковь там же в Шиллфельде также хорошо сохранилась после войны. Сначала использовалась как мастерская по ремонту сельскохозяйственных машин, а затем, после реконструкции, как склад стройматериалов. Здание не использовалось с 1995 года и в 1997 году оказалась в катастрофическом состоянии.

Церковь в Адлерсвальде (после 1938 года – Groß Schorellen, ныне пос. Саратовское) была лишь слегка повреждена в башне. В 1954 году с неё сняли колокол и переплавили. После поджога молодыми людьми в 1956/57 году церковь сгорела, обрушилась крыша. Позднее снесли стены, а камни использовали в ремонте дороги. В 1996 году остался только фрагмент башни.

Церковь Малльвен (до 1938 года Малльвишкен, ныне пос. Майское Гусевского района) тоже пережила войну невредимой. Вероятно, её разобрали еще в 1950-х годах. Примерно в 1963 году части стен еще стояли, а к концу 1960-х годов они полностью исчезли.

(Представленный к вниманию маршрут по Краснознаменскому району не включает посещение посёлка Майское Гусевского района, бывший Малльвен входил в округ Пиллькален. Однако небольшой очерк об этом посёлке подготовлен в ходе реализации проекта <http://alternativa-art.ru/page/2020-11-13/prodolzhaem-puteshestvie-po-krasnoznamenskomu-rayonu-v-poiskakh->)

Я лично (автор очерка – Эрвин Шпер) зафиксировал и задокументировал разрушения церкви в Куссене во время моих посещений в 1993, 1997 и 2005 годах.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 008698
Kussen, Kreis Schloßberg, MT12100-7. Kirche Innenraum. (1920-1935). ©

До 1945 года церковь Куссена представляла собой вытянутое, прямоугольное, массивное и бесструктурное каменное здание длиной 38 м и шириной 12,5 м с семью окнами на каждой из сторон в длину, небольшой колокольной на западном фронте и притвор по центру с южной стороны. Внутри был плоский деревянный потолок, по обе стороны галереи, поддерживаемые семью колоннами. Слева и справа от простого алтаря и кафедры находились еще два окна, у входа над порталом – орган.

Вскоре после Реформации герцог Альбрехт во время поездки с инспекцией в 1531 году определил Куссен как будущую церковную деревню, а семь лет спустя епископ Георг фон Поленц выбрал небольшой холм в деревне как место для церкви. Однако прошли десятилетия и первая церковь будет возведена, примерно в 1570-

х или 1580-х годах, как кирпичное фахверковое здание с деревянной башней, покрытой черепицей. Известно, что в 1586 году Майкл Саппун был назначен первым пастором в Куссене. Спустя 160 лет ветхую первую церковь снесли и на её месте возвели вторую каменную церковь по указанию Фридриха II, которую освятили 23 июня 1743 года. Башню украшал кованый флюгер с инициалами основателя «FR» и датой «1742». Однако вскоре эта церковь оказалась слишком маленькой, в 1790 году, за счёт значительно расширенного нефа, с восточной стороны появились три оконные оси. Сооружение внешнее выглядело несколько непропорционально.

К своему 300-летию церковь получила новый орган, колокол и алтарное распятие. Второй колокол появился в 1922 году.

В результате боевых действий в 1945 году церковь, по сведениям Анатолия Бахтина, стояла неповреждённой. Впоследствии она служила колхозным складом, расположенного в усадьбе Куссен Зигфрида Шмальца. Башня и пристройки с востока и запада церкви не сохранились. В таком виде я её застал и сфотографировал вскоре «после падения стены» в августе 1992 года. Хотя в целом здание производило вполне сносное

впечатление, но всё же было очевидно, что в течение многих лет не проводился ремонт, не говоря уже о штукатурке и покраске.

Колхоз находился на грани банкротства. Крыша церкви все еще казалась крепкой, слуховые окна сохранились оригинальными, но восточный фронтон, обнесенный доской, был перестроен. Окна заколочены, двери заперты. Через щель во входном портале я смог разглядеть внутри сельскохозяйственную технику и инструменты, никаких строений, только голые стены.

Через пять лет, в июле 1997 года, колхоза уже не было, земля была поделена между колхозниками. Часть крестьян продолжала кооперативно управлять хозяйством. Бывшая церковь уже не использовалась, и она явно начиналась разрушаться – крыша была с повреждениями, двери и окна открыты, вокруг всё зарастало. Бывший дом священника по соседству с

церковью тоже производил впечатление сильно запущенного, но он все еще был заселен. Заросший приходской сад ещё как-то использовался, частично сохранилась старая кованая ограда.

Еще через восемь лет, в июле 2005 года, мы обнаружили только внешние стены бывшей церкви. Крыша и все её элементы были разобраны и так же кирпичный притвор с южной стороны. Непригодные для использования стены из полевого камня, очевидно, предоставлены теперь сами себе. Территория заросла, внутри «церкви» цвела бузина и крапива высотой до головы. Дом пастора разбирали, на краю «стройки» лежали груды еще пригодного кирпича. Прочные остатки прежней церкви в Куссене будут, вероятно, сопротивляться природе еще много лет.

Источник: [http://wiki-de.genealogy.net/Die Kirche von Kussen und ihr Verfall](http://wiki-de.genealogy.net/Die_Kirche_von_Kussen_und_ihr_Verfall)

13. «Захоронения и памятники Первой мировой войны на территории Калининградской области».

Статья Константина Пахалюка, главного специалиста научного отдела Российского военно-исторического общества, была опубликована почти 10 лет назад в периодическом издании «Военная археология» за 2011 год в выпуске № 6. Но она не утратила своей актуальности для калининградцев и представляет яркую иллюстрацию о военных действиях в Восточной Пруссии в 1914 – 1915 годы.

Долгое время считалось, что в России нет памятников павшим в Великой войне 1914-1918 гг. В 2004 г. к 90-летию со дня ее начала на месте бывшего братского кладбища в Москве был открыт мемориальный комплекс героям Первой мировой. Некоторые считают его единственным в своем роде во всей России. Что не совсем верно. На территории Калининградской области ныне насчитывается примерно 66 монументов и где-то 70 братских могил времен Первой мировой войны.

Это «наследие» региону досталось от Восточной Пруссии, которая в 1914-15 гг. стала местом ожесточенных сражений. На ее полях прошли такие крупные столкновения как Шталлупененский бой (17 августа 1914 г.), Гумбинненское сражение (20 августа), Танненбергское сражение (26-31 августа). Отдельные бои протекали вплоть до марта 1915 г. В дальнейшем в провинции располагались лагеря для военнопленных. Молчаливым напоминанием о тех событиях остались многочисленные братские захоронения.

По данным на 1939 год в Восточной Пруссии (включая округ Мариенведера и Мемельский край) насчитывалось почти 2200 братских и индивидуальных могил. Всего здесь покоилось около 61 200 солдат и офицеров (из них 27 860 немцев и 32 540 русских). Среди погребенных были и представители других стран, оказавшиеся на территории провинции в качестве военнопленных.

Несмотря на такую внушительную цифру в 2200 захоронений, около 1800 составляли кладбища в 1–20 человек. Братских могил, где покоилось более 500 человек, существовало примерно 10 (большинство из них — в зоне действий 1-й русской армии генерала П.К. фон Ренненкампа). Кладбищ, где упокоены свыше 1000 человек — еще меньше. Самым крупным считалось лазаретное кладбище в Кенигсберге, где обрели покой 2878 человек. 2677 солдат также было

погребено в Хайльсберге (на территории Польши). Нельзя забывать и про захоронения в Орлау 1425 воинов (на территории Польши) и **Маттишкемене 1084 солдат (посёлок Совхозное Нестеровский район).**

В этот перечень (по немецким сведениям) можно добавить и Лесное кладбище в Тильзите (1000 русских и немцев).

Первые братские могилы были обустроены еще во время войны. Нужно отдать должное: германцы с почестями относились к павшим солдатам противника. Эти захоронения поддерживались в должном порядке и позднее, не только в годы Веймарской республики, но и даже Третьего Рейха.

Также практически во всех городах и селах находились памятные знаки в честь героизма немецких воинов. Самым крупным и известным монументом был мемориальный комплекс «Танненберг» (около г. Хохенштейна, в настоящее время территория Польши), построенный в честь одной из наиболее громких немецких побед этой войны.

В 1945 году 1/3 часть Восточной Пруссии (как раз в зоне действий 1-й русской армии) отошла к СССР, остальные земли — Польше. Каковой же оказалась дальнейшая судьба братских могил?

Конечно, многие пострадали в ходе боев 1944-45 гг. Приехавшие переселенцы не могли (и не хотели) вдаваться в подробности того, что обозначает тот или иной непонятный полуразрушенный монумент на территории бывшей Восточной Пруссии. А потому — избавлялись от следов «немецкого наследия».

Новым властям также было не до него: все силы уходили на захоронения, связанные с Великой Отечественной. В плане эффективности работы показательно название одного решения исполкома Калининградского областного Совета депутатов трудящихся от 18.07.1956 г. «О неудовлетворительном содержании кладбищ и индивидуальных могил воинов Советской Армии, погибших в боях с фашистской Германией».

К тому же, тема Первой мировой получила штамп «империалистической», учтем и негласную догму того времени, что «история края начинается с 1945 г.». «Разрушено, заброшено, забыто» — эта формула отражает действия (или бездействие) новых властей по отношению ко многим военным кладбищам, где кроме немецких солдат покоились и русские. Так, на месте одного захоронения в г. Гусеве сейчас находятся жилые дома. Что тут говорить про обычные обелиски! Многие из них были установлены в честь немецкого оружия, а потому их нахождение на советской (русской) земле могло обоснованно показаться странным.

Однако говорить о том, что в советское время все захоронения Первой мировой оказались преданы забвению (или уничтожению) — не верно. Эпизодически память просыпалась.

В период оттепели несколько братских могил, находившихся в Советске (Тильзит), пос. Совхозное (Маттишкемен), пос. Дружба (Алленбург) и Гусеве (Гумбиннен) были реставрированы и взяты под охрану. Интересная особенность: несмотря на то, что на братских кладбищах покоились немецкие солдаты, в официальных документах о них не было ни слова.

К 1960-м об этих захоронениях вновь «забыли» и они исчезли из отчетов. Лишь в середине 1970-х были «неожиданно» обнаружены и приведены в порядок захоронения в пос. Чистые пруды и Совхозное (Маттишкемен).

В 1980 г. калининградская писательская организация во главе с Ю. Ивановым выступила с инициативой создания архитектурно-исторического заповедника на современном острове Канта в черте г. Калининграда (назван в честь существовавшей здесь могилы философа). Сюда предлагалось перенести и останки русских солдат Первой мировой из известных на тот момент «пяти-шести захоронений», находившихся в плачевном состоянии. Автор проекта опасался, что они в скором времени вообще могут исчезнуть. Однако предложение, нетипично смелое для той эпохи, так и осталось на бумаге.

К концу 1980-х было известно около 7 захоронений русских солдат времен Первой мировой войны. Но с началом перестройки все стало кардинально меняться.

Пожалуй, одной из первых тему братских могил 1914-18 гг. в прессе затронула статья краеведа А. Иванова «Сохраним для потомков» (в гусевской газете «За доблестный труд» от 02.04.1987). Она содержала призыв «восстановить и каким-то

образом увековечить героические события русской истории», а именно: кладбище русских солдат в Гусеве. Вскоре в городе появились энтузиасты, из комсомольцев организовалась группа «Поиск», занимающаяся розыском и приведением в порядок неизвестных братских могил времен Первой мировой войны.

В это же время благодаря Майскому сельсовету, возглавляемому В. Буриловым, была реставрирована и братская могила в пос. Кашино. Там похоронено 66 немцев, павших в известном бою у Каушена 19 августа 1914 г. (где смелой конной атакой на вражескую батарею отличился ротмистр барон П. Н. Врангель, будущий лидер белого движения).

Вообще, в социокультурном пространстве региона в постсоветскую эпоху можно выделить два тренда в изучении истории края. В первую очередь речь идет о пристальном внимании к событиям до 1945 г. Многие считают, что необходимо возрождать историческую память и отдавать дань уважения немецкому прошлому (кстати, весьма интересному и богатому), наследие которого уничтожалось в советские годы. К сожалению, подобная толерантность порою приобретает германофильский оттенок, тесно соседствующий с антисоветизмом, и подпитывается финансовыми ресурсами из Германии.

В контексте нашей темы влияние этой тенденции можно обнаружить в восстановлении некоторыми энтузиастами памятных знаков немецким воинам (вне привязки к захоронениям). К примеру, в первой половине 1990-х был приведен в порядок монумент в д. Тростники.

В 2000 г. в пос. Лунино (Неманского района) благодаря энтузиазму местного жителя В. Марусова был восстановлен памятник немецким воинам, убранный еще примерно в 1964 г.

Однако нельзя обратить внимание и на другую тенденцию: поиск русских следов в истории Восточной Пруссии. И в этом контексте оказались востребованными события Первой мировой войны (хотя больший упор делался на событиях Семилетней войны и Наполеоновских войн, а также на пребывание тех или иных деятелей русской истории в регионе). Однако если краеведческие исследования получили развитие, поиск и реставрация захоронений оставались уделом энтузиастов и специализированных организаций, которые порою поддерживаются муниципальными властями.

С начала 1990-х помимо краеведов центральное место в поиске и обустройстве захоронений занимают две организации: Народный германский союз по уходу за военными захоронениями и отделение всероссийской организации ассоциации международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы», созданная по указанию правительства РФ в 1992 г. Отметим, что для реставрационных работ в регион добровольно

приезжают многие немцы. В ряде районов действовали специальные молодежные лагеря. В итоге, на середину 2000-х совместно обустроено примерно 120 захоронений времен 1914-1918 гг. (по данным В. Нагорного, представителя «Военных мемориалов»), за которыми ведется регулярный уход.

Любопытно, что одним из первых привели в порядок братское кладбище в пос. Совхозное (Маттишкемен), являющееся крупнейшим русско-немецким захоронением Первой мировой войны в России. На нем погребено 438 русских и 646 немцев, которые погибли во время Гумбинненского сражения 20 августа 1914 г., когда 1-я русская армия генерала П. К. фон Ренненкампа нанесла поражение 8-й немецкой армии генерала М. фон Притвица. Самое

примечательное, что именно в районе Маттишкемена войскам русской 27-й пехотной дивизии генерала К. М. Адарида (3-й корпус) удалось добиться наибольших успехов. Эта победа в совокупности с другими успехами в Восточной Пруссии заставила германцев перекинуть с западного фронта два корпуса, что ослабило давление на союзников и внесло лепту в их победу под Марной (сентябрь 1914 г.), положившей конец германскому блицкригу. После этого противник был обречен на затяжную войну и почти неминуемое поражение.

В 1930 г. У. Черчилль заявил: «Очень мало людей слышали о Гумбиннене и почти никто не оценил ту замечательную роль, которую сыграла эта победа. Русская контратака 3 корпуса, тяжелые потери Маккензена вызвали в 8-й немецкой армии панику; она покинула поле сражения, оставив на нем своих убитых и раненых; она признала факт, что была подавлена мощью России».

(Об этой известной цитате У. Черчилля на странице проекта в социальных сетях опубликована заметка из статьи Ильи Олеговича Дементьева «ЧЕРЧИЛЛЬ О ГУМБИННЕНЕ: К ИСТОРИИ ОДНОЙ ЦИТАТЫ» <https://www.facebook.com/ProektHistoryk39/posts/225340039165467>)

В это же время стало восстанавливаться мемориальное захоронение на Лесном кладбище в г. Советске (Тильзит), где обрели покой солдаты и офицеры отряда генерала В. В. Мальма (состоявшего из 270-го Гатчинского полка, 1-й артиллерийской бригады (без 1-й батареи), двух сотен 51-го Донского казачьего полка, нескольких сотен пограничной стражи и ополченческой дружины). Бои у Тильзита разыгрались 12-13 сентября 1914 г., когда 9-й немецкой ландверной бригаде удалось отрезать войскам пути к отступлению. Из-за ошибок командования и слабости связи, войска были разделены на две группы. Одна из них, оборонявшая мосты, с большими потерями смогла выйти из окружения (особо героически здесь действовали 2-я рота

подпоручика Пиотровского и артиллерийский взвод прапорщика Пономарева). Вторая же группа, состоящая из основных сил 270-го полка под командованием полковника А. В. Волкова, приняла бой у входа в город и была полностью разбита. Потери составили более 3000 человек (плюс весь обоз и артиллерия).

16 сентября 1914 г. на Лесном кладбище хоронили немецких солдат. Вопреки рассказам чудом спасшихся гатчинцев, будто немцы сжигали убитых и раненых русских прямо на поле боя, всех погибших с нашей стороны погребли на другой стороне кладбища. Впоследствии здесь находили себе последнее пристанище солдаты, умиравшие в лазарете для военнопленных. По инициативе обербургомистра Поля, пережившего

оккупацию, в 1918 г. на братской могиле установили стелу и мемориальные плиты.

В период Второй мировой войны — это захоронение пострадало, а в первые годы существования Калининградской области было разорено. С братских могил сняли и вывезли в Литву надгробные плиты, где в одной из воинских частей ими вымостили пол в эллинге (часть плит вернули в начале 1990-х). Только к 1955 г. захоронение было приведено в порядок, однако в последние внимания ему не уделялось.

Думаю, не нужно и говорить, что к 1990-м эта братская могила находилась в запущенном состоянии. Лишь с перестройкой стало меняться отношение к прошлому региону, и в частности, к памяти русских солдат. С инициативой обустройства братской могилы одним из первых в 1989 г. выступил музей города.

В 1990 г. в немецком Киле Евгений Нагорный внес предложение о создании воинского русско-немецкого мемориала в г. Советске. В 1991 году отделение Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры г. Советска ходатайствовало в городской Совет депутатов о постановке на учет и приведении в порядок военного кладбища. Начали проводиться субботники, сборы подписей о необходимости

реконструкции. Немалую помощь оказало землячество «Тильзит» из Киля. В итоге, 16 марта 1992 г. главой администрации города было издано постановление «О реконструкции захоронения на улице Героев», с немецкой стороны активное участие в судьбе братской могилы принял «Народный Союз военных захоронений земли Рейланд Пфальц». Работы проходили под руководством архитектора города Н. Рябова. Уже 13 июня 1992 года при участии митрополита Кирилла (ныне Патриарх) был совершен крестный ход и установлен православный крест. Позднее в Советске действовал международный молодежный лагерь, где летом учащиеся Германии и России вели работы по уходу за братскими могилами.

Местная пресса активно освещает тему захоронений Первой мировой, что оказывает определенное влияние на их судьбу. Так, в Славском районе, благодаря местной газете, обнаружили братскую могилу русских солдат.

Она находится на развилке дорог на пос. Тимирязево (Нойкирх) и пос. Ржевское, у бывшей немецкой деревушки Нассенталь. Здесь покоятся 15 солдат 270-го Гатчинского полка, погибшие 13

сентября 1914 г. Очевидица тех событий Труда Янз впоследствии писала: «На улице всюду трупы, даже мертвые лошади. На отцовском дворе лежало 15 мертвых (русских солдат). Раненых положили на повозки с сеном и отвезли в Хайнрихсвальде.... Убитые были похоронены между сараями, а потом, я не помню, когда точно, их повторно похоронили «Около камня». Потом, когда кончилась война, это место приукрасили».

Затем здесь установили деревянный крест с надписью. После Второй мировой войны захоронение было ненамеренно уничтожено. Вот что говорили супруги Василий и Марья Свистельниковы, приехавшие в этот район в 1947 г.: «... У развилки... находился небольшой скверик, обсаженный кустарником и деревцами, внутри которого лежал огромный валун. На камне не было никаких надписей. Но место было ухоженное, кустарники располагались полукругом вокруг валуна...».

После валун свалили в кювет у дороги, где он валялся, пока его не увезли дорожники. А по самой могиле создали съезд на поле. Эту братскую могилу обнаружили только благодаря газете «Славские новости».

17 октября 1995 года в ней были опубликованы воспоминания немки Бетти Клаус о пребывании русских войск в Хайнрихсвальде (Славск) в 1914 г. Согласно им, в районе города находилось два захоронения: одно, уже на тот момент известное, в его черте, а другое — на перекрестке дорог Хайнрихсвальде — Нойкирх — Тильзит. На призыв газеты откликнулась чета Свистельниковых, которая и смогла указать на могилу русских воинов. Кроме того, краевед В. Кенть также сделал запрос в Германию, откуда ему прислали карту и воспоминания местной жительницы. При помощи военнотружущих понтонно-мостового полка пос.

Городково установили точное местонахождение захоронения, которое оказалось на том самом месте, прямо у обочины, на которое указывала Мария Свистельникова.

Во время восстановления было немало неприятных случаев. Так, один житель украл привезенный песок. Затем памятник, поставленный солдатами, снесла ГИБДД, т.к., по ее мнению, валун, находящийся на обочине дороги, может угрожать безопасности водителей. Тогда приняли решение: на могиле установить крест, а памятник отнести чуть дальше в сторону. Братскую могилу окончательно реставрировали лишь осенью 2004 г.

Устанавливаются также новые памятные знаки. Осенью 2002 г. в пос. Победино (бывший Шилленен) появился памятник поэту Николаю Гумилеву, который воевал в этом районе осенью 1914 г. В 2003 г. в Черняховске открылась памятная доска в честь парада русской гвардии, который состоялся 5 сентября 1914 г. В нем участвовали лейб-гвардии Конный и Кавалергардский полки, которые с фронта отбывали в крепость Ковно.

Особое стоит отметить деятельность энтузиастов, на плечи которых и легла основная работа по возрождению памяти о событиях 1914 г.

Так, в конце июня 2002 г., на средства протоиерея о. Георгия (Бирюкова) был установлен памятный крест в пос. Пушкино, где погребено 601 русский и 196 немецких воинов.

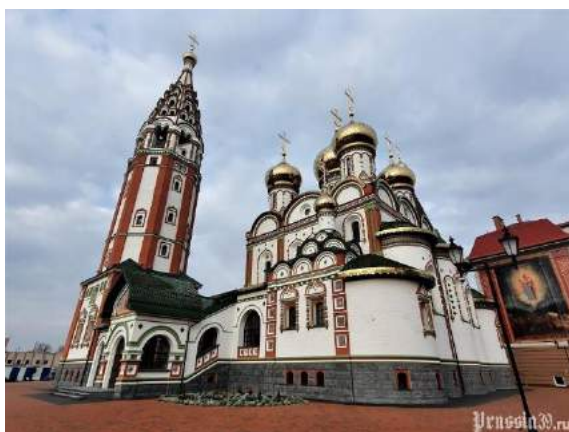
Будучи настоятелем Свято-Духова прихода города Нестерова, о. Георгий собирал деньги на возведение храма-памятника в пос.

Чернышевское (Эйдткунен) в память павших русских солдат Первой мировой войны, однако в итоге средств хватило лишь на небольшую часовню, получившую название в честь Августовской иконы Пресвятой Богородицы (явление которой русским войскам произошло в годы Первой мировой войны относительно

недалеко от границы с Восточной Пруссией). Более того, уже несколько лет подряд о. Георгий организует крестный ход из г. Нестерова до захоронения в пос. Совхозное.

Среди других сподвижников можно выделить гусевского краеведа Анатолия Фесенко, который постоянно привлекает внимание к теме Первой мировой, ее забытых героев, в первую очередь погибших в ходе упомянутого выше Гумбинненского сражения. Так, на базе местного краеведческого музея было проведено несколько научных конференций. А 21 августа 2010 г. на захоронениях в Гусеве, а также пос. Кубановка и Майское прошли митинги с участием военнослужащих местного гарнизона, казаков и молодежи. В настоящее время А. Фесенко планирует попытаться на каждой братской могиле установить памятные доски с именами захороненных, однако ключевой остается проблема финансирования подобного проекта.

Но, вместе с тем, существует немало проблем с сохранившимися мемориалами времен 1914-1918 гг. Некоторые захоронения периодически разоряют черные копатели, ищущие различные драгоценности. В Гусевском районе один сельский учитель для этих целей даже привлекал учеников. Еще много монументов и военных кладбищ, по-прежнему находящихся в плохом состоянии. К примеру, захоронение в пос. Бабушкино — излюбленное место отдыха жителей поселка. А территория братского кладбища в Нестеровском районе вообще до последнего времени находилась в частных руках. Лишь недавно оно было передано в муниципальную собственность.

Однако восстановление братских могил Первой мировой войны будет продолжаться. Ввиду близящегося 100-летнего юбилея этой теме уделяется все больше внимания. Так, в 2008 г. в рамках проекта «ТАСИС» Евросоюз выделил 270 000 евро на реконструкцию 14 памятников. Более того, в Гусеве ныне строится Храм Всех Святых, храм-памятник павшим в годы Первой мировой войны.

А 10-11 ноября 2010 г. прошла научно-практическая конференция под эгидой Фонда исторической перспективы, регионального отделения ВОО «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» во взаимодействии с Комиссией при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Среди участников были не только местные историки и краеведы, но и гости из столицы (в т.ч. депутат Н. А. Нарочницкая) и Франции. Помимо конференции состоялось открытие мемориальной таблички и возложение цветов на захоронении в пос. Совхозное.

В настоящее время региональные власти также обсуждают проекты по празднованию 100-летия начала Первой мировой войны, что, надеюсь, будет обязательно связано с обустройством захоронений и увековечением памяти героев. Интерес к этому проявляют и соседи. К примеру, в феврале текущего года Литовская общественная организация «Институт военного наследия» обратилась к правительству области с предложением создать архивно-поисковый и реставрационный центр по сохранению памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне. Причем речь идет не только о захоронениях на территории Калининградской области, но и Литвы, северо-восточной Польши, Латвии, Эстонии и Белоруссии. Предполагается провести реставрационные работы и выпустить специальные книги. К сожалению, информация о том, была ли поддержана эта инициатива, отсутствует. Остается лишь надеяться, что к 2014 г. удастся объединить разрозненные усилия в этом направлении и отдать последнюю дань героям 1914 года.

14. Вспоминая Первую мировую войну: почему прибалтийские немцы были верны России.

Автор статьи Наталия Андреева, журналист новостного портала Baltnews.

1 августа 1914 года Германия объявила войну России. Первая мировая война в Российской империи вызвала небывалый в полном смысле этого слова патриотический подъем, охвативший практически все слои общества. К рядам сторонников России присоединились и прибалтийские немцы, рвавшиеся быть полезными на фронте.

По воспоминаниям многочисленных мемуаристов, российское общество, вопреки политическим и идеологическим разногласиям, в первые дни войны будто в едином порыве сплотилось вокруг царя и престола.

Россия в начале войны

Огромная патриотическая манифестация в Петербурге 20-го июля (1-го августа по новому стилю – прим. автора) 1914 года произвела неизгладимое впечатление на посла Французской республики в России Мориса Палеолога. Тысячи людей собрались в тот день на Дворцовой площади и близ нее в ожидании, когда Николай II объявит высочайший манифест о вступлении

Российской империи в войну. Перед дворцом теснилась "бесчисленная толпа с флагами, знаменами, иконами, портретами царя".

Увидев появившегося на балконе императора, все тотчас же опустились на колени и запели русский гимн. "В эту минуту для этих тысяч людей, которые здесь повергнуты, царь действительно есть самодержец, отмеченный Богом, военный, политический и религиозный глава своего народа, неограниченный владыка душ и тел", – размышлял впоследствии об увиденном Палеолог.

В отличие от него Николай II был более сдержан и лаконичен в оценках событий этого исторического дня. Как всегда, кратко, не пускаясь в рассуждения и в излишнюю эмоциональность, он упомянул в своем дневнике среди прочего об "огромной массе народа", которой они с императрицей Александрой Федоровной "кланялись с балкона". Едва ли, конечно, следует видеть в этом безразличие к происходившему: сдержанность в эмоциональных оценках и суждениях – характерная особенность дневникового стиля царя. Она косвенно подтверждает свидетельства хорошо знавших Николая II современников о его личной скромности и даже порою застенчивости.

Настроение тех дней среди петербуржцев передает искусствовед, представитель известного прибалтийско-немецкого дворянского рода, барон Николай Николаевич Врангель: "Невозможно описать волнение и энтузиазм, охватившие Петербург после объявления войны, – отмечал он, не скрывая эмоций, в своем дневнике. Такого возбуждения, восторга и спокойной покорности воле Судьбы я никогда не видел".

Энтузиазм и единение нации перед лицом внешней угрозы ощущались не только в столице, но и во всей Российской империи.

"Объявление войны встречено было с огромным энтузиазмом по всей России, были забыты распри, вражды, мысли всех сосредоточились в одном единодушном порыве поддержать честь

и достоинство России", – вспоминал товарищ министра внутренних дел Владимир Джунковский.

Первые успехи русской армии в этой войне – вторжение 4-го августа в Восточную Пруссию и победа над немецкими войсками под Шталлупененом (ныне Нестеров) и Гумбинненом (ныне Гусев) – навсегда связаны с именем командующего 1-й армией Северо-Западного фронта генерала от кавалерии Павла Карловича Ренненкампа.

Павел Карлович (Пауль Георг) Эдлер фон Ренненкампа родился в 1854 году в родовом имении Конофер (ныне Конувере) Эстляндской губернии. Утверждение же о том, что он был "наполовину" немцем, "наполовину" эстонцем, не соответствует действительности. Как опубликованные, так и неизданные генеалогические данные свидетельствуют

в пользу чисто прибалтийско-немецкого происхождения Ренненкампа. И это отнюдь не мешало ему так же, как и многим другим прибалтийским немцам, быть патриотом России.

Память и заслуги

Павел Карлович был шестым ребенком и пятым сыном в семье потомственного военного штабс-ротмистра в отставке Карла Густава фон Ренненкампа. Пример отца, семейные традиции и популярность военной профессии среди остзейского дворянства предопределили выбор карьеры – Павел Карлович стал военным.

Боевую славу ему принесло участие в качестве командира Амурского отряда в подавлении Боксерского восстания в Китае 1900–1901 годов. За эту кампанию Ренненкампа был дважды награжден Георгиевскими крестами – 4-й и 3-й степени за "боевые подвиги против китайцев" и проявленную "отличную храбрость", а также за взятие важных стратегических центров Северной Маньчжурии – городов Цицикара и Гирина.

В русско-японскую войну 1904–1905 годов Ренненкампа отличился, командуя Забайкальской казачьей дивизией. С отрядом из пятисот казаков во время разведки у города Фандзяпуцзы 30-го июня 1904 года генерал вступил в бой с японской пехотой, в ходе которого получил ранение в ногу, но смог вскоре вернуться в строй. После этого Ренненкампа продолжал участвовать в боевых действиях и в частности в знаменитом сражении на реке Шахэ.

Боевые заслуги в русско-японскую войну сделали имя Ренненкампа весьма популярным. О нем много говорили и писали в прессе, а его портреты встречались не только на страницах журналов и открытках, но даже изображались на брошках, упаковках для мыла и спичечных коробках.

Однако среди либеральных и левых кругов русского общества имя Ренненкампа больше связывалось с подавлением революции 1905–1907 годов в Сибири и Прибалтике. Хотя, как свидетельствует очевидец тех событий в Прибалтийских губерниях военный историк, генерал Чернавин, "рассказы о жестокостях генерала Ренненкампа в Прибалтике во время революции относятся к области чистой фантазии". К его прибытию с революционным движением там было фактически уже покончено, поэтому усмирять Прибалтийские губернии Ренненкампу не пришлось и тем более "не приходилось ему кого-либо казнить".

Суровым в полном смысле этого слова испытанием для Ренненкампа стала Первая мировая война. Несмотря на первоначальный успех, Восточно-Прусская операция закончилась поражением. Основной причиной этого послужило то, что по настоянию французского командования ее начали преждевременно – до завершения мобилизации и развертывания армии, а также грубые ошибки высшего командования, и прежде всего верховного главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, не сумевшего организовать взаимодействия армий.

Несправедливость и тоска

Однако ответственность за неудачи в Восточно-Прусской и Лодзинской операциях осени 1914 года была целиком возложена на Ренненкампа. Немалое значение при этом имели прибалтийско-немецкое происхождение генерала и настроенность в российском обществе против немцев в связи с войной.

В итоге по настоянию главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта Николая Рузского Ренненкампа отстранили от командования армией. А его действия в Восточной Пруссии расследовала специальная комиссия под руководством генерал-адъютанта Баранова, причем никаких свидетельств нелояльности и тем более государственной измены со стороны генерала она не выявила.

Однако это уже не имело никакого значения; возможности вернуться в армейские ряды и восстановить свою репутацию у Ренненкампа не было.

Как свидетельствует его супруга Вера Николаевна Ренненкампф в своих "Воспоминаниях" (найжены в парижском архиве и опубликованы впервые автором этих строк Наталией Андреевой – прим. Baltnews):

"Муж страдал от того, что в столь трудное для страны военное время он вынужден был находиться в Петербурге, и "просился на войну простым разведчиком".

В этом ему отказали, поскольку военный министр Поливанов считал возвращение Ренненкампа в действующую армию "совершенно невозможным". В конце концов, в 1915 году он был вынужден уйти в отставку.

Закончилась жизнь Ренненкампа весьма трагично – освобождение из Петропавловской крепости, где генерал находился в заключении после Февральской революции 1917 года, оказалось лишь временным – вскоре его арестовали и 1-го августа 1917-го года расстреляли большевики. И в этом судьба Ренненкампа не была уникальна – ее разделили тысячи других участников Первой мировой, павших жертвами Гражданской войны.

Источник: https://baltnews.ee/Russia_West/20190801/1017914619/pervaya-mirovaya-voyna-nemci-pribaltika-russia.html

15. Герб Пиллькаллена

В 1911 году Пиллькаллен, переименованный в 1938 году в Шлоссберг, получил герб с изображением трёх ветряных мельниц, в честь некогда стоявших на Замковой горе (позднее Мюльберг), – золотых на красном фоне плотно прижатых друг к другу на зеленой земле над серебряной стеной с зубчатым верхом и открытыми воротами.

Первые три ветряные мельницы в Пиллькаллен появились в 1658 году.

Позднее заработает мельница у мельничного пруда, последний владелец которой Адольф Швайнбергер, построит мельницу на Шаллупёнен-штрассе (Stallupöner Strasse).

Из 16 семей эмигрантов, прибывших из Зальцбурга в Пиллькаллен в 1732 году, поселилась семья Плеве, стараниями которой мельница на Замковой горе молотила зерно.

Во время Семилетней войны в церкви 1649 года постройки простой конструкции с башенкой на рыночной площади в Пиллькаллене, чей колокол отлитый в 1706 году призывал на службы долгое время, хранился русский двуглавый орёл и всё также молотили три мельницы на горе и одна водяная у мельничного пруда.

17 января 1818 года – в год образования крайса Пиллькаллен – случился сильный ураган и все ветряные мельницы в Пиллькаллене и окружающих деревнях были перевернуты.

3 февраля 1828 года во дворе владельца водной мельницы Швухов был закреплён пожарный расчёт.

Самая большая ветряная мельница в Восточной Пруссии стояла в районе Пиллькаллен недалеко от Ширвиндта.

«Классическая» ветряная мельница с горизонтальным ротором и удлиненными прямоугольными крыльями является широко распространенным элементом пейзажа в Европе, в ветреных равнинных северных регионах, в том числе и в Пруссии. С развитием в XIX веке

паровых машин мельницы постепенно вышли из употребления.

Ветряные мельницы являлись самыми мощными двигателями доиндустриальной эпохи. Они были особенно важны в засушливых и ветреных районах, а также в низинах, где нельзя было использовать водяные колеса.

История ветряных мельниц мало представлена, её исследование проблематично из-за отсутствия первоисточников. О времени и месте появления первых ветряных мельниц нет достоверных сведений.

Письменные предания из Кодекса Хаммурапи свидетельствуют о том, что первые ветряные мельницы были построены более 4000 лет назад. Есть сведения, что египетские ветряные мельницы имеют возраст около 3000 лет. Но в то же время нет никаких доказательств, что народы древности, как египтяне, финикийцы, греки и римляне применяли ветряные мельницы.

Неоспоримо доказано, что ранние известные устройства ветряных мельниц принадлежат греческому изобретателю Герону Александрийскому, жившему в первом столетии нашей эры.

Итальянский историк экономики Маланим называет в качестве источников, первых известных свидетельств, о существовании ветряных мельниц в раннем средневековье – Писания первой половины VII века н.э.

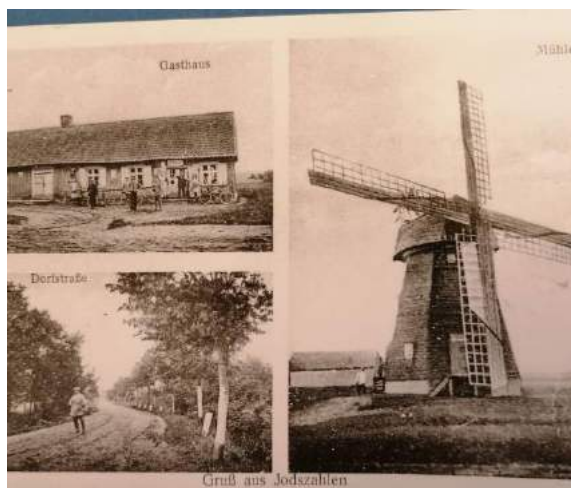

В среднем и позднем средневековье арабские ветряные мельницы, которые отличались вертикальной осью вращения и перпендикулярно стоящими крыльями, пришли на Пиренейский полуостров с распространением ислама, где и были улучшены.

Ветряные мельницы с горизонтальной осью вращения ротора появились во Фландрии, Юго-Восточной Англии и Нормандии с 1180 года.
(На фото мельницы в Западной Сибири в 1910 году)

Они, по-видимому, являются самостоятельным европейским изобретением.

Технически они, а также еще один объект, предположительно начала 12 века, построенный в Брабанте, являлись системой одного типа – ветряные мельницы, разворачивающиеся навстречу ветру. Этот тип быстро распространился до Северной и Восточной Европы в третьей четверти 13 века.

Ветряные мельницы широко использовались наряду с водяными мельницами, при этом водяные мельницы находили свое применение в основном на быстрых речках в районах со средним уклоном в рельефе, в то время как ветряные мельницы стояли на равнине в достаточно продуваемых местах.

Мельницы принадлежали землевладельцам и отмечались отличительными знаками. Долгое время жители не имели право на собственный помол и обязаны были молотить своё зерно на конкретных мельницах совместно с другими крестьянами из одного амта. Мельницы оказали важную роль в развитии дорожной сети и благосостояние районов. С отменой ограничений население уже самостоятельно выбрало свою предпочтительную мельницу, тем самым оживив конкуренцию и, следовательно, техническое развитие сельскохозяйственных предприятий.

С конца 16 века в Голландии появляются ветряные мельницы, у которых навстречу ветру поворачивалась только башня. От средневековья до конца 18-го века ветряные мельницы были распространены в огромное количество в Европе. Гравюры того периода явно демонстрируют их распространение.

В XIX веке произошёл общеевропейский экономический скачок, в Пруссии тогда была введена свобода торговли, наблюдался и серьёзный рост мельничной промышленности. С появлением множества независимых мастеров произошёл единовременный рост числа мельниц в различных районах страны. Они особенно были распространены на ветреных возвышенностях, в тех местах где господствовал более холодный климат (результат малого ледникового периода 16 – 17 веков) с сильными ветрами.

По подсчетам Прусского правительства в 1895 году в Германской империи были введены в эксплуатацию 18.362 ветряных и 54.529 водяных мельницы, из которых 97% первых упомянутых и чуть более 60% вторых – это были зерновые мельницы.

58.530 предприятий тогда работали на паровом двигателе. Изобретённая в начале 18 века паровая машина, была тогда и впервые успешно применена, но окончательно смогла преобладать лишь во второй половине 19 века. Развитие парового двигателя в 19 веке медленно ломал индустрию водной и ветровой энергии.

Однозначно эксплуатация ветряных мельниц зависела от погоды и не достигала того уровня производительности мощных паровых машин, но несмотря на более высокие затраты в использовании паровой машины, они были более рентабельными для крупных предприятий, и количество ветряных мельниц резко сократилось. Началось так называемое «первое вымирание мельницы». Для ещё существующих ветряных мельниц была предложена реконструкция с применением электропривода, чтобы обеспечить существование малых и средних предприятий. Подобную мельницу с электроприводом продемонстрировали в 1936 году на выставке в Берлине.

Во время и после Второй мировой войны всё ещё существующие ветряные мельницы пережили короткий период расцвета, поскольку из-за отсутствия топлива, электрической энергии и исправных приводных машин, не было иной альтернативы для обеспечения механическими работами. Однако в 1950-х годах этот подъем завершился в Федеративной Республике Германия. На основании Закона о мельницах крупные предприятия избавились от нежелательной конкуренции за счет премий за закрытие ветряных мельниц – «второе вымирание мельницы». В результате количество коммерческих ветряных мельниц резко сократилось.

В 1980-х годах в Западной Германии получила развитие волна реставраций объектов культурного наследия образцов техники. Многие ветряные мельницы были восстановлены как индустриальные памятники. В них разместились музеи, рестораны, клубы. Мельницы сохранили свой сельский вид. А в некоторых – живут целыми семьями. Проведённая техническая реставрация ветряных мельниц не всегда была правильной и сопровождалась различными импровизациями.

К сожалению, профессия Мельника была вычеркнута из списка ремёсел в рамках закона о мельнице в 1950-х годах.

В Восточной Германии коллективизация уменьшила количество частных мельниц. После воссоединения Германии в 1990 году многие еще существующие мелкие мельницы не смогли выдержать конкуренции и в качестве коммерческих предприятий исчезли.

Сегодня в Германии около 1400 ветряных и водяных мельниц. Они ежегодно принимают участие в национальном празднике Мюлентаг (Mühlentag) в день Святой Троицы.

В Голландии в 19 веке на побережье были зафиксированы 10.000 ветряных мельниц, сейчас их число сократилось до 1000.

К концу 19 века ветряные мельницы можно было встретить во Франции, Нидерландах, Великобритании, Германии.

К теме мельниц ещё вернёмся и расскажем о промышленном комплексе, часть которого сохранилось в Краснознаменске.

16. Посёлок Добровольск.

Продолжая путешествие по Краснознаменскому району, отправимся в районный центр округа Пиллькаллен/Шлоссберг. Сегодня это посёлок Добровольск, из-за многочисленных разрушений во время упорных и кровопролитных боёв в январе 1945 года бывший центр округа не смог стать районным, эту функцию передали городу Краснознаменск.

В сопроводительном материале к туристическому маршруту достаточно много собрано о прошлом Пиллькаллена/Шлоссберга, рассказывая об истории Краснознаменского района, поэтому ограничимся некоторыми фактами и посетим места, связанные с событиями Первой мировой войной.

Рассказывая о гербе Пиллькаллен с тремя ветряными мельницами на горе, мы коснулись первых сведений этого места. Недалеко от города на Замковой горе (Шлоссберг) стояла прусская крепость. После разделения крупного поселения Шлосбергк, одна его часть стала называться Пилкалн (позднее: Пиллькаллен), а другие – носили имена первых колонистов. Впервые название Пикальн (Пилькаллен) встречается в 1545 году в связи со спором о наследстве. Название скорее всего происходит от литовского слова „Pikaln“: pilis – крепость, kalnas – гора. Здесь селилось много выходцев из Литвы и поэтому это название вошло в обиход. И примерно в 1600 году закрепилось окончательно.

Первое упоминание Шлоссберга в 1516 году в домово́й книге Рагнита относится к обширному и рассредоточенному поселению Шлосбергк, оно включало не только позднюю территорию города, но и близлежащие населённые пункты в районе современного посёлка Добровольск. Кстати, первым в домово́й книге Ранита на территории округа Шлоссберг был упомянут Бенигк, современный посёлок Долгое и лишь через 25 лет

появится запись о будущем районном центре. Так что, Шлосбергк-Пиллькаллен-Шлоссберг – не самое старинное поселение в округе.

Да и с церковным приходом в округе та же картина – Пиллькаллен станет второй церковной деревней в 1559 году, спустя 10 лет после образованного первого прихода в Ширвиндте. Имя первого пастора в церкви Пиллькаллен неизвестно. А вот после завершения строительства церкви в 1582 году была основана первая церковная школа в округе. В 1649 году

церковь на рыночной площади перестроили, и она представляла собой простую конструкцию с башенкой, в которую отлитый в 1706 году колокол призывал на службы долгое время. Спустя 100 лет её снесли из-за ветхости. Чертежи церкви в 1756 и 1758 годов были оценены королём Фридрихом Великим, как „очень pretiös“. Поэтому он приказал строить церковь дельной и крепкой, а строительство башни отложить, как и покраску, и ремонт часов, до лучших времен.

С появлением первых деревенских трактиров малонаселённый округ оживает и становится на путь экономического развития. Вторым в округе трактирщиком, получившим права на торговлю монопольным пивом и ведомственным бренди, а также разрешением торговать различными сопутствующими мелочами становится в 1566 году добрый Ганс по фамилии Пассауэр из Пиллькаллена. Через сто лет в этой деревне будет действовать уже три постоянных двора с полным перечнем услуг от предоставления свежей пары коней, продолжавшим свой путь коммивояжёрам, разгрузочного и перевалочного пункта для дилижансов и конных экипажей, гостиницы и харчевни. Как условие, трактирщик обязан был держать постоянный двор открытым днем и ночью для проезжающих торговцев и ремесленников. За временное жильё ничего не нужно было платить.

Впервые в 1640 году варить самому пиво и продавать его без обязательства покупать пиво у официальной монопольной пивоварни в Рагните было разрешено трактирщику Фридриху Штурму в Пиллькаллене.

Так появилась первая коммерческая пивоварня в Пиллькаллене, она обеспечила семье Штурм состояние и репутацию на протяжении многих поколений, а церковной деревне – позитивное экономическое развитие.

К середине XVII века Пиллькаллен представлял собой известный транспортный узел. Однако эпидемия чумы 1709 – 1711 годов унесла жизни многих горожан, и лишь в 14 домах не побывала смерть. Возрождая к жизни опустошённую территорию, при короле Фридрихе I началось переселение протестантов из Западной Европы, в Пиллькаллен прибыли выходцы из Нассау. В 1733

году было проведено первое Евангелическо-реформаторское богослужение духовником Кристианом Бургхардтом, прибывшего вместе с переселенцами. Его преемник пастор Коллинз добился королевского приказа в 1750 году о строительстве собственной реформатской церкви, который, однако, в 1819 году был упразднён.

16 марта 1725 года Фридрих Вильгельм Первый дарует населённому пункту городские права.

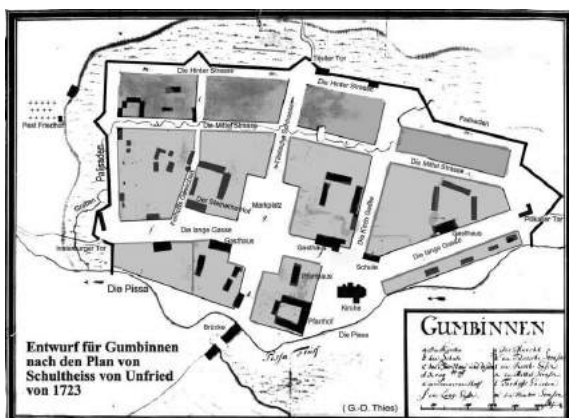

Планировкой Пиллькаллена занялся архитектор Иоахим Людвиг Шульцхайс фон Унфрид, директор по делам строительства в Кёнигсберге, до этого он занимался проектом юго-восточного крыла замка Кёнигсберг, которое было предназначено в качестве

резиденции прусского короля. Ему же принадлежала идея оснастить городские колодцы помпами. Единственное сохранившееся до наших дней здание работы этого архитектора — Королевский Сиротский дом на Литовском валу в Калининграде 1703 года постройки. Характерной же чертой города Пиллькаллен стала большая площадь прямоугольной формы, что вполне было типично для небольших городов Восточной Пруссии. К разработке планов застройки соседних городов – Даркменен, Тапиау,

Рагнит, Шталлупёнен, был причастен и знаменитый королевский архитектор.

Любопытно, что по указанию Фридриха Вильгельма I Иохим Людвиг Шульцхайс фон Унфрид принимал участие и в планировании самого Гумбиннена – столицы королевского округа. В идее плана был рисунок короля, где дороги от центральной площади расходились по четырём сторонам света.

В новой левобережной части столичного города Гумбиннен этот же архитектор спроектировал кирху в 1736–1739 годах, башня которой так и не была полностью достроена и всегда имела временную крышу, а также военную и гражданскую палату Гумбиннена.

Знаменитая Трагхаймская кирха в Кёнигсберге, сумевшая сохранить при пасторе Васянском, первом биографе Иммануила Канта, личные вещи

великого философа, была спроектирована Шультхайсом фон Унфридом. Именно в этой кирхе бракосочетался Рихард Вагнер с примой оперного театра Вильгельминой (Минной) Планер 24 ноября 1836 года.

Но вернёмся в Пиллькаллен, в период Семилетней войны. В 1757 – 58 годах русские войска вошли в город, бургомистр которого, лейтенант фон Плеве, столь храбро

защищал его, что за голову смельчака назначили вознаграждение в 2000 рублей, а за поимку живьём – 4000 рублей, однако все попытки схватить храбреца не увенчались успехом. В эти годы в церкви Пиллькаллена хранился русский двуглавый орёл и всё также молотили три мельницы на горе и одна водяная – у мельничного пруда.

В 1762 году, вскоре после ухода русской армии из Восточной Пруссии, Пиллькаллен становится гарнизонным городом, а конец 18 века отмечен его бурным развитием.

В ходе великой административной реформы в 1818 году был образован округ Пиллькаллен, а его административным центром был назначен город Пиллькаллен.

26 июля 1872 года в городе вспыхнул серьёзный пожар, ситуацию усугубила длительная засуха. В результате за несколько часов сгорело 50 жилых домов и 85 строений хозяйственных дворов, огонь уничтожил и множество сооружений в районе рынка. Благодаря помощи населения и пожертвованиям из-за границы город быстро восстановился, чему также способствовал строительный бум после победы над Францией в 1871 году.

В 1894 году появилась новая скотобойня, началась прокладка канализации. В Пиллькаллене находилась одна из двух наиболее производительных мельниц района – водяная мельница, которая была построена в 17 веке на мельничном пруду в северной части города. Последний её владелец, Адольф Швайнбергер, расширил её и переоборудовал по последнему слову техники.

С введением 27 января 1877 года закона о судоустройстве, в местном административном суде было сконцентрировано всё судопроизводство района Пиллькаллен. Кассационные жалобы рассматривались в Верховном суде в Рагните. Окружной суд размещался вместе с кадастровым управлением в здании из красного кирпича на Ширвиндт-штрассе, рядом с районным управлением. К нему была пристроена судебная тюрьма.

В 1892 году в городе проведено железнодорожное сообщение (ветка Шталлупёнен – Тильзит), что способствовало приросту населения Пиллькаллена: приблизительно на 1000 человек в 1900 году (общее число жителей составило, таким образом, 3860 человек), и ещё на 500 человек в 1910 году.

В округе Пиллькаллен в 1901 году была основана малая железная дорога (Pillkaller Kleinbahn). Она использовалась для грузовых и пассажирских перевозок ряда деревень и города Ширвиндт, имела протяженность 60 км. Не станем надолго задерживаться в районном центре Пиллькаллен, и отправимся в отдельных публикациях по узкоколейке путешествовать по округу.

С 1612 года в Пиллькаллене ежегодно проводили четыре ярмарки. Оживлённые и многолюдные базарные дни свидетельствовали о процветании города. Пивоварня тоже не уступала и имела хорошие продажи.

В 1908 году открывается новая народная школа, а в 1909 году – новая ратуша.

В 1908 году, при активном участии директора школы Кумштеллера, закладывается городской парк. Сначала саженцы для него привозили из угодий местных лесовладельцев, позже – из Бранденбурга и Шлезвиг-Гольштейна. Ольха и берёзы начали быстро расти, пустив корни в пластах глины, в которых попадался янтарь. Перед Второй мировой войной здесь нашли кусок янтаря величиной с ладонь. Государственная янтарная мануфактура в Кёнигсберге пожертвовала его для естественнонаучной коллекции, располагавшейся в народной школе

Шлоссберга.

Пиллькалленцы были замечены в пословицах: «Это за счастье прийти из Пиллькаллена непобеждённым», «У пиллькаллнца застревают в зубах, даже после молока», «Человек упивается, а лошадь напивается, в Пиллькаллене всё наоборот».

Известен был пиллькалленский шнапс из кобыльего молока: в горячий арак (анисовую водку) положить кубик сахара и добавить взбитых сливок, через соломку пить, как шампанское из бокала.

Ещё один рецепт шнапса по-пиллькалленски: хорошо наполнить стакан прозрачной или можжевелевой водкой, сверху положить ломтик ароматной ливерной колбасы, смазанной немного горчицей. Это была прекрасная замена ужину в весёлой компании, если съесть несколько подобных порций... О доставке домой беспокоиться не приходилось, лошадь сама находила дорогу к своей конюшне.

17 августа 1914 г. в Пиллькаллен вошли части 1-й русской армии под командованием генерала П. К. фон Ренненкампа. В течение осени 1914 г. — зимы 1915 г. город неоднократно оказывался в зоне боевых действий, был разрушен, но вскоре местные жители его восстановили.

После сражений было образовано захоронение, где нашли упокоение 74 русских и 80 немецких воинов. По окончании Второй мировой войны на его месте был создан мемориал. Здесь же были похоронены воины, погибшие в годы Второй мировой войны. В 1995–1998 гг. кладбище было восстановлено силами Молодёжного русско-немецкого лагеря.

1 августа 1998 г. состоялась церемония его открытия и освящения.

Захоронение является объектом культурного наследия местного (муниципального) значения (Постановление Правительства Калининградской области от 23 марта 2007 г. № 132).

Восстановление Пиллькаллена после боевых действий 1914 – 15 годов продолжалось вплоть до 200-летнего юбилея города. Особую лепту внесли города-побратимы Бреслау и Крефельд. Тогда же в Пиллькалене появилось центральное водоснабжение, на Замковой горе возвели водонапорную башню. В 1933 – 34 годах построили новую больницу на 116 мест, вскоре она вмещала 130 больных, а во время войны принимала 200-230 пациентов.

Одним из немногих, кто сопротивлялся нацистскому террору в Германии, был ландрат Пиллькаллена Вихард фон Бредоф (1888 – 1951). Одетый в военную форму, он ночью отправился в Ширвиндт и, угрожая оружием, предотвратил поджог еврейской синагоги, ставшей единственным иудейским храмом в правительственном округе Гумбиннен, не пострадавшим в «хрустальную ночь».

Когда 31 июля 1944 года советские танковые соединения прорвались севернее Нойштадта/Науместиса, поступил приказ от частичной эвакуации Шлоссберга, а 14 октября – приказ о полной эвакуации. 13 января 1945 года началось крупное наступление Красной Армии. Немецкие войска упорно обороняли Шлоссберг, но 16 января вынуждены были оставить сильно разрушенный город. От церкви тогда остались лишь боковые стены и фундамент башни.

Численность населения в Шлоссберге на 1939 год составляла 5 833 человека, на 1992 год в посёлке Добровольск проживало 1 400, в 2010 году – 1 700.

Источник: <http://genwiki.genealogy.net/Pillkallen>

17. Эрвин Шпер (Erwin Spehr). Об истории района Пиллькаллен/Шлоссберг. Продолжение...

Глава 4. Колонизация 16 века – начала 17 века.

В начале 16 века иммигранты расчистили прусскую приграничную дикую местность и, как позже будет упомянуто, основали первые поселения в будущем районе Шлоссберг.

В это время в большой политике произошел поворотный момент, который оказал решающее влияние на историю Восточной Пруссии – распался Орден. После Второго Торнского мира 1466 года Орден не смог восстановить своего ни политического, ни экономического положения.

В 1511 году 21-летний маркграф Альбрехт фон Бранденбург-Ансбах, Гогенцоллерн-Франконской ветви и племянник польского короля, был избран Великим магистром Ордена.

Альбрехт тщетно пытался заручиться поддержкой и помощью князей Германской империи и иностранных держав, избавиться от политической зависимости польского короля и устранить угрозу со стороны польско-литовской княжества.

При абсолютно пустой государственной казне Альбрехт Бранденбургский добился политической самостоятельности, заключив с польским королем в 1525 году Краковский мирный договор. Пруссия сохранила свою территорию, согласно Второму Торнскому договору 1466 года, но религиозно-военное государство было преобразовано в светское герцогство.

Великий Магистр Альбрехт фон Бранденбург-Ансбах упразднил Орден на территории Пруссии и стал первым наследным герцогом Пруссии. Одновременно герцог Альбрехт перешел в протестантство и после консультаций с Мартином Лютером осуществил Реформацию в своей стране. Таким образом, герцогство Пруссия стало первым протестантским государством в мире. Взамен герцог Альбрехт должен был признать польского короля феодалом и добровольно выйти из Священной Римской империи германской нации. Западная часть бывшего орденского государства, так называемая Королевская Пруссия, продолжала оставаться под польской короной в качестве автономной территории, как и епископство Вармии.

После достижения мира герцог Альбрехт приступил к восстановлению страны в экономическом и культурном плане. Он провел административные реформы, реорганизовал финансовую систему и, в результате Реформации, сменил церковную систему, развивал школы и основал в 1544 году Кенигсбергский университет. Он обратил особое внимание на колонизацию приграничных диких местностей на востоке и юге

страны, теперь освоение этих территорий шло планомерно и интенсивно. Расширение администрации в этих областях шло с трудом наряду со стремительным освоением земель.

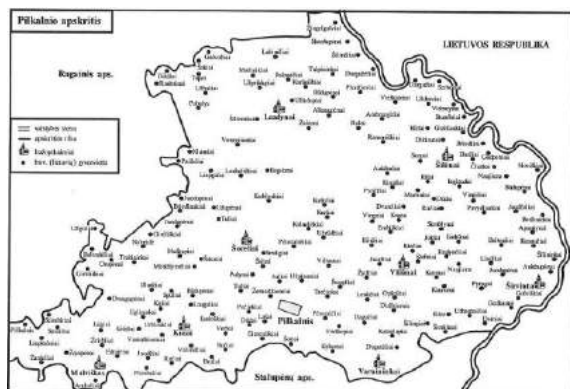
В районе Шлоссбергера сельские управы находились в Ласденене/Хазельберг (Краснознаменск), Тюлен/Райнкенвальде (несуществующее поселение северо-западне Добровольска), Ушпиаунен/Киесдорф (посёлок Никитовка), Дайнен/Дайне (несуществующее поселение на берегу реки Ширвинд юго-западнее посёлка Кутузово) и на юго-западе Ханише.

социальная нужда. Все чаще в протестантскую Пруссию бежали по религиозным убеждениям – с началом Контрреформации усиливалось давление на протестантов в Польше и Литве.

Будущий район Шлоссберг был быстро колонизирован в основном литовскими поселенцами. Если в 1540 году на территории района Пиллькаллен было 22 поселения, то в последующие 16 лет их количество увеличилось до 33 за счет разделений и новых образований, и в 1565 году уже было 72 деревни. Именно в это время было разделено старое крупное поселение Шлосбергк, одна его часть стала называться Пилкалн (позднее: Пиллькаллен), а все отделенные носили имя первого колониста, например, Дагучена/Тегнерскруг (несуществующее поселение юго-восточнее Добровольска) от Янелла Дагутча, Карчарнинггена/Блюменфельд (посёлок Железнодорожное) от Штеффана и Юкны Карцемнингк, Гроса Тюлен/Рейнкенвальде (несуществующее поселение северо-западне Добровольска) от Дженнисс Тулун, Петерайчена/Петерсхаузен (несуществующее поселение на южной окраине Добровольска) от Петера Яканта и Ушпияунен от Ушпияунена (посёлок Никитовка).

К 1580 году количество поселений увеличилось примерно до 100.

В том же году в главном управлении хауптамта Рагнит, к которому относилась большая часть округа, впервые были измерены все деревни и поместья. Этот кадастровый учёт – один из важнейших ранних документов поселений. Деревни в юго-западной части округа, подчиненные главному управлению хауптамта Инстербург, были измерены в 1595 году. К 1610 году количество деревень в округе увеличилось

до 121, а к 1625 году – примерно, до 160.

Обычно поселенцы создавали, так называемые, колонии трудовых фермеров – шарверкбауэров (Scharwerksbauern). Эти фермеры получали землю и строения от государства в долгосрочную бесплатную аренду и, как зарегистрировавшие владения, могли управлять фермой всю жизнь и передавать ее по наследству одному из своих детей. Такого фермера нельзя было без всякой причины лишить фермы, но и ему невозможно было покинуть ее без разрешения. Законным владельцем фермы являлся собственник земли (Grundherr). В районе Пиллькаллен владельцем земли был герцог, как безусловный суверен. В то время в будущем районе Шлоссберг дворянских или церковных поместий ещё не было. В свою очередь, фермер должен был платить ежегодный процент с хуфена, своего рода, налог на собственность, в дополнение к другим своим обязательствам. Хуфен было принято считать площадью около 15,6 га. Фермер этой колонии должен был еженедельно собственной техникой и на собственных животных обрабатывать государственные владения (домены), а также выезжать на заготовку зерна и леса, строительство дорог и другие общественные работы. Эта колония работников в вечной пахоте воспринималась угнетаемой.

В истории Восточной Пруссии с 1618 года началась Новая эра: второй герцог Альбрехт Фридрих умер, не оставив преемника. Согласно существовавшим договорам, герцогство перешло по наследству к родственникам Гогенцоллернов в Бранденбурге. Теперь герцогом далекой Пруссии являлся курфюрст Бранденбурга с резиденцией в Берлине. Прежде независимое герцогство Пруссия стала частью двойного государства Бранденбург-Пруссия. Берлин стал политическим центром, но Кенигсберг оставался в значительной степени независимой административной столицей Пруссии. Курфюрст редко посещал свои вновь приобретенные земли.

Эти политические изменения практически не затронули поселенцев в приграничной зоне. Колонизация при бранденбургских курфюрстах развивалась медленно, но уверено. Однако приток беженцев из Великой Литвы прекратился.

Дальнейшая экспансия литовцев на северо-восток Пруссии и образование множества литовских поселений произошло за счет увеличения рождаемости.

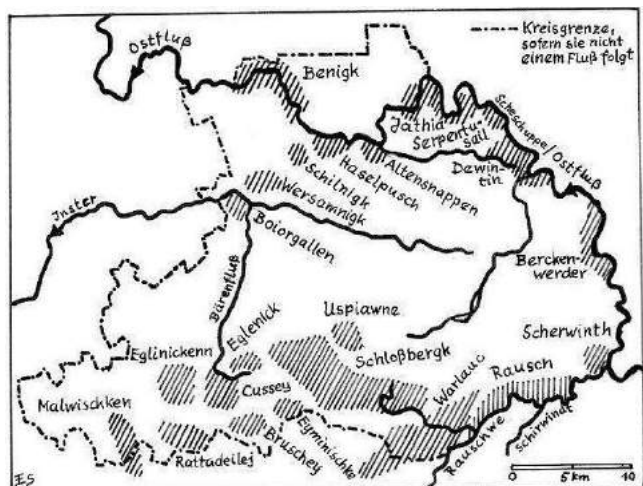

Bild 2. Der Stand der Besiedlung im Kreis Pillkallen 1539/40 (nach Otto Natus).

местность в пахотную землю.

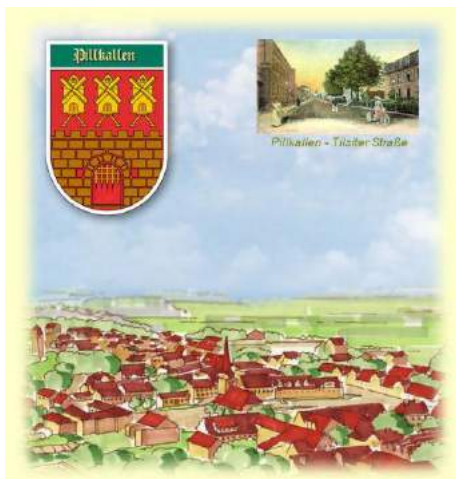
В 17 веке в страну усиливается приток немецких поселенцев в качестве ремесленников, трактирщиков (фермеров, имеющих лицензию на продажу пива и право на открытие трактиров, постоянных дворов) и землевладельцев с особыми кёльнскими правами (с юридическим подчинением городу Кёльн в решении спорных вопросов). Нередко и курфюрст награждал достойных людей владениями в округе колониальных поселений.

В районе Шлоссберг количество деревень и сёл продолжало расти, и к 1664 году их стало 194. Однако из-за неблагоприятных условий численность населения существенно не увеличивалась, а в последующие годы даже уменьшилась. Через 200 лет с начала колонизации в итоге, исключая непроходимые леса и болота, на востоке, западе и севере района поселенцы своим тяжким трудом превратили бывшую дикую

18. Эрвин Шпер (Erwin Spehr). Об истории района Пиллькаллен/Шлоссберг. Продолжение...

Глава 5. Условия жизни на территории поселения в 17 веке.

В начале колонизации семьи поселенцев были предоставлены сами себе и находились вдали от рынков, церквей и школ. Крестьяне полностью себя обеспечивали, их главной заботой было поддержка элементарного собственного существования. Лишь со временем, с увеличением числа дворов, образовались сельские общины, и администрация смогла создать районные центры обеспечения. Не удивительно, что и духовная жизнь изначально была на низком уровне. Церковное попечение поселенцев началось относительно поздно, это и неудивительно, при широкой разбросанности небольших деревень и поселений.

Первый приход в округе был основан в Ширвиндте (посёлок Кутузово) в 1549 году, предположительно, первым пастором был Томас Гедкант, проповедовавший там и в 1553 году. Десять лет спустя, в 1559 году, последовало основание прихода в Пиллькаллене/Шлоссберг (посёлок Добровольск). Имя первого пастора неизвестно, считается, что строительство самой церкви было закончено только в 1582 году. В северной части района в 1578 г. был открыт приход Ласденен/Хазельберг (город Краснознаменск) с первым пастором Станиславом Мусой. На юге в 1586 году был основан приход Куссен (посёлок Весново), первым проповедником которого был Майкл Саппун. Для разгрузки прихода Ширвиндт, в 1621 году был образован новый приход Виллунен (поселение не существует) с первым пастором Иоганн Лёбель. Первоначально на территории всего района действовали эти пять церквей. Лишь спустя добрую сотню лет был основан следующий приход, Малльвишкен/Малльвен (посёлок Майское Гусевского района).

С развитием церковной жизни возникли и первые школы. После завершения строительства церкви в Пиллькаллене в 1582 году здесь была основана первая церковная школа в округе. Другие школы этого типа были открыты в Куссене в 1586 году, в Виллунене в 1612 году, в Ласденене в 1650 году и в Ширвиндте в 1695 году. Несмотря на то, что существовали четкие правила обучения и воспитания, в то время было еще далеко до обязательного школьного обучения, лишь старшие ученики обучались, правда, нерегулярно, в летнее полугодие. Изначально сложившиеся не совсем благополучные условия жизни в этом малонаселенном районе не дали дальнейшего развития школьной системы. Поэтому основная часть населения оставалась неграмотной.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 019398
Mallwischken, Kreis Schloßberg, MT12099-5.
Gasthaus und Kolonialwarenhandlung Franz Berger. (1905-1909), © Otto Ziegler, Königsberg

Особое значение для экономического развития молодой колониальной территории имели деревенские трактиры. Это были первые основные пункты для торговли и транспортных путей в этом совершенно безлюдном районе. Крюгеры (фермеры с правами на продажу пива, содержание трактиров и постоянных дворов) назначались государственными лицами, это были, в основном, немцы с большим земельным

наделом. У них было не только право на продажу официального монопольного пива и ведомственного бренди, но и разрешение торговать различными товарами (торговля мелочами).

Первые права на открытие трактира в районе были предоставлены в середине 16 века: в 1556 году Георгу Петцу в Куссене и в 1566 году Гансу Пассауэру в Пиллькаллене. Немного позже – трактиры в Ширвиндте и Ласденене/Хазельберге. Очевидно, что церковные деревни превратились в центры торговли и общественной жизни. В 17 веке количество трактиров стремительно увеличилось, в 1665 году в округе насчитывалось уже 35 дворов, три в Пиллькаллене/Шлоссберг и по два в Ласденене/Хазельберг, Виллунен и Куссен. Впервые в 1640 году было разрешено трактиру Фридриха Штурма в Пиллькаллене

варить самому пиво и продавать его без обязательства покупать пиво у официальной монопольной пивоварни в Рагните. Так появилась первая коммерческая пивоварня в Пиллькаллене, она обеспечила семье Штурм состояние и репутацию на протяжении многих поколений, и принесла церковной деревне позитивное экономическое развитие.

Из-за чисто сельского устройства района Пиллькаллен условия передвижения по нему в то время были крайне плохими – всего несколько сплошных грунтовых проселочных дорог, правда южная густонаселенная часть района была развита несколько лучше. Куссен и Пиллькаллен представляли собой известные транспортные узлы, но большинство трактиров находилось в деревнях, лежавших вдоль основных дорог.

В районе, где позднее был образован округ Шлоссберг, как упоминалось раньше, жили преимущественно литовские крестьяне, очистившие дикую пустошь и создавшие пахотные земли. Естественно, они принесли с собой свои традиции, обычаи и язык. Таким образом, на северо-востоке Пруссии возникла территория с литовским характером, позднее этот район вошёл в расширенный правительственный округ Гумбиннен. Даже официальным языком того времени в этом регионе считался «Прусско-Литовский». В XVII веке так такового национального вопроса еще не существовало и не было проблем в этнической принадлежности. Литовцы

добровольно пришли в Пруссию в надежде улучшить свои экономические и социальные условия жизни. Они стали протестантами и вскоре почувствовали себя верными подданными этого государства, правопорядок которого они охотно признали.

С другой стороны, прусские власти стремились развивать и окультуривать страну. Приветствовали каждого человека, кто был трудолюбив, платил налоги, соблюдал церковные правила и законы государства. Чужда была любая мысль видеть в этих переселенцах опасность для немецкого облика страны. Напротив, государство поддерживало литовский народ, чтобы получить довольных подданных. Верные правилу Лютера, по возможности проповедовать Евангелие на родном языке, сюда приглашались пасторы, знающие литовский язык. Ещё герцог Альбрехт позволил литовцам обучаться и становиться пастырями, в 1547 году был переведён на литовский язык катехизис, а позже – гимны и отрывки из Библии.

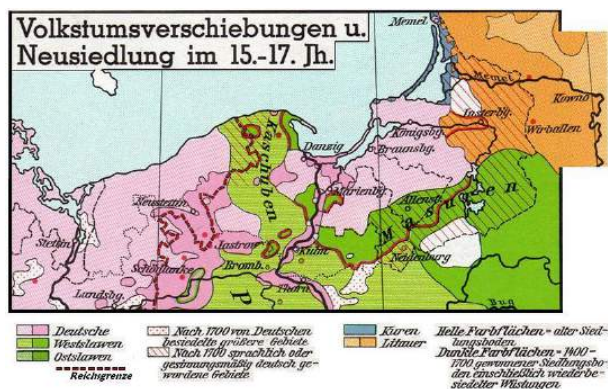

«Прусский литовец» того времени описывается как грубоватый, здоровенный человек, высокий и широкоплечий с каштановыми, иногда светлыми и прямыми волосами. Глаза у него были карие, часто встречались и голубоглазые, кожа обычно светлая, а лицо – узкое с выступающими скулами. Обладал живым и легко возбудимым темпераментом, общительный, любил развлечения, придерживался традиционных нравов, набожен, но в то же время был полон суеверий. Литовец – страстный любитель лошадей, искусный ремесленник, трудолюбивый и отзывчивый. Бережлив к еде, но любитель выпить, особенно на семейных торжествах.

Эта часть Пруссии сформирована литовцами, все города, реки, поля и тому подобное носили литовские названия. Это также относится к топонимам в районе Шлоссберг. Большинство были образованы от личных имен, часто, от имени первого поселенца. Мы уже упоминали об этом раньше, говоря о деревнях в окрестностях Шлоссберга. Подобные примеры можно продолжить: Бельзен (несуществующее поселение южнее посёлка Желанное) образовался от имени фермера Белзы, Эдеркемен/Эдерн (несуществующее поселение между посёлками Новинки и Майское) после Хорхе Эдра, Верскепхен/Шварцвизен (несуществующее поселение юго-восточнее посёлка Добровольск) после Петера Вершкупа, Хенскишкен/Хенскен (посёлок Желанное) после поселенца Ханске. Другие топонимы относятся к особенностям местности: Бершенингкен/Фишхтенхёз от слова бержас (berszas) береза, Эггленингкен/Киефернберг (несуществующее поселение в районе посёлков Заозёрное и Новинки) от литовского слова эгле (egle), означающее пихту, Лаукелишкен/Цёсарсруэ (несуществующее поселение восточнее посёлка Толстово) и Лаугаллен/Лоренцен и Кляйнягерсвальде от литовского слова лаукас (laukas) – поле и галас (galas) – конец, Паплиенен (Моормюле и Вальддорф) от литовского слова плинас (plynas) – плоский или лысый, Шилленингкен/Эбертанн и Остдорф (несуществующее поселение на восточной границе на берегу Шешупе) от литовского слова шилас (schilas), означающее вереск.

Некоторые немецкие топонимы, существовавшие до литовской иммиграции, были переведены на литовский язык буквально: Шлоссберг в Пиллькаллен, Хасельбуш в Ласденен и Сибенлинден в Септинлёпен (несуществующее поселение восточнее посёлка Февральское). Позже их перевели обратно.

Литовоязычный регион на северо-востоке Пруссии сохранялся относительно долгое время, благодаря своему единству на протяжении веков. В результате эпидемии Великой чумы и последующего переселения народов, в основном немцев, литовский язык пришел в упадок и в течение 18-19 веков нижний прусский диалект утвердился в качестве разговорного языка. В начале XX

столетия в районе Шлоссберг мало кто говорил по-литовски. Оставались, конечно, названия мест, которые были изменены только в 1929 и 1938 годах. Сохранились имена, многие из них можно узнать по окончании -eit, -at, -ies, например, Кальвейт, Шилейт, Науёкат, Бакшат, Руддиес, Балзиес. Многие литовские слова, более или менее измененные, вошли в нижнепруссский диалект, например, диршус (Dirschus) – ремень; хитшке (Hietschke) – жеребенок; магритш (Magritsch) – бесплатное приложение; мешкиннес (Meschkinnes) – медовый ликер, бэренфанг; пирак (Pierak) – белый хлеб, штрейзель; рапетшке (Rapetschke) – жаба, рапук (Rapuck) – кольраби, брюква; шепкус (Scherkus) – половник, шипель (Schiepel) – птенец.

Продолжение следует...

19. Поселение Виллунен.

Довольно часто, в рассказах об истории округа Пиллькаллен/Шлоссберг – современного Краснознаменского района Калининградской области, – упоминается о поселении Виллунен.

Прокладывая маршрут по Краснознаменскому району «...в поисках камней Первой мировой...», мы решили от посёлка Добровольск отправиться на восток, на самую древнюю восточную границу в Европе, где когда-то стоял город Ширвиндт, сегодня это пограничный с Литвой посёлок Кутузово.

А по пути следования мы успеем немного поведать историю Виллунена...

Приход Виллунен был основан с целью разгрузить церковный приход Ширвиндт в 1621 году, и образованная новая община с его первым пастором Иоганном Лёбелем объединила немало протестантов, проживающих в северо-восточной части Восточной Пруссии, так называемой «Прусской Литве».

После Второй мировой войны некоторое время здесь ещё находились жилые постройки, поселение в 1946 году получило название Измайлово, позднее

территория стала частью военного полигона и в результате жители покинули этот посёлок.

Собирая материалы для издания о кирхах, расположенные на севере Восточной Пруссии, Анатолий Бахтин в 1992 году констатировал факт полного разрушения одного из самых красивых молитвенных домов в округе Пиллькаллен, от которого остался лишь фрагмент фундамента, – церкви Виллунен.

Сама церковная деревня была разрушена во время боёв Второй мировой войны. Ещё в ходе осеннего наступления Красной армии в 1944 году через Ширвиндт, жителей Виллунена эвакуировали. Фронт остановился на подступах к деревне до января 1945 года, 16-го числа Виллунен был окончательно взят. Множество заброшенных военных объектов – бункеры и огневые точки – ещё свидетельствуют о тех днях...

В настоящее время по этой местности пролегает Российская трасса R 509 (27А-013), которая соединяет Добровольск с литовской государственной границей (внешней границей ЕС) в Кудиркос-Науместисе (Нойштадт).

Willuhnen

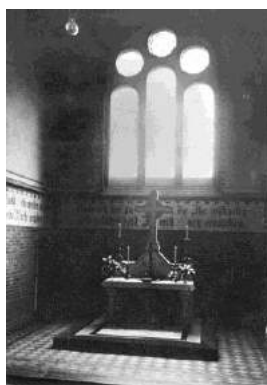
До образования в Виллунене церковного прихода, в 1612 году здесь была открыта школа и в результате возникли предпосылки для образования крепкой приходской общины и строительства первой её церкви. Построенная в 17 веке церковь в Виллунене дважды страдала от ударов молнии и к концу 19 века совсем обветшала.

В период с 1893 по 1895 годы началось строительство кирпичного храма с высокой башней. Остроконечные угловые башенки придавали знаковые очертания строению и церковь хорошо была видна издалека. Кирха Виллунена считалась одной из самых красивых церквей в районе Пиллькаллен.

бокам каждого из которых стояли подсвечники.

В архитектуре протестантской приходской церкви Виллунен присутствовали элементы неороманского стиля. В интерьере были предусмотрены затененные галереи, – на западной стоял орган. В хоре располагался простой алтарь на фоне большого креста и маленьким распятием перед ним, по

Церковь располагалась к северу от главной улицы, недалеко от станции Пиллькалленской узкоколейки.

В результате административной реформы 1815 года Виллуненский приход включили в северо-восточной район Пруссии Пиллькаллен. На 1874 год церковный приход насчитывал 19 сельских поселений и хозяйских дворов.

Деревня Виллунен в абсолютно сельскохозяйственной местности с приходом малой железной дороги переживала экономический подъём.

Единственным озером в округе Пиллькаллен являлось озеро Виллунен-Зее площадью 1,18 кв. км. Землевладелец Валлат арендовал его у казначейства в 1841 году, а затем в 1884 году приобрел территорию. Озеро 500 метров в ширину и 4 км в длину было популярным местом остановки перелетных птиц. После Второй мировой войны территория озера стала частью военного полигона и до сих пор недоступна.

Незадолго до Первой мировой войны в деревне Виллунен на юге озера Виллунен-Зее проживало почти 200 жителей.

В августе 1914 года приходская деревня со всем приходом была оккупирована и разрушена русскими войсками. Позднее она была восстановлена, благодаря чрезвычайной финансовой государственной программе.

Большой самостоятельный приход Виллуненской церкви включал, помимо самой приходской деревни, ещё 38 поселений и на 1925 год насчитывал 4 417 прихожан. На 1939 год в церковной деревне проживало 291 человек. В апреле 1939 года жители Виллунен стали зрителями, а некоторые и участниками восточно-прусского ралли.

Наша следующая остановка о маршрутной карте приграничный посёлок Кутузово – бывший второй город округа Пиллькаллен Ширвиндт.

Источники: <http://wiki-de.genealogy.net/Willuhnen> и https://de.wikipedia.org/wiki/Kirche_Willuhnen

20. «ТРИУМФ И ТРАГЕДИИ ДВУХ ГЕНЕРАЛОВ».

Автор Г. В. Кретинин, доктор исторических наук, профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта.

В статье рассмотрен спорный вопрос о роли российских генералов в Гумбинненском сражении 1914 г. и в целом в операциях русских войск в Восточной Пруссии в 1914—1915 гг. Проанализированы взаимоотношения генералов П. К. Ренненкампа и Н. А. Епанчина на фоне боевой деятельности русских войск на начальном этапе Первой мировой войны.

Двадцатого августа 1914 г. вблизи восточно-прусского городка Гумбиннен произошло приграничное сражение между российскими и немецкими войсками, итоги которого, по распространенному в отечественной историографии мнению, оказали решающее влияние на общий ход Первой мировой войны. В частности, К. А. Залесский утверждает, что «победа русских войск под Гумбинненом... стала исходной точкой изменения всего хода Первой мировой войны буквально в первые ее дни».

В то же время эта победа до настоящего времени практически безымянна. Очевидно, что назвать ее творцом можно русского солдата, вынесшего на себе всю тяжесть сражения.

Однако любое сражение — это определенным образом организованное действие. Советская историография не скрывала перечень военачальников Восточно-Прусской операции 1914 г., однако чаще всего речь шла об одном полководце.

Генерал-от-кавалерии П. К. Ренненкампф, Высочайше награжденный за боевые отличия орденом св. Владимира 2-й степени с орденом. Из ф-та Ренца в Штутте.

Шестидесятилетний генерал от кавалерии Павел Карлович Ренненкампф имел богатый боевой опыт. Ордена Св. Георгия 4-й и 3-й степеней он получил еще в 1900 г. за участие в Китайской кампании, отличился в Русско-японской войне 1904—1905 гг. В условиях военного времени Ренненкампф принял решительные меры для восстановления, нарушенного в ходе революционных событий, движения по Транссибирской магистрали. Заслуги были отмечены высшими воинскими званиями: к генералу от кавалерии добавилось звание генерал-адъютант.

Ренненкампф имел прямое отношение к Гумбинненской операции — именно в полосе действия его армии произошло сражение. Первая русская армия вторглась в Восточную Пруссию на фронте более 70 км от Владиславова (ныне Науместис, Литва) до Мазурских озер. В сражении приняли участие все корпуса (3, 4 и 20-й), входившие в состав армии.

Однако наиболее активная часть сражения пришлась на долю 3-го корпуса (к 1913 г. его основу составили 25-я и 27-я пехотные дивизии). Командир корпуса уделял боевой подготовке вверенных ему соединений особое внимание, корпус в целом считался на северо-западном театре военных действий одним из лучших. Командование им было передано генералу от инфантерии Николаю Алексеевичу Епанчину, человеку незаурядному и познавшему впоследствии на восточно-пруссках полях и военную удачу, и горечь поражений.

Потомственный дворянин Новгородской губернии, Н. А. Епанчин родился в 1857 г. Интересный факт: высший генералитет русской армии, особенно на начальном этапе Первой мировой, имел в основном солидный возраст — старше 55 лет. Не потому ли не выдвинулись действительно яркие личности, способные в годы Гражданской войны сплотить и повести за собой россиян во имя сохранения Отечества? Принадлежность к знаменитому роду (только в XIX в. в нем насчитывалось два полных адмирала, контр-адмиралом стал и отец Николая Алексеевича) помогла Епанчину, нарушившему семейную традицию, стать полным пехотным генералом.

Блестящая служба: сначала в лейб-гвардии Преображенском полку, затем командование этим полком, назначение в свиту Его Императорского Величества, командование привилегированным Пажеским корпусом... Однако Епанчин продвигался по служебной лестнице не только в силу знатного происхождения. Его фамилия была занесена на мраморную доску выпускников 1-го военного Павловского училища. С честью и достоинством, проявляя храбрость, он воевал с турками в Болгарии в 1877—1878 гг. и был награжден двумя орденами. Академию Генерального штаба он закончил по первому разряду (по нынешним меркам — диплом с отличием). За отличные успехи в науках во время обучения в академии в 1882 г. он был поощрен «годовичным жалованьем по чину из основного оклада», а при выпуске из академии получил «300 рублей на первичное обзаведение лошадью со всей принадлежностью».

Увлекала его наука и позже: в 1895 г. за «Очерк действий западного отряда генерала-адъютанта Гурко» Епанчин был удостоен благодарности императора Николая II, а затем премии Академии Генерального штаба.

В 1908 г. Императорская академия наук наградила генерала Епанчина Большой премией за «Очерк похода 1829 г. в Европейскую Турцию». Впрочем, впоследствии склонность к историческим обобщениям сыграет в судьбе Епанчина трагическую роль.

Будучи назначен в войска, вначале он командовал пехотной дивизией, а затем получил под свое начало армейский корпус. Боевая деятельность этого корпуса на территории Восточной Пруссии делится на два периода: лето — осень 1914 г. и зима 1914/15 г.

До настоящего времени продолжают споры вокруг роли Ренненкампа и Епанчина в Гумбинненском сражении.

Епанчин в воспоминаниях, естественно, отмечает свою ведущую роль в организации контратаки немецких боевых порядков 20 августа 1914 г. Он сообщает, что не согласился с начальником штаба 1-й армии генералом Милеантом, пытавшимся от имени командующего армией отменить решение о контратаке. Ренненкампф, присутствовавший на

командном пункте 3-го корпуса, по словам Епанчина, был растерян, а решение перейти в наступление (впрочем, как и последующее — прекратить преследование отступающего противника) принимал командир корпуса.

Генерал А. П. Будберг излагает эти обстоятельства несколько иначе: Ренненкампф, прибыв в штаб корпуса, наоборот, утвердил решение Епанчина. Надо отдать должное последнему: действовал он вполне профессионально, смог организовать управление дивизиями и в целом не выпускал из рук руководства боем.

К недостаткам генерала, по мнению русского военного историка А. А. Керсновского, следует отнести нерешительность, проявленную им при преследовании отступавшего противника.

В августе 2014 г. в Гусеве (бывшем Гумбиннене) была открыта мемориальная доска генералу П. К. Ренненкампу. Звучали слова благодарности командующему армией как организатору победы, генерал Епанчин не упоминался вовсе. Однако лавры победителя надо было передать Епанчину — все-таки он руководил действиями 3-го корпуса.

В сражении участвовали и другие соединения, руководство всем армейским механизмом пришлось на командование армии (другое дело, насколько удачным было это руководство). Следует отметить и опосредованный вклад Ренненкампа в успех русских войск под Гумбинненом.

Важнейшую роль в победе сыграли 25-я и 27-я пехотные дивизии, которые он готовил к войне, будучи командиром 3-го корпуса. При вторжении в Восточную Пруссию они понесли большие потери, затем были восстановлены, но слаженности и мастерства, проявленных 20 августа 1914 г., им добиться уже не удалось.

Последующие действия командующего 1-й армией генерала Ренненкампа в Восточно-Прусской операции получили в отечественной историографии негативную оценку. Известные военные историки А. Зайончковский, А. Коленковский, А. Строков наряду с отмеченными идеологичностью определениями генерала как «предателя», «беспринципного и безжалостного самодура», характеризовали его самого и стиль его руководства войсками так: «пассивный», «осторожный», «бездеятельный»,

«малодушное полководчество», «преступная безграмотность» и др.

Известно, что немецкое командование после разгрома 2-й армии генерала Самсонова сосредоточило свои усилия на попытке окружения войск 1-й армии генерала Ренненкампа в среднем течении р. Неман. Начальник штаба 8-й немецкой армии генерал Э. Людендорф впоследствии писал: «Мы хотели, насколько окажется возможным, прижать русских к Неману. Но одновременно нужно было считаться с тем, что Ренненкампф... был в состоянии перейти в энергичную контратаку».

Людендорф был прав. Его противник, оценив опасность, исходившую от немецких войск на левом фланге русских, быстрым рокадным движением направил туда со своего правого фланга наиболее боеспособный в тот момент 20-й армейский корпус под командованием генерала В. В. Смирнова. Совместно с соединениями 2-го армейского корпуса генерала В. А. Слюсаренко русским войскам удалось укрепить свои позиции и обеспечить планомерный отход основных сил армии к границе. Действия русских войск были настолько успешными, что Ренненкампф 10 сентября предложил командующему Северо-Западным фронтом генералу Я. Г. Жилинскому остановить отход и перейти в наступление. Жилинский, напротив, требовал скорейшего отступления, причем не только к границе, но даже за Неман, так что Людендорфу повезло.

Ренненкампф на приказ Жилинского ответил, сдерживая себя и соблюдая военную этику: «Как подчиненный военнослужащий, конечно выполняю... Самое трудное и тяжелое — это даже говорить об отходе за Неман; после этого отхода и думать нельзя будет о каком-то успешном наступлении. Войска потеряют всякую веру в себя и своих начальников... Хотя мы понесли тяжелые потери, но большинство частей к бою вполне способны. Сегодня ходили в штыки и завтра пойдут, если нужно. Отойдя же за Неман, они на это уже не будут способны».

Попытка немцев разгромить 1-ю армию оказалась безуспешной. Генералу Ренненкампфу удалось сорвать их замысел и вывести (хотя и ценой больших потерь) свою армию из Восточной Пруссии вполне боеспособной. Современный английский историк Джон Киган пишет: «Ренненкампф начал отступление с боем, через

озера и выше (по географической широте. — Г. К.), перебрасывая силы с фланга на фланг, туда, где возникала необходимость в подкреплении. Тринадцатого сентября Ренненкампф со всей армией пересек границу, преследуемый немцами».

Войска 3-го армейского корпуса, действовавшие на кёнигсбергском направлении по левому берегу р. Прегель, особо себя не проявили, но и неудач не испытали. Епанчин продолжал командование корпусом и к середине сентября успешно вывел свои войска вместе с другими корпусами из-под удара немецких войск.

Вскоре после Восточно-Прусской операции 1914 г. пути двух генералов разошлись, но последующие их судьбы оказались трагическими.

Новый командующий фронтом генерал Н. В. Рузский заставил все-таки 1-ю армию отойти за р. Неман. Но 28 сентября 1914 г. русские войска начали новое наступление, получившее название «Второй поход в Восточную Пруссию».

Русские войска уже не могли с этого направления оказывать решающее влияние на судьбу всей войны, и новая операция вскоре превратилась во второстепенное действие как для немецких, так и для русских войск. Командование Северо-Западным фронтом сосредоточило свои усилия на Варшавском направлении, перебросив туда значительную часть

своих сил. Генерал Ренненкампф в той же должности командующего 1-й армией принял участие в Лодзинской операции 1914 г. Перед убытием к новому месту службы он написал Епанчину письмо:

«Уважаемый Николай Алексеевич! Волею судеб расстаюсь с Вами и со славными войсками Вашего корпуса. От души желаю Вам и всем полного успеха и полной удачи... Сердечно уважающий Вас, Ренненкампф».

Под Лодзью ему не удалось подтвердить свои полководческие способности. По настоянию командующего Северо-Западным фронтом генерала Рузского он был уволен с военной службы, а в 1918 г., отказавшись перейти на сторону красных, генерал П. К. Ренненкампф погиб.

Генерал Епанчин, напротив, продолжил командование 3-м армейским корпусом и осенью 1914 г. вновь оказался в Восточной Пруссии. Во второй половине октября в Восточной Пруссии действовала сформированная в августе 10-я русская армия, занявшая Голдап, Шталлупёнен, Роминтенскую пушу и полосу далее вдоль границы к междуречью рек Шешупа и Неман. В эту армию вошел и 3-й армейский корпус генерала Епанчина. Состав корпуса изменился, значительную часть его сил сформировали

второочередные и крепостные соединения.

Действия разнородных сил корпуса (Вержболовской группы войск) зимой 1914/15 гг. получили название Ласдененской операции. Подробные ее описания оставили непосредственные участники А. П. Будберг и И. А. Хольмсен. Н. А. Епанчин в воспоминаниях широко цитирует своих сослуживцев, но делает это как бы в качестве оправдания. Воспоминания генералов-эмигрантов отличаются излишней эмоциональностью, схожим подходом к оценке происходивших событий, повышенным вниманием к межличностным отношениям. Еще один участник операции, А. К. Коленковский, в отличие от зарубежных авторов имел возможность работать с документами Первой мировой войны, оказавшимися в советских архивах. Он дал оперативно-тактический анализ всей Зимней операции 10-й русской армии в Восточной Пруссии на рубеже 1914—1915 гг.

Создание комплексного труда, в котором с учетом современных знаний было бы рассказано не только о столкновении боевых порядков сражавшихся армий, но и о противостоявших стратегиях на театре военных действий, остается насущной задачей для нашей науки.

Ласдененская операция для русских войск оказалась неудачной. Причины понятны: откровенно плохое руководство войсками со стороны командования как Северо-Западным фронтом, так и 10-й русской армией, потеря управления войсками, плохая разведка, очевидные провалы в материально-техническом обеспечении и др. А. А. Керсновский

откровенно назвал эту операцию «бессмысленной». Однако никто из исследователей не отрицал, что оперативная обстановка требовала обеспечить фланги как немецкой, так и русской армии на левом берегу р. Неман. Здесь интересы противников столкнулись, вопрос заключался только в одном: кто кого опередит. опередили немцы.

Немецкое командование сосредоточило свои усилия на разгроме обоих флангов 10-й армии и выходе в ее тыл и добилось успеха. Но если в районе Августова очевидны просчеты русского командования, «потерявшего» разгромленный 20-й корпус, то на правом фланге русских ситуация была иной. Вержболовская группа генерала Епанчина, стараясь обеспечить выполнение оперативного замысла русского командования на начало 1915 г., заключавшегося в занятии Восточной Пруссии до Вислы, еще в декабре предыдущего года приступила к подготовке условий для будущего наступления. Епанчину предстояло занять Ласдененский лесной массив и междуречье Инструч — Шешупа.

Втянувшись в затяжные, изматывающие бои, в тяжелых зимних условиях, на растянутом почти до 90 км фронте, не имевшая резервов Вержболовская группа к февралю 1915 г. практически утратила свою боеспособность. Хольмсен называл состав этой группы «разношерстным», «сумбурной кашей». Командир одного из отрядов, наступавших

на Ласденен, полковник Бискупский, доносил: «У меня страшно трудный отряд и приходится воздействовать на психику людей, чтобы привести их в мало-мальский порядок».

Немецкое командование опередило русских, и 7 февраля начало наступление на группу войск генерала Епанчина превосходящим числом. Силы были неравными, и Епанчину пришлось отвести основную часть своих войск за Неман, в Ковно.

Одновременно открывался для удара правый фланг соседнего с Вержболовской группой 20-го корпуса под командованием генерала Булгакова, который в результате был разгромлен. Одним из виновников поражения русских войск и значительной утраты территории был назван генерал Епанчин. Его отстранили от командования корпусом и назначили в распоряжение начальника Двинского военного округа.

Н. А. Епанчин.

Генерал не считал себя виновным. Некоторое время он находился в Ковно и принял решение написать записку о действиях Вержболовской группы (прежде ему приходилось описывать исторические события, теперь же — то, что произошло при его непосредственном участии). Ему удалось получить на руки копии боевых документов, на основании которых он изложил ход боевых действий в период с 25 января по 13 февраля. Епанчин подчеркивал, что, передавая факты, он не критиковал действия вышестоящего командования (армии, фронта, Ставки). Но тут он противоречил себе, ибо сами «факты говорили очень ясно о том, как совершались события».

Факты же свидетельствовали, что идея занятия Восточной Пруссии принадлежала Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу, дяде императора. Своим влиянием он заставил воспринять эту идею командующего фронтом генерала Рузского, через последнего — командарма Сиверса. Не обеспеченная надлежащим образом операция оказалась обречена на неудачу. Виновниками катастрофы были не Епанчин, Булгаков и другие военачальники более низкого звена, хотя они тоже допускали ошибки.

Епанчин черновик своей записки отправил в Петроград, попросил размножить в 20 экземплярах и распространил их среди влиятельных лиц («самиздат» был популярен всегда). В их числе были мать императора императрица Мария Фёдоровна, великий князь Сергей Михайлович. Попала записка и к Верховному главнокомандующему.

В марте Верховный главнокомандующий принял решение об увольнении с действительной службы генерала Епанчина... по болезни — увольнение в отставку с правом ношения мундира и пенсией. В конце апреля начальник Генерального штаба своим письмом предложил Епанчину «воздержаться от дальнейшего распространения изданной им записки о действиях Вержболовской группы».

Однако было уже поздно. «Тираж» разошелся. Экземпляр записки не отложился даже в делах военного архива, он неизвестен до сего времени. Автор данной статьи обращался по этому вопросу к ныне здравствующему барону Э. А. Фальц-Фейну, внуку генерала (умер 17 ноября 2018 года), но и он ничем помочь не смог.

Между тем Верховный главнокомандующий не оставил «творческие усилия Епанчина без последствий»: 30 апреля на докладной записке военного министра «О возможности испрошения командиру III армейского корпуса генералу от инфантерии Епанчину Высочайшей милости — права ношения в отставке мундира действительной службы» он наложил резолюцию: «Верховный главнокомандующий считает, что генерал Епанчин подлежит увольнению “без мундира”». Не смог помочь Епанчину и новый главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал Алексеев. На его обращение по команде последовал тот же ответ: «Верховный главнокомандующий не признает возможным награждение мундиром».

Казалось бы, столько лет службы, награды, звания, пенсия, что еще нужно человеку? Видимо, только кадровый военный, посвятивший всю жизнь избранному делу, может понять, что означает фраза «уволить без права ношения мундира»! Епанчин тяжело переживал эту трагедию.

Летом 1916 г. он вернулся на военную службу, но участия в боевых действиях не принимал. Он находился в распоряжении командующего Одесским военным округом, занимался формированием резервов, командовал стрелковой дивизией. Тринадцатого (26) июля 1917 г. подал прошение об отставке «с мундиром и пенсией». Прошение удовлетворили, и 24 октября (6 ноября), в последний день существования

Временного правительства, генерал от инфантерии Н. А. Епанчин был «уволен от службы с награждением мундиром и пенсией».

Последнее общение генералов Ренненкампа и Епанчина состоялось в письменной форме летом 1917 г. Краткая переписка была связана с Гумбинненским сражением. Как сообщил Епанчин, в военных кругах сформировалось убеждение, что за события начального периода войны в Восточной Пруссии по Георгиевскому статуту он мог получить Георгиевский крест.

Ни Епанчин, ни Ренненкампа Георгиевских крестов за Гумбиннен не получили. Епанчин 14 ноября 1914 г. был награжден орденом Белого орла с мечами. Подав в отставку, он мог обратиться в Георгиевскую думу, приложив к обращению свидетельские показания участников боя. Одним из таких свидетелей стал его непосредственный начальник генерал Ренненкампа. Епанчин пишет: «Я написал частное письмо бывшему командующему 1-й армией генералу Ренненкампу, прося его заключения. Через некоторое время я получил от него благоприятный официальный отзыв...».

Но было уже поздно, Георгиевская дума больше не заседала, и генерал Епанчин оказался без заслуженной награды.

Революцию Епанчин, как и Ренненкампф, не принял, а в 1920 г. с семьей выехал из Крыма в эмиграцию. Как и у большинства семей российских генералов за пределами России, жизнь Епанчиных была нелегкой (впрочем, у тех, кто остался на Родине, тоже). После того как Черчилль в одной из своих публикаций лестно отозвался о победе русского оружия под Гумбинненом, Н. А. Епанчин обратился к нему за помощью. Будущий премьер Великобритании ответил издевательски, что, мол, у его страны средств на такие пенсии нет, но он, Черчилль, может обратиться к Советскому правительству, оно не откажет старому генералу, Епанчин сможет вернуться в свою страну, где ему помогут (!).

Умер Н. А. Епанчин в 1941 г.

* * *

Как бы высокопарно это ни звучало, но творцами Гумбинненской победы следует считать генералов П. К. Ренненкампфа, Н. А. Епанчина и русских солдат. Обобщенный образ солдата представлен в городе Гусеве (бывший Гумбиннен) скульптурой «Штыковая атака» работы В. Суровцева.

Отмечена память о генерале Ренненкампфе.

Перед жителями Гусева остался долг: достойно увековечить память о втором генерале — Николае Алексеевиче Епанчине.

О планируемом памятнике Н. А. Епанчину <https://gusev-online.ru/news/obshestvo/13914-nikolaj-alekseevich-epanchin-kto-on-takoj-i-pochemu-pamjat-o-nem-uvekovечат-v-centre-goroda.html#comment>

(На странице проекта в социальных сетях опубликована заметка о русском дворянском роде Епанчиных <https://www.facebook.com/ProektHistoryk39/posts/210539027312235>)

21. «России принадлежит мое сердце...»

Памяти барона Эдуарда Александровича Фальц-Фейна.

18 ноября 2018 года не стало самого старшего из русских изгнанников «первой волны», родившихся в России и вынужденно покинувших её, Фальц-Фейна. Всю сознательную жизнь прожив на чужбине, он любил свою Родину не только на словах, но деятельно и предметно. Несколько десятилетий он посильно служил России, ее истории и культуре. «Русская идея» барона Фальц-Фейна зиждется на удивительном

воспитании и уходит корнями в жизнь его предков – Епанчиных и Фальц-Фейнов.

«Моя мама так и не приняла никакого подданства, когда мы после долгих путешествий по разным странам остановились в Лихтенштейне».

Его участие в поисках легендарной Янтарной комнаты, её подлинника, помогло рождению нового чуда. В том, что ныне в Царском Селе «сияет золотом и медом» Янтарная комната, его огромная заслуга. В память об этом славном свершении в Екатерининском дворце установлен бюст Эдуарда Александровича.

Именно Фальц-Фейн установил на перевале Сен-Готард в Швейцарских Альпах конную статую генералиссимуса А. В. Суворова (скульптор Д. Н. Тугаринов) в память о знаменитом переходе русской армии через Альпы в 1799 году. Барон Фальц-Фейн придавал особую ролью «культурной» дипломатии в установлении отношений между странами и народами.

Академик Д. С. Лихачев очень высоко ценил

деятельность Эдуарда Александровича и активно сотрудничал с ним в период существования Советского фонда культуры.

Безусловно, одним из важнейших его деяний в последнее двадцатилетие была изящная дипломатическая комбинация, в результате которой в Россию поступил архив известного следователя Н. А. Соколова, в годы Гражданской войны расследовавшего убийство царской семьи в Екатеринбурге.

Э. А. Фальц-Фейн не только вернул на родину бесчисленное количество культурных ценностей – архивов, картин, книг и т.д. Он способствовал переносу в Россию праха великого Федора Шляпина. Создал музеи, в том числе Екатерины Великой в Германии.

Ставил памятники и обихаживал на заграничных кладбищах могилы наших соотечественников (например, дочерей Ф. М. Достоевского). На Западе Фальц-Фейн олицетворял историческую Россию, выступал ее защитником и радетелем. Помогал он и Советской России. Достаточно вспомнить, что во многом благодаря барону Фальц-Фейну, председателю Олимпийского комитета Лихтенштейна, его обаянию, связям и дипломатическим способностям Москва

«получила» летнюю Олимпиаду 1980 года.

Барон Эдуард Алекандрович фон Фальц-Фейн родился в начале XX века, в 1912 году – потомок двух славных Российских родов: Фальц-Фейнов и Епанчиных.

Первые представители Фальц-Фейнов прибыли в Россию по указу императрицы Екатерины II (1763) о заселении колонистами из европейских стран причерноморских и поволжских степей. Будучи немцами по происхождению, присягнули на верность русскому престолу, верой и правдой служили государству Российскому более ста лет. Они принесли с собой и развивали высокую культуру земледелия и овцеводства, коневодство и торговлю на юг России. Фальц-Фейны создали знаменитый на весь мир заповедник Аскания-Нова.

За заслуги перед Отечеством были удостоены личной благодарности государей: Александр II – за бескорыстное снабжение русской армии в Крымскую кампанию – своей милостью утвердил соединение двух фамилий основателей рода в одну. Николай II – даровал Фальц-Фейнам потомственное дворянское звание.

К началу XX века Фальц-Фейны были самыми крупными помещиками на юге России. Их семейный клан владел двумя десятками процветающих имений, незамерзающим портом Хорлы пассажирскими и грузовыми судами.

В XIX имя Фальц-Фейн было широко известно по всей России, и род этот пользовался заслуженным уважением. Его родоначальником стал "вольный колонист" Иоганн Фейн (1773-1832), который поселился в Таврической губернии в конце XVIII столетия. В 1813 г. ему удалось приобрести на публичном аукционе казенное имение площадью около 3,5 тысячи десятин земли – это приобретение и положило начало состоянию семьи. Трудолюбием и упорством отличался и **сын Иоганна, Фридрих Фейн (1794-1864)**, который стал крупнейшим овцеводом в России и одним из самых зажиточных землевладельцев Таврической губернии.

Наконец, именно Фридрих Фейн приобрел в 1856 году у герцога Ангальт-Дессау имение Асканию-Нова в 57 тысяч десятин и превратил безводную степь в образцовое помещичье хозяйство – главное достояние семьи – будущее семейное гнездо Фальц-Фейнов. Омрачало его успех лишь отсутствие наследников, однако и тут Фейн нашел изящное решение: выдав замуж свою единственную дочь Элизабет, он настоял на том, чтобы молодые сохранили родовое имя Фейнов. Таким образом, после брака Элизабет Фейн (1819-1875) и Иоганна Фальца (1808-1872), появилась фамилия "Фальц-Фейн", что позволило и сохранить в истории имя предприимчивых Фейнов, и дать ему продолжение в союзе с семьей Фальц.

Долгое время источник богатства Фальц-Фейнов составляло лишь овцеводство, на котором и нажил свое состояние основатель рода Фридрих Фейн. К началу восьмидесятых годов XIX века у наследников Эдуарда Фальц-Фейна под посевы уходило лишь одна двадцатая часть земель, зато содержалось двести тысяч одних только тонкорунных овец, что превышало поголовье любого другого овцевода в губернии. Стадо

существовало и приумножалось с 1830 г., и хозяева активно заботились о главном источнике своего состояния. Однако к концу XIX века это занятие стало не столь прибыльным, поскольку новые капиталистические порядки и падение цен на шерсть требовали новой экономической стратегии.

В этой ситуации талантливая предпринимательница и деятельная благотворительница из состоятельной, одной из самых уважаемых в Екатеринославе, семьи немецких колонистов Готлиба-Готфрида Кнауфа и Марии Зее, дважды вдова двух братьев Фальц-Фейнов, внуков Фридриха Фейна, – Софья Богдановна решила отойти от традиционных методов хозяйствования и сделать ставку на промышленность.

По ее замыслу семейные капиталы не стоило вкладывать только в одну сферу. Так, в разное время ею были основаны кондитерская фабрика в Дофино, винный завод в Преображенке и несколько других предприятий в Херсонской губернии. Помимо этого, в Одессе была открыта консервная фабрика, торговой маркой которой стала знаменитая "золотая рыбка на велосипеде".

Настоящим триумфом Софьи Богдановны стало основание в 1897 г. незамерзающего порта Хорлы, расположенного на небольшом полуострове, омываемом Черным морем.

Согласно легенде, местоположение порта Софья Богдановна выбрала согласно указанию древнегреческого историка Страбона: автор "Географии" описывал в Причерноморье гавань с теплым подводным источником. Хорлы стали своего рода городом-государством, инфраструктура которого включала в себя даже собственное пароходство, флагманом которого стал пароход "София". Отсюда шла оживленная торговля с Европой, товаро-пассажирские перевозки из Крыма в Одессу, а полученные доходы позволяли совершенствовать инфраструктуру: строились дороги, электростанции, почта, телеграф, и даже была обеспечена телефонная связь с континентом. Помимо этого, было устроено все, что было так необходимо населению: больницы, школы, гостиницы, а также кинотеатр "Иллюзион".

Доход позволял Фальц-Фейнам систематически жертвовать большие суммы на финансовую поддержку образовательной системы империи, в качестве попечителей, семья строила школы, училища и возглавляла опекуны советы.

Через детей Софьи Богдановны Фальц-Фейны породнились с Достоевскими и Набоковыми. В 1910 году, сын Софьи Богдановны, Александр Эдуардович Фальц-Фейн, обвенчался с **Верой Николаевной Епанчиной**. Древний дворянский род Епанчиных единственный в России дал государству трех адмиралов. Николай Петрович и Иван Петрович, два адмирала Епанчина, служили на флоте в общей сложности сто лет. Оба были героями Наваринского сражения, выполняли личные поручения государей. Похоронены они как герои в Александро-Невской лавре. Третий адмирал Епанчин, Алексей Павлович, стоял во главе Морского кадетского корпуса. Его сын, Николай Алексеевич,

дослужился до чина генерал-майора, как и его предки, состоял в свите Государя. Был директором Пажеского Его Императорского Величества корпуса. Прославился он и как выдающийся полководец в битве под Гумбинненом 7 августа 1914 года.

Брак Веры Николаевны Епанчиной и Александра Эдуардовича Фальц-Фейна соединил два славных рода: аристократов столичного севера и помещиков юга, подарив миру дочь Таисию и сына Эдуарда. Маленький Эди рос в Фальц-Фейново, в роскошном дворце, среди прекрасного парка, наполненного ароматами цветов и журчанием фонтанов. О богатстве его отца ходили легенды. Бабушка Софья Богдановна души в нем не чаяла. Приезжала на квадриге белых коней и забирала к себе в Преображенку, в порт Хорлы показать пароходы. Эди подолгу жил в заповеднике Аскания-Нова с уникальным зоопарком, который создал старший брат отца, Фридрих Фальц-Фейн,

ученый-зоолог, посвятивший свою жизнь научной работе в заповеднике. Он брал мальчика с собой кататься в степь, показывал лошадь Пржевальского, которая, благодаря ему, была спасена от вымирания. Вот почему ее профиль украшает герб Фальц-Фейнов.

Революция 1917 года застала Александра Эдуардовича с женой и детьми в Петербурге. Фальц-Фейнам удалось уехать в Финляндию, где они с трудом получили визу в Германию. Весной 1918 года с помощью знакомых они устраиваются в маленьком пансионе в Берлине, где уже много русских. 9 ноября 1918 года в Германии началась революция, прокатившись по стране забастовками и беспорядками. И здесь стреляют, и тоже нет ни электричества, ни продуктов. Даже сухой кусок белого хлеба – большое лакомство для детей. Летом 1919 года пришло известие о гибели Софьи Богдановны, которая отказалась уезжать из России. Ей было 84 года, когда она

была арестована и расстреляна. Сердце Александра Эдуардовича не выдержало, и он скоропостижно скончался 9 сентября 1919 года. Вскоре от сердечного приступа умер Фридрих Фальц-Фейн (дядя Федя). Вера Николаевна осталась одна с детьми на руках, без средств к существованию. Из Берлина она переехала в Саксонию, куда, наконец-то, смогли выехать из России Николай Алексеевич Епанчин с женой и младшим сыном Владимиром.

В 1921 году семья переезжает в Мюнхен, где Эди с сестрой Таей пошли в школу. В Мюнхене образовалась большая русская колония. Дедушку Эди, Н. А. Епанчина, избрали главой русской колонии. В 1923 году после гитлеровского путча, семья Фальц-Фейнов и Епанчиных покидает Мюнхен и переезжает в Ниццу. Денег хватило только на то, чтобы купить очень скромную виллу. Жизнь приобрела стабильность.

Эдуард пошел во французскую школу. Вместе со своим другом Игорем Трубецким увлекся велоспортом. Самым лучшим воспитателем для Эдуарда стал его дедушка. В Петербурге он воспитывал пажей, а за границей своего внука, дав ему блестящее образование.

Генерал Епанчин и его жена Вера Карловна, урожденная Кульстрем, умерли в Ницце в 1941 году. Вера Николаевна Фальц-Фейн прожила в Ницце до глубокой старости и скончалась в 1977 году. Все они покоятся на русском кладбище в семейном склепе Фальц-Фейнов – Епанчиных.

В 1932 году Эдуард, который с увлечением занимался спортом, выиграл студенческую велогонку, став чемпионом Парижа. После этого его пригласили в самую популярную спортивную газету в Европе «L'Auto» и Фальц-Фейн в 23 года стал спортивным репортером Германии. У него был свой офис в центре Берлина, визитная карточка и полная свобода. Работа в «L'Auto» стала для него пропуском в мир большой международной спорт и большую жизнь.

В том же 1936 году он создал в Лихтенштейне Олимпийский комитет, также собрал олимпийскую сборную страны для участия в Зимней Олимпиаде 1936 года.

В годы в Второй мировой войны спортивный репортер оставил свое занятие – в Европе было не до спорта. Так, барон решил заниматься туризмом, открыв в Вадуце магазин сувениров. Очень скоро его сувенирная лавка стала очень популярной – там останавливались все туристические автобусы.

Крупнейший коллекционер произведений искусства и редкий по щедрости меценат

барон Фальц-Фейн относится к той категории благотворителей, которые главной целью и смыслом своей жизни ставили выявление русских культурных ценностей и всемерное содействие их возвращению на Родину.

Дары от барона стали поступать в Россию регулярно с возникновением Советского фонда культуры, который имел в годы перестройки исключительный авторитет.

Вклад барона в российскую культуру поистине бесценен. Эдуард Александрович известен тем, что многие годы по всему миру собирал произведения искусства, предметы русской культуры, вывезенные из России во времена Октябрьской революции и Гражданской войны, в ранний советский период. Он скупал их на аукционах и у частных владельцев, а затем возвращал на родину, дарил российским музеям.

С первых же посещений Родины (начиная с 1980 года) Эдуард Александрович прослыл щедрым дарителем. Изначальным его даром был походный сундучок XVIII века, на крышке которого серебряная пластина с надписью: «Личная собственность Императора Александра II». Барон пояснял: «Он хранился в нашей семье с тех самых пор, как царь был у нас в Преображенке – это самая драгоценная наша семейная реликвия. Папа повсюду, когда путешествовал, брал его с собой, так он оказался с нами за границей».

Затем была уникальная библиотека, собранная в начале XX века Сергеем Дягилевым, приобретенная и преумноженная затем Сергеем Лифарем. В 1975 году на аукционе "Sotheby's" в Монте-Карло барон познакомился с Ильей Самойловичем Зильберштейном, которого библиотека имени Ленина послала на аукцион купить уникальное русское издание XVIII века о море из коллекции Дягилева-Лифаря. Зильберштейн опоздал, торги были закончены, но книгу купил барон. Эдуард Александрович с большой радостью подарил книгу Зильберштейну для библиотеки. Так, случай приблизил барона к России, а Илья Самойлович стал его другом. Зильберштейн первым в советской России стал с уважением писать о русской эмиграции в "Огоньке" и "Литературной газете": о Лифаре, о Фальц-Фейне и его коллекции, о коллекции собирателя князя Никиты Дмитриевича Лобанова-

Ростовского. Только благодаря Илье Самойловичу были опубликованы мемуары Александра Бенуа и Константина Коровина, ставшие бестселлерами. Библиотека Дягилева-Лифаря (вернее, только её часть, состоящая из сотни книг) стала первым крупным даром барона Фальц-Фейна.

В нью-йоркских антикварных лавках он обнаружил портрет одного из главных фаворитов императрицы Екатерины Второй – князя Потемкина, кисти Левицкого, который помещен теперь подле портрета императрицы в Воронцовском дворце в Крыму. «Матушке Екатерине, наверное, теперь повеселее в обществе друга сердечного», – шутит барон.

В начале 90-х годов прошлого века он был одним из тех, кто стоял у истоков создания Международного комитета по возвращению культурных ценностей в Россию.

Самым значительным делом барон считает возвращение в Россию знаменитого архива Н.А. Соколова – следователя по делу об убийстве последнего русского царя Николая

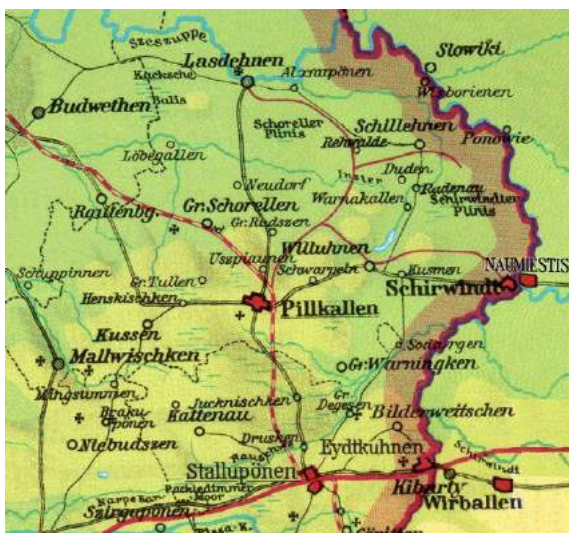
Второго и его семьи. Передача архива российской стороне стоила Эдуарду Фальц-Фейну огромного труда. Большую роль сыграл Эдуард Александрович в перезахоронении Романовых в Петропавловском соборе в 1998 году.

Эдуард Александрович решил восстановить память о Фальц-Фейнах на юге, а об имени своего деда генерала Епанчина – в Петербурге. С тех пор барон "почти не покидал" России. «Курировал» Суворовское училище в Петербурге (расположенного в здании бывшего Пажеского корпуса), возвращал на Родину, казалось безвозвратно утерянные, богатства, на Украине помогал Аскании-Нова.

Источник:

https://www.domrz.ru/exhibition/rossii_prinadlezhit_moe_serdtse_baron_eduard_aleksandrovich_falts_feyn/

22. История Ширвиндта.

Самой восточной точкой нашего путешествия станет посёлок Кутузово. От посёлка Добровольск, за мемориалом сразу направо, дорога ведёт прямо в посёлок Кутузово... Собственно, нет там сегодня никакого поселка – торчат лишь остатки чего-то кирпичного да угадываются заросшие травой и кустарником, бывшие городские улицы. Город располагался на границе Восточной Пруссии и Литвы, на месте слияния реки Ширвиндт (лит. Шервинта), давшей городу имя, с рекой Шешупе, бегущей с литовской стороны.

С момента получения городских прав в 1725 году и до Первой мировой войны Ширвиндт не вырос вообще по своей площади, но считался самым-самым-самым – самым маленьким и самым восточным городом в Германии, а также местом с самой большой ветряной мельницей, когда-либо построенной. Он остался единственным городом Европы, который не был восстановлен после войны.

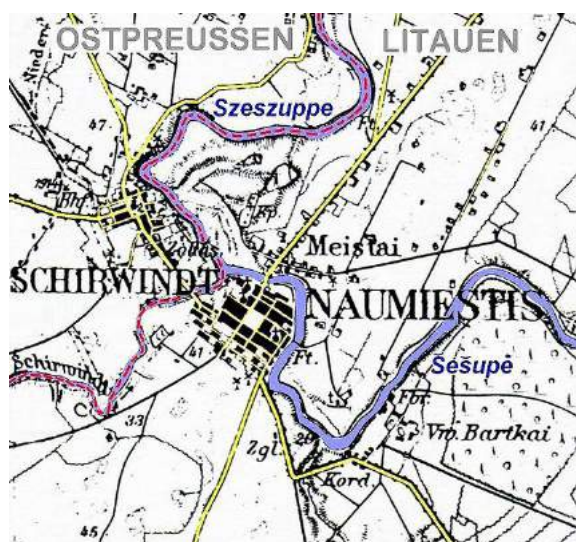
Предположительно на месте древнего поселения в землях Надровии в 1273 году уже существовало более позднее – Свенита, которое с 1270 года было христианизировано орденом вместе со всей областью.

Впервые же в 1515 или 1516 годах была упомянута деревня у слияния рек Шешуппе (восточная река – Ostfluß), которая впадает в р. Мемель (р. Неман), и Ширвиндт (Шервинта), давшей название поселению. В этом месте река течёт неспешно, обрисовывая линию водного потока, соответствуя литовскому слову «skirvinti» – «ползти» (в 1938 году город не был переименован, хотя имел литовское происхождение).

У Ширвиндта была история, как у всякого нормального европейского города: завоевывался шведами, опустошался татарами, переходил в руки русских... становился жертвой военных распри, его преследовала холера, оспа, дифтерия... Может поэтому так поразительно часто посещали город короли и иная верховная власть в качестве «утешительного приза»?

Вскоре после 1546 года по приказу герцога Альбрехта в Ширвиндте был образован первый церковный приход на территории всего будущего округа Пиллькален, а в 1549 году сюда был назначен пастор. В середине 17 века в разгар шведско-польской войны через Ширвиндт прошла орда из Литвы. Ширвиндт был полностью разрушен, старики убиты, женщины и дети похищены. Долгое время Ширвиндт оставался местом для земледельцев и ремесленников, вероятно, стойко пережил ужасы Великой чумы, поскольку в 1722 году получил право на проведение ярмарки. Ежегодно здесь проходили и базарные дни древесины. К этому времени в страну прибывают поселенцы из Литвы, разных уголков Германии и швейцарского Невшателя. В 1732 году последовала большая

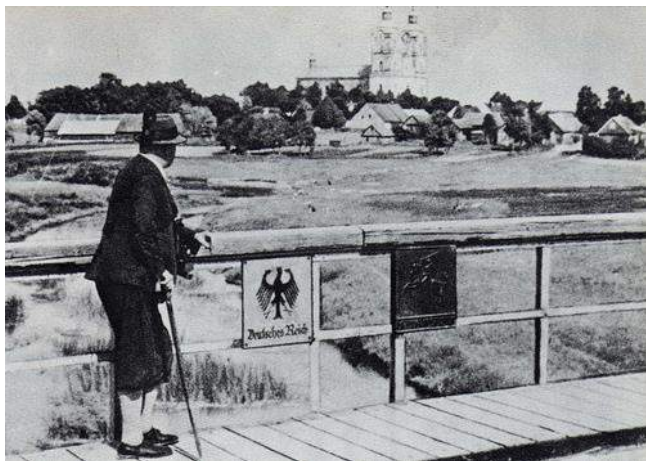
миграция жителей Зальцбурга, из них – 24 пришли в Ширвиндт.

Итак, поселение в 1725 году получает городские права и тогда же в городе появляется суд. С 1674 года действовала церковная школа, с 1766 года – аптека.

В период правления Фридриха Вильгельма I город расширился и строился по планам архитектора Иохима Людвига Шультхайс фон Унфрида.

Однако, несмотря на все усилия «Ретаблиссмент Пруссии» («Retablissement of Prussia») – программы по восстановлению страны, носившей название на французском языке, официальном языке того времени, заключавшейся не только в привлечении новых жителей, но и, прежде всего, предусматривающей далеко идущие реформы, – какого-либо заметного прогресса в развитии Ширвиндта не наблюдалось.

Это был самый восточный город Германской Империи, самый маленький город Восточной Пруссии, расположенный, ко всему прочему, на древней границе Европы с 1422 года.

Примерно с 1760 по 1800 годы в Ширвиндте размещалась эскадрилья боснийских улан (легковооружённая кавалерия с пиками, саблями и пистолетами). После битвы при Фридланде в 1807 году 30 000 французских солдат под командованием маршала Нея

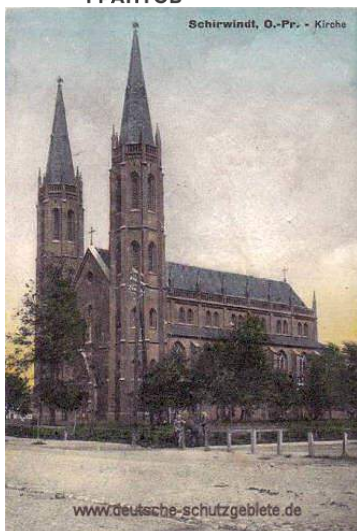
перебрались в Ширвиндт, которых требовалось кормить в течение месяца и содержать в переполненных домах. В июне 1812 года город в направлении России пересекли две конные дивизии Наполеона, а в декабре разбитые французы прошли в обратную сторону.

В 1844 году дождь уничтожил большую часть урожая. В 1845 году в Ширвиндте было минус 32,5 градуса.

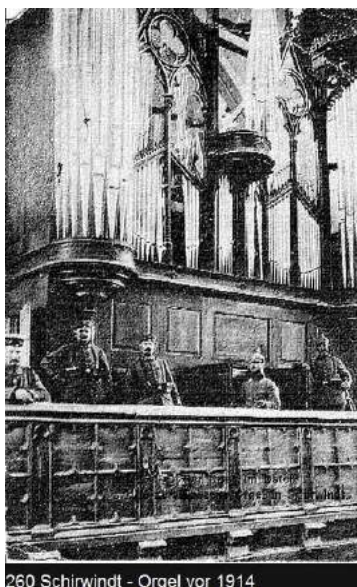

И в тот же год король Пруссии Фридрих Вильгельм IV посетил провинцию, побывал в Ширвиндте, увидел башни в стиле барокко католической церкви в русском городе Владиславов и решил построить собор: «На Западе я построил католикам собор (имелся в виду Кёльнский собор, строительство которого продолжилось в 1842 году), теперь я хочу здесь, на Востоке, построить лютеранам собор, который так же гордо

смотрел бы в направлении России, как католическая церковь на той стороне – сюда». В городской хронике Ширвиндта по этому поводу обнаружилась следующая запись: «В память о моем пребывании в этом городе я одобрил новое строительство на месте ветхой приходской церкви и буду очень рад посетить её же по завершении. Ширвиндт, 8 часов утра, 8. Июнь 1845. Фридрих Вильгельм».

Вернувшись в 1856 году, король присутствовал на её открытии. 14 сентября 1856 года великолепная, созданная по планам Фридриха Августа Штюлера, Иммануилкирха была освящена в присутствии короля. Первая церковь в Ширвиндте была построена еще в 1582 году. В 1640 году сгорела крыша храма, которая была обновлена соломой с 1694 по 1710 год, а в 1737 году была сооружена в дополнение небольшая башня. К началу 19 века эта церковь обветшала. Новая, совершенно не соответствовавшая по своему размаху небольшому городку Ширвиндт, из красного кирпича церковь получила по просьбе короля название «кирха Иммануила». Штюлер оснастил её балдахин-алтарём. Орган здесь появился предположительно в 60-х или 70-х годах 19-го столетия, органного мастера не уточнили, возможно это кто-то из известных – Зауэр, Бухгольц или Гебель.

Кирха была одной из красивейших в Восточной Пруссии. Почти 90 лет впечатляющий храм с двумя башнями высотой 56,3 метра был не только украшением города, но и достопримечательностью самой восточной точки Германии. Отреставрированная после Первой мировой войны церковь была разрушена в 1944 — 1945 годах. Сегодня на её месте церкви холм щебня высотой 1 метр, и установлена памятная табличка, о том, что когда-то здесь был город.

3 августа 1846 года король Фридрих Вильгельм IV пожаловал Ширвиндту герб с изображением Прусского орла над

восходящим солнцем под аркой и обосновал эту символику тем, что в самом восточном городе Империи солнце встаёт раньше.

В 1860 году с момента открытия в Эйдкунене пограничной станции на железнодорожной магистрали, ведущей в Санкт-Петербург, Ширвиндт совсем утратил своё экономическое и хозяйственное значение. В любом случае, приграничный город, расположенный на самой границе был мало привлекательным для сельской местности.

К началу 19 века в Ширвиндте проживало 1348 человек, больше населения Шлоссберга с его 1255 жителями, но к 1939 году ситуация коренным образом изменилась: население Шлоссберга достигло 5883 человека, тогда как население Ширвиндта уменьшилось почти на 20 процентов. В то время меньше Ширвиндта был лишь городок Гарнзее (Гардея, район Мариенвердер/Квидзын, Польша).

262 Schirwindt - Bahnhof

Schirwindt war durch die schmalspurige Piltkaller Kleinbahn über Grumbkowsfelde (russisch: Prawdino) mit der Kreisstadt Piltkallen (1938-1946 Schlossberg, russisch: Dobrowolski) verbunden. In Schirwindt gab es einen beachtlichen Umschlag mit Holz und Getreide aus Russland bzw. Litauen.

Не принесло существенного оживления и присоединение города к малой железной дороге округа Пиллькаллен в 1901 году. До наших дней сохранился паровоз под номером 23 с Пиллькалленской узкоколейки, о котором мы уже писали на нашей странице. В последние месяцы войны он трудился для нужд фронта, а затем был переправлен в Центральную Германию на одну из баз Организации Тодта под Финофуртом, земля Бранденбург. С 1947 года локомотив возил поезда на Шпреевальдской железной дороге, пока ту не закрыли в 1970 году. Немецкое объединение любителей железных дорог приобрело паровоз и 4 июля 1971 года доставило его в Бруххаузен-Вильзен. В 1991 – 1996 годах «трудягу» полностью перебрали и отремонтировали, установив на него «родную» кабину машиниста. В наши дни паровоз называется «Шпреевальд» и обслуживает 8-километровый участок нижнесаксонской Музейной (Исторической) железной дороги Бруххаузен – Вильзен – Азендорф.

Во время мобилизации России канун Первой мировой войны, 30 июля 1914 года русские сожгли свои дома пограничной охраны, чтобы они не попали в руки немцев. После объявления войны Германией Российской империи 1 августа 1914 года, русские кавалерийские патрули 2 августа пересекли границу и двинулись вглубь страны через Ширвиндт. Дозоры вплотную приблизились к Пиллькаллену. После упорного немецкого сопротивления русские вернулись 5 августа в Ширвиндт. Тогда русские солдаты вели себя достойно, соблюдая дисциплину. В сентябре немцы отбили Ширвиндт, но 12 ноября он снова оказался в руках русских. На этот раз город был разграблен, многие здания подверглись бессмысленному уничтожению. Лишь 9 февраля 1915 года русские войска отступили. Бои в районе Ширвиндт – Пиллькаллен – Шталлупёнен нашли отражение в романе «Тихий Дон» лауреата Нобелевской премии Михаила Шолохова.

Schirwindt. Kriegsschäden im Ersten Weltkrieg

Во время Первой мировой войны Ширвиндт был практически полностью уничтожен. Из 118 домов были разрушены 114, равно как и пограничный мост 1882 года постройки, через который шла дорога на Владиславов.

Война пощадила лишь церковь, она уцелела в значительной степени неповреждённой, что удивительно при обширных разрушениях Ширвинта. Глава города господин Корнелиус в

1915 году жил в соседнем Владиславова, потому что в Ширвиндте жилья не было.

Развалины города хотели оставить в качестве исторического памятника. Ширвиндт называли мертвым городом. Но он был реанимирован. Как и везде в Восточной Пруссии, здесь еще во время войны приступили к восстановлению города, под руководством районного архитектора профессора Курта Фрика. Бремен оказал ценную помощь городу-побратиму, и к 1921 году разрушения были устранены. В ходе этого была даже

основана ассоциация: «Бременская ассоциация военной помощи Ширвиндту (Восточная Пруссия), к слову, сегодня в Бремене все еще существует Ширвиндт-штрассе. Тогда же Леопольд Бирман, внёсший немалую лепту в восстановление Ширвиндта, стал почётным гражданином города. В честь него и его жены Аликс была названа одна из улиц.

Полностью восстановили город только в 1925-м. В Ширвиндте возвели 96 жилых дома и 144 нежилые постройки. Здесь был даже дом для престарелых, в котором, по причине отсутствия в городе тюрьмы, имелись две камеры для арестованных полицией. Работало множество магазинов, было три отеля (один из отелей имел название «Бременхоф»), отделение имперского банка, народная, частная средняя, коммерческая и профессиональная школы, водонапорная станция, молокозавод, почтовое отделение, таможенные учреждения, пограничная полиция и даже одно такси. А 1 и 2 июня 1928-го выпал метр снега...

Население Ширвиндта в 1937 году составляло 1179 человек, в 1944 году – около 2000 человек, жили довольно спокойно... рождались дети и те, кто сейчас собирает по крупицам историю Ширвиндта и близлежащих деревень.

Ширвиндт имел всё кроме будущего...

Утром 22 июня 1941 года немецкие войска вторглись на советскую территорию восточнее Ширвиндта. Спустя три года, 31 июля 1944-го, население Ширвиндта в спешке покинуло город из-за первых ударов советской авиации, известно с точностью до часа: в 18 часов. 2 августа 1944 года советская артиллерия обстреляла город 30 залпами из 152-миллиметровой гаубицы и, таким образом, Ширвиндт стал первым городом на немецкой территории, попавший под обстрел с начала Второй мировой войны. Подобная 152-мм гаубица находится в музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе.

16 октября 1944 года началось крупное наступление русских войск, 17 октября, прорвав оборону немцев, нанесли сосредоточенный удар севернее и восточнее Ширвиндта. Бой шёл буквально за каждый дом. Вечером того же дня германские войска вынуждены были отступить под натиском превосходящих сил противника. Об этом писала газета «Известия» в октябре 1944 года: «Толщина железобетонных стен дотов 2,5

— 3 метра. Отдельные доты снабжены вращающимися бронеколпаками, дающими возможность кругового обстрела. В районе взятого нашими войсками города Ширвиндта захвачен трехэтажный дот, в нем размещался гарнизон из 69 солдат. В доте-крепости был даже свой колодец с питьевой водой...»

За всю Вторую мировую войну ни один немецкий город не был разрушен так сильно, как Ширвиндт. Он стал символом геббельсовской пропаганды тотальной войны. Покинувшие 26 жителей города по пути в Германию умерли, в ГДР поселился 191, в ФРГ — 451, про остальных точных данных нет. Поговаривают, что в Германии проживает около 40 человек уроженцев Ширвиндта.

После окончания войны 1941 – 1945 годов это место потеряло статус города. Решением областной Думы от 22 мая 1997 года Кутузово получил статус поселка, входит в состав Краснознаменского района.

Пограничный переход Кутузово – Кудиркос-Науместис (Ширвиндт – Нойштадт/Владиславов) как для русских, так и для литовцев не используется с 1990-х годов, поскольку территория вокруг полностью разрушенного города Ширвиндт была объявлена военной запретной зоной, и прохождение её является

очень серьёзной и сложной процедурой с длительным контролем. Некогда прямое автомобильное сообщение от Пиллькаллена до Ширвиндта контролируется российскими военными.

— Площадь этого военного полигона 20 на 40 километров. Он был крупнейшим в Советском Союзе. Страны Варшавского договора проводили здесь учения. До 1985 года немцев сюда не пускали. Но во время учений приезжал министр обороны ГДР. У него в Кенигсберге была похоронена мать, и он попытался найти ее могилу, но к 80-м годам немецкие кладбища уже не сохранились в городе.

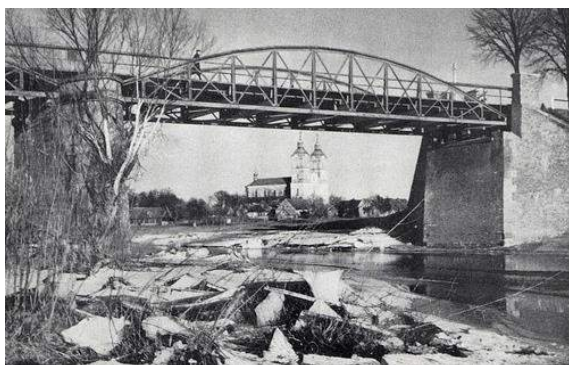
Гражданское немецкое кладбище не сохранилось и на территории Ширвиндта. А вот военное бывшему главе округа Владимиру Сытнюку, историку по первому образованию, удалось

расчистить — вырубил лес, поставили надгробие в память о погибших в Первую мировую войну. С тех времен на захоронении 167 русских и 160 немецких солдат стоит огромный железный крест, простреленный уже пулями Второй мировой.

Расположенный напротив Ширвиндта литовский пограничный город Кудиркос-Науместис (Нойштадт) с величественной церковью святых Петра и Павла, стал своего рода городом-близнецом исчезнувшего с лица земли города Ширвиндта. В Кудиркос-Науместисе есть даже Ширвиндтская улица. В местном Доме культуры выделили помещение для так называемой «Ширвиндтской комнаты» с экспонатами

памятных вещей из личной коллекции Антанаса Спранайтиса (26 апреля 1941 – 11 июля 2016), инициатора создания музейного уголка о Ширвиндте. После войны литовцы собирали в Ширвиндте уже бесхозные вещи, утварь, разбирали разрушенные и обгоревшие дома на стройматериал. У Антанаса сохранились кое-какая мебель, посуда, швейная машинка, радиостанция, найденные в Ширвиндте...

Веками жители Ширвиндта и Владиславова ходили друг к другу в гости по мосту через границу, посещали рынки и даже занимались контрабандой товаров, включая переправку в Россию марксистской литературы. Торговля с Литвой означала для Ширвиндта бурную жизнь и благосостояние. Как только граница закрывалась, экономическое положение ухудшалось.

Ширвиндт в последние годы стал чрезвычайно популярным в России после посещения его в 2007 году актером Александром Ширвиндтом, написавшего 208-страничную книгу «Ширвиндт, стертый с лица земли», вышедшей в издательстве «Эксмо». Отталкиваясь от исторического факта существования города, он решил: «Собрать документы, доказать, что город Ширвиндт назван в честь моих прапрапра...»

Сегодня в бывшем Ширвиндте сохранилась часть старого школьного здания и есть только одно здание, в котором живут пограничники, всем на удивление – это бывшая синагога. О еврейской истории Ширвиндта следом...

Евреи стали официально селиться в Ширвиндте после Реформы в Пруссии и издания эдикта о равноправии евреев 1812 года. В 1833 году здесь проживало 11 евреев. Наибольшее число еврейских граждан приходилось между 1855 и 1858 годами – 112 человек. В это время планировалось строительство синагоги. Однако прошло 20 лет, и в Ширвиндте в 1875 году была построена синагога, имелось еврейское кладбище, а число евреев постепенно стало уменьшаться. В 1933 году здесь проживало 78 иудеев, убитых во время Холокоста. Известно, что только семья Рубинштейнов смогла сбежать в США.

Синагога Ширвиндта была одним из немногих еврейских храмов в Германии, которые пережили ночь погромов 9 ноября 1938 года, благодаря районному главе округа Шлоссберг Вихард фон Бредов, который отправился в Ширвиндт и предотвратил её разрушение. Удивительно, но он не попал в концлагерь, когда с обнаженным пистолетом в своей форменной одежде стоял на пути эсэсовцев и полицаев, не давая им совершить позорный поступок, а синагога стала единственным зданием Ширвиндта, которое пережило ад.

В Ширвиндте славились деревья по весне, склонившиеся над Шешуппе, как собор...

Источники: [https://forum-](https://forum-kenig.ru/viewtopic.php?f=29&t=761&hilit=%D1%88%D0%B8%D1%80%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D1%82&start=30)

[kenig.ru/viewtopic.php?f=29&t=761&hilit=%D1%88%D0%B8%D1%80%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D1%82&start=30](https://forum-kenig.ru/viewtopic.php?f=29&t=761&hilit=%D1%88%D0%B8%D1%80%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D1%82&start=30)

<https://ru.mdz-moskau.eu/ne-vechnyj-gorod/>
<https://ostpreussen.net/ostpreussen/orte.php?stadt=105>
и <https://www.kommersant.ru/doc/2299647>

23. «Немного о еврейской истории пос.Кутузово/Ширвиндт (Schirwindt)».

Очерк Светланы Челноковой от 2017 года.

Я не хочу сваливаться в виртуальную тоску на тему «как было, как стало», просто описываю собственные впечатления. В моей поездке основной приоритет – еврейская история бывшего округа Кёнигсберг (Königsberg/Pr.), нынешней Калининградской области.

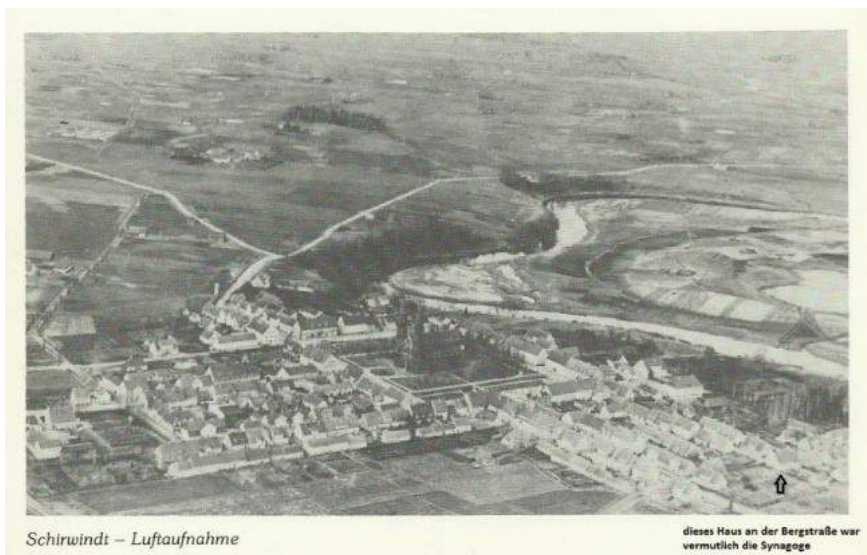
Кратко

«Первые упоминания о поселении Ширвиндт относятся к 1515 г. В 1725 г. король Фридрих Вильгельм I даровал ему права города. Население числом 1348 душ кормилось за счет приграничной торговли льном и зерном, а также за счет контрабанды. Сделки совершались на рыночной площади, где по четвергам проводились ярмарки. Кроме торговли, горожане занимались ремеслами и земледелием».

Ну а там, где торговля и ремесла, там и евреи, они упоминаются в хрониках Ширвиндта, начиная с XII в. и до 1938 г. В городе была построена синагога в 1875 году, имелось еврейское кладбище. В 1933 году здесь проживало 78 иудеев. Синагога, кстати сказать, уцелела в ночь погромов 10 ноября 1938 г.

Мне попала статья господина Мартина Зиберта (Martin H. Siebert), в которой он, размышляет о том, почему в ноябре 1938 года в Германии случилась «хрустальная ночь». Он приводит пример спасения синагоги в Ширвиндте и в заключение статьи говорит о том, что если бы тогда общественность, католическая и евангелическая церкви не молчали, а протестовали против нападков на еврейский народ, то...» Да, всё было бы иначе...

Синагогу в Ширвиндте (Кутузово) спас руководитель районной администрации округа Шлоссберг (Schlossberg) Вихард фон Бредов (Wichard von Bredow).

«Когда ночью 10 ноября 1938 года руководитель восточно-прусского округа Шлоссберг (Добровольск), Вихард Бредов получил от руководства уведомление о времени проведении массовых акций относительно синагог по всей Германии и том, как должна вести себя полиция и пожарные, он, поступил следующим образом. Он отправился домой, надел свою военную униформу, попрощался со своей женой и пятью детьми со словами: «Я сейчас отправляюсь к синагоге, в Ширвиндт. Как христианин и немец, я не допущу преступлений на этой территории. Я не могу по-другому».

Когда к синагоге прибыли представители СС и штурмовых отрядов, он встал на входе, взял в руку пистолет и объявил, что они войдут внутрь только через его труп. Поджигатели тогда отступили, а синагога в Ширвиндте осталась единственной в этом округе, которая уцелела в ноябре 1938 года».

Тем не менее, она перестала существовать, как культовое учреждение и с 1938 года синагога стала городским детским садом.

Во время военных действий 1945 года здание синагоги также уцелело и позже стало объектом военного назначения в вооруженных силах Советской Армии. Оно и по сей день находится в закрытой зоне бывшего пос. Кутузово и уже полуразрушено.

Удивительно, – здание синагоги Ширвинд видно с другой стороны, со стороны литовского города Кудиркоса–Науместиса (Kudirkos Naumiestis), бывший польский город Władysławów, а еще раньше NEUSTADT–SCHIRWINDT, особенно с холма, где расположено старое еврейское кладбище Кудиркоса. В том городе

было построено две синагоги, количество еврейского населения составляло более тысячи человек. Сегодня здесь только мемориал жертвам Холокоста и кладбище...

В Ширвинде было свое еврейское кладбище. Но следов его обнаружить не удалось.

От здания бывшей синагоги до государственной границы с Литовской республики – 300 метров, но, чтобы пройти на ту сторону, нужно проехать почти 400 км.

С литовской стороны, можно подойти практически к самому краю приграничной реки Шервинты, посетить мемориал и в ясную погоду увидеть кусочек пос. Кутузово (Ширвиндт).

Есть вероятность, что литовские пограничники могут подъехать, проверить документы, но, как правило, если у вас есть соответствующая виза, то всё в порядке. С Калининградской стороны это сложнее – во-первых, нужно предварительно отзваниваться о своем посещении на погранзаставу, а во-вторых, сам поселок закрыт за 5 км шлагбаумом, который не объедешь. Мы оставляли машины и ехали на велосипедах. Говорят, есть и другая дорога, через болото.

Фотографий синагоги Ширвиндта найти не удалось. В Гамбурге, насколько мне известно, проживала в 2006 году воспитательница детского сада Ширвиндта, Ида, 1926 года рождения. Связаться с ней не удалось. Жива ли? Неизвестно...

Источник: <https://sveta-chel.livejournal.com/7333.html>

24. Французские швейцарцы в Восточной Пруссии

Первые швейцарцы прибыли в Восточную Пруссию в 1709 году. В последующие годы их иммиграция значительно возросла. Большая часть швейцарских колонистов была расселена в Гумбинненском округе. Именно они, став первой колонией, добились освобождения от шарверка (Scharwerk – трудовая колония).

В обязательства трудовой колонии шарверка входили: возделывание обширных государственных поместий собственным инвентарём, транспортировка зерна в Кёнигсберг, поставка древесины на зиму для амта, церквей и школ, сопровождение в поездках почётных и высших чинов, почтовая доставка, работы по заданию амта, в том числе строительство зданий для церквей и школ, строительство укреплений, дорог, каналов и т. д. Некоторые работы оплачивались. Пошлины в управление амтом оплачивались частично зерном, частично работами, частично наличными, и в тоже время сопровождалась выплатами и натуральными взносами в пользу церкви (в декабре), священнослужителям (согласно календарю), школьному учителю, фонду для бедных, в кассу пожарного общества и в гарнизон, в виде корма. Сумма всего этого бремени часто достигала пределов возможностей фермерской семьи.

Швейцарские колонисты этим освобождением внесли существенный вклад в социальное положение крестьянского сословия.

В 1714 году возникла немецко-швейцарская община Садвейтшен (Sadweitschen)/Альткруг – посёлок Первомайское Гусевского района), первые её богослужения проводились в сарае.

В 1739 году в Гумбиннене была построена Реформатская церковь, и церковная поддержка реформатских общин теперь осуществлялась из Гумбиннена. (*Reformatio (лат.) – исправление, преобразование)

В 1716 году в Юдчене (посёлок Весёловка Черняховского района) была основана французско-швейцарская община. Служба проходила на немецком и французском языках. Благодаря своему родному немецкому языку, швейцарцы немецкого происхождения легче освоились с новой средой, нежели швейцарцы французского происхождения, у которых были сложности во взаимопонимании из-за языковых проблем.

Подобное несоответствие между языками и то обстоятельство, что пасторы не могли говорить и писать ни по-французски, ни по-немецки, вскоре привели к большой путанице в написании французских фамилий.

Эти семьи зачастую причисляли к французским гугенотам. Но они не имели ничего общего с гугенотами. Французские швейцарцы приехали не по религиозным воззрениям, а исключительно по причинам чисто экономического характера.

Швейцарцы-реформаты пришли из кальвинистской части Швейцарии, французы-реформаты (Франции, Валлонской Бельгии, вальденсы) не стремились покинуть свои дома в Пфальце, Бранденбурге, Магдебурге и т. д., приютившей их родине, – их здесь никто не притеснял. Ими двигало одно желание – обеспечить себя, поселившись в Восточной Пруссии по призыву короля, надёжным доходом и средством к

существованию. Согласно приглашениям, Восточная Пруссия была «страной, в которой процветало все, кроме вина». Таким образом здесь оказались колонисты из Бернской Юры (кантон в Швейцарии), а также из княжества Невшатель (кантон в Швейцарии), которое в то время входило в состав Пруссии и находилось под управлением Пруссии.

Были также поселенцы из северных французских провинций, валлонцы (некоторые из них прибыли непосредственно из Валлонии), из приютившего их на время Бранденбурга и Пфальца, в том числе и вальденсы из северных итальянско-французских горных долин и вальденских деревень Вюртемберга. Лишь немногие настоящие французы из южной Германии после 1710 года были потомками гугенотов. В то время швейцарские по происхождению районы были довольно перенаселёнными, поэтому отдельные города даже давали эмигрантам немного денег.

Валлонцы из Голландии были неплохими ремесленниками, занимались производством молока, сыра, разводили скот.

25 мая 1689 года курфюрст Бранденбург-Пруссии Фридрих III издал указ о приглашении в свою страну переселенцев из Пфальца. Их наделили рядом привилегий и льгот. Тем самым Фридрих III продолжил политику своего

отца Великого курфюрста Фридриха-Вильгельма, издавшего в 1685 году известный указ в истории Германии «Потсдамский эдикт», который также предоставлял иммигрантам в Пруссии ряд привилегий.

Учитывая общность веры и связей, за иммигрантами из Пфальца начали прибывать переселенцы из самих Нидерландов.

Переселение активно продолжалось и в XVIII веке. Только в 1720 году в Гумбинненский округ переехала 101 семья из Пфальца. Как правило они расселялись в разных уголках округа, но вероятно были и исключения. Например, недалеко от поселения Вальтеркемен, сейчас это Ольховатка, располагались фольварк Пфальцерорт и более значимый посёлок Пфальцервальде. Жили ли там преимущественно переселенцы из Пфальца, не ясно, но память о них дошла до наших дней, а это значит, что иммигранты внесли значительный вклад в развитие региона.

В районе Гумбиннен немецкая и французская общины были объединены только в 1807 году. Память о французских швейцарцах продолжает жить во многих французских именах, которые отмечены у жителей гумбинненских поселений.

Источник: Портал «Gumbinnen» доктора Гренца. Автор: Отто Гебауэр. www.Kreis-gumbinnen.de

25. Протестанты Зальцбурга.

1731 год. Зальцбург. Епископство княжества принца зальцбургского издаёт указ об изгнании протестантов, «Эмиграционный патент Зальцбурга» (Emigrationspatent des Erzbischofs), в результате которого 20 000 жителей Зальцбурга вынуждены были покинуть свою родину.

Реформация 1520-х годов нашла много последователей на земле княжества Зальцбург.

Архиепископ и кардинал Зальцбурга Матеус Ланг (1519 – 1540) запретил протестантство и ввёл уголовную ответственность за распространение протестных учений. Последующие архиепископы продолжали меры против протестантов в рамках Контрреформации и Рекатолизации. В 1588 году кардинал и архиепископ Зальцбурга Вольф Дитрих изгнал протестантов из всего архиепископства, но имел поразительный успех только в городе Зальцбурге. Здания и площади, спроектированные Винченцо Скамоцци при Вольфе Дитрихе, до сих пор формируют облик Зальцбурга. Примерно в 1600 году здесь проживало лишь несколько тайных протестантов (крипто-протестантов, вынужденные принять католицизм и внешне соблюдать все обряды этой веры, а внутренне старались сохранить свободу мысли). Среди крестьян Понгау и горняков соляных и рудных шахт страны все еще оставалось множество тайных протестантов.

Во время Тридцатилетней войны (1618 – 1648) на территории княжества Зальцбург преследований протестантов не было, поскольку архиепископство сосредоточилось на внешней политике. Между 1684 и 1690 годами архиепископ Макс Гандольф фон Куэнбург изгнал очередных протестантов из страны – горняков из Дюрнберга и крестьян из Дефереггентала.

Власти знали о существовании тайных протестантов. Издавались всё новые и новые указы епископов против них. Архиепископ Леопольд Антон фон Фирмиан пытался содействовать всеобщему благочестию в стране и по совету своего придворного канцлера Иеронима Кристани Ралло в 1729 году пригласил в страну миссионеров-иезуитов, которым быстро удалось выявить тайных протестантов. От внешне демонстрирующих католическую веру крипто-протестантов теперь требовались доказательства о их принадлежности к католической церкви, а открыто исповедующие, в нарушение положений Вестфальского мира, немедленно были изгнаны.

По этой причине протестанты обратились с петицией Протестантскому Союзу (Corpus Evangelicorum, образован в 1609 году с целью защиты верующих, как хранитель протестантских интересов в Священной Римской империи. Важнейшим конституционным достижением Союза стал Вестфальский мирный договор 1648 года).

В петиции протестанты открыто исповедовали свою веру. С помощью Союза они хотели быть признанными в стране и иметь своих собственных протестантских проповедников или, по крайней мере, иметь возможность беспрепятственно эмигрировать. К признанию протестантов правительство Зальцбурга не было готово. Власть решила изгнать протестантов как можно скорее, чтобы те не могли распространять свою веру дальше. С этой целью в страну было вызвано 6000

имперских солдат. Зальцбургские протестанты согласовали свои действия на протяжении нескольких встреч.

И 5 августа 1731 года в долине реки Зальцах Понгау в Шварцах поклялись в верности евангелическому Зальцбургу.

Эмиграционный патент архиепископа от 31 октября 1731 противоречил Вестфальскому миру. Его автором, вероятно, был канцлер суда Кристани ди Ралло. Изгнание людей отличных по вероисповеданию, как в случае с Зальцбургом, в принципе не было незаконным – «*cuius regio, eius Religio*» (чья власть, того и вера). Но его содержание явно нарушало мирные положения.

Владевшие имуществом как минимум три года, могли получили компенсацию в зависимости от самого имущества от одного до трёх месяцев, расчёт которого мог быть произведён только в период депортации в течении восьми дней. Все протестанты старше двенадцати лет должны были покинуть страну в течение восьми дней. Фермерам было дано двенадцать недель на продажу своей собственности.

Поэтому Протестантский Союз (*Corpus Evangelicorum*) призвал объединиться и потребовать изменения патента в соответствии с Вестфальским миром. Первоначально депортация началась, как и планировалось, с помощью имперских солдат. Из-за подобных действий росло дипломатическое давление на Зальцбург. Император Карл VI расценил действия Зальцбурга как нарушение закона.

В результате от правительства Зальцбурга последовало некоторое послабление. Депортация лишенных собственности была прекращена только в марте 1732 года, а владевшим имуществом было разрешено оставаться до конца апреля 1732 года. Всем эмигрантам разрешалось брать с собой детей и продавать свои дома даже после того, как они уехали. Тем не менее, требования Вестфальского мира не были полностью выполнены.

Под давлением Империи и Пруссии эмиграционный патент был полностью заменен в соответствии с Вестфальским миром в сентябре 1732 года. К этому времени протестанты уже полностью покинули страну.

Эмиграционный патент был датирован 31 октября 1731 года и объявлен подданным 11 ноября 1731 года. Поздней осенью 1731 года от 4000 до 5000 безземельных горничных и слуг первыми схватили и изгнали из страны без предупреждения. Их распространение в протестантских регионах южной Германии вызвало серьезные проблемы.

2 февраля 1732 года Фридрих Вильгельм I выдал прусский пригласительный патент для жителей Зальцбурга. Им следовало поселиться в Восточной Пруссии, обезлюдившей в результате Великой чумы 1708–1714 годов.

По преданию, король Пруссии Фридрих Вильгельм I в мае 1732 года встретил первых переселенцев у старой церкви Целендорфа со словами: «Мне новые сыны – вам милое Отечество!»

В период с мая по август 1732 года 16 организованных этапов в основном семьи ремесленников и крестьян покинули Зальцбург. Перебираясь в Пруссию, эти группы уже считались ее подданными, поэтому их дорога прошла гораздо проще.

Первый из 66 кораблей прибыл в Кёнигсберг 28 мая 1732 года из Штеттина. Первый из одиннадцати наземных обозов прибыл в Кёнигсберг 6 августа 1732 года, последний – 8 ноября 1733 года. По оценкам, из всех эмигрировавших 17 000 жителей Зальцбурга, в Кёнигсберге осталось 377 человек.

В 1733 году протестанты из Дюрнберга были доставлены на корабле в Регенсбург.

Почти четверть депортированных не пережили тяжелых маршей в ходе изгнания.

Большинство людей из Зальцбурга поселились в районе Гумбиннен. Обездоленным крестьянам прусский король давал участок земли, ремесленники могли беспрепятственно заниматься своей торговлей в городах.

Зальцбуржцы в восстановлении Восточной Пруссии, в отличие от других переселившихся достаточно масштабно, играли лишь второстепенную роль. Большинство фермерских хозяйств были заняты немецкими иммигрантами еще в 1720-х годах, поэтому жители Зальцбурга не могли быть заселены как единое целое. Иоганн Фридрих Брейер, лютеранский пастор переселенцев из Зальцбурга, служил в Шталлупёнене с 1736 по 1769 год.

С 1734 года Карл VI в ходе так называемого каролинского переселения направил в Трансильванию, обезлюдившую от чумы, изгнанных 3960 протестантов из соседнего Зальцкаммергута. Это действие оправдывалось нежеланием больше терять подданных в Пруссии, и с целью закрепить их на немецких землях Неппендорфа, Гроссау и Гроспольда от возможных турецких вторжений.

Лишь в 1740 году по многократному наущению прусского короля Фридриха Вильгельма I оставшимся в живых эмигрантам была частично компенсирована потеря ферм, вынужденные продавать по значительно низкой цене своё имущество из-за большого скопления подобного ассортимента на рынке.

Обстоятельства изгнания, в том числе не соблюдение сроков, вызвали недовольство по всей Европе. В протестантской Германии вышло огромное количество текстов на эту тему. Эмигрантам было сравнительно лучше пребывание в Восточной Пруссии.

Последние протестанты Зальцбургской архиепархии были изгнаны из Циллерталя в 1837 году, игнорируя патент терпимости императора Иосифа II, и переселены в Крконоше (Силезия). Основными лицами, выступавшие за изгнание циллертальских протестантов, были архиепископ Зальцбургский, принц Шварценберг и австрийский император Фердинанд I «Доброжелательный».

Активная «Зальцбургская ассоциация» существовала в Кёнигсберге с 1911 года, а в 1920-х годах она создала исследовательский центр, первоначально в музее «Пруссия», а затем обосновался в районе Хинтертрагхайм.

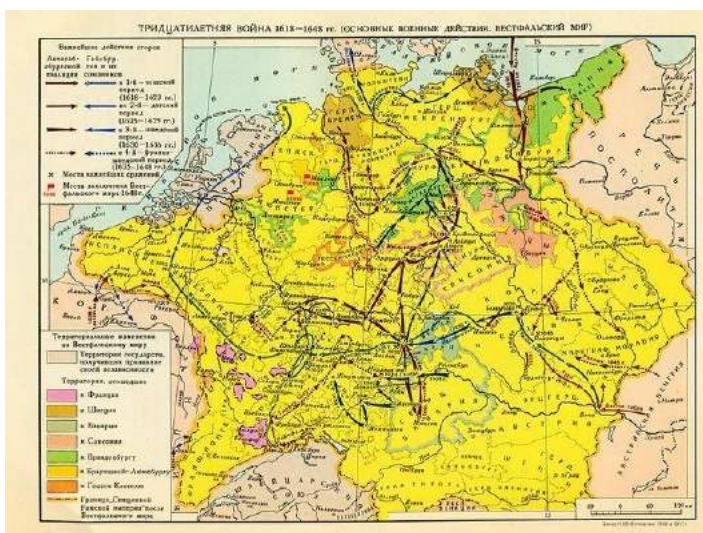
Эпизод зальцбургской эмиграции отразил Иоганн Вольфганг Гёте в своём опусе «Герман и Доротея». Экономические же последствия для архиепископства Зальцбурга в результате изгнаний и высокой потери населения были не катастрофичными – вопреки старым предположениям.

В 1966 году на одной из церемоний архиепископ Зальцбурга Андреас Рорахер высказал сожаления об изгнаниях соотечественников и попросил прощение у христиан.

Источники: https://de.wikipedia.org/wiki/Salzburger_Exulanten
https://de.wikipedia.org/wiki/Salzburger_Emigrationspatent

26. Эрвин Шпер (Erwin Spehr). Об истории района Пиллькаллен/Шлоссберг. Продолжение...

Глава 6. Неудачи второй половины XVII века

Восточная Пруссия была избавлена от бурь Тридцатилетней войны (1618–1648) из-за своего периферийного расположения, но за счет увеличения налогового обременения ей приходилось оплачивать войны курфюрста. Поэтому и развитие района Шлоссберг застопорилось. Но уже через несколько лет часть Восточной Пруссии также почувствовала ужас войны: вторжения татар в 1656 и 1657 годах в период второй шведско-польской войны. Эти

вспомогательные войска польского короля с неопишуемой жестокостью, убивая, грабя и поджигая, прошли по югу и востоку страны. Всего было разрушено 13 городов, 249 деревень и 37 церквей, 11 000 жителей были убиты, а около 34 000 были уведены в рабство до Константинополя. Еще 80 000 человек впоследствии умерли от голода и эпидемий... Кроме того, пришла орда из Литвы через Ширвиндт и Пиллькаллен (Шлоссберг) и округ Рагнит. Ширвиндт был полностью разрушен, старики убиты, женщины и дети похищены. Пастор Иоганн Лёбель из Виллунена указал в петиции курфюрсту: «отняли все, что принадлежало мне, раздели догола, забили до полусмерти, изрубили... множество нанесённых ран вынудили меня лежать больным в течение 16 недель». В Ушпиаунелен (посёлок Новоуральское) хозяйство Шульца с пахотными землями была заброшена.

Восток Пруссии, включая район Шлоссберг, не оправился от последствий этих вторжений; и без того скромное сельское благосостояние было разрушено. Статус крестьян – городов на территории округа еще не было – ухудшился не только из-за неурожаев, но в особенности из-за недобросовестной эксплуататорской политики землевладельцев. Налоговые тяготы нарастали и множились, условия работ фермеров и крестьян, так называемых, трудовых колоний становились все более жесткими. Договорные обязательства фермерских колоний по обработке государственных наделов со временем превратились в тотальное подчинение на этих территориях, практически – в крепостное право. Однако подобное встречалось не только в Пруссии, это было общим явлением и следствием феодальных мировоззрений того времени.

Шведско-польские войны, сопровождаемые набегами татар и литовской ордой, привели к политически значимому и положительному результату для Пруссии. Благодаря умелой тактике между Швецией и Польшей Великому курфюрсту удалось освободить прусское герцогство от польской зависимости. В Оливе Мирным договором 1660 года основные европейские державы подтвердили полный

суверенитет Пруссии, тем самым была устранена почти 200-летняя политическая зависимость от Королевства Польского. Престиж Великого курфюрста усилился в Пруссии еще и тем, что зимой 1678/79 года ему удалось изгнать вторгшееся с севера шведское войско, продвинувшееся до Инстербурга.

После этого, как и в других районах Бранденбургско-Прусского герцогства, в районе Шлоссберг возникла новая волна поселений, так называемая казённая колония (Schatullsiedlung). Вырубленные земли государственного лесного хозяйства были освобождены под заселение и управление ими, с расширением существующих деревень или основанием новых. Таким образом, с 1680 года в районе Шлоссберг за двадцать лет появилось около 40 новых деревень, деревушек и поместий.

Половина новых фермерских поселений образовались в восточной части округа в районе Гросс Плини, позднее – Кёнигсбрух, где располагались лесные угодья. Крупными новыми деревнями в этой части стали, образованные в 1680 г. Балтрушен (позднее – Соргенфельде), Йодупёнен (позднее – Насфельде) и Кумметшен (позднее – Фихтенхёэ) (все эти указанные и далее упомянутые поселения находились северо-восточнее посёлка Кутузово, восточнее посёлка Победино);

образованные в 1685 г. Варупёнен (позднее – Линденхоф), в 1692 г. Биркенфельде; в 1693 г. Будупёнен (позднее – Моосбах) и в 1700 г. Аугуступёнен (позднее – Хохвейлер).

В обширных лесных угодьях северной части округа образовались в 1680 г. Ной Скардупёнен (позднее – Гренцвальд,

посёлок Пугачёво) и Антбудупёнен (позднее – Вормвальде, поселение в районе посёлка Заречное на левом берегу Шешуппе), в 1690 г. Баллупёнен (позднее – Баллен, поселение западнее посёлка Долгое), в 1693 г. Салленен (позднее – Саллен, поселение существовало юго-восточнее Краснознаменска) и 1699 г. Ушбаллен (позднее – Линднерсхорст, посёлок Полянское).

На западе округа были основаны в 1680 г. Лёбтубаллен (позднее – Лёбагруд, посёлок Берёзино Гусевского района), в 1687 г. Эйменишкен-Балтадонен (позднее – Вайценфельде, поселение юго-западнее Добровольска), в 1688 г. Балтруцхлен (позднее – Грюнайхен, поселение существовало западнее Дятлово) и Смайлен (посёлок Берёзино Гусевского района).

Однако увеличение количества поселений не привело к увеличению самого населения, поскольку новые поселенцы, как правило, это были не иммигрировавшие из других стран, а приезжие из округов в непосредственной близости. Реальной причиной колонизации

лесных угодий этой волны была финансовая политика. Налоги с этих казённых колоний поступали не в государственную казну, а в ларец курфюрста (*игра слов: «казённые колонии» (Schatullsiedlung) можно перевести, как «поселения – ларцы», слово Schatulle имеет два значения – «казна» и «ларец»*).

Слабое экономическое и социальное положение фермеров никак не менялось, негативный процесс фактически усилился. Нагрузки на фермеров зачастую превышали их возможности, многие уезжали или вынуждено оставляли свои дворы, количество «заброшенных» полей увеличивалось. Понятно, что при данной ситуации неурожаи привели к голоду, а эпидемии в последствии сказались на гибели людей и животных. Неудивительно, что несколько лет спустя чума разразилась катастрофой.

Продолжим...

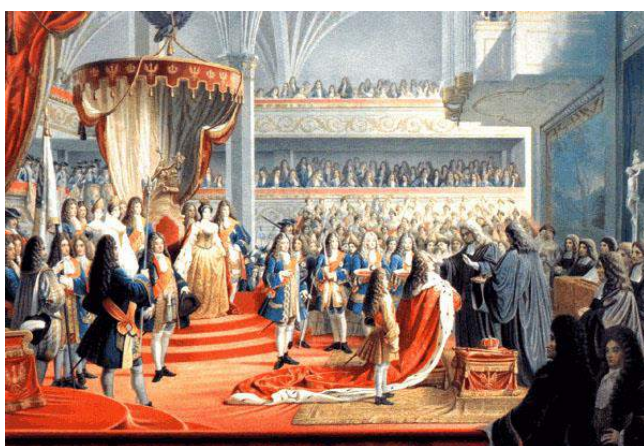
27. Эрвин Шпер (Erwin Spehr). Об истории района Пиллькаллен/Шлоссберг. Продолжение...

Глава 7. Вымирание района в 1709 и 1710 годах в период Великой чумы

В самом начале 18 века Пруссия оказалась в центре внимания основных европейских политиков: после долгих и трудных переговоров сыну и преемнику Великого курфюрста удалось получить одобрение германского императора в Вене на получение герцогством Пруссия, не входившего во владения Священной Римской империи, в отличии от Бранденбурга, курфюрстом которых был Фридрих III, статуса королевства. 18 января 1701 года Фридрих I короновал себя «королем Пруссии» в

Кенигсберге. Последовала длинная череда пышных праздников и пышных народных гуляний.

Королевский титул Фридриха I был действителен только в прусской части страны, но не в центре Бранденбурга или в других частях всего обширного государства, которое в то время состояло из нескольких не связанных между собой территорий от реки Мааса на западе (герцогство Клеве) до Мемеля (река Неман) на востоке (Королевство Пруссии) – их было предостаточно. Однако менее чем через сто

лет все государство Бранденбург-Пруссия было названо Пруским королевством. Вместе с королевским титулом передано и название Пруссия всему государству. Так бывшая орденская земля и маленькое герцогство Пруссия дала своё название позднее ставшей средневропейской великой державе. Поэтому с середины 18 века необходимо проводить различие между государством Пруссия в целом и его восточной частью Пруссия, которая позже станет называться Восточной Пруссией. Дело стало еще более любопытным, когда позже восточная часть страны была административно разделена на Восточную и Западную Пруссию. Теперь на востоке всего государства Пруссия была провинция, которая назвалась Западной Пруссией. Далее для различия указывается, что Восточная Пруссия, в отличие от государства в целом, имеется в виду только восточная часть страны.

Новый король Фридрих I, следуя французской моде, любил пышность и величие. Не только в бедной Бранденбургской Пруссии эта роскошь резко контрастировала с тяжелым положением населения. Во времена барокко государства в Европе тоже мало чем отличались.

В Восточной Пруссии высокие налоги и жёсткие требования повинностей в сочетании с отсталыми методами ведения хозяйства привели к тому, что фермеры оказались в едва терпимой нужде. Ни король в Берлине, ни администрация амтов в стране, не стремились к серьезным улучшениям.

Ещё не забыты населением зверства от татарских нашествий, как надвигалась ещё большая беда: ЧУМА. В то время эпидемии не были редкостью голодных годов, вызванных войной или неурожаями. Многочисленные эпидемии накрывали Восточную Пруссию, только в 17 веке на чуму пришлось 14 лет. Народ принял эти годы фатально. Эпидемии вызвали значительные потери среди населения, но оставались в пределах региона и зимой затухали сами по себе.

С 1703 года случаи чумы неоднократно возникали в Польше в период Северной войны. Прусские власти принимали все более жёсткие меры для предотвращения распространения эпидемии: пограничные переходы охраняли солдаты, пограничные мосты сносили и лесные дороги вырубали, путешественников помещали в карантин, а их одежду и багаж сжигали.

Чрезвычайно суровая и очень долгая зима 1708/09 годов уничтожила озимые после того, как уже в предыдущие годы случались неурожаи. В результате возникли нехватка продуктов питания, инфляция, голод и болезни, особенно чувствительно это коснулось бедных областей страны – Мазурии и Прусской Литвы. Более подготовленной почвы Чума не могла найти. В августе 1709 года чума вспыхнула в Кенигсберге. Говорят, что её завез портной, прибывший на корабле из Данцига. Правительство немедленно переехало в Велау. Несмотря на строгие ограничительные меры, болезнь быстро распространилась по территориям Замланда, Натангии, Прусской Литвы и, наконец, Мазурии. За несколько месяцев по всей стране умерло более 100 тысяч человек. Суровой зимой 1709/10 годов эпидемия чумы прекратилась в западной части страны, а Кёнигсберг потерял четверть населения.

В восточной части Восточной Пруссии, конкретно на территории Прусской Литвы, смерть не прекращалась даже зимой. А в последовавшее за этим жаркое и засушливое лето эпидемия усилилась, непрекращающимся голодом, и достигла невообразимой силы. У людей больше не было сил сопротивляться смертельной болезни.

Гражданская администрация вся расстроилась, поддержка церкви прекратилась. Отчаяния людей росли, мораль общества слабела, распространялось беззаконие, свирепствовали суеверия.

Это была эпидемия бубонной чумы. Она вспыхивала на 3-5 дней после заражения, протекала при высокой температуре и почти всегда заканчивалась смертельным исходом. Медицина в то время была бессильна – лекарственных противоядий не существовало. Для жителей округа не имело значения, что ближайшие врачи находятся и практикуют в Мемеле или Инстербурге. Единственная защита – избежать заражения. Поэтому люди покидали дома и фермы при первых признаках заболеваний, что, однако, в значительной степени способствовало распространению эпидемии. По этой причине власти оцепливали зараженные деревни и города с помощью наемников. К попавшимся больным старались не

прикасаться. Дома, в которых умирали люди, сжигались дотла. Тайно покинувшего оцепленные территории ловили и для устрашения передавали палачу. Но даже и такие драконовские меры оказывались неэффективными. Основная причина быстрого распространения чумы заключалась в несоответствующих гигиенических и санитарных условиях и обычаях того времени как в деревнях, так и в городах. Эффективный контроль над заболеванием был практически невозможен.

Зимой 1710/11 годов чума исчезла, оставив после себя разрушенную страну. Точное число погибших определить не удалось, зачастую не было никого, кто бы мог подсчитать и зарегистрировать жертвы. По достоверным оценкам, во всей Восточной Пруссии погибло около 240 000 человек – более трети населения. Однако отдельно каждая территория страны пострадали в различной степени: в то время как Оберланд на западе пострадал меньше всего, «Черная смерть» особенно жестоко

свирепствовала на востоке – в Прусской Литве, в будущем административном округе Гумбиннен, в частности район Шлоссберг, потерял 80% (!) жителей. Около 8 500 крестьянских хозяйств опустели, целые районы практически обезлюдели.

Были различия и внутри одного района: в лесистом и малонаселенном севере выжило относительно больше людей. Видимо, они там лучше были защищены от заразы. А вот с другой стороны, в густонаселенной южной части округа, положение было прямо-таки катастрофическим: многочисленные деревни были полностью заброшены и вымерли, во многих местах жила только одна или две семьи. Опустевшие дворы пришли в упадок. Где раньше цвели поля, расстилалась дикая пустошь.

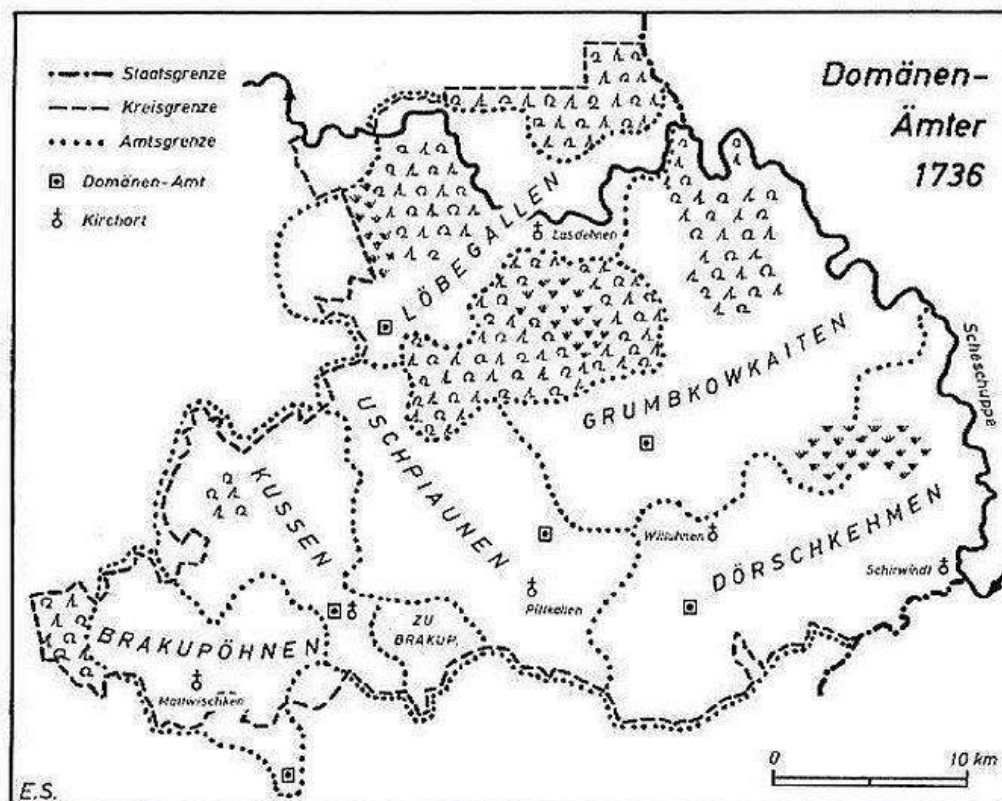

Bild 4. Die Dömänenämter in ihren ungefähren Grenzen und die Kirchorte im späteren Kreis Pillkallen im Jahre 1736.

Первые достоверные и полные данные о состоянии района Шлоссберг относятся к 1719 году. Несмотря на то, что к тому времени многие хозяйства получили новых владельцев, через девять лет после великой смерти ситуация все еще оставалась достаточно мрачной и тоскливой: из 204 деревень и поместий района 31 двор по-прежнему оставался «пустынным и

страшным», в том числе Плимбаллен/Остерфельде (поселение существовало восточнее посёлка Майское Гусевского района), Валлиндшен/Валлинден (поселение существовало южнее посёлка Весново), Эйменишкен-Вассакен/Штутбрух (поселение существовало западнее посёлка Железнодорожный), Кибарен/Тифенфельде (поселение существовало южнее посёлка Добровольск), Бюлен, Кермушинен/Ладманнсфельде (поселения существовали восточнее посёлка Добровольск), Урбанташен/Урбансхёз (поселения на востоке, западнее посёлка Кутузово) – это лишь некоторые из них. Только один фермер управлял в деревнях Антмирехлен/Вербен (поселение между посёлками Железнодорожное и Весново), Сальтен (поселение между посёлками Болотниково и Саратовское), Ленгшен/Моорвизе, Лопенишкен (позже станет Дёршкемен/Дершау) Ушалькснен/Кляйндершау (поселения восточнее посёлка Добровольск), Шимкунен/Шварценберге (поселение на востоке от посёлка Добровольск, западнее посёлка Кутузово).

В церковной деревне Пиллькаллен (Шлоссберг) насчитывалось всего 14 дворов. Из площадей, ранее возделываемых фермерами, «заброшенным» во всем районе оставался 61%, при этом на севере в районе Ласдененского амта с неосвоенной площадью в 35% были намного дешевле, чем в южной части района Ушпиаунен (посёлок Никитовка) с 70% и такими же дикими полями амта Дайнише (поселение на востоке в районе западнее посёлка Кутузово) с 74%.

В целом можно заключить: эта последняя и в то же время наиболее серьезная чума с

ее разрушительными последствиями уничтожила большую часть, созданных более чем за 200 лет, поселений и работ по окультуриванию земель в 16-17 веках в районе Пиллькаллен, так и на северо-востоке Восточной Пруссии. Пришлось начинать заново. В этом отношении разрушительная сила эпидемии была превзойдена только событиями Второй мировой войны в 1944/45 годах.

28. Эрвин Шпер (Erwin Spehr). Об истории района Пиллькаллен/Шлоссберг. Продолжение...

Глава 8. Первый период повторных заселений до 1730 года.

В первые годы после Великой чумы со стороны правительства не происходило ничего серьезного. Высокочтимый двор в Берлине, обременённый долгами, не мог выделить никаких средств для облегчения бедствий в Восточной Пруссии.

Первые поселения носили случайный характер: опытные фермеры присваивали себе заброшенные крестьянские дворы, крестьянские сыновья из менее пострадавших районов Восточной Пруссии воспользовались случаем и переехали сюда, коренные литовцы из соседней Литвы иммигрировали и селились в северной части района Пиллькаллен. Эта первая волна расселений закрыла многие бреши, но общий

эффект оказался скромным. Потери в районе сократились примерно с 80% до 60%.

В 1713 году умер первый король Пруссии Фридрих I.

Его сын и преемник Фридрих Вильгельм I будучи ещё наследным принцем познал бедствия северо-восточной Пруссии. В отличие от своего расточительного и любившего роскошь отца, он был скромным и очень экономным.

Его первыми действиями государственного уровня в качестве короля становятся увольнение значительной части аппарата при дворе, существенное сокращение зарплаты госслужащим и распродажа дорогостоящих увеселительных дворцов. Вопреки общему мнению того времени, Фридрих Вильгельм I считал, что государь должен заботиться и о благосостоянии своего населения. Он подавал собой пример: сдерживал себя, много работал и заботился о каждой мелочи. Он понял, что причины чумной катастрофы кроются не только в чуме, но и в невыносимых социальных и экономических условиях крестьян Восточной Пруссии. **Вот поэтому «Ретаблиссмент Пруссии»**

(«Retablissement of Prussia») – программа по восстановлению страны носила название на французском языке, официальном языке того времени, заключалась не только в привлечении новых жителей, но и, прежде всего, предусматривала проведение далеко идущих реформ. Отдельно взятые меры дополнялись другими, взаимодействовали между собой и продолжались два десятилетия.

Во-первых, был стандартизирован и классифицирован в зависимости от качества земли налог на имущество. Для этого ездили по деревням специальные комиссии, одновременно велась инвентаризация страны. Сохранившиеся протоколы того времени повторяют один за другим: «чистая пустошь и необитаемая», «поросшая деревьями», «у домов ни ручки, ни стула» („von den Gebäuden weder Stiel noch Stuhl“). Произошла модернизация управления: вместо уже не эффективно работавших администраций на крупных земельных площадях, в 1721 году появились более мелкие доменные управы. Это были административные районы (амты) с государственной собственностью (владениями – доменами) и должностными лицами. Служащий амта управлял не только двумя-четырьмя десятками деревень, но он, как арендатор домена, был одновременно и управляющим поместий. Поэтому многочисленные домены были воссозданы путем скупки дворов или приобретения заброшенных крестьянских деревень.

Территория будущего района Шлоссберг в основном состояла из шести амтов – административных доменов Лёбегаллен/Лёбенау (посёлок Толстово), Грумбковкайтен/Грумбковсфельде (посёлок Правдино), Дёршкемен/Дершау (поселение существовало восточнее посёлка Добровольск), Ушпиаунен/Киесдорф (посёлок Никитовка), Куссен (пос. Весново) и Бракупёнен/Росслинде, район Гумбиннен (пос. Кубановка).

Доменная палата Гумбиннен, откуда велась организация и контроль всех мероприятий, стала новым административным центром прежней Прусской Литвы.

Еще одним направлением экономических реформ было создание десяти новых городов с целью создания сельских центров торговли и транспорта. Для этого удобным расположенным церковным деревням было предоставлены городские права. К числу первых городов, основанных в 1724 году, наряду с Гумбинненом (город Гусев) и Шталлупёненом/Эбенроде (город

Нестеров), относится Пиллькаллен/Шлоссберг (посёлок Добровольск). Пиллькаллен не был крупнейшим административным центром в этом районе, но имел весомое преимущество – он находился на пересечении нескольких основных транзитных дорог. Год спустя приграничная община Ширвиндт была преобразована в город.

Для улучшения слаборазвитого экономического положения района внедрялись передовые среднегерманские, особенно магдебургские, усовершенствованные сельскохозяйственные методы на равнинной местности – обработка земель плугом, применение удобрений, использование телег, животноводство, культура садоводства и т. д. Вот почему иммигранты из Магдебург-Хальберштадта были очень желанными и предпочтительными.

Социально значимой мерой, которая показала пример всей Германии, а затем определила впоследствии её общественный характер, была **отмена в 1719-20 году крепостного права для крестьян, возделывающих королевские (государственные) земли**. Правда, эта отмена не освобождала их от обязательств по обработке

взятых в аренду земель и работ в трудовых колониях шарверка, но теперь они были лично свободными людьми. Это отличало их от крестьян, работающих на землях частных и церковных землевладельцев, а также на землях, принадлежащие городу.

Введение обязательного школьного образования в 1717 году стало перспективным направлением. Хотя после чумы почти не оставалось учителей и школ, однако реформа послужила толчком для различных и продолжительных преобразований в развитии школьной системы. С той поры теперь в каждой церковной деревне была своя церковная школа. Первая деревенская школа в районе была построена в 1727 году в Дайнене/Дейне (поселение на востоке района, ближе к Ширвиндту – посёлку Кутузово). В течение нескольких последующих лет в районе открылась еще 21 школа.

Пасторы несли всю ответственность за работу учителей и их квалификацию, надзор вели в основном над учителями-мирянами.

В 1728 году был основан шестой церковный приход в Малльвишкене/Малльвен. Три года спустя была торжественно открыта знаменательная восьмиугольная церковь, на строительство которой король Пруссии выделил средства. Первым священником был пастор Иоганн Кристоф Грасемюк, иммигрировавший с колонистами из Ансбаха.

Однако все эти упомянутые и многочисленные реформы в перспективе остались бы неэффективными, если бы не было в то же время гарантий, что в обезлюдевших восточных районах Пруссии действительно окажутся поселенцы. «Повторное заселение» становится основной важнейшей программой, в конечном итоге — наглядной и популярной. Первоначально агитация проводилась в собственных провинциях

Бранденбург-Прусского государства. Затем адресные приглашения были направлены за пределы страны Пруссии, прежде всего в перенаселенные небольшие государства в западной и южной Германии. Распространялись листовки, вербовщики отправлялись на места. В официальных «Приглашениях» король обещал новым поселенцам, прежде всего, бесплатно хозяйственный двор, землю в наследственную аренду, первичное оснащение инвентарём, скотом и семенами, а также первые несколько лет освобождение от налогов и обязательных работ. Любой, кто приносил с собой деньги, конечно, мог купить ферму и землю, и стать независимым от кёльнских землевладельцев и трудовых повинностей на землях казённых колоний.

Кёльнские землевладельцы обладали привилегированными особыми правами с юридическим подчинением городу Кёльн в решении спорных вопросов, ещё в 17 веке курфюрст награждал жителей Кёльна владениями в районе колониальных поселений. Земли свободных землевладельцев из Кёльна являлись их частной собственностью, в то же время кёльмеры (кёльнские землевладельцы) имели низкие налоговые обязательства и при этом никаких обязательств по обработке казённых земель. Только в случае войны они обязаны были явиться к государю или оплатить соответствующий сбор. Жителям Кёльна часто прописываются особые привилегии, например, права на охоту, рыбалку, пивоварение, винокурню, основание трактира (постоялого двора) и мельницу.

Кёльмеры являлись уважаемым сословием и представляли земли округов в парламенте ландтага. Позднее, в 18 веке, частная собственность кёльмеров передавалась по наследству. Наследник владел землей и по закону мог передать её в наследство, был независим, платил налоги немного больше, чем кёльмер, и имел меньше привилегий.

Казённые колонии, иначе их ещё называли «шкатулки» (Schatullsiedlung), образовались в 17 веке на вырубленных лесных угодьях. Доходы от этих поселений поступали прямо в «шкатулку» курфюрста, а не в государственную казну. Хотя эти поселенцы являлись собственниками на образованных пахотах в лесных землях, они имели правовые различия между собой, как в свою очередь кёльмеры и фермеры. Фермерам

«шкатулок» не нужно было выполнять повинностей трудовых колоний шаркверков, за ними оставались обязательства лишь только по некоторым лесным работам и по сопровождению охот. В 1713-14 годах Фридрихом Вильгельмом I специальные поселения «шкатулки» были отменены, но названия и правовой статус частично сохранялись.

В результате реализации различных реформ в несколько этапов в течение 20 лет, волнами, тысячи поселенцев обрели новый дом, преимущественно в восточной части Восточной Пруссии.

Как уже упоминалось, первая волна поселенцев в районе Шлоссберг состояла в основном из сыновей местных фермеров и иммигрантов из Литвы.

Gruss aus Szameitkehmen.

Вторая волна 1724 года принесла множество поселенцев из разных земель Германии. Из земель Бранденбург-

Прусского союза в округ прибыли крупные группы переселенцев из герцогства Померании и княжества Хальберштадт. Таким образом, из 18 фермеров в Гросс Варнинкен/Штейнкирх (поселение на юге округа Пиллькаллен) – восемь были из Померании. Половина жителей обосновалась в Тюллене/Райнкенвальде (поселение западнее посёлка Болотниково), Ушпиаунене/Кисдорф (поселение Никитовка) и Ушбаллене/Айхбрух (поселение существовало между посёлками Никитовка и Правдино).

Небольшие группы прибыли из самого Бранденбурга: жители Уккермарка (ещё великий курфюрст Фридрих Вильгельм на основе Потсдамского эдикта пригласил в Уккермарк большое количество французских гугенотов) – в Зальтен (поселение между посёлками Болотниково и Саратовское) и из сельского района Пригниц – в Шамейткемен/Линденхаус (поселение западнее посёлка Добровольск).

Blumenthal Kreis Pfullingen

В особо больших количествах иммигрировали поселенцы из западных и южных земель Германии. Большая группа пришла из княжества Нассау и поселилась в Малльвишкене/Малльвен (посёлок Майское Гусевского района),

Хенскишкене/Хенскен (посёлок Желанное), Куссене (посёлок Весново), Урбантатшене/Урбансхёз и Дайнене/Дейне (поселения на востоке в районе посёлка Ширвиндт – Кутузово).

Иммигранты из Гессен-Дармштадт прибыли в Ушпияунен/Кисдорф и Тюллен/Райнкенвальде, а также поселенцы из Пфальца в Дагутшен/Тегнерскруг (поселение восточнее посёлка Добровольск). Ещё одни южные немцы с восточно-франконских территорий переселились в Кермушинен/Ладманнсфельде и Крушинелен/Франкенройт (поселения между посёлками Добровольск и Кутузово).

Особую группу иммигрантов составляли франкоязычные швейцарцы, прибывшие в основном из княжества Невшатель (Neuchâtel) – сейчас кантон в Швейцарии, которое в то время входил в состав Пруссии и находился под управлением Пруссии.

Поскольку швейцарцы прибыли на первом этапе переселения, они смогли поселиться целыми деревнями на вымерших территориях районов Гумбиннен и Инстербург. Они получили право на создание своей собственной «колонии», что означало определенную степень самостоятельности в виде избрания собственных сельских мэров, и, прежде всего, освобождение от обязанностей по отработке повинностей трудовых колоний.

С 1722 по 1725 годы приходится период кульминации реформ и восстановления страны. На территории округа Гумбиннена преобладала оживленная строительная деятельность: были построены многочисленные фермы, доменные хозяйства, мельницы, трактиры (постоялые дворы), школы и пивоварни. Затем волна иммиграции утихла. После 1724 г. новых поселенцев можно было привлечь только в том случае, если бы они с самого начала были освобождены от обязательств трудовых колоний шаркверков. Так переселенцы из Пфальца и Нассау получили статус колоний.

Это оказало влияние на социальную структуру сельских жителей: возник новый привилегированный класс фермеров-колонистов среди традиционных фермеров трудовых колоний шаркверка, с одной стороны, и собственников кёльмеров, с другой. Первоначальное намерение короля расселить иммигрантов по нациям и народностям в отдельно каждой деревни не осуществилось – единственные швейцарцы оказались исключением. В итоге этой второй волны переселений в районе Шлоссберг оказалась только одна фермерская деревня с новыми поселенцами из одной небольшой деревни Нассау – Кубиллелен/Шиллинген (поселение восточнее посёлка Добровольск) с тремя фермами.

Между 1724 и 1730 годами в восстановительных работах произошел серьезный спад: неурожай, рост цен, неадекватность в управлении, недовольство поселенцев и пустая казна грозили привести к провалу реформ. Возникла проблема с бегством из сельской местности и приграничных территорий. Король был в отчаянии: «(Восточная) Пруссия меня полностью разоряет, она меня

пожирает!» Но он не хотел и не мог сдаться, слишком много денег и сил он уже вложил. Кризис в конце концов удалось преодолеть.

Произошла еще одна волна иммиграции – кульминация по восстановлению страны – на восток Пруссии прибывают зальцбургские переселенцы.

29. Эрвин Шпер (Erwin Spehr). Об истории района Пиллькаллен/Шлоссберг. Продолжение...

Глава 9. Иммиграция зальцбургцев в 1732 году

В церковном княжестве архиепископства Зальцбург, входившем в то время в Империю германских государств, а по площади несколько большем, чем нынешняя австрийская территория с тем же названием, Реформация ещё на ранней стадии закрепились среди крестьянского населения. На протяжении 17 века неоднократные конфликты реформистов с властями сопровождались репрессиями, судами над ними, как еретиками, и изгнаниями. Религиозная борьба достигла своего апогея, когда к власти пришел радикальный архиепископ Леопольд Антон барон фон Фирмиан, протестантские зальцбуржцы объединились и подали жалобу в рейхстаг в Регенсбурге. Епископ тут же устроил мятеж в стране, арестовал протестантского посланника и 31 октября 1731 года – как раз в День Реформации – выдал пресловутый «эмиграционный патент», согласно которому каждый, кто не желает вернуться в католическую веру, должен покинуть страну.

Большинство протестантов сохранили свою приверженность. Разногласия зачастую ломали их семьи. Протесты и дипломатические усилия имперских князей в конце концов заполучили гарантии депортируемым в позволении взять с собой всех своих детей, чего не было в предыдущих гонениях. В течение последующих месяцев около 25000 жителей Зальцбурга были выдворены военной силой за пределы страны в Баварию. Тем, у кого не было собственности – слуги, горняки и ремесленники – должны были уехать немедленно, в ноябре 1731 года, крестьянам была предоставлена отсрочка до весны 1732 года по организационным соображениям. Те, кто был выдворен поздней осенью, отправились пешком на запад империи со своим скромным добром в узелке и к зиме нашли временный приют в протестантских городах Швабии (Кауфбойрен, Мемминген, Ульм, Аугсбург и т. д.).

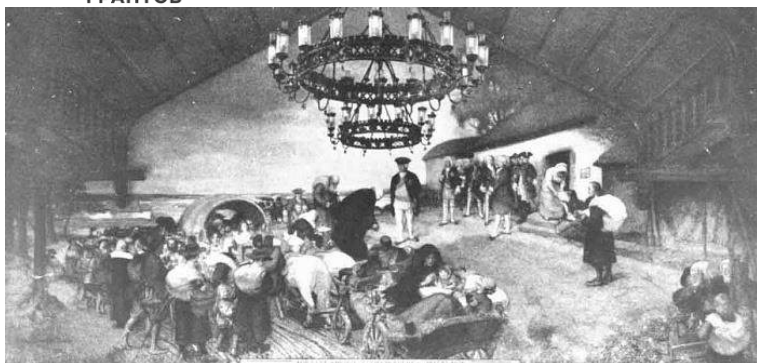

Рис. 1. Титульная страница книги «История эмигрантов или изгнанные лютеране из епископства Зальцбург», Лейпциг, 1732 г.

Для прусского короля Фридриха Вильгельма I, набожного христианина реформатской церкви, было само собой разумеющимся предложить свою помощь. Предоставление убежища преследуемым за веру уже стало традицией в Бранденбург-Пруссии с тех пор, как Великий курфюрст принял гугенотов в 1685 году. 2 февраля 1732 года король издал знаменитый «пригласительный

патент», в котором он предложил изгнанникам из Зальцбурга новую родину в бывших колониальных поселениях Восточной Пруссии. Кроме того, оплачивался долгий переход, не обременяя переездами немецкие государства. Прусские представители отправились в южную Германию, собирали желающих иммигрировать, организовали и сопровождали обозы беженцев в походах. Результат превзошел все ожидания. Вместо предполагаемых четырех-шести тысяч человек весной и летом 1732 года в Бранденбург двинулись различными путями в 32 этапа общей сложностью около 21000 зальцбургцев.

Миграция «изгнанников» – так в то время называли людей, изгнанных за веру – превратила Германию в марш за свободу вероисповедования. Повсюду изгнанников окружало особое внимание. Когда пыльные путники входили в город организованными колоннами из многочисленных обозов, распевая церковные песни, местные жители собирались, звонили колокола. Прусский король настоял на том, чтобы лично поприветствовать первую процессию 30 апреля 1732 года, когда она прибыла в Потсдам, словами: «Мне новые сыны – вам милое Отечество!». Репутация Пруссии как самого терпимого государства Европы разрослась по всем округам.

Около трети мигрантов шли просёлочными дорогами из Берлина в Восточную Пруссию на лошадях и повозках, пришлось пересечь тогдашнюю польскую часть Западной Пруссии. Большая часть была доставлена из Штеттина на кораблях по Балтийскому морю в Кёнигсберг.

Многие изгнанники, в основном старики и младенцы, не выдерживали тягот долгих пеших переходов длиною в 1600 км и несколько месяцев умирали, а то и от болезней. Некоторые же одинокие люди по пути нашли работу и новый дом.

По прибытии в Восточную Пруссию было зарегистрировано и опрошено около 16 000 человек. Большинство из них были отправлены в Гумбиннен. Там произошёл невыносимый ажиотаж. Только небольшая часть мигрантов осенью могла быть обеспечена фермой или работой. Большинству ещё необходимо было в течение зимы предоставить жильё в том районе. Месяцы бездействия в тесном сосуществовании, трудности в языковом понимании и подозрительность местных жителей из-за предпочтений им новыми переселенцами зачастую приводили к не приемлемым условиям.

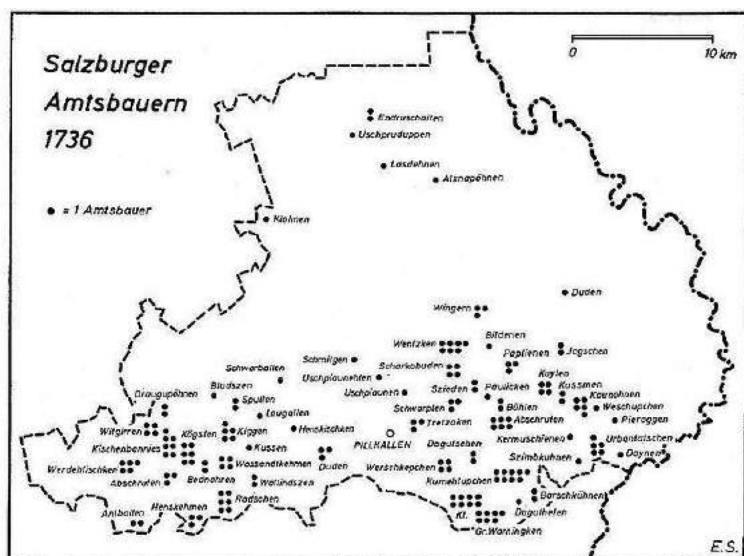

Весной наплыв переселенцев продолжился, несмотря на неизбежности проблем. Религиозные изгнанники – жалкие, восхищенные и измождённые переездом через всю Германию, теперь были вынуждены мириться с повседневными проблемами в чуждой им среде и заново привыкать к установленным порядкам и самостоятельной жизни. Многие были разочарованы и остались недовольными, они реагировали жёстко и требовательно,

особенно многочисленные юноши и девушки, согласившиеся на работу слуг и горничных, неугомонно меняли свои рабочие места. Местным служащим пришлось набраться немало терпения и проявить искусство уговоров. Пожелания зальцбургских фермеров селиться вместе, как швейцарцы, исполнились в редких случаях, поскольку не оставалось больше пустых деревень. Зальцбуржцы были расселены в 250 деревнях округа Гумбиннен, на свободных или созданных путём деления крестьянских дворов фермах.

Более компактно удалось образовать зальцбургские поселения в районе Шталлупёнен/Эбенроде (Нестеров), в северной части района Голдап (Польша) и в южной половине района Пиллькален/Шлоссберг.

Билд 6. Ansiedlung von Salzburgern als Amtsbauern im Gebiet des Kreises Pilskalen.

Зальцбургские крестьяне получили статус колонистов, были освобождены от обязательств трудовых колоний шаркверков и государственных поселений. К концу 1734 года все пожелавшие имели фермерские хозяйства. Правда, поначалу они еще часто меняли свои дворы, но через несколько лет сложности были преодолены, и крестьяне закрепились на местах. Этому, безусловно, поспособствовала полученная выручка от продажи их

собственности в Зальцбурге. В конце концов, около 20% семей изгнанников смогли приобрести свои фермы в частную собственность.

По прибытию и регистрации беженцев из Зальцбурга королевские служащие расспрашивали каждого об имуществе, которое они оставили, и получали подтверждающие документы. С ними прусский посланник отправлялся в Зальцбург с целью получить компенсацию. Действительно, опустевшие дома и дворы были выставлены на продажу. Официально составленный в 1732

году, «Реестр имеющихся на продажу товаров эмигрантов» в Зальцбурге насчитывал ровно 1756 единиц. Правительство архиепископа Зальцбурга удержало 25% эмиграционного налога с доходов. Из оставшейся суммы, отправленной в Пруссию, четверть пошла на компенсацию понесенных расходов на переселение в государственную казну, так что практически добрая половина выручки была выплачена получателю. Недоставленные деньги поступали на счёт только что созданного фонда «Зальцбургское учреждение» («Salzburger Anstalt»), который финансировал в Гумбиннене дом для немощных и престарелых зальцбуржцев – передовое для того времени социальное учреждение. Этому заведению принадлежала собственная «Зальцбургская церковь», построенная из дерева в 1752–1754 годах.

В 1838 году её разобрали из-за ветхости, а новую каменную построили в 1840 году по проекту известного немецкого архитектора Карла Шинкеля. Эта кирха стала символом переселения.

В районе Пиллькаллен/Шлоссберг к 1736 году официально были размещены 164 семьи зальцбургских фермеров в 57 деревнях, причем некоторые деревни получили от

одного до девяти колонистов. Кишенбанниес/Бюлерхоф (в районе посёлка Новинки) был единственной в округе чисто зальцбургской деревней с 7 фермерами. Помимо этих официальных фермеров, еще 9 человек из Зальцбурга владели частной собственностью – фермой и землей на правах кельмеров. Согласно переписи 1744 года, то есть восемь лет спустя, в округе уже был 61 владелец из Зальцбурга, а количество официальных фермеров увеличилось примерно до 180. Два города в округе развивались схожим образом: если в 1736 году в Пиллькаллене было 16 поденщиков из Зальцбурга и только один в Ширвиндте, то в 1744 году их было 63 в Пиллькаллене и 24 в Ширвиндте, учитывая четыре семьи ремесленников с собственными домами.

Подобное быстрое расселение иммигрантов из Зальцбурга отражало их особые способности. В конце концов, они пришли попытать счастья на чужбине не из-за экономических трудностей, большинство из них до изгнания принадлежали к низшему классу, редкие – к состоятельному сельскому населению. По крайней мере, крестьяне стремились как можно быстрее наладить новое существование. Соответственно, они действовали самоуверенно и разборчиво по отношению к прусским властям.

О жителях Зальцбурга отзывались как о трудолюбивых и бережливых, очень набожных и сильных в вере, честных в торговле и решительных в действиях. Они повиновались властям и миролюбиво относились к своим ближним. В то же время зальцбуржцы склонны проявить свой гнев и упрямство, но их легко было успокоить. Они были среднего роста и крепкого телосложения, с серьезным лицом и резкими его чертами, это заметно отличало их от других переселенцев. Явная склонность с пристрастием читать Библию и благочестивые писания, ярко выраженное стремление к образованию отличали этих набожных эмигрантов. Распространённые имена среди изгнанников в результате стали типичными в этих местах: Брандштеттер, Бюхлер, Форстройтер, Хундсдёрфер, Лемхёфер, Оберпихлер, Пильцекер, Риделсбергер, Рормозер. Зальцбуржцы любили хозяйствовать на земле, проявляли свои навыки в коневодстве и скотоводстве. Вскоре они достигли благосостояния и уважения.

Доказательством стал факт избрания в 1753 году, через 21 год после иммиграции, членом совета в городе Пиллькаллен Томаса Бухштайнер из Зальцбурга, который стал представителем своих сограждан в магистрате.

30. Эрвин Шпер (Erwin Spehr). Об истории района Пиллькаллен/Шлоссберг. Продолжение...

Глава 10. Результат переселения в районе Пиллькаллен в 1736 г.

С расселением жителей Зальцбурга масштабная программа «Ретаблисмент Пруссии», восстановления Восточной Пруссии после Великой чумы, была практически завершена. В 1736 году король провел учет населения. Результат показал, что уровень экономического состояния населения Восточной Пруссии достиг показателей до начала эпидемии Великой чумы, теперь оно намного лучше, чем раньше, торговля и уровень жизни снова процветали.

Что касается района Шлоссберг... Огромные потери, вызванные чумой, последующее переселение привели, по крайней мере, в южной части округа к сильному изменению состава населения, преимущественно в пользу немецкой её части. Перепись 1736 года показала состав новых жителей округа. Она касалась только официальных фермеров, которые составляли большинство населения. В перепись не были включены владельцы, ремесленники, садовники, наёмные работники и жители двух городов.

Опрос показал, что 40% крестьян-новоселов в районе были немцы. «Литовцами» считались литовские новоселы из старожилов, то есть, те семьи, которые пережили чуму. Доля немецких поселенцев явно преобладала в районе Дершкемене/Дершау (поселение существовало восточнее посёлка Добровольск) и была сбалансирована в целом на территории южных районов. С другой стороны, в северной части округа, в районе Грумбковкайтен/Грумбковсфельде (посёлок Правдино) и Лёбегаллен/Лёбенау (посёлок Толстово) доля литовского населения имело перевес. Это отразило ситуацию последствий чумы: более серьезно пострадала южная часть района, поэтому туда пришлось переселить больше поселенцев.

Если рассмотреть состав немецких фермеров, то на совсем небольшой территории можно увидеть обилие соотечественников: поселенцы хлынули в район Пиллькаллен со всех концов Германской империи.

Самой многочисленной группой, несомненно, были жители Зальцбурга, за ними следовали жители Нассау, которые в основном находились в районе Бракупёнена/Росслинде (посёлок Кубановка Гусевского района), Куссена (посёлок Весново) и Дёршкемена/Дершау (поселение существовало восточнее посёлка Добровольск) и Магдебург-Хальберштедт в центральной части района. Но и франконцев и померанцев нельзя было игнорировать как отдельные группы.

В самих деревнях новоселы и местные жители смешались в разнообразно. Три примера в подтверждение. В

Тречакене/Тройфельде (поселение на севере посёлка Добровольск) из одиннадцати ферм три заняли зальцбуржцы, три – хальберштадтцы, по одной заняли выходцы из Саксонии, Пфальца, Анхальта, Пруссии и Литвы. Четыре литовца, два хальберштадтца и по одному из Зальцбурга, Хильдесхайма, Брауншвейга и Нассау жили на фермах в Билдене (поселение южнее посёлка Правдино). А в относительно небольшой деревне Кермушинен/Ладманнсфельде (поселение существовало восточнее посёлка Добровольск) два франконца, два ансбахца, по одному из Зальцбурга, Нассау, Пфальца и Литвы работали вместе в гармонии. Именно о гармонии необходимо особенно подчеркнуть, поскольку фермерам необходимо было обрабатывать три поля (собственное, взятое в аренду; трудовой колонии шаркверка и казённое, принадлежавшее деревне), пашню в деревне необходимо было обрабатывать совместно и одновременно.

Король Фридрих Вильгельм I был удовлетворен своей работой, путешествуя в 1736 году по Восточной Пруссии с восьмой и последней инспекцией в его жизни. Ему удалось за 25 лет напряженной работы, несмотря на серьезные неудачи, восстановить дряхлые и обезлюдевшие районы и возродить в них процветание. Благодаря этой

мирной культурной работе он предоставил защиту многим тысячам людей и дал им новую родину. Население знало, что он сделал для каждого и для всей страны. В знак благодарности ему в 1824 году в Гумбиннене воздвигли памятник к столетию города, бронзовую статую «Восстановителю Прусской Литвы и основателю Гумбиннена».

Билд 8. Denkmal des Königs Friedrich Wilhelm I. vor der Regierung in Gumbinnen, gestiftet 1824 zur Hundertjahrfeier der Stadt (aus Stickfies/Goldbeck, Gumbinnen in Bildern).

Этот правитель, вошедший в историю как «король-солдат», обеспечивший своё государство современной армией, согласно того времени, за свое 27-летнее правление не вел ни одного дня войны. Дело его жизни носило мирный характер. Бурной деятельностью и многочисленными реформами он заложил основы прогрессивного государства. Он неустанно работал над повышением национальной культуры, в частности, в повторном заселении Восточной Пруссии.

Его сын Фридрих, впоследствии ставший Фридрихом Великим, не любивший своего отца из-за излишне сурового воспитания и карательных мер, уважал его и достаточно был объективен, чтобы признавать эти достижения. Уже осенью

1735 года наследный принц смог познакомиться с культурной деятельностью своего отца во время своей первой ознакомительной и учебной поездки по Восточной Пруссии, во время которой он также посетил Пиллькаллен/Шлоссберг в сентябре. 27 июля 1739 года Фридрих написал из Инстербурга своему другу, французскому ученому и писателю Вольтеру: «Эту землю можно рассматривать как творение моего королевского отца ... Он поселил тысячи семей со всех концов Европы. Поля снова возделывались, земля заново заселялась, торговля снова процветала, и теперь на этой земле больше изобилия, чем когда-либо прежде. . . Все это только благодаря королю, который не только организовал, но и сам контролировал исполнение ... Я нахожу нечто героическое в том, как король щедро и энергично населяет эту пустыню, делая ее плодородной и делая при этом людей счастливыми».

Всего за несколько месяцев до своей смерти Фридрих Вильгельм I планировал новую волну иммиграции в Восточную Пруссию, в результате которой должны были прибыть 50 000 новых поселенцев. Однако его сын и преемник Фридрих II прекратил работу над проектом, потому что на первом плане стояли вопросы большой политики.

Продолжение следует...

31. Посёлок Победино

Следуя по маршруту вокруг Краснознаменского района, направимся строго на север от подробно-знакомого нам Ширвиндта – восточного некогда города, в настоящее время посёлка имени легендарного полководца Кутузова, справедливости ради отметим, что единственное озеро в районе Виллунен-зее теперь носит соответствующее посёлку Кутузово название Бородинское. Прямая дорога от посёлка Добровольск до Кутузова привела нас к памяtnому знаку города Ширвиндт.

А от него возвращаемся по дороге назад до развилки в сторону посёлка Победино. Вдоль упомянутого живописного озера Бородинское двинемся по региональной дороге R 511, связывающей с городом Краснознаменск – центром района.

Итак, мы в районном поселении Шилленен, переименованный по политическим и идеологическим причинам против иностранных географических названий в 1938 году, литовский Шиленай, прусский Шилленен, на немецкий лад Шиллфельд – это посёлок Победино, находится в 19 км к северо-востоку от бывшего города Пиллькаллен, с 1938 года Шлоссберга (посёлок Добровольск) – центра округа Пиллькаллен – и в 16 км к юго-востоку от нынешнего районного

центра Краснознаменск (Лазденен, с 1938 года Хальсберг). Во второй половине 30-х годов XX века литовский язык в Восточной Пруссии был запрещен, и поселения, в наименованиях которых литовские корни, по указанию Гитлера были переименованы на немецкий лад.

Собственный церковный приход здесь был образован в 1793 году из прихожан многочисленных новых поселений на востоке района – 35 окрестных селений, лесных хуторов и крестьянских дворов. Три года спустя в Шилленене освятили церковь, первым пастором которой стал Зигфрид Остермайер. В 1874 году Шилленен получил статус административного

поселения, а в 1928 году общины двух поселений Хайдлаугкен/Холландерай и Шилленена и хутора Струнцлаугкен/Струнцхоф (в настоящее время поселения заброшены) объединились и создали свою сельскую общину Шилленен.

В деревне находились две церкви – евангелическая и католическая.

О евангелической кирхе известно не много, построенная между 1794 и 1796 годами простая деревянная прямоугольной формы с башней и черепичной крышей имела вид уютной фахверковой церкви. Её строительство финансировалось королевским фондом, учреждённый Фридрихом Вильгельмом II. 17 января 1796 года состоялось освящение этой

церкви. В 1825 году, после удара молнии, частично разобрали деревянную башню.

Интерьер церкви был прост. Алтарь и кафедра были объединены. Орган из мастерской кенигсбергского органного мастера Макса Терлецки торжественно был открыт 21 сентября 1873 года. Колокольня состояла из двух колоколов.

Церковь пережила Вторую мировую войну. В 1946 году была в отличном состоянии. Сначала она использовалась как клуб, затем – как склад и, поскольку никогда не ремонтировалась, в 1975 году была в конце концов снесена. Сегодня этого здания нет и в помине, о церковных временах Шилленена/Шиллфельда напоминает здание бывшей католической церкви, освященной в 1925 году.

Хорошо сохранившееся после войны здание католической церкви на южной окраине посёлка Победино сначала использовалась как мастерская по ремонту сельскохозяйственных машин, а затем, после реконструкции, как склад стройматериалов. Здание не использовалось с 1995 года и в 1997 году находилось в аварийном состоянии.

Немногочисленные католики Шилленен и его окрестностей принадлежали католическому приходу Тильзита. С 1874 по 1930 год католики округа Пиллькаллен уже относились приходу Бильдервейтшен/Бильдервейт (посёлок Луговое Нестеровского района), где в 1861 году была построена католическая церковь. И после того как в 1925 году в Шилленен был открыт католический храм, освящённый в честь Святого Архангела Михаила, здесь был образован католический приход, которому принадлежали 600 прихожан. Католический приход относился к Тильзитскому благочинию Варминской епархии. Любопытно, что город Советск снова является ближайшим теперь уже к посёлку Победино католическим приходом.

Через Шилленен/Шиллфельде проходила Пиллькалленская малая железная дорога от Киаушена (посёлок Лосево) до Дористаля (упразднённый в 1990-х годах посёлок Разино). Здесь работали молочная ферма, лесопилка и филиал Лаздененского мельничного производства Брахфогеля, были гостиница, различные магазины, в том числе и колониальных товаров, несколько ремесленных мастерских, а также функционировала и своя школа.

В 1910 году в Шилленен было зарегистрировано 635 жителей. К 1933 году количество жителей выросло до 884 человек, а в 1939 году оно составляло уже 899 человек.

Общая информация [http://wiki-de.genealogy.net/Schillehnen_\(Kreis_Pillkallen\)](http://wiki-de.genealogy.net/Schillehnen_(Kreis_Pillkallen))

В годы первой мировой войны в конце октября 1914 года вольноопределяющийся Н. С. Гумилев находился в разъездах в районе Шилленена, Пиллькаллена и Виллюнена, цель которых была разведка, обнаружение противника и вызов огня на себя. Дело в том, что русской армии не хватало самолётов для разведки с воздуха, поэтому усиленное обследование прусской территории стало одной из важнейших задач на то время. 26 октября (8 ноября) 1914 года уланами штурмом был взят Шилленен, в котором принимал участие Гумилёв. А в «Записках кавалериста» прочитаем следующие строчки: «Дикие были развалины города Ш. – описывал поэт впечатления от

Шилленена, – Ни одной живой души. Моя лошадь пугливо вздрагивала, пробираясь по заваленным кирпичами улицам мимо зданий с вывороченными внутренностями, мимо стен с зияющими дырами, мимо труб, каждую минуту готовых обвалиться. (...) Какое счастье было вырваться опять в простор полей, увидеть деревья, услышать милый запах земли».

Можно расшифровать «развалины города Ш.», как впечатления поэта-кавалериста от Ширвиндта – города, а не посёлка, но... Именно в Победино 26 октября 2002 году во дворе школы был открыт памятный знак в честь Н. С. Гумилева (скульпторы Л. Богатова и О. Сальников). А боевые действия для гвардейских уланов в этом местечке продолжались недолго – уже 27 октября они были отправлены в Ковно (Каунас) на переформирование.

И тем не менее, с той поры по сложившейся традиции «Дней литературы Калининградской области» в Краснознаменске ежегодно проходит областной праздник чтецов «Гумилёвская осень», а в посёлке Победино возлагают цветы и звучат знаменитые строки Николая Гумилёва из стихотворения «Наступление»:

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый
час,
Оттого, что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки.
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрей взлетают
клинки.

Я кричу, и мой голос дикий.
Это медь ударяет в медь.
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или волны гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

32. Николай Гумилёв. «Конкистадор» в Восточной Пруссии.

Автор Александр Сергеевич Новиков, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории КОИХМ.

Опубликовано в издании «Бежецкий край» 2016 года, № 2 (14), в Сборнике докладов и выступлений на научно-практической конференции, посвящённой 130-летию со дня рождения Николая Степановича Гумилёва «Ещё не раз Вы вспомните меня...».

В августе 1914 года Россия вступила в войну, которую современники называли «Великой» и которая позднее вошла в историю человечества как «Первая мировая». *«Наступила война, а с нею для Гумилева военная страда. Войну он принял с простотою совершенной, с прямолинейной горячностью. Он был, пожалуй, одним из тех немногих людей в России, чью душу война застала в наибольшей боевой готовности. Патриотизм его был столь же безоговорочен, как безоблачно было его религиозное исповедание»*, – вспоминал впоследствии А. Я. Левинсон. Как известно, поэт принял решение отправиться на фронт добровольцем. Почему же он, в 1907 году признанный негодным к военной службе по

состоянию здоровья, решил сделать это? Безусловно, определённую роль сыграл общий патриотический подъём, с которым русское общество встретило начало войны. Следует помнить и о том, что его старший брат Дмитрий, ранее отслуживший в армии, был вновь призван в чине подпоручика. Пошел на войну добровольцем и племянник поэта Н. Л. Сверчков, «Коля маленький». Вполне естественно, что сам Н. С. Гумилёв также не считал для себя возможным оставаться в стороне. Поэтому он добился повторного освидетельствования и 30 июля 1914 года был признан годным к военной службе с оригинальной формулировкой: *«за исключением близорукости правого глаза и некоторого косоглазия, причем, по словам г. Гумилёва, он прекрасный стрелок»*.

Н. С. Гумилев оказался единственным российским поэтом, добровольно пошедшим на фронт. Однако он никогда не осуждал своих собратьев по «поэтическому цеху», не участвовавших в боях. 5 августа 1914 года Н. С. Гумилев и А. А. Ахматова встретили на Царскосельском вокзале А. А. Блока: *«А вот мы втроем (Блок, Гум[илев] и я) обедаем на Царскосельском вокзале в первые дни войны (Гум[илев] уже в форме), Блок в это время ходит по женам мобилизованных для оказания помощи. Когда мы остались вдвоем, Коля сказал: “Неужели и его пошлют на фронт. Ведь это то же самое, что жарить соловьев”»*.

После кратковременной подготовки в Гвардейском запасном кавалерийском полку Н.С. Гумилев 30 сентября прибыл в Лейб-Гвардии Уланский Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полк. Этот полк в августе 1914 года уже принимал участие в первом наступлении в Восточную Пруссию.

Первые «военные» впечатления поэта отразились в письме А. А. Ахматовой, отправленном около 8 октября из России (Рассейняй): *«я начинаю чувствовать, что я подходящий муж для женщины, которая “собирала французские пули, как мы собирали грибы и чернику”. (...) Раненых привозят не мало, и раны все какие-то странные: ранят не в грудь, не в голову, как описывают в романах, а в лицо, в руки, в ноги»*. Уже в

цитировании подходящих по смыслу строк из поэмы «У самого моря», ссылке на «романы» проступает отношение к войне как поэта, а не как солдата. К письму был приложен «стишок» – как можно предполагать, первое «военное» стихотворение «Наступление». Несмотря на прорывающиеся в нём автобиографические нотки («Надо мною рвутся шрапнели,/Птиц быстрее взлетают клинки») оно, как полагает Е. Е. Степанов, написано ещё до участия в боевых действиях. И его несколько бравурные интонации уже как бы предвосхищают будущие впечатления от войны. Даже возможна смерть в бою не воспринимается как реальность:

*«Я кричу, и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть»*.

Вольноопределяющийся Н. С. Гумилев впервые принял участие в бою 17 (30) октября, когда его полк вместе с пехотой занял города Владиславов (Кудиркос-Науместис Литовской Республики) и Ширвиндт (Кутузово Калининградской области). Описанием этого боя и начинаются «Записки кавалериста».

«Помню, был свежий солнечный день, когда мы подходили к границе Восточной Пруссии. Я участвовал в разъезде, посланном, чтобы найти генерала М., к отряду которого мы должны были присоединиться».

«Генерал М.» – это начальник бригады, генерал-майор барон В.Н. Майдель.

«Этот день навсегда останется священным в моей памяти. Я был дозорным и первый раз на войне почувствовал, как напрягается воля, прямо до физического ощущения какого-то окаменения, когда надо одному въезжать в лес, где, может быть, залегла неприятельская цепь, скакать по полю, вспаханному и поэтому исключаящему возможность быстрого отступления, к движущейся колонне, чтобы узнать, не обстреляет ли она тебя. И в вечер этого дня, ясный, нежный вечер, я впервые услышал за редким перелеском нарастающий гул “ура”, с которым был взят В. Огнезарная птица победы в этот день слегка коснулась своим огромным крылом и меня».

Затем – участие в разведке в составе разъездов, отход за р. Шешупу. Многие прусские местечки и усадьбы, упомянутые в «Записках», уже не существуют.

26 октября (8 ноября) уланами штурмом были взяты Вилюннен (Измайлово) и Шилленен (Победино).

Рисунок М. А. Лисовского
из альбома «Силуэты войны».

«Дикие были развалины города Ш. – описывал поэт впечатления от Шилленена, – Ни одной живой души. Моя лошадь пугливо вздрагивала, пробираясь по заваленным кирпичами улицам мимо зданий с вывороченными внутренностями, мимо стен с зияющими дырами, мимо труб, каждую минуту готовых обвалиться. (...) Какое счастье было вырваться опять в простор полей, увидеть деревья, услышать милый запах земли».

Именно в Победино 26 октября 2002 г. во дворе школы был открыт памятный знак в честь Н. С. Гумилева (скульпторы Л. Богатова и О. Сальников). За год до этого **в Калининграде, на стене Дома искусств был установлен бронзовый барельеф поэта.** Но боевые действия для гвардейских уланов на этот раз продолжались недолго – уже 27 октября они были отправлены в Ковно (Каунас) на переформирование.

Каково же были первые фронтовые впечатления поэта?

«На настроение отдельного воина действуют не только общие соображения, – каждый пустяк, случайно добытый стакан молока, косой луч солнца, освещающий группу деревьев, и свой собственный удачный выстрел порой радуют больше, чем известие о сражении, выигранном на другом фронте. Эти шоссейные дороги, разбегающиеся в разные стороны, эти расчищенные, как парки, рощи, эти каменные домики с красными черепичными крышами наполнили мою душу сладкой жаждой стремления вперед, и так близки показались мне мечты Ермака, Перовского и других представителей России, завоевывающей и торжествующей. Не это ли и дорога в Берлин, пышный город солдатской культуры, в который надлежит входить не с ученическим посохом в руках, а на коне и с винтовкой за плечами?».

И ещё:

«Была глубокая осень, голубое холодное небо, на резко чернеющих ветках золотые обрывки парчи, но с моря дул пронзительный ветер, и мы с синими лицами, с покрасневшими веками плясали вокруг лошадей и засовывали под седла окоченелые пальцы. Странно, время тянулось совсем не так долго, как можно было предполагать. Иногда, чтобы согреться, шли взводом на взвод и, молча, целыми кучами барахтались на земле. Порой нас развлекали рвущиеся поблизости шрапнели, кое-кто робел, другие смеялись над ним и спорили, по нам или не по нам стреляют немцы».

Всё это – взгляд не солдата, а ощущения художника, поэта, преломляющего через художественные формулы новый для себя опыт жизни.

Рисунок М. А. Лисовского
из альбома «Силуэты войны».

А «свежий солнечный день», «нарастающий гул „ура“» и «огнезарная птица победы» дня первого боя вошли в два «военных» стихотворения. Вот «Война»:

И далее:

*«И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.
Тружеников, медленно идущих
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови».*

*И «Солнце духа»:
«Как могли мы прежде жить в покое
И не ждать ни радостей, ни бед,
Не мечтать об огнезарном бое,
О рокошующей трубе побед.
Как могли мы... но еще не поздно.
Солнце духа наклонилось к нам».*

По предположению Е. Е. Степанова, оба стихотворения написаны по «горячим следам», сразу же после участия в первых боях. Как видим, война воспринимается в них скорее в мажорных тонах. Это, вероятно, связано ещё и с тем, что бои с участием Н. С. Гумилева проходили во время наступления, носили маневренный характер, да и продолжались всего десяток дней.

Квинтэссенцией тогдашнего отношения поэта к войне можно, пожалуй, считать строки в письме М. Л. Лозинскому 1 ноября:

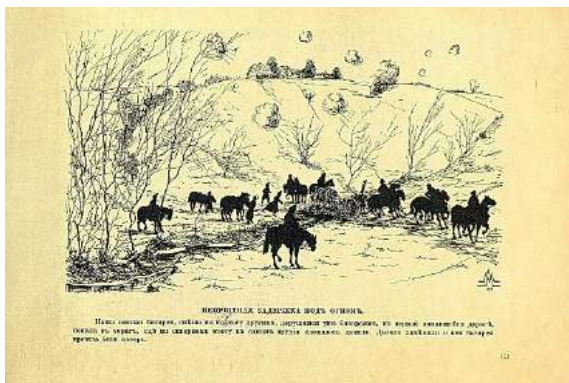
«В общем, я могу сказать, что это лучшее время моей жизни. Оно несколько напоминает мои абиссинские эскапады, но менее лирично и волнует гораздо больше. Почти каждый день быть под выстрелами, слышать визг шрапнели, щелканье винтовок, направленных на тебя, – я думаю, такое наслаждение испытывает закоренелый пьяница перед бутылкой очень старого, крепкого коньяка. Однако бывает и реакция, и минута затишья – в то же время минута усталости и скуки».

Об этом же он напишет позднее в письме жене:

«вообще война мне очень напоминает мои абиссинские путешествия. Аналогия почти полная: недостаток экзотичности покрывается более сильными ощущениями. (...) Если бы только почаще бои, я был бы вполне удовлетворён судьбой. А впереди ещё такой блистательный день, как день вступления в Берлин!...».

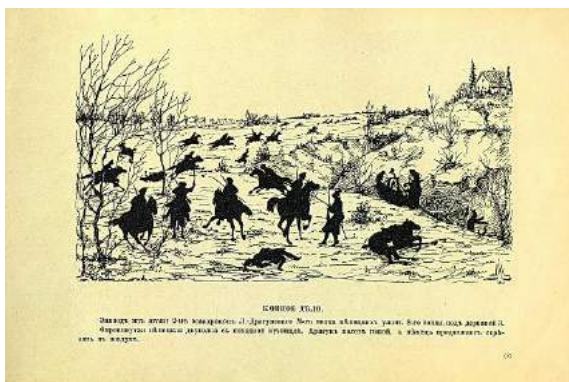
Первые три стихотворения Н. С. Гумилева, непосредственно посвященных теме войны, были написаны либо до участия в боях, либо под впечатлением боёв Восточной Пруссии. Затем, в ноябре, было участие в Лодзинской операции, а 18 декабря поэт смог получить недельный отпуск и побывать в Петрограде. Друзья чествовали его в кабаре «Бродячая собака». Здесь поэт читал свое стихотворение «Война» (опубликованное в ноябре в журнале «Отечество»), а в декабрьском номере журнала «Аполлон» было напечатано стихотворение «Наступление». 24 декабря за ночную разведку под Иновлодзью Н. С. Гумилев был награжден Георгиевским крестом IV степени и в художественной среде Петрограда стали распространяться слухи о его героизме. 4 января 1915 г. художник В. П. Белкин сообщал Г. И. Чулкову:

*Рисунок М. А. Лисовского
из альбома «Силуэты войны».*

«Гумилёв Н. С. приезжал на три дня в отпуск сюда, но мне не удалось с ним повидаться. Он получил Георгиевский крест за три очень важных опасных разведки... Был у нас на днях Лозинский М.Л. и прочел два стихотворения гумилёвских очень хороших о войне...».

В конце января 1915 г. Н.С. Гумилев, уже младший унтер-офицер с Георгиевским крестом на груди, вновь побывал в командировке в Петрограде, где 27 января (9 февраля) принял участие в «Вечере поэтов» в «Бродячей собаке». Здесь он снова читал «Войну».

«Бледной, надуманной и ненужной представляется вся «военная поэзия» современных поэтов, в своем кабинете воспевающих войну, – рядом с этими стихами, написанными в окопах, пережитыми непосредственно, созревшими под свистом пуль, – так оценил его выступление Ю. С. Волин, – И когда поэт-солдат в прекрасных стихах изумляется “поистине прекрасному и светлому”

явлению войны и спрашивает: «как могли мы жить до сих пор без этих ярких переживаний», или когда он рассказывает, как переплетаются в его сознание прошлое с настоящим, гром орудий с музыкой Энери, жужжание пуль с танцами Карсавиной – это волнует, веришь этому и приближаешься к пониманию небывалого и непонятного».

Этим он резко выделялся из круга петроградской богемы.

«Было что-то символическое во внешности добровольца Гумилева, находящегося в отпуске и читающего свое стихотворение “Война” на эстраде какого-нибудь петербургского литературного кафе. Это было в 1915 году. Бледные тени декадентской столицы, юноши с накрашенными губами и подкрашенными щеками, “девы неразумные” (по библейскому выражению) и писательницы (...) – все это резко контрастировало с образом человека, который был вправе бросить своим современникам в лицо: ...Я вам не пара».

Здесь поэт познакомился с английским журналистом Бехгофером и на его вопрос о том, страшно ли на войне, ответил: *«Вы думаете, что это ужасно? Нет, на войне весело!»*.

Именно впечатления от первых боев в Восточной Пруссии отлились в то отношение к войне, которое будет доминировать у поэта примерно первые военные полгода. В его первых «военных» стихотворениях она воспринимается как что-то возвышенно-жертвенное. Однако на протяжении 1915 г. под влиянием фронтовой повседневности и «великого отступления» в его душе будет постепенно вызревать перелом.

Он отойдёт в совсем иное отношение к войне. В конце 1915 г. в стихах поэта зазвучат другие мотивы:

*«И год второй к концу склоняется,
Но так же реют знамена,
И так же буйно издевается
Над нашей мудростью война. (...)*

*И сосчитают ли потопленных
Во время трудных переправ,
Забывших на полях потоптанных,
И громких в летописи слав?».*

Словами одного из своих героев поэт будет задавать риторический вопрос:

*«Для чего безобразные трупы
На коврах многоцветных войны?».*

Так он пройдет путь от первых, почти восторженных впечатлений от боев в Восточной Пруссии до нарастающего под влиянием фронтовой действительности отрезвления.

Но, «пройдя всю войну и став настоящим русским офицером, он остался – поэтом. (...) Безусловно, война не слишком его вдохновляла. Это была просто тяжёлая работа, которую он честно, как мог, выполнял» (Степанов Е. Е. Поэт на войне. Николай Гумилев).

Источник: <https://westrussia.org/o-muzee/stati/item/379-nikolaj-gumiljov-konkvistador-v-vostochnoj-prussii>

Пиллькалленская малая железная дорога – узкоколейка Пиллькалленского округа (Pillkaller Kleinbahn).

Несколько очерков посвящены одной теме – теме узкоколейки.

33. Локомотив железнодорожного пути Шпреевальде.

Выдержка из «Письма о родном Шлоссберге» («Schloßberger Heimatbrief») 1976 г., г-жи Эрики Титце, урождённой Адам.

*«О, дорогой Шлоссберг Клайбан
Я часто слышу твой свист,
И стук колес я слышу
От Шлоссберга в Ласденен»*

Лиана Вольтер, ныне Люхов, родом из Грумбковсфельде (посёлок Правдино).

С 1971 года по музейной железной дороге Бруххаузен/Вильзен-Азендорф DEV (Немецкой железнодорожной ассоциации) курсирует паровоз, который имеет богатую событиями историю и пробуждает воспоминания о родной Восточной Пруссии.

Это локомотив 1'C-Lok "Spreewaldguste" железнодорожного пути Шпреевальд с метровой колеёй образца DR-Nr. 99 56 33.

Шпреевальдгусте (Spreewaldguste) – железнодорожная ветка заповедного леса на реке Шпре, находится под охраной ЮНЕСКО с 1991 года, на территории Бранденбурга в Германии, образованный ландшафт под воздействием

последнего ледникового периода низменной части дельты реки Шпре представляет собой множество каналов и ручьёв общей протяженностью более 970 километров.

После прекращения функционирования пассажирских перевозок в 1970-х годах на пути Шпреевальд, локомотив был приобретён 1996 году Немецкой железнодорожной ассоциацией (DEV) и после ремонта в депо в Вернигероде снова введён в эксплуатацию Музейной железной дорогой, расположенной в Федеративной Республике Германии в Бруххаузен-Вильзен (Bruchhausen-Vilsen).

Пожилой солидный паровоз, построенный в 1917 году, свою юность и лучшие годы провёл на небольшой железной дороге на крайнем северо-востоке бывшей Германии, а именно в Восточной Пруссии, на малой железной дороге (кляйнбан) округа Шлоссберг/Пиллькаллен, прямо на германо-литовской границе (кстати, одна из старейших границ в Европе, которая остается неизменной на протяжении веков!).

В округе Пиллькаллен/Шлоссберг этот локомотив работал под номером 23 вместе со своими родственными машинами того же типа под номерами 21, 22 и 24, 25 из года в год по причудливой, разветвленной сети маршрутов, которые крутыми поворотами пролегли через множество деревень, преимущественно сельскохозяйственных, процветающего округа, связывая районный город с большим миром через Рейхсбан по маршруту Тильзит – Эбенроде (Шталлупёнен). Когда наш «пожилой господин», локомотив № 23, попал в Шпреевальд и как оказался единственным, пережившим пекло зимы 1945 года, уже невозможно точно воссоздать. Возможно осенью 1944 года, когда движение транспорта пришлось ограничить на Schloßberger Kleinbahn из-за линии фронта, проходившей через район, локомотив и переправили.

Представим себе район Шлоссберг, самый северо-восточный район бывшей территории государства Пруссия.

В 1939 году в этом районе было зарегистрировано 42 428 человек, из которых 6000 человек проживали в районном центре, 1100 – на берегу реки Шешуппе, в районе старого приграничного города Ширвиндт и, следовательно, около 35 000 человек – «по деревням». Основными источниками дохода являлись сельское хозяйство с высокопродуктивными молочным производством, скотоводством и коневодством, а

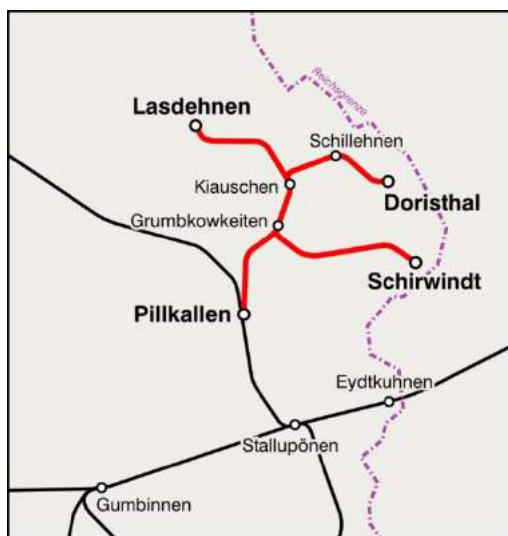
также лесное хозяйство. Домены, частные поместья и фермы различных по своей площади с самыми современными хозяйственными постройками и удобствами создавали общую картину. Площадь сельскохозяйственных угодий составляло 79 880 га, это соответствовало 76% от общей площади и, таким образом, находилось на пятом месте в административном районе Гумбиннен.

Viehaustrieb Mai 1939 auf Gut Hegehof / Adl. Schilleningken

Отдельные села и деревушки, которые были довольно равномерно распределены в районе и очень хорошо связаны для того времени друг с другом развитой сетью гравийных дорог (1-го и 2-го порядка).

Что же из себя представляла маршрутная сеть Пиллькалленской малой железной дороги.

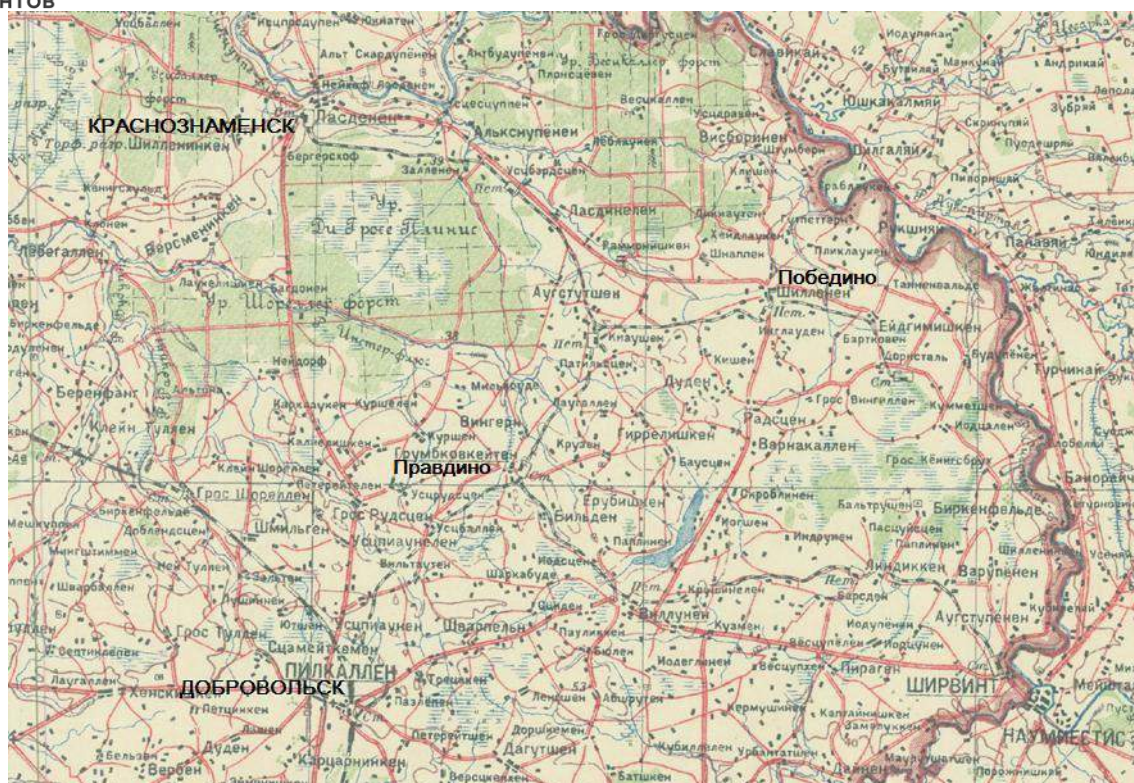

Основным видом транспорта для пассажирских и грузовых перевозок являлся небольшой поезд, курсирующий по разветвленной сети, состоявшей из следующих маршрутов:

Шлоссберг(Добровольск) – Хазельберг (Краснознаменск) – 30 км;

Киаушен (посёлок Лосево) – Дористаль (несуществующий посёлок Разино) – 11,3 км;

Грумбковсфельде (посёлок Правдино) – Ширвиндт (посёлок Кутузово) – 19,6 км.

Следующие населённые пункты были оборудованы железнодорожными вокзалами для кляйнбана:

Лазденен (Краснознаменск), Шорелленский лес, Саллен (несуществующее поселение юго-восточнее Краснознаменска), Альскнупёнен (посёлок Высокое, в районе Краснознаменска), Ужбёрджен (посёлок Острогожское), Руккен (посёлок Острогожское), Лаздинелен (посёлок Мичурино), Гросс Аугстутшен (посёлок Лосево), Киаушен (посёлок Лосево) – здесь была возможна пересадка на Дористаль с остановками в Жарделене, Кишене, Шилленене (посёлок Победино), Эйдгеммишкене (посёлок Ковпаково), а также продолжить путь с остановками в Патильцен (посёлок Отрадное), Вингерн (посёлок Правдино), Грумбковсфельде (посёлок Правдино) – ещё одной возможной пересадкой на Ширвиндт с остановками в Билдене (посёлок Филоново), Вальддорфе, Виллунене, Кайлене, Крушинелен, Науёнен, Линдикен, Линденхоф, Йодупёнен – поселения не существуют, или продолжить путь через Ужбален (посёлок Лужское), Вильтаутен (посёлок не существует), Ужпианен (посёлок Никитовка), Паслёпен (несуществующее поселение восточнее посёлка Добровольск), Пиллькаллен (посёлок Добровольск).

Сеть извилистых железнодорожных путей была построена между 1901 и 1906 годами, первоначально с шириной в колее 750 мм. Владелец и оператор была Восточно-Германская железнодорожная компания в Кенигсберге.

Первоначально, используемые локомотивы на колее 750 мм, представляли собой «четырёхколёсные» (по одной стороне) с крошечными трёхосевыми колесными механизмами по формуле В, построенные компанией Vulcan в 1900 году. Еще в 1902 году они были дополнены двумя тендерными локомотивами В'В Mallet, т. е. паровозами со специальными вагонами для перевозки

дополнительного топлива к мощному локомотиву на четырёх ведущих осях. Две колёсные оси этих локомотивов были соединены шарнирами, за счет чего эта особая конструкция давала лучшую проходимость на поворотах. В тоже время самый большой уклон, что немаловажно, в слегка волнистой местности среди оврагов и холмов (1:80), в полуметровом изгибе составлял менее 50 м!

Однако в 1917 году в ходе обширных восстановительных работ после разрушений, нанесенных в годы Первой мировой войны в 1914-м и 1915-м, вся сеть маршрутов была переведена на колею 1000 мм. Причиной этой важной меры модернизации, как говорилось, стала благоприятная возможность приобрести локомотивы и вагоны, которые изначально предназначались для одной из немецких колоний и больше не могли использоваться.

Эта проведённая мера по модернизации оказалась совершенно уникальной для немецких узкоколейных железных дорог, в конечном итоге, в последствии, до 1971 года локомотив № 23 подходил Немецкой железнодорожной ассоциации (DEV) и служил на железнодорожной ветке «Spreewaldguste» с шириной в 1 метр.

Примерно в 1939 году автопарк составили:

5 Танковых тепловоза 1'С, год выпуска 1917, построенных компанией Юнг, курсировали под №№ 21 – 25 (Танк-паровоз — паровоз, не имеющий тендера: вода и топливо хранятся в танках, установленных на самом локомотиве);

14 пассажирских вагонов, из которых два четырехосных, из их числа 8 – 3-го класса, 4 – 1-го и 2-го класса);

5 грузовых закрытых, четырехосных вагона грузоподъемностью 13,5 т;

28 грузовых закрытых, двухосных вагона грузоподъемностью 10,5 т;

16 тележек, четырехосных грузоподъемностью 15 т;

45 грузовых, открытых, двухосных вагонов грузоподъемностью 10,5 т.

Кроме того, четыре снегоочистителя, которые были постоянно припаркованы на конечных пунктах Шлоссберг, Ширвиндт, Хазельберг и Дористаль. Поддерживать работу компании даже в самую суровую снежную зиму было долгом и делом чести!

Выдержка из «Письма родному Шлоссбергу» («Schloßberger Heimatbrief») 1976 г., г-жи Эрики Титце, урождённой Адам, из статьи, опубликованной в GenWiki на «Портале Pillkallen». Очерк был подготовлен при значительной помощи бывшего заведующего производством Карлом Роде, который умер в 1974 году, и опубликован в "DEV-Kurier" 3/74, печатного издания Немецкой железнодорожной ассоциации в Бруххаузен-Вильзене.

Источники: http://genwiki.genealogy.net/Die_Schloßberger_Kleinbahn_u
<https://de.wikipedia.org/wiki/Spreewaldbahn>

34. Станция Пиллькаллен малой железной дороги

Главным железнодорожным вокзалом, конечно же, была станция Шлоссберг-кляйнбан (Schloßberg Klb.). Вокзал находился рядом с Имперским – Рейхсбанхофом, но имел собственное здание диспетчерской и управления. Вокзал управлял солидным числом железнодорожных сообщений – шесть главных путей, два стыковочных к малым промышленным предприятиям, один грузовой путь для местного движения по Шлоссбергу и два соединительных пути к перевалочному пункту на Рейхсбанхоф.

Управление имело небольшую, хорошо оборудованную мастерскую для обслуживания и проверки допуска локомотивов и вагонов. Как правило, четыре из пяти локомотивов ежедневно работали на полную мощность, пятый локомотив служил резервным. Локомотивы поочерёдно поступали в мастерскую каждые 14 дней.

Кроме главного вокзала в Шлоссберге, важное значение имела **станция в городе Ширвиндт**, расположенная на границе с Литвой, и была обозначена изначально – как ключевой перевал в грузовых перевозках древесины и зерна из России.

Остальные станции малой железной дороги были устроены очень просто, но конечные станции Хазельберг (город Краснознаменск) и Дористаль (упразднённый в 1990-х годах посёлок Разино),

как и Ширвиндт (посёлок Кутузово) имели локомотивное депо, где на ночь размещался один локомотив, чтобы рано утром отправить первые поезда в сторону Шлоссберга.

Остальные 24 остановки состояли только из простых домов из гофрированного железа и погрузочных рампы. Разделительные станции Веттерау (Киаушен, посёлок Лосево) и Грумбковсфельде (посёлок Правдино) были спроектированы как поворотные депо для движения в обратном направлении по основной линии к Шлоссбергу, так что поездам, идущим из Дористаль и Ширвиндт, приходилось «вращать голову» в депо. Это касалось пассажирских перевозок, так называемых, со «сквозными вагонными переходами» между поездами «второстепенных маршрутов».

Ежедневно курсировало три пары пассажирских поездов со «сквозными вагонными переходами» и пересадкой по следующей схеме:

На Шлоссберг: 7.30 утра, 12.50, 19.20.

Из Шлоссберга: 8.30 утра, 14.10, 20.00.

Первое сохранившееся расписание Пиллькалленской малой железной дороги датируется октябрём 1902 года.

Время в пути от Шлоссберга до трех конечных точек составляло около 90 минут каждая. Как ни странно, время отправления этих поездов не были опубликованы в расписаниях имперских поездов, так что точная реконструкция затруднена.

Основываясь на том, что утренние поезда отправлялись в Шлоссберг почти одновременно, процесс последовательности действий не сложно описать:

Отправление GmP (смешанный пассажирский и грузовой поезд) около 6 часов утра из Хазельберга, прибытие около 6:30 утра в Веттерау. Вскоре после этого GmP из Дористаля прибывает, развернувшись в обратном направлении. Отсоединяя грузовые вагоны и соединяя пассажирские, примерно в 6:40 утра

движение продолжает исключительно пассажирский поезд с локомотивом из Хазельберга до Грумбковсфельде, прибывающий туда в 6:50 утра.

GmP из Ширвиндта прибывает в Грумбковсфельде примерно в то же самое время, но уже развернувшись в обратном направлении. И снова, соединив пассажирские вагоны, отсоединяя грузовые, примерно в 7:00 исключительно пассажирский поезд везёт первоначальный локомотив из Хазельберга в Шлоссберг.

Чуть позже в Веттерау и Грумбковсфельде отсоединённые грузовые вагоны соединяют и локомотив из Дористаля доставляет их в Шлоссберг.

Между тем, локомотив, прибывший из Ширвиндта, берет на себя особую задачу в Грумбковсфельде: он должен накачать воду, которую привез, с большим шумом в водонапорную башню, возможно, что в Грумбковсфельде не было подходящей воды для подпитки котла локомотива.

Примерно через час такие же операции совершались с поездом из Шлоссберга, но уже в противоположном направлении.

Железная дорога определяла ритм жизни и работы. Когда поезда из Хазельберга и Ширвиндта посвистывая и фыркая двигались в сторону Грумбковсфельде, фермеры складывали свои инструменты в поле, потому как наступал полдень – время обеденного перерыва. Максимальная скорость поездов составляла 25 км/ч – какое мирное время! К тому же – долгие маневры и ожидание на промежуточных станциях! Но, видимо, в то время людей это не раздражало.

В период с 1933 по 1937 годы поездами пользовались в среднем 55 000 путешественников в год, совершая поездки на расстоянии в среднем 18 км. Ежегодная доставка грузов перевозила около 9000 тонн гравия и песка, 8500 тонн древесины, 5000 тонн удобрений, 3800 тонн зерна и муки, а также 1700 тонн крупного рогатого скота.

Следует, конечно, учитывать, что в последние предвоенные годы автобусы и грузовики уже представляли собой сильную конкуренцию, а зажиточные помещики и крестьяне ездили преимущественно на собственных лошадях.

Bild 10. Pillkaller Kleinbahn-Station Lindenhof (Gr. Warupönen). Gutsinspektor Hermann John erwartet sicher eine Lieferung. (aus: Georg Schiller, Der Grenzkreis Schloßberg im Bild)

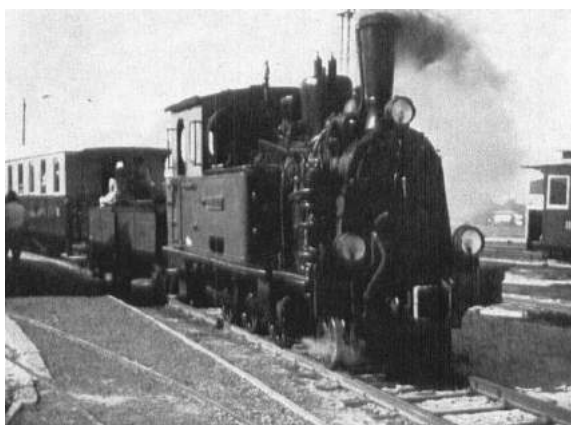
Малый поезд прибывает в Варупёнен (посёлок по дороге на Ширвиндт – Кутузово). Обязательством инспектора поселений являлось встреча поезда и грузов. На фотографии Дитера Отто господин Джон ожидает «доставки».

Управлением всех операций и движений привлекалось 74 железнодорожника – по сегодняшним меркам, это, с экономической точки зрения, невысокое количество, 27 из них обслуживали маршруты, а 12 служили в мастерских.

Малый поезд прибывает в Варупёнен (посёлок по дороге на Ширвиндт – Кутузово). Обязательством инспектора

Железнодорожники выполняли свои обязанности и в годы войны вплоть до горького конца осени 1944 года. Еще в августе 1944 года советские войска вторглись в юго-восточную часть района, но их удалось остановить и даже немного оттеснить. Большая часть населения уже была эвакуирована, железная дорога была подчинена Вермахту и перевозила боеприпасы, снабжение и раненых. Гражданский железнодорожный персонал покинул Шлоссберг 20 октября 1944 года.

Интересно, что в это время колея в 750 мм снова вошла в Шлоссберг. Поскольку имперская железнодорожная линия Эбенроде – Тильзит была прервана, Вермахт приказал построить линию снабжения в Шлоссберг через соседнюю Инстербургскую окружную железнодорожную ветку колеёй 750 мм. Это была последняя «пуповина», которой держались защитники Шлоссберга до 16 января 1945 г. В этот день Шлоссберг после ожесточенного боя окончательно сдался, станция малой железной дороги и другие железнодорожные сооружения были полностью разрушены. Так что осталось только одно воспоминание: «Spreewaldguste»!

2 июля 1976 года музей железной дороги в Брукхаузен-Вильзен отметил свое 10-летие. Присутствовали многочисленные гости, звучала музыка в исполнении Гвардейского и музыкального корпусов из Тироля, гостям провели экскурсию по музейной железной дороге. Даже президент Ганноверской федеральной железной дороги выразил свое почтение железнодорожникам-любителям. Локомотив из

Шлоссберга "Spreewald" имел большой успех с местным локомотивом "Ноуа".

Шлоссбергцы были рады видеть солидного посланника с их родины в качестве центра всеобщего интереса в Музее железной дороги в Бруххаузен-Вильзене.

Выдержка из «Письма родному Шлоссбергу» («Schloßberger Heimatbrief») 1976 г., 2-жи Эрики Тутце, урождённой Адам, из статьи, опубликованной в GenWiki на «Портале Pillkallen».

Очерк был подготовлен при значительной помощи бывшего заведующего производством Карлом Роде, который умер в 1974 году, и опубликован в "DEV-Kurier" 3/74, печатного издания Немецкой железнодорожной ассоциации в Бруххаузен-Вильзене.

Источник: <http://genwiki.genealogy.net>

35. Из истории Пиллькалленской малой железной дороги (Pillkaller Kleinbahn) – раненые были последними пассажирами.

Очерк бывшего представителя управления округа Пиллькаллен Питч-Шредера и нескольких бизнесменов округа Пиллькаллен/Шлоссберг.

«Вы можете сесть на небольшой поезд из Пиллькаллена в Ласденене (Краснознаменск). Оправиться вдоль очаровательных деревушек, нанизанных, как жемчуг на нитке. В Ужбалене (посёлок Новоуральское) услышите объявление кондуктора, затем в Грумбковкейтене (посёлок Правдино). За ними следовали Вингерн и Лаугаллен, Гросс Аугштушен и поместье Ласдинелен (посёлок Мичурино) и, наконец, Руккен

(посёлок Острогжское) и Ужбёрджен (посёлок Высокое ближе к Краснознаменску) прежде чем остановится в Ласденене (Краснознаменск). От Грумбковкейтена была развязка через Виллунен и Линдикен до Ширвиндта (посёлок Кутузово); вторая ветка отделялась от основной в Киаушене и вела через Шилленен (посёлок Победино) и Эйдгиммишкен в Дористаль (посёлок Разино, не существует с 1992 года)».

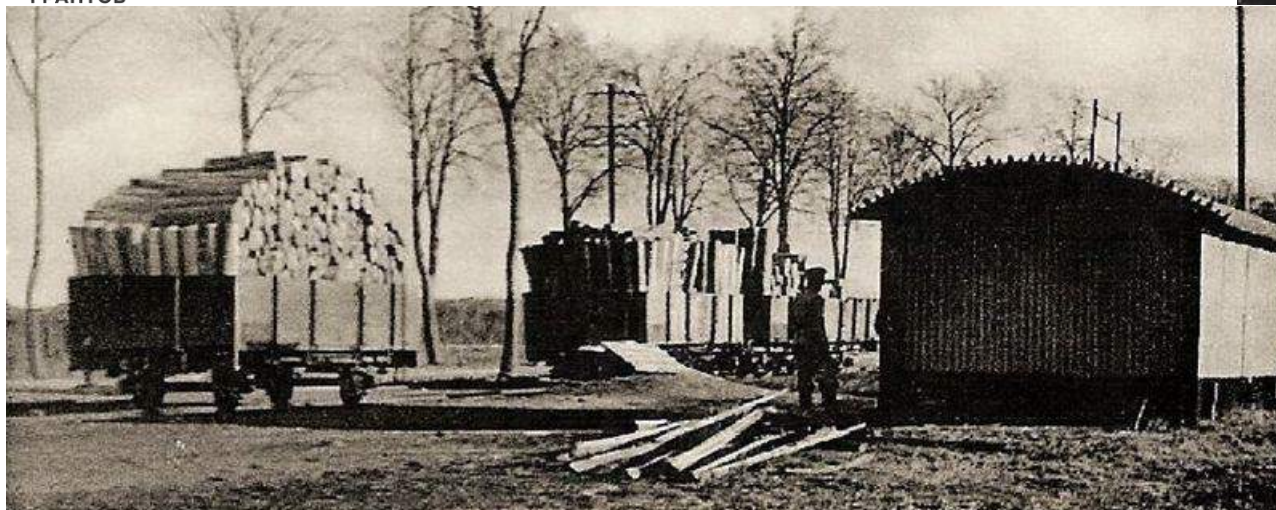
Пауль Брок, писатель из района Тильзит-Рагнит.

11 августа 1973 года бывший представитель управления округа Пиллькаллен Питч-Шредер и несколько бизнесменов округа того времени составили описание деятельности Пиллькалленской малой железной дороги для Восточногерманской железнодорожной компании.

Проектирование, вероятно, вызывало ещё некоторые трудности, не каждое пожелание можно было принять во внимание, но в конце концов строительство началось и велось между 1899 и 1901 годами.

Маршрут узкоколейки удобно пролегал через кирпичный завод Паслопен на территории Ужпиаунен (посёлок Никитовка), деревни Ужпиаунен, Вильтаутен и Ужбаллен до Грумбковкайтена (посёлок Правдино). Каждое из упомянутых мест имело свою остановку. От Грумбковкайтена вели две линии.

Линия железной дороги в восточном направлении через Билден, Виллунен, Кайлен, Крушинелен, Гросс Науйенен, Линдиккен и Варупёнен в Ширвиндт (посёлок Кутузово) пролежала примерно в 3 км от шоссе Пиллькаллен – Ширвиндт и обеспечивала сельские места этого направления транспортом.

Другая ветка узкоколейки шла от Грумбковкайтена на север через Вингерн до Киаушена, где снова раздваивался на две линии: одна до Шилленен (посёлок Победино), которая позже был продлена через Эйдгиммишкен до Дористаля (посёлок Разино, упразднённый с 1992 года), а другая – через Аугстутшен, Ласдинелен (посёлок Мичурино), Руккен (посёлок Острогжское), Ужбёрджен (посёлок Высокое ближе к Краснознаменску) и Салленен – до церковной деревни Ласденен (Краснознаменск). Последняя линия занималась вывозом древесины из лесов Шореллен и Вескаллен и, таким образом, всегда имела надежный источник дохода.

Первая узкоколейная железная дорога имела небольшие паровозы и вагоны, и все же ее открытие носило эпохальное событие для восточной части округа Пиллькаллен.

При расширении колеи (1000 мм) восточногерманской малой железнодорожной компанией, после значительных разрушений в Первую мировую войну локомотивного и вагонного парка, а местами и железнодорожных станций, уровень новой узкоколейки оказался немного ниже большой (государственной) железной дороги. В результате все товары, перевозимые государственной железной дорогой, доставлялись в Пиллькаллен, что на первый взгляд покажется недостатком, но для фермеров было гораздо важнее, чтобы все остановки сохранились и малая железная дорога поддерживала свой характер.

С 1901 года вплоть до боевых действий в 1944 году все пассажирские и грузовые перевозки осуществлялись по малым железнодорожным веткам. По ней привозили корма и удобрения, перевозили весь урожай, причем по чрезвычайно выгодным тарифам. Доставка центнера зерна в вагоне от Науйёнена до Пиллькаллена (18 км) стоила 12 пфеннигов. Кому захочется возить зерно в город на телеге?

Утром небольшой поезд принимал молоко на молокозаводе и штучный товар – от молотилки и до букета цветов, возил стройматериалы, в частности продукцию кирпичных заводов, прилегающих к узкоколейке, грузил и разгружал скот и доставлял почту.

Процветали и пассажирские перевозки. Три раза в день поезда из Ширвиндта в Пиллькаллен ходили туда и обратно, и на каждой «жестяной будке», так называли станции, стояло по несколько человек.

В то время проезд «туда–обратно» классом в мягком вагоне из Науйёнена в Пиллькаллен стоил 1,80 марки, а из Науйёнена в Ширвиндт – 50 пфеннигов. Однако малой железной дорогой нельзя было быстро проехать, поскольку частичная погрузка и выгрузка занимали время – обработка груза велась проводниками во время остановок поезда, это задерживало движение. Поездка от Науйёнена до Ширвиндта занимала 30 минут, а от Науйёнена до Пиллькаллена – 1 час и 20 минут. Но тогда у людей еще было время.

Тогда кондуктор ждал пассажира, который немного опаздывал и мчался на станцию со всей скоростью, иной раз помогал и пожилой матери сесть в вагон.

Все они были старыми друзьями. И во время погрузки скотины, он прикладывал руку. Да, бывало, что и забывали взять с собой деньги и расплатиться за доставку груза. В подобных случаях он тоже выручал. Кондуктор доставлял груз и возвращал в свою очередь деньги получателю.

Малую железную дорогу окутывала доброжелательность, об этом точно знали все. Многие соотечественники вспоминали добрыми словами сотрудников дороги Хоппе и Лайсснера, много лет прослуживших на линии узкоколейки в направлении на Ширвиндт, их называли здесь все.

Особенно высокие требования предъявлялись к малым железным дорогам зимой. На самом востоке Восточной Пруссии случались сильнейшие снегопады по всей северогерманской низменности. Улицы были засыпаны снегом, ни одна машина, ни одна телега не проезжала – всё движение было на санях. В зимние месяцы приходилось в основном расчищать узкоколейку.

Малые железнодорожные линии должны были оставаться доступными при любых обстоятельствах. Случались задержки, некоторые поезда застревали в снегу, но колею всякий раз расчищали.

Малая железная дорога до самого конца составляла основу всего грузового движения. Летом 1944 года, когда русские войска уже подошли к границе, уборочные бригады молотили урожай в приграничных деревнях и отправляли всё зерно. В то время Ширвиндт уже находился под обстрелом русской артиллерии. Науйёнен был конечной станцией откуда отправились поезда с последними пассажирами – ранеными солдатами с линии фронта.

Локомотив Пиллькалленской малой железной дороги под номером 23 находится в идеальном рабочем состоянии в Музейном комплексе железной дороги в Бруххаузен-Вильсен (Bruchhausen-Vilsen) под именем «Шпреевальд»... Но об этом мы уже рассказывали.

Источник: http://genwiki.genealogy.net/Aus_der_Geschichte_der_Pillkaller_Kleinbahn

36. Открытие узкоколейки.

В канун Рождества 24 декабря 1901 года в округе Пиллькаллен произошло особое событие.

В этот день 119 лет назад открыли Пиллькалленскую малую железную дорогу (Pillkaller Kleinbahn).

К этому событию готовились, по инициативе многих жителей района и всей провинции велась обширная подготовительная работа, связанная со строительством малой железной дороги.

Для округа Пиллькаллен железнодорожная эра началась сравнительно поздно. Только 1 ноября 1892 года возможно было ввести в эксплуатацию 17,6 километровую ветку государственной железнодорожной линии на участке от Шталлупёнена до Пиллькаллена. Нужно сказать, что Королевская Восточная железная дорога достигла Шталлупёнена уже 6 июня 1860 года!

Ровно год спустя, 1 ноября 1893 года был открыт следующий участок пути до Раутенберга (посёлок Узловое), относившийся к соседнему округу Рагнит. Участок до Рагнита был достроен на следующий год, и таким образом была установлена связь с Тильзитом.

В конце 1893 года, помимо районного города Пиллькаллен, только три населенных пункта в округе имели железнодорожное сообщение – Шмильген (поселение существовало между посёлками Добровольск и Саратовское), Гросс-Шореллен (посёлок Саратовское) и Дрозвальде (поселение существовало между посёлками Саратовское и Узловое).

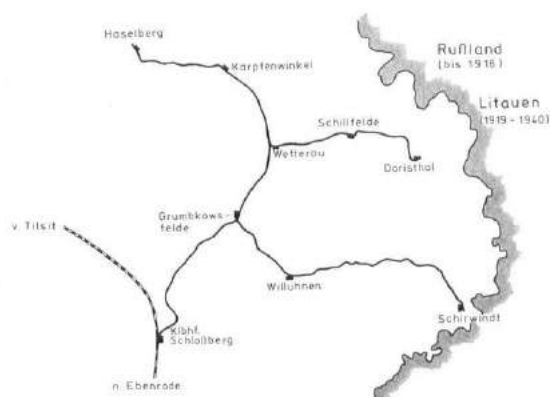
Большая часть района, особенно её восточная часть с приграничным городом Ширвиндт и церковными деревнями Ласденен (Краснознаменск), Шилленен (посёлок Победино) и Виллунен (несуществующий посёлок близ озера Виллунен – в настоящее время озеро Бородинское), все еще находились далеко от железнодорожной линии.

По переписи населения конца 1895 года в районе Пиллькаллен проживало всего 47 711 человек, из которых 3 406 – в районном городе и 1 157 – в городе Ширвиндт. Район был абсолютно сельскохозяйственным, никакой промышленности не было. Существовали лишь некоторые мелкие предприятия, перерабатывающие сельскохозяйственную продукцию (молочные заводы, мельницы) или поставлявшие продукты для сельского хозяйства (кирпичные заводы, гравийные карьеры). Таким образом, строительство железной дороги в этом районе было обречено на провал из-за представленных характеристик неблагоприятных экономических и финансовых условий, а также на начальном периоде строительства железной дороги диктовались высокие технические требования – оно просто не могло быть рентабельным. Но потребность в эффективных современных транспортных средствах для надёжной доставки грузов и пассажирских перевозок становилась все более острой в районе Пиллькаллен.

Этот недостаток разрешила воля депутатов Прусской палаты «Законом о малых железных дорогах и частных железнодорожных путях» от 28 июля 1892 года. С вступлением в силу этого решения 1 октября 1892 года муниципальные структуры (т.е. районы, города и муниципалитеты), но и также частные инвесторы получили возможность строить и эксплуатировать местные железнодорожные линии по разумным ценам и, таким образом, удовлетворять потребности в транспорте, особенно в экономически неблагополучных районах.

«Закон о малых железных дорогах» (Kleinbahngesetz) предусматривал существенные упрощения в строительстве и эксплуатации железных дорог «нижнего порядка», особенно в отношении технического оснащения железнодорожных сооружений и транспортных средств. 10 марта 1894 года парламент провинции Восточной Пруссии принял первую резолюцию о содействии строительству малых железных дорог. Эта резолюция стал важным краеугольным камнем в развитии транспортного сообщения Восточной Пруссии.

Два года спустя, в 1896 году, провинциальный парламент выделил 2.000 марок на начальные подготовительные работы по проектированию малой железной дороги в районе Пиллькаллен. Районная администрация добавила такую же сумму и поручила выполнить эту предварительную работу компании «Востоногерманской узкоколейке-AG» («Ostdeutsche Kleinbahn-AG»), расположенной в

Бромберге (провинция Позен), у которой специально для выполнения своих задач в провинции Восточная Пруссия был создан департамент по строительству и эксплуатации в Кенигсберге. Разработанный проект предусматривал две узкоколейные железнодорожные линии: от Пиллькаллена через Грумбковкайтен, Аугштушен и Ласдинелен до Ласденена (29,4 км) и от Пиллькаллена вдоль шоссе до Виллунена и через Науйенен и Линдикен до Ширвиндта (27,8 км). Ожидались оживлённые сельскохозяйственные перевозки, доставка древесины из лесов Шореллера и Вешкалера, а также активное приграничное движение через Ширвиндт, особенно рассчитывали на импорт зерна из внутренних районов Восточной Пруссии.

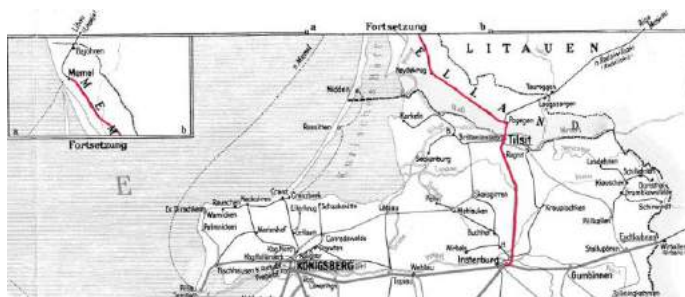

В 1898 году провинциальный парламент на своем заседании утвердил представлена документация к проекту малой железной дороги, проверенная государственной контрольной инспекцией, стоимостью 333 000 марок при условии совместного участия в финансировании, как обычно, прусским государством и округом. Затем был уточнен проект и определена смета на строительство малой железной дороги и обеспечение эксплуатационными ресурсами (локомотивами и вагонами). Это составило 1 689 000 марок, из которых 46

000 марок выделялось на покупку земли. Прусское государство готово было инвестировать 666 000 марок, провинция и округ по 333 000 марок каждые, оставшуюся сумму готова была взять на себя известная компания «Lenz&Co.», выступавшая материнской компанией «Востоногерманской узкоколейки-AG» («Ostdeutsche Kleinbahn-AG»). Строительство должно было начаться весной 1900 года.

До начала момента строительства Пиллькалленской малой железной дороги аналогичные проекты узкоколеек Восточной Пруссии мало чем отличались друг от друга. Местные жители с нетерпением ждали открытия узкоколейки и возлагали большие надежды на малую железную дорогу. Однако начались политические игры с участием лиц, принимающих решение в провинции! Тем временем велось напряжённое обсуждение по выбору надлежащей ширины колеи между комитетом округа и строительной компанией «Lenz&Co.». По образцу других малых железных дорог в Восточной Пруссии, которые уже находились в эксплуатации или планировались вводиться в то время, Пиллькалленская узкоколейка должна была иметь ширину колеи 750 мм (стандартная ширина колеи – 1435 мм). Аргументом в выборе данной колеи послужило обеспечение рентабельности малой железной дороги с низкими затратами на строительство, принимая во внимание требование провинциального ландтага (совета) на единую колею. Однако комитет округа требовал ширину колеи в 1000 мм, поскольку ожидал высокую производительность, требовал надёжность в эксплуатации и рассчитывал на скорость работы малой железной дороги. Строительная компания «Lenz&Co.» была готова взять на себя дополнительные расходы в размере 32 000 марок при условии приступить к прокладке малой железной дороги от Ширвиндта не в сторону Пиллькаллена, а по направлению в Грумбковкайтене (посёлок Правдино), что позволило бы сэкономить два-три километра при строительстве линии. Это подтолкнуло окружной совет единогласно принять решение о строительстве малой железной дороги с колеёй шириной в 1000 мм, ссылаясь на военного министра Пруссии, который не намерен был в будущем разрешать строительство малых железных дорог с шириной колеи в 750 мм в приграничных округах по военным причинам.

Районный комитет обратился с письмом от 10 декабря 1899 года к главе правительства провинции Восточной Пруссии фон Брандту с просьбой внести соответствующие изменения в решение провинциального комитета.

Провинциальный комитет на заседании 29

января 1900 года отклонил это предложение без объяснения причин. Однако глава окружного комитета Пиллькаллена Пич-Шренер не позволил этому решению войти в законную силу и 10 февраля 1900 года подал в парламент провинции «петицию об изменении ширины колеи на малой железной дороге в районе Пиллькаллен», в которой ещё раз привёл уже упомянутые доводы, и в качестве подтверждения изложенного указал на строительство узкоколейки шириной в 1000 мм на участке **Погеген – Шмалленингкен** (Погегай – Шмалининкай, Литовская республика, территория до 1945 года входила в состав Восточной Пруссии, на фотографии ниже вокзал этой станции).

Однако на заседании транспортной комиссии провинциального парламента 24 февраля 1900 года приняли решение – отклонить ходатайство окружного комитета Пиллькаллена с результатом «все против двух голосов».

Последнее слово оставалось за парламентом провинции и 27 февраля на пленарном заседании прошли жаркие дебаты. Стенограмма по этому вопросу составила 13 страниц! Аргументы «за» и «против» по запрашиваемому изменению колеи выдвигались страстно, причем пиллькаленский окружной совет до последнего отстаивал свое мнение. Но, к сожалению, ему не удалось победить большинство депутатов, они придерживались своего решения 1896 года о строительстве малых железных дорог с единой колеей в 750 мм. Петиция была отклонена большинством голосов.

Наконец-то можно было начать строительные работы. 25 июня 1900 года создано акционерное общество «Пиллькалленская малая железная дорога». Место нахождение компании, в соответствии с требованием Обер (Верховного) президента, было закреплено сначала в Кёнигсберге, и лишь только в 1903 году перенесено в Пиллькаллен. Глава округа Пиллькаллен Пич-Шренер принял на себя функции председателя наблюдательного совета.

В административном отчете Восточно-прусского провинциального комитета за 1900 год сообщается о завершении строительства сооружений и выполнению земляных работ на линии Пиллькаллен – Ласденен, а также на участке Виллунен – Ширвиндт. Первоначально запланированное прямое сообщение Пиллькаллен – Виллунен заменено маршрутом Грумбковкайтен – Виллунен. А также запланирована ветка Аугстусшен – Шилленен. В результате общая протяженность малой железной дороги на тот момент составляла 56,6 км. Открытие всех линий планировалось в течение 1901 года.

В административном отчёте следующего года указано, что открытие движения не состоялось – из-за неблагоприятных почвенных условий необходимы были значительные доработки по прокладке железнодорожного полотна. Открытие планируется на конец 1901 года. И действительно, в канун Рождества 1901 года состоялось торжественное открытие Пиллькалленской малой железной дороги (Pillkaller Kleinbahn). К сожалению, никаких записей об этих торжествах найти не удалось. Важность малой железной дороги демонстрируется в открытке, в которой показаны линии и виды основных административных поселений.

Пиллькалленская малая железная дорога (Pillkaller Kleinbahn) начала работу с 3-мя небольшими двухосными тендерными локомотивами «Lenz» типа „М“, построенными в 1900 году известным производителем локомотивов «AG Vulcan Stettin» в Щецине. Кроме того, в распоряжении узкоколейки было 6 двухосных пассажирских вагонов, 2 двухосных комбинированных вагона для перевозки багажа и почты, 58 двух- и 8 четырехосных грузовых

вагонов и 2 железнодорожных ремонтных вагона.

По поручению компании «Lenz&Co.» в 1899 году эксплуатацию малых железных дорог вела «Восточногерманская узкоколейка-AG» со штаб-квартирой в Кенигсберге, которая возникла из «Восточногерманской железнодорожной компании» (OEG).

Источник: GenWiki «Портал Pillkallen» Гюнтера Кремера.

Статья «1901 – Особый рождественский подарок».

http://genwiki.genealogy.net/100_Jahre_Pillkaller/Schlo%C3%9Fberger_Kleinbahn

А наш рассказ об истории узкоколейки в округе Пиллькаллен на этом завершаем...

37. Железнодорожные комплексы.

Железнодорожные комплексы (пути сообщения, вокзалы, путепроводы и т.д.) представляют собой важный системообразующий элемент хозяйственной структуры и системы расселения, и в тоже время влияют на изменение культурных ландшафтов.

Современная система Калининградской железной дороги в значительной степени унаследована от предыдущих, довоенных, этапов развития, а сегодня направлена в основном на импортно-экспортные перевозки грузов и пассажиров. На территории региона выделены два вида железнодорожных ландшафтов — современные

(эксплуатируемые) и реликтовые (дичающие). Процесс ренатурализации (восстановление в первоначальное состояние) железнодорожных ландшафтов развивается при прекращении мероприятий по поддержанию рабочего состояния дорог, и в соответствии с особенностями искусственного рельефа и насыпных грунтов происходит формирование специфических примитивных почв и пионерных биоценозов.

Считаем необходимым познакомить со статьёй «Отражение эволюции железнодорожной сети в ландшафтной среде Калининградской области» и предлагаем познакомиться с ней, как прекрасное дополнение к данному сопроводительному материалу.

Коллективная работа Института природопользования, территориального развития и градостроительства (Балтийский федеральный университет им. И. Канта) – Е. А. Романовой, О. Л. Виноградовой, Г. В. Кретицина, и Акционерного общества «Балтийское аэрогеодезическое предприятие» в лице М. В. Дробиза, опубликована в 2015 году издательством БФУ им. Канта в журнале «Балтийский регион».

Статья была размещена на страницах проекта «История. Люди. Память» в социальных сетях

1 ч. <https://www.facebook.com/ProektHistoryk39/posts/207243297641808>

2 ч. <https://www.facebook.com/ProektHistoryk39/posts/208434437522694>

3 ч. <https://www.facebook.com/ProektHistoryk39/posts/209297564103048>

4 ч. <https://www.facebook.com/ProektHistoryk39/posts/210819037284234>

5 ч. <https://www.facebook.com/ProektHistoryk39/posts/212343853798419>

38. «Вокзал для двоих»: К вопросу о «мукденской пощечине» Самсонова Ренненкампу

Автор Юрий Бахурин, историк, специалист по истории Первой мировой войны, автор ряда научных публикаций. Создатель сайта <http://www.august-1914.ru/>

«...Такие действия предшествуют обычно генеральной драке, в которой противники бросают шапки на землю, призывают прохожих в свидетели и размазывают на своих щетинистых мордасах детские слезы».

Первая мировая война началась для Российской империи с обернувшегося трагедией вторжения в Восточную Пруссию в августе 1914 г. Эта битва вызвала колоссальный общественный резонанс не только в России, но и в Германии. Ее официальными кругами были незамедлительно проведены исторические параллели между разгромом 2-й армии генерала от кавалерии А. В.

Самсонова под Танненбергом и Грюнвальдской битвой эпохи Средневековья, в которой Тевтонский орден был разбит союзными польско-литовско-русскими ратями. Победа 1914 г. позиционировалась как реванш за поражение в 1410 г. и в этом была определенная логика и географическая соотнесенность.

В России же одну из страниц истории Восточно-Прусской операции зачастую связывают с куда более близкими по времени, но территориально удаленными событиями русско-японской войны 1904–1905 гг. На ее фронтах, в Маньчжурии воевали будущие командующие злополучными армиями — вышеупомянутый Самсонов и генерал от кавалерии П.К. фон Ренненкампф. Однако широкому кругу читателей эта веха их карьеры известна, скорее, не подвигами, а ...

пощечиной.

Процитируем известного советского писателя Валентина Пикуля:

«...Последний раз он сражался с японцами; после боев под Мукденом он пришел на перрон вокзала — прямо из атаки! — к отходу поезда. Когда в вагон садился генерал Ренненкампф (по кличке «Желтая опасность»), Самсонов треснул его по красной роже: — Вот тебе, генерал, на вечную память... Носи!»

Ренненкампф скрылся в вагоне. Самсонов в бешенстве потрясал нагайкой вслед уходящему поезду:

— Я повел свою лаву в атаку, надеясь, что эта гнида поддержит меня с фланга, а он просидел всю ночь в гаоляне и даже носа оттуда не выставил ...».

Каждому, кто читал миниатюры Пикуля, наверняка известен этот яркий эпизод. Писатель явно считал его своей творческой удачей, включая данную сцену и в тексты своих романов. В одном из них («Нечистая сила») генерал-лейтенант Ренненкампф по неизвестным причинам и вовсе оказывается в галюне (?) вместо зарослей гаоляна.

Принято полагать, что он, затаив на Самсонова обиду, будто бы потому и медлил с продвижением армии в ходе Восточно-Прусской операции и едва ли не предал его. Тому, насколько эта история с «мукденской пощечиной» соответствует действительности, и посвящена настоящая статья.

Поскольку версия событий Пикуля уже была обозначена, начать анализ было бы резонно именно с нее. Итак, по мнению писателя Самсонов оскорбил Ренненкампфа на железнодорожном вокзале после Мукденского сражения. Дата и район атаки Самсонова не уточняются, информация о ней носит абстрактный характер. Однако в неоправданности

утверждений об отсиживании Ренненкампфа где бы то ни было в ходе Мукденской операции убеждает даже ее беглый обзор.

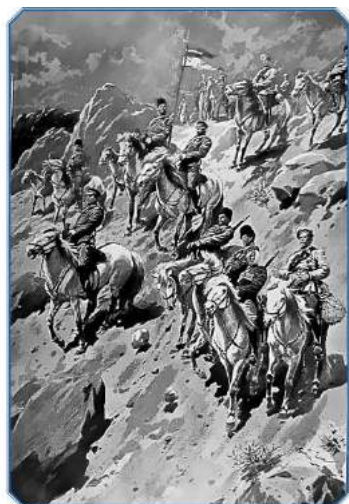

Генерал-майор П. Н. РЕННЕНКАМПФ во время сражения.

В самом начале битвы (9 февраля) генерал-лейтенант Ренненкампф принял командование конным отрядом генерал-лейтенанта П.И. Мищенко, тяжело раненого в бою под Сандепу. Силами этого отряда до 16 февраля велись рекогносцировки; тогда же Ренненкампфом был сформирован отряд из четырех казачьих сотен для уничтожения железнодорожного моста в японском тылу. Диверсия оказалась успешной, однако практически не повлияла на развитие

боевых действий. Уже 26 февраля Ренненкампф вернулся к командованию т. н. Цинхэченским отрядом⁵ и вступил с ним в бои. А.И. Деникин, писавший: *«Отряд Ренненкампфа упорными, кровопролитными боями стяжал себе заслуженную славу»* если и преувеличивал, то, видимо, лишь стилистически...

Практически сразу по возвращению Ренненкампфа, 28 февраля, было приказано прекратить подвоз продовольствия для его отряда, причем ситуация с ним останется напряженной до завершения операции. В период отступления русских армий к Сыпингайским высотам отряд неизменно находился в арьергарде. Потери его личного состава в течение Мукденской битвы признаны Военно-исторической комиссией по описанию русско-японской войны наиболее высокими во всей I армии. Уместно задаться вопросом — как в этом крупнейшем труде оценивается роль начальника Сибирской казачьей дивизии генерала Самсонова?

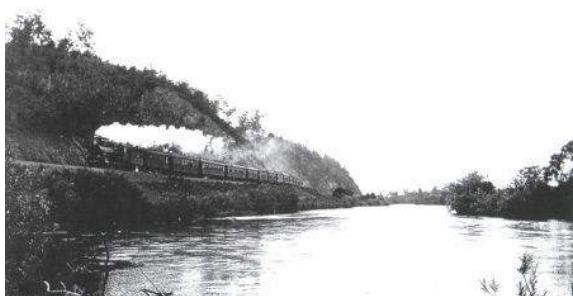

Русская кавалерия в Манчжурии.
Рисунок 1900-х гг.

На страницах упомянутого многотомного издания описываются действия огромного количества частей и соединений, в том числе «отрядов», подобных Цинхэченскому. Интенсивность их формирования в годы русско-японской войны достигла пика: *«Бывали случаи командования корпусными командирами такими тактическими единицами, в состав которых не входило ни единого даже батальона вверенных им корпусов... В одном отряде, силою в 51 батальон, имелись войсковые части всех трех армий, из 11 корпусов, 16 дивизий и 43 различных полков»*. Подчас отдельного рассмотрения удостоивались даже действия офицеров всего лишь в чине ротмистра. Об

атаке же казаков генерала Самсонова, тем более не поддержанного Ренненкампфом с фланга, авторы-составители данного фундаментального исследования хранят молчание.

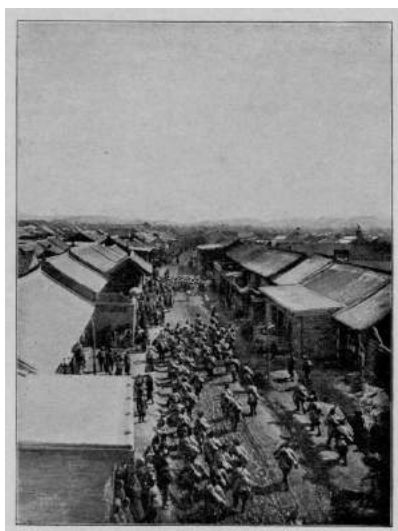
Проще говоря, этой атаки не было, как не было и порожденного ею скандала на железнодорожном перроне в Мукдене.

Таким образом, растиражированная в сочинениях Пикуля версия событий не выдерживает критики. Однако ею дело вовсе не ограничивается — другой беллетрист, писательница Барбара Такман в своей знаменитой книге «Августовские пушки» отразила следующее видение ситуации:

«Хоффман утверждал, что знал о ссоре между Ренненкампом и Самсоновым, имевшей место

еще в русско-японскую войну, где был германским наблюдателем. Он говорит, что сибирские казаки Самсонова, продемонстрировав храбрость в бою, вынуждены были сдать Ентайские угольные шахты из-за того, что кавалерийская дивизия Ренненкампа не поддержала их и осталась на месте, несмотря на неоднократные приказы, и что Самсонов ударил Ренненкампа во время ссоры по этому поводу на перроне Мукденского вокзала».

Речь идет о Ляоянской битве — событиях конца августа 1904 г. Когда русскому командованию стало известно о подготовке переправы сил японского генерала Куроки на левый берег р. Тайцзыхэ в обход фланга русских, Куропаткин принял решение об отводе войск вглубь фронта. Именно тогда русские кавалерийские части под командованием Самсонова были переброшены форсированным маршем к Янтайским угольным копам для их дальнейшей обороны. Южнее расположилась 54-й пехотная дивизия генерал-майора Н.А. Орлова. Утром 2 сентября 1904 г. последний предпринял атаку 12-й японской бригады Шимамуры. Ее позиции находились на высотах

южнее деревни Дайяопу, русским же пришлось наступать в зарослях гаоляна. Шимамура начал встречное наступление восточнее Дайяопу, охватывая левый фланг Орлова и атакуя правый. Русские войска дрогнули и обратились в бегство — в панике они отстреливались в зарослях гаоляна отседающего противника, но это был беспорядочный огонь по своим. В спешке вновь собрав войска (численностью едва ли больше батальона) Орлов вновь попытался атаковать японцев в направлении на Дайяопу, но его порядки вновь были рассыпаны в гаоляне, а сам генерал ранен.

По свидетельству современника, участники этой эскапады удостоились ядовитого прозвища «орловские рысаки». Тактический итог ее был безрадостен — ощутимые потери оказались бесполезными, с Янтайских копей был выбит потерявший более полутора тысяч человек убитыми и ранеными Самсонов. Ренненкампф же все это время находился в госпитале после тяжелого ранения в ногу 13 июля 1904 г. Оказать помощь Самсонову, а тем более угодить ему под «горячую руку» он попросту не мог.

Следовательно, высказанная Такман версия событий тоже является неверной. К чести автора, она и сама склонялась к этому выводу: *«Сомнительно, чтобы Хоффман верил своей сказке или только притворялся, что верит».*

Итак, возникновение истории о конфликте между Самсоновым и Ренненкампом Такман связывает с фигурой офицера германского Генштаба Макса Хоффмана (*об офицере М. Хоффмане <https://all-generals.ru/index.php?id=761>*). В этом сходятся практически все авторы, упоминающие данный эпизод. Одно перечисление его вариаций могло бы составить отдельный библиографический обзор.

Например, вот как сравнительно недавно изобразил ситуацию американский писатель Бевин Александер: *«Хоффман являлся военным наблюдателем еще во время Русско-японской войны 1904–1905 годов и стал свидетелем словесной перепалки между Самсоновым и Ренненкампом на железнодорожной платформе в Мукдене, в Маньчжурии, которая закончилась настоящей дракой».* Из специалистов эту версию, в частности, подхватил профессор И.М. Дьяконов — действительно крупнейший специалист, правда, в области истории Древнего Востока. Он писал о бездарных действиях *«начальника Генерального штаба Жилинского и генералов Самсонова и Ренненкампа (враждовавших из-за пощечин, которые они надавали друг другу еще в 1905 г. на железнодорожном перроне в Мукдене)».*

Историку Т.А. Соболевой эти пощечины, вероятно, показались неубедительными, а потому на страницах ее книги *«Самсонов пришел к отходу поезда, когда Раненкамф садился в вагон, и при всех публично исхлестал его нагайкой».*

Не менее оригинальную версию событий высказал американский военный корреспондент Эрик Дуршмид. Он связывает конфликт между генералами с обороной Янтайских копей и, как мы уже выяснили, это неверно. Однако абстрагируемся от этой условности и допустим, что между Самсоновым и Ренненкампом действительно вспыхнула ссора на перроне Мукденского вокзала. Слово автору:

«Разъяренный Самсонов бросился к Раненкампу, снял перчатку и влетил своему малонадежному соратнику увесистую пощечину. Мгновение спустя два генерала катались, подобно мальчишкам, по земле, обрывая пуговицы, ордена и погоны. Солидные люди, командиры дивизии били и душили друг друга, пока их не растащили случившиеся рядом офицеры».

Последующая дуэль между генералами якобы казалась неизбежной, однако император Николай II будто бы своим личным вмешательством воспретил ее.

За потасовкой Самсонова и Ренненкампа в книге Дуршмида наблюдает все тот же неперенный **Хоффман**. Несостоявшаяся дуэль между ними также достаточно давно фигурирует в зарубежной литературе. Именно в этой детали сюжета сокрыт один из его изъянов.

Действительно, дуэль как вид реакции на оскорбление практиковалась в русской офицерской среде. Долгое время она была

запрещена, что в какой-то момент даже привело к распространению т. н. «американских дуэлей», напоминающих средневековую ордалию: употребление пилюль, одна из которых смертельно ядовита, запуск в затемненную комнату с противниками ядовитой змеи и т. д. Поэтому в мае 1894 года были приняты «Правила о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде», которыми фактически узаконивались дуэли среди офицеров. Решение об их уместности или неуместности передавалось в компетенцию судов общества офицеров (судов чести), хотя их решения не имели обязательной силы. Однако при этом запрещалось вызывать на поединок офицеров из-за конфликта, касающегося службы.

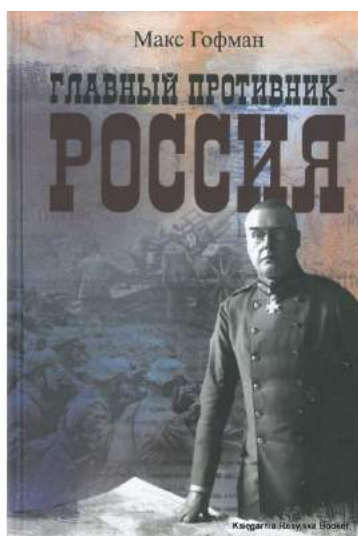

Кроме того, вмешательство в ссору самого Николая II выглядит крайне маловероятным. Царь узнавал об уже состоявшихся поединках из доклада военного министра, которому по команде представлялись судебные материалы и лишь затем принимал решение о судебном разбирательстве. Слухи о будущей дуэли, сколь быстро они не распространялись, вряд ли опередили бы новые назначения противников,

уже осенью 1905 г. пребывавших на противоположных границах империи. И так или иначе они вызвали бы в светских кругах столицы определенный резонанс — как известно, дуэль между А.И. Гучковым и полковником С.Н. Мясоедовым моментально угодила на страницы газет, а полиция предпринимала экстренные меры к недопущению поединка. Относиться всерьез к этой детали, вплетенной в контекст ссоры, было бы опрометчиво, как и ко многим аналогичным ей газетным заметкам той поры: «*Vossische Zeit.*» сообщает, будто генералы *Каульбарс, Гринпенберг, Ренненкампа и Бильдерлинг*, каждый за себя, вызвали *Курапаткина* на дуэль за отзывы о них в книге о русско-японской войне».

Пресса по сей день остается падкой на подобные скандальные сюжеты из истории, поэтому публикация в современной периодике неизвестного прежде монолога Самсонова после пощечины Ренненкампу не удивляет: *«На вас кровь моих солдат, сударь! Я больше не считаю вас ни офицером, ни мужчиной. Если угодно, извольте прислать мне своих секундантов»*. Однако обескураживает доверие к этой мифологеме такого крупного специалиста, как покойный профессор А.И. Уткин.

Между тем необходимо выявить первоисточник информации о пресловутой «мукденской пощечине». Как уже было отмечено, большинство повествующих о ней авторов ссылаются на Макса Хоффмана в качестве очевидца. Но на деле если кто-то из иностранных военных атташе и мог быть свидетелем гипотетической перепалки между Самсоновым и Ренненкампом, то либо австро-венгерский агент капитан Шептицкий (прикомандирован к Забайкальской казачьей дивизии), либо француз Шемион (прикомандирован к Сибирской казачьей дивизии, чин неизвестен). Макс Хоффман в годы

русско-японской войны состоял военным агентом при штабе японской армии и оказаться очевидцем чего бы то ни было на Мукденском вокзале после сражения попросту не мог.

Последние сомнения в этом развевают его воспоминания: *«Я слышал со слов свидетелей (sic!) о резком столкновении между обоими командирами после Ляоянского сражения на Мукденском вокзале. Вспоминаю, что еще во время сражения под Танненбергом мы говорили с генералом Людендорфом о конфликте между обоими неприятельскими генералами»*.

Хоффман оказался честнее многих не вполне добросовестно апеллирующих к нему писателей и историков. Более того — несмотря на приверженность самого мемуариста версии о скандале после оставления Янтайских копей, изображенная им ситуация выглядит наиболее правдоподобной из всех вышеприведенных. Ее удачно сформулировал маститый военный историк Г.Б. Лиддел Гарт: *«...Гофман многое узнал о русской армии; узнал он среди прочего и историю того, как два генерала — Ренненкамф и Самсонов — крупно поссорились на платформе железной дороги в Мукдене, причем дело чуть не дошло до оскорблений действием»*. О пощечине, а тем более потасовке, битье нагайкой и требованиях сатисфакции им даже не упоминается.

Могла ли подобная ситуация иметь место? Категорически отвергать этого не следует.

Ссора генералов могла вспыхнуть, например, после боя на р. Шахэ. В нем отряд Самсонова и дивизия Ренненкампа сражались на одном участке фронта в составе Восточного отряда генерала Г.К. Штакельберга. Действия этих частей подчас оказывались несогласованными и отнюдь не только по вине Ренненкампа. Он прикрывал левый фланг конницы Самсонова, вышедшей к Сяньшанцзы 9 октября 1904 г., а утром того же дня попытался продвинуться далее до деревни Бенсиху при поддержке пехотного отряда Любавина. Однако из-за неуверенных действий последнего от своего замысла отказался и Ренненкампф.

11 октября последний еще раз попытался наступать на укрепленные позиции японцев и вновь был вынужден отойти — на сей раз из-за бездействия никого иного, как Самсонова. На исходе тот и вовсе отступил, лишив Ренненкампа возможности организовать еще одну, уже ночную атаку. И именно тогда начальник Забайкальской казачьей дивизии в свою очередь отказался поддержать Самсонова, запланировавшего атаку, но так и не решившегося на неё. Но и это было следствием не самодурства Ренненкампа, а приказа Штакельберга приостановить наступление всего Восточного отряда.

Тактическая инициатива была упущена — 12 октября в наступление перешли японские войска. Еще накануне перед Самсоновым и Ренненкампом стояла прежняя задача — продвижение с выходом в тыл армии генерала Куроки. Однако на следующий день тот подтянул на свой правый фланг артиллерию и под ее огнем Самсонов и Ренненкампф начали отступление с позиций. В этой крайне непростой ситуации, сложившейся в том числе и по их вине,

вероятность вспыхивания ссоры между генералами была высока как никогда прежде. Но, по свидетельству барона П.Н. Врангеля, очевидца описываемых событий, ничего подобного не случилось: «...Подъехав к батарее, генерал Ренненкампф спешивается и, отойдя в сторону с генералом Самсоновым, с ним долго о чем-то совещается».

Как бы то ни было, фиктивность «свидетельств» Хоффмана становится очевидной.

Возможно, в своих сочинениях он делал акцент на ссоре Самсонова и Ренненкампа со вполне обыденной целью: для придания *post factum* большей значимости своей роли в организации разгрома одной русской армии и вытеснения другой из пределов Восточной Пруссии в 1914 году. Странно, что опытный прусский генштабист

ставил на одну ступень кропотливую оперативную работу и слухи десятилетней давности, однако он мог беспрепятственно козырять тем, что уведомил о них командование 8-й армии.

Как мы могли убедиться, этот образчик саморекламы Хоффмана обрел немало сторонников в отечественной и зарубежной литературе. Одним из первых проникшихся к ней доверием советских авторов стал комбриг А.К. Коленковский. Практически одновременно с ним виднейший военный историк Русского Зарубежья А.А. Керсновский, напротив, негодовал: *«С легкой руки пресловутого генерала Гофмана заграничную печать обошли нелепые басни о какой-то личной вражде, существовавшей якобы еще с Японской войны между Ренненкампом и Самсоновым, и что, мол, по этой причине первый не подал помощи второму. Нелепость этих утверждений настолько очевидна, что их нечего и опровергать»*. В современной литературе версию о «мукденской пощечине» однозначно отверг писатель В.Е. Шамбаров отнюдь не отличающийся научной скрупулезностью автор. В целом, сложившаяся в историографии рассматриваемого вопроса ситуация прямо указывает на недостаточную изученность событий военной истории России периода последнего царствования.

Этот удручающий вывод особенно справедлив в отношении истории Первой мировой войны и даже столь значимой ее страницы, как Восточно-Прусская операция. Причины и обстоятельства ее неудачного для русской армии исхода давно

названы и обсуждены специалистами. Значение этой битвы в рамках дальнейшего развития событий остается предметом дискуссий — существуют даже мнения, что Танненберг 1914 г. предопределил и существенно приблизил крах Российской империи. Однако совершенно некорректно связывать его с некоей мифической ссорой 2-х генералов еще в годы русско-японской войны, как это ничтоже сумняшеся делает Э. Дуршмид. Сознательная или невольная солидарность с ним некоторых отечественных историков не может не удивлять. На этом фоне показательное скептическое отношение собственно германской историографии к версии о конфликте Самсонова и Ренненкампа.

Ведь, как резонно замечал английский историк Дж. Уилер-Беннетт, если битва при Танненберге была проиграна русскими войсками на железнодорожной станции в Мукдене десятью годами ранее, то германское командование не может считать победу в ней своей заслугой.

История человечества развивается параллельно с мифологией, они были и остаются неразрывно связанными. Однако до тех пор, пока исследователями Первой мировой войны из научного оборота не будут изъяты пощечины генералов, многоликие заговоры фрейлин, ведущие к революции «германские следы» и золотые ключи от нее, изучение ее истории будет тормозиться инерцией суммы этих и ряда других мифологем.

Источник: <https://klin-demianovo.ru/http://klin-demianovo.ru/analitika/93723/o-mukdenskoy-poshhechine-samsonova-rennenkampfu/>

39. Пиллькалленский отряд.

Автор Константин Александрович Пахалюк, ведущий специалист научного сектора Российского военно-исторического общества.

Из всех событий в Восточной Пруссии в 1914-1915 гг. внимание исследователей всегда привлекали масштабные сражения августа-сентября 1914 г., когда две русских армии вторглись в эту провинцию. Как известно, их наступление обернулось тяжелейшими поражениями и отходом за р. Неман. Основной центр событий на русском фронте в сентябре

перенесся южнее — в Польшу, а восточно-пруссский театр боевых действий стал второстепенным.

Во второй половине сентября были очищены от противника Августовские леса и русские войска снова оказались на границах провинции. В ходе фронтального наступления и многочисленных позиционных боев 10-я армия генерала Ф. В. Сиверса к концу ноября дошла до линии Мазурских озер, где и была остановлена.

Бои во время позиционного периода войны в Восточной Пруссии практически не изучены и малоизвестны не только в военно-исторической, но и даже в краеведческой литературе Калининградской области. Лишь редкие публикации и мемуарные источники дают отрывочные представление о тех событиях. Потому стоит попытаться хотя бы частично восполнить этот пробел.

В этих рамках было бы интересно описать действия Пилькалленского отряда, образованного 20 ноября 1914 г. (все даты в статье приведены по новому стилю) из состава войск 3-го армейского корпуса генерала Н. А. Епанчина и первоначально находившегося на правом фланге 10-й армии.

Первоначально в состав отряда входил один батальон 292-го пехотного Малоархангельского

полка и 3 сотни 3-го Донского казачьего полка при 2-х орудиях под общим командованием шт.-капитана Боголюбского.

Вот полное расписание сил:

4 роты 292-го пехотного Малоархангельского полка:

5-я рота — 122 человек, командир прапорщик Юдин при младшем офицере прапорщике Замышляеве;

6-я рота — 110 человек под командованием подпоручика Соколовского при младшем офицере прапорщике Серебрякове;

7-я рота — 145 человек, командир подпоручик Головин при младшем офицере прапорщике Мартынове;

8-я рота — 121 человек, командир прапорщик Демихов при младшем офицере прапорщике Глебове.

3 сотни 3-го Донского казачьего полка под командованием есаула Валуева (всего 362 коней):

1-я сотня — 82 коня, Есаул Валуев и хорунжий Дьяков-Авилов;

2-я сотня — 136 коней, хорунжие: Измайлов, Попов, Широков;

6-я сотня — 144 коня, Есаул Попов, хорунжие — Алимов, Говорухин.

2 орудия 4-й батареи 73-й артиллерийской бригады под командой прапорщика Шульгина.

Рисунок М. А. Лисовского

из альбома «Силуэты войны».

Задачей отряда было наблюдение района Дроцвальдер Вальд, Лебегален (посёлок Толстово), Ласденен (город Краснознаменск), Амбрасгирен, Вилюкен, а также упорное сдерживание противника в случае его наступления на наши тыловые пути.

Непосредственным соседом (слева) была конница барона Майделя, которая занимала район Мешкупен — Шпуллен (район посёлка

Февральское). Отряд подчинялся командиру корпуса генералу Н.А. Епанчину (уже успевшему отличиться в Гумбинненском сражении 20 августа, когда успешные действия его войск заставили отступить 17-й немецкий корпус генерала Маккензена).

Интересно отметить, что в 6-й сотне 3-го Донского казачьего полка (которую возглавлял есаул Попов) служил казак Кузьма Крючков, известный герой этой войны, первый георгиевский кавалер. 12 августа, согласно официальной версии, недалеко от границы с Восточной Пруссией он вместе с тремя другими казаками вступил в бой с немецким разъездом, численностью в 27 человек, из которых собственноручно убил 11 всадников, при этом получив 16 ранений. В одночасье имя казака Крючкова облетело всю Россию, он стал героем, ему посвящали стихи, о нем слагали песни, о его подвиге писали в статьях и многочисленных брошюрах. Не будет преувеличением сказать, что Крючков стал символом

русского героизма. Вполне возможно, что он участвовал и в действиях Пилькалленского отряда. По крайней мере, точно известно, что зимою 1914-15 гг. его боевой путь пролегал по территории Восточной Пруссии. Так, в январе 1915 года известная певица Н. В. Плевицкая, работавшая санитаркой в одном из госпиталей, в мемуарах писала о поездке в Тракенен (примерно 25 км от Пилькаллена, посёлок Ясная Поляна):

«На дворе мы увидели, между прочим, чубатого, с тонким, красивым лицом казака, который учился ездить на велосипеде. Он не обращал на нас внимания, а упрямо одолевал стального коня. Впрочем, этот конь то и дело сбрасывал казака в снег.... Так мы увидели Крючкова, портретами которого уже пестрили все журналы. Княгиня (попечительница Николаевской общины княгиня Васильчикова) казака сфотографировала. Он позировал неохотно. Генерал Леонтович заметил, что Крючков «не очень дисциплинирован». Когда Крючков хочет идти в разведку. А генерал не разрешает, он упрямо трясет чубом, повторяя: «А почему, а почему?»».

Служивший при штабе 3-й кавалерийской дивизии П. А. Аккерман в воспоминаниях отмечал, что, попытавшись заговорить с Крючковым о его подвиге *«мне показалось, что ему или надоело, или, по скромности, неприятно распространяться о своем героизме. Достаточно поузнав его за время совместного пребывания в нашем штабе, — я склонен думать, что причиной была его скромность»*.

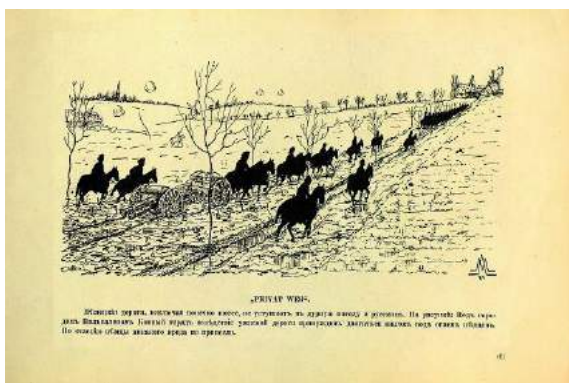

Рисунок М. А. Лисовского
из альбома «Силуэты войны».

Однако вернемся к повествованию о действиях Пилькалленского отряда.

Утром 20 ноября части 292-го полка прибыли в Пилькаллен, где в то время размещались части 1-го драгунского Московского полка.

Вскоре туда прибыли казаки и артиллерия. Вечером 21 ноября командир Драгунского московского полка полковник Кусов сдал дальнейшее охранение (которое состояло из посылаемых ежедневно 5 разъездов), а его части (входившие в состав кавалерии В.И. Гурко) были вскоре выведены из этого района.

Рисунок М. А. Лисовского
из альбома «Силуэты войны».

Первые события на фронте отряда произошли вечером 22 ноября, когда в штаб явился некий русский подданный Гулич, с сообщением о том, что в районе Ласденена действует немецкий отряд с артиллерией и кавалерией. На следующий день туда был отправлен разъезд хорунжего

Говорухина, который смог добраться лишь до Даудена, Гринвальде, Дроцвальде, Кл. Иодупенен, где был обстрелян и вынужден повернуть назад.

Вместе с тем, утром 23 ноября части 3-го Донского казачьего полка сменили войска Драгунского Московского полка на дальнем охранении. Уже вечером от разъездов были получены следующие сведения о противнике. В Шиленене (посёлок Победино) противник не обнаружен, зато у Руккена (посёлок Острогужское) и Ласденелена (посёлок Мичурино) произошла стычка с немцами и оказалась обнаружена отдельная пехотная застава (силой около роты). Во время боя погиб казак Федор Медведев, ранен казак Глебездин и пропали без вести еще трое казаков. У Нейдорф обнаружена немецкая пехотная застава силой в 50 человек с придачей ей 6 всадников. Здесь наш разъезд обстреляли, в результате чего получил ранение казак Девяткин. У Лебегалена обнаружены работы по окопному делу, по нашу сторону реки работало около 1/2 роты немцев. Казачий пост, находившийся в Вилюннен, доносил о том, что все благополучно.

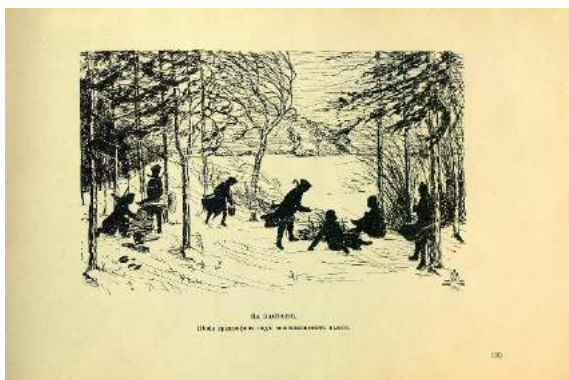

Рисунок М. А. Лисовского
из альбома «Силуэты войны».

В 11 часов дня 25 ноября от барона Майделя пришла телефонограмма, гласившая о том, что немцы потеснили заставы конницы у Еглинишкен (район посёлка Заозерное), Кегстен (посёлок Новинки) и Беднорен (южнее посёлка Новинки). Свободным от наряда чином Пилькаленского

отряда было приказано оправиться на запад и северо-запад от Пилькалена для укрепления позиции, выбранной для обороны, в случае если противник станет наступать дальше. Однако уже вечером появилось сообщение, что конница Майделя остановила противника и оттеснила его на старые места.

По предположению русского командования против сил шт.-капитана Боголюбского действовал отряд немцев примерно в один полк пехоты с несколькими пулеметами и легкой артиллерии и 2-3 эскадронами кавалерии. Одной из его задач, вероятно, стояло прикрытие фуражировки, которую противник производил в села около реки Неман. На эту мысль натолкнуло то, что был постоянно слышен стук машин, обмолачивающих зерно, а также замечались гурты скота, которые немцы гнали себе на поля.

Рисунок М. А. Лисовского
из альбома «Силуэты войны».

26 ноября прошло спокойно за исключением перестрелки нашего разъезда с немцами у Неудорфа, во время которой погиб один немец-самокатчик. Однако на следующий день немцы повели наступление и выбили наши части из Шиленена. В ответ в поддержку находящемуся

здесь разъезду был послан офицерский разъезд хорунжего Широкого, а взвод пехоты занял окоп в направлении наступающего противника. Одновременно у Неудорфа немцы также теснили наш разъезд, на усиление которого были посланы казаки. В итоге противник был остановлен, с нашей стороны один казак оказался убит.

28 ноября 1-я сотня под командой есаула Валуева по приказанию командира корпуса была отправлена в штаб 73-й пехотной дивизии. Около 12 часов дня на фронте с северо-запада разъезды немцев снова активизировались. Нашим разъездам была послана поддержка — казаки и $\frac{1}{2}$ роты пехоты, в итоге противника удалось отбросить на прежние места.

Рисунок М. А. Лисовского
из альбома «Силуэты войны».

В это же время немецкий разъезд смог незаметно проникнуть в наши тылы и войти во Владиславов, в расположение 19-го Драгунского Архангелогородского полка. Противнику удалось захватить скот и беспрепятственно отойти. Видимо, под давлением этих событий в

Пилькалленский отряд были отправлены еще две сотни казаков из 3-го донского казачьего полка, одна из которых (3-я, под командованием есаула Сазонова) была размещена во Владиславова для предотвращения повторных набегов.

30 ноября к Гр. Рудцену (посёлок Полтавское) и к Ужбаллену (посёлок Никитовка) начали приближаться немецкие разъезды силою 25 коней с разведывательными пехотными партиями. Наши отодвигались назад, а из Пилькалена была выслана поддержка в 20 казаков и взвод пехоты.

Рисунок М. А. Лисовского
из альбома «Силуэты войны».

Немцы были остановлены и отступили на прежние места. Однако один неприятельский разъезд решил заночевать в Рудцене. Находя такое приближение противника к Пилькаллину нежелательным, шт.-капитан Боголюбский приказал послать туда 1 декабря с очередным разъездом туда и взвод пехоты. В итоге, русские, подходя к Рудцену, заняли удачную скрытую позицию и открыли частый огонь. Это стало неожиданностью для врага, которому пришлось отступить в Нейдорф. Потерь с нашей стороны не было. В этот же день немцы попытались совершить очередной набег на Владиславов, но оказались остановлены.

Вместе с тем обнаружилось усиление противника в районе Шиленена. Уже начиная с 27 ноября наш разъезд, которому предписывалось доходить до этого пункта, близко не подпускался, а 2 декабря по расспросам жителей окрестностей русские узнали, что в Шиленене находится «много немецкой пехоты с пулеметами». К сожалению, более точные сведения добыть не удалось. Разведка доложила, что немцы там оставили отдельную пехотную заставу при 2-х пулеметах. К 6-ти часам вечера 2 декабря наши разъезды доносили, что Гр. Рудцен снова занят немцами примерно взводом пехоты при нескольких велосипедистах. Русское командование направило к Шиленену Новороссийский Драгунский полк, однако предупрежденный об усилении противника он остановился во Владиславова.

Рисунок М. А. Лисовского
из альбома «Силуэты войны».

На следующий день в районе д. Уштаунелен (посёлок Новоуральск) были остановлены немецкие разведчики, также другая партия разведчиков противника с разъездом пытались проникнуть от Шиленена по шоссе на юг и дойти до Скроблинен, но также были остановлены.

Ввиду того, что Владиславов занят Драгунским полком, 3-й сотне казаков приказали идти в Вилюннен (куда на следующий день была направлена и 6-я рота) для прикрытия дороги от Кузмен на Шталлупеннен с севера.

4 декабря прошло относительно спокойно. Днем 2-я сотня казаков 3-го Донского полка по приказанию корпусного командира была отправлена в распоряжение генерала Юзефовича.

Все время, а особенно последние 2-3 дня, немцы вели разведку двух путей к Шталлупенену: один от Ласденена через Пилькаллен, а другой — от Шиленена через Вилюннен, Кузмен, но на этих путях они не допускались южнее деревень Гр. Рудцена и Ерубишкен — Скроблинен. Немцы же поставили свое охранение полевыми караулами: Дуден, Радцен, Дориштал.

Ночью 6 декабря немцы заняли деревню Уштаунелен, а наутро обстреляли появившийся здесь русский разъезд, убив 4 казаков. Разъезд отошел в Уштауен, причем был убит еще один казак. На следующий день сюда подтянули взвод пехоты, и противника удалось выбить из Уштаунелена.

Рисунок М. А. Лисовского
из альбома «Силуэты войны».

Сведения от разъездов дали возможность наметить линию охранения немцев с севера. Она проходила с запада на восток по следующим селениям — Кл. Иодупенен, Рагупенен были заняты наблюдательными постами немцев (15-20 конных). В Неудорфе пехотная застава

противника силой в 1 роту, она выставляла полевой караул в 5-6 конных восточнее Гр. Рудцена. Вся южная опушка леса от Неудорфа до Патильцена охранялась кавалерией. В Шореленском лесу везде попадались конные противники. В Патильцене находился полевой караул от сильной заставы (2 эскадрона с пулеметами), которая располагалась в Шиленене. От Патильцена линия охранения пошла через Дуден, Радцен и Дориштал.

Следующие дни прошли спокойно. Весь день 9 декабря наши разъезды наблюдали, как жители угоняли скот в тыл противнику, а также были слышны колонные передвижения: как будто что-то увозилось из окрестных селений местечка Ласденен.

Рисунок М. А. Лисовского
из альбома «Силуэты войны».

В 3 часа 30 минут дня 10 декабря 15 конных егерей 10-го егерского полка спешили и начали наступать на Вилюннен, думая, что там как было раньше, у нас 10 казаков. Однако в Вилюннене теперь стояла целая сотня казаков. Враг своевременно оказался замечен. Взвод казаков

занял позицию. Когда егеря подползли на выстрел, казаки открыли огонь. У противника было убито 7 человек, причем 1 лейтенант и 1 вахмистр. Конные казаки нагнали остальных, а казак Тарасов уколom пики уложил еще одного немца.

В качестве трофеев были переправлено несколько личных значков солдатских, несколько погон солдатских и 1 пара офицерских, Железный крест, записные книжки и открытки.

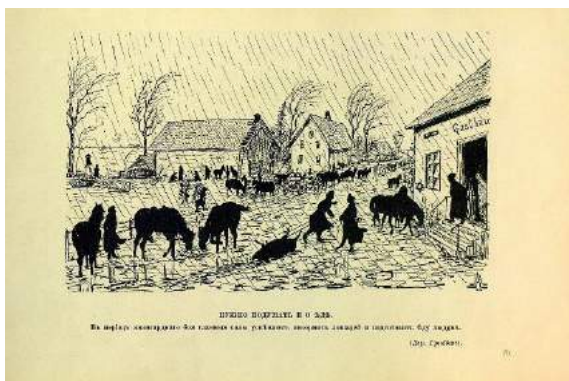

Рисунок М. А. Лисовского
из альбома «Силуэты войны».

В это время на базе отряда Майделя был сформирован отряд генерала Леонтовича (начальника 3-й кавалерийской дивизии), состоявший из 2,5 кавалерийских дивизий и артиллерии. Эти части 13 декабря были двинуты севернее Пилькаллена. Интересно привести

воспоминания П. А. Аккермана, ординарца генерала Н.А. Леонтовича:

«28 ноября (11 декабря по н. ст.) выпала тяжелая ночь. Благодаря бездорожью...застряли батареи. Немцы между тем сильно шевелились. Генерал страшно беспокоился, как бы не развилось наступление, потому что тогда с пушкам пришлось бы проститься. Лошади положительно отказывались идти, ложились. И, что самое обидное, — все это происходило в расстоянии версты полуторы от шоссе. Когда я проезжал уже утром по шоссе, мимо стоявших батарей, лошади все поголовно лежали: утомились уж очень.... Ушли мы под выстрелами немцев, к утру начавших наступать весьма энергично. Единственное, что им мешало, а нас, в сущности, спасло от многих бед, — это был густой нависший туман, под прикрытием готового мы успели отойти, без всякого урона и в полном порядке. Выступив в 6 часов утра, дивизия, лишь после четырех часов дня, пришли в местечко Шамейткемен».

Рисунок М. А. Лисовского
из альбома «Силуэты войны».

Отряду же шт.-капитана Боголюбского (в приказе от 12 декабря (29 ноября)) предписывалось подтянуть к себе казачью сотню из Вилюнена и занять линию охранения Грос-Шорелен (посёлок Саратовское) — Хемскишкен (включительно) (посёлок Желанное), связавшись вправо с

генералом Леонтовичем и слева с генералом Гротеном. Для поддержки охранения необходимо выдвинуть в Гр. Тулен (посёлок Заречное) часть пехоты.

С рассветом 13 декабря охранение было выставлено по линии Шпуллен — Ней-Туллен — Гр. Шорелен. Каждая казачья сотня посуточноставляла по 2 заставы, по одному наблюдательному посту за дорогами на север и северо-запад и одного казака назначала к пехотной роте в Гр. Тулен, где от батальона назначалась суточная рота в сторожевой резерв.

В этот же день было выявлено присутствие немецких полевых караулов в Мешкупен — Шакельн — Биркенфельде. 14-го декабря было выяснено, что Дауден, Грюнкруг и Дроцвальдер Вальд заняты немецкими конными заставами в 35-40 коней каждая. А 15-го декабря с отрядом в Вилюннен прибыл полковник Рудзкий, которому была послана схема расположения наших частей правого фланга 3-го корпуса и расположенные на ней части противника.

Остальные дни прошли для Пилькалленского отряда спокойно. 24 декабря в 1 час 50 минут дня было получено приказание от командира корпуса оставить стороженное охранение, а остальные силы т.е. 3 роты пехоты с 2 орудиями, 2 пулеметами и 15 казаками (для связи) с наступлением темноты отправиться в Тутшен (близ Катенау) и поступить в распоряжение начальника 56-й пехотной дивизии генерала Иозефовича. В 6 часов вечера части выступили в Тутшен, в Пилькаллени оставив 1-ю сотню 3 Донского казачьего полка. Уже вскоре эти части отправили обратно в Пилькаллен.

Рисунок М. А. Лисовского
из альбома «Силуэты войны».

В дальнейшем никаких особых событий на фронте Пилькалленского отряда не происходило. Непосредственно на правом фланге уже действовала конница Леонтовича (севернее Пилькаллени), а также отряд полковника Бискупского, сформированного на базе отряда

Рудзкого (к 9 января занимавший район Шилленена). Перед этими частями стояла задача вести разведку Ласдененских лесов, а затем русское командование решило вообще выбить оттуда противника, предприняв т.н. Ласдененскую операцию, начавшуюся 25 января 1915 года и окончившуюся для нас провалом.

Рисунок М. А. Лисовского
из альбома «Силуэты войны».

Завершая повествования о действиях Пилькалленского отряда, стоит упомянуть, что сейчас в пос. Добровольск Калининградской области, который раньше и был городом Пилькаллениом, о событиях 1914-15 гг. напоминает захоронение 74 русских и 80

немецких воинов. На стене у входа на территорию мемориала, созданного после Первой мировой войны, висит табличка «Здесь покоятся примиренные смертью немецкие и русские солдаты. 1914-1918; 1939-1945». Вполне возможно, среди похороненных здесь есть и те солдаты, которые погибли в ходе описанных выше боев или во время Ласдененской операции и отхода Вержоловской группы в январе-феврале 1915 г.

40. Безликие герои. Козьма Крючков.

Автор Константин Александрович Пахалюк, ведущий специалист научного сектора Российского военно-исторического общества.

Если бы мы могли встретить человека, жившего в те далекие годы, и спросить его о том, имена каких героев на слуху больше всего, то без сомнения был бы назван он — донской казак Козьма Крючков. О нем слагали стихи, писали песни, публиковали статьи, выходили брошюры, выпускались плакаты. Появились даже специальные папиросы с его портретом на

коробке. Ф. И. Шестаков писал:

«Донской казак Крючков удалый!
Едва над Русскою землей
Раздался гром войны кровавой,
Как ты достойно новой славой
Успел прославить Дон родной».

Так чем же успел прославиться этот казак-удалец?

В начале августа 1914 года 1-я русская армия производила мобилизацию и занимала исходные районы с целью развить наступление вглубь Восточной Пруссии. Пока происходило сосредоточение основных сил границу прикрывали отдельные части и подразделения, среди них — 3-я кавалерийская дивизия, в состав которой входил 3-й Донской казачий полк. 9 августа из его состава в район местечка Любов был направлен в боевое охранение пост казаков.

Через два дня вечером 11 августа появились сведения о вражеском лазутчике. На следующий день, вероятно, где-то в 7 часов утра, от местных жителей казаки узнали о приближении немецкого конного разъезда силой в 22 человека (в большинстве изданий говорится о 27, но больше оснований верить не популярной литературе, а приказу о награждении Крюčkова Георгиевским крестом, где фигурирует эта цифра). Казаки — Козьма Крючков вместе с товарищами Иваном Щегольковым, Михаилом Иванковым под командованием Василия Астахова — бросились ему навстречу.

Они, наверное, надеялись заманить врага в расположение нашей пехотной части или хотя бы наткнуться на соседнее охранение, однако оно, увидев германцев, само ушло.

Что ж поделаешь, трусость одних заставляет других проявлять героизм! А его в этот день было хоть отбавляй.

Видимо, настигнув немцев, донцы спешили и открыли огонь. В результате перестрелки было убито четверо врагов. Германцы решили уйти, однако вскоре обнаружили, что их преследует всего лишь небольшой отряд, и теперь уже сами ринулись в атаку.

Как потом рассказывал сам К. Крючков: *«Сперва немцы то, завидя нас было испугались, а потом, расхрабившись – и полезли. Им было удобней, они на горке, а мы внизу».*

Сразу же метким выстрелом В. Астахов убил вражеского офицера. Казаки бросились врассыпную, но германцы настигли Иванкова, на выручку которому, по распространенной версии, поспешили все остальные.

Тяжесть боя усугубляло и то обстоятельство, что у донцов отсутствовали пики. Если верить официальным данным, 11 немцев окружили К. Крючкова. Сначала он взялся за винтовку, но противник рубанул по пальцам, и ее пришлось бросить. Тогда в ход пошла шашка. Однако ею было сложно достать врага. Поэтому казак уловчился вырвать у одного кавалериста пику и, отразив большинство ударов, расправился с противником. После непродолжительной боя разъезд оказался наголову разбит и бросился бежать. Не смог уйти и немецкий унтер-офицер,

за которым погнался Крючков. Первый удар шашкой пришелся по каске, которая только прогнулась. Противник пригнул голову, но второй удар почти что полностью отсек ее. Не будем забывать: это были кадровые немецкие военнослужащие, а не простые резервисты.

Вскоре все участники этой стычки получили в награду георгиевские медали, а К. Крючков — Георгиевский крест 4-й ст. В результате, он стал первым георгиевским кавалером начавшейся войны. По выписке из лазарета «на вокзале герою казаку были устроены торжественные проводы, и публика качала его и товарищей на руках. Местное общество поднесло ему крупный денежный дар». И это были не единственные подарки. К примеру, дирекция Русско-азиатского банка вручила золотую казачью саблю. Подобный дар — казачью шашку с соответствующей гравировкой — сделали и сотрудники газет «Новое Время» и «Вечернее Время».

В дальнейшем Крючков продолжил участие в боевых действиях, находясь при штабе дивизии и заработав ряд других наград. В 1914-15 гг. его боевой путь пролегал по территории Восточной Пруссии.

О том, что писала в своих мемуарах о легендарном казаке Крючкове известная певица Н. В. Плевицкая, работавшая санитаркой в одном из госпиталей, приводили в предыдущей публикации К. А. Пахалюка о Пилькаленском отряде.

Д. С. Мюер. Богатырское дело Ковымы Крючкова.
Дипломатия Т-ва И. Д. Сытина. Москва, 1914. № 13. Лубок. НСБ РГНА
4 казака — Ковыма Крючков, Астахов, Иваныков, Шибальков —
победили 27 немецких жандармов и заставили их отступить с нами в бой.
Ковыма Крючков убил 11 человек, получил семь 16 ран, и потерял 13.
Крючкову за это доблестное дело дан Георгий 4 класса.
На картине изображено как Ковыма-богатырь накатывает немцев на галки
и рассказывает как деревня. Лесом-то оно погорелойшей ехает домой»

Не отрицая подвиг казака, приведем выдержки из мемуаров начальника 27-й К. М. Адарики:

«К окрестностям города (Сувалки) подходил также слабый германский разъезд 10-го конно-егерского полка, но был отогнан казаками, высланными командиром Оренбургского полка Полковником Комаровым, в распоряжении которого находился взвод конвойной полусотни. Во время этой стычки сторонами были понесены первые за войну потери: немцы оставили на месте одного убитого, а из казаков один был ранен. Последнего Командующей армией

наградил георгиевским крестом и он, таким образом, явился первым по счету георгиевским кавалером в мировую войну».

(Адарика К.М. Русская армия в Великой войне: 27 пех. дивизия в боях 4 (17) Августа 1914 г. под Сталупененом и 7 (20) Августа под Гумбинненом // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Белград, кн. 8, 1926. С. 163-164).

Подобный альтернативный взгляд на события требует дополнительной проверки (действительно ли Адарики имеет ввиду Крючкова, а не какого-нибудь другого неизвестного героя).

Если говорить о Крючкове с позиции созданного образа, то интересно отметить несколько уровней его «мифологизации». Во-первых, он, естественно, представлялся в качестве народного героя, облеченного удивительной силой и удачью. Как писал один автор: *«Казаки — ребята все очень отважные, но до Кузьмы Крючкова, конечно далеко, он какой-то особенный, он и в жизни-то сорви-голова, удалец-молодец, и такой неустрашимый, что в огонь и в воду пойдет... для него все равно, и чем опасней, тем для него лучше».* Здесь подчеркивается уникальность героя, проводится разграничительная черта между ним и всеми

остальными.

Во-вторых, акцент делался на особой удали присущей только казакам, которые представлялись на подобии некоего русского «супероружия», беспощадно разящего врагов.

«Это действительно непобедимая сила, большие — стихия, именно и вызывает невероятный ужас у того, против кого она направлена», — говорилось в одном из пропагандистских изданий. Всегда подчеркивалась склонность казаков к атаке, их жажда боя, если даже не кровожадность. В этом контексте образ Крючкова становился живой иллюстрацией подобных выводов. Вот какие слова вкладывались в уста первого георгиевского кавалера:

«Эх ребята, как руки чешутся, скорей бы с немчурой встретиться, такого им жару подпущу, что небу будет жарко, по паре на пилу буду сажать, а разахочусь, так и по пятачку не сорвутся!». Подобное, чуть ли не гротескное преувеличение, становилось почти что нормой. Таким образом старались подчеркнуть силу русской армии, заставить народ поверить в нее и убедить в скорейших победах (которые, к сожалению, не последовали).

В-третьих, казак и его подвиг сравнивался с былинными героями и их деяниями, а сам он назывался чудо-богатырем (этот эпитет в то время часто приписывался не только ему, но и всем русским солдатам). Имя Крючкова стало нарицательным, синонимом русской удали и славы. И в этом заключается уже высшая степень мифологизации первого георгиевского кавалера, который из простого человека превратился в символ (а если бы не поражение России в Первой мировой войне им бы и остался). Попытки патриотической пропаганды играть с подобными смыслами (затрагивая фольклорные коннотации) можно признать типичными, и в некоторых случаях — даже удачными, хотя в итоге народ так и удалось убедить в необходимости вести войну до победного конца. Попутно отметим, что все это вносило вклад в героизацию войны.

Периодическая печать, и особенно интеллигенция, называли ее священной, очищающей, и одухотворяющей, тем самым показывая моральное банкротство, забыв о притче Достоевского «о слезе убитого ребенка», т.к. зачастую возвеличивалась сама война, а не человеческий подвиг. К сожалению, многим недалеким поэтам и интеллигентам виделось возможным прийти в светлое будущее через кровь и страдания простых людей.

После революции К.Ф. Крючков остался верен присяге — он сражался на стороне белогвардейцев и погиб в 1919 г.

В советское время имя героя оказалось забыто официальной историей, а на страницах «Тихого Дона» Шолохова еще и опозорено, где казак предстал перед потомками в виде типичного офицерского любимчика (видимо, это проявилось в том, что несмотря на старшинство по званию, он не получил пост в командование), приобретшего награду за обычное столкновение с противником (конечно, четверо против 27 – норма для советского времени), да и в итоге укравшего (несмотря на скромность как отличительную черту характера) славу у других участников стычки. По поводу последнего следует отметить, что при описании подвига его товарищи обычно не забывались, о них также было известно всей России, просто народная молва и пресса уделяли им меньше внимания.

Источник: <https://histrf.ru/biblioteka/pamyatniki-geroyam-pervoy-mirovoy/b/biezlikiie-ghieroi-kozma-kriuchkov>

Подробнее можно узнать о Козьме Крючкове на сайте:
<https://gwar.mil.ru/informations/georgiyevskiye-kavalery/kozma-kryuchkov/>

41. Эрвин Шпер (Erwin Spehr). Об истории района Пиллькаллен/Шлоссберг. Продолжение...

Глава 11. Русский период 1757-1762 годов.

В Восточной Пруссии и в районе Шлоссберг после беспокойного масштабного заселения почти не было покоя, теперь голод 1740 года угрожал населению. Очень долгая и необычайно суровая зима уничтожила озимые и помешала раннему посеву. Результатом стал неурожай и, как следствие, нехватка и рост цен на сельскохозяйственную продукцию. Пиллькалленская городская хроника сообщает, что рацион многих людей состоял из самых малосъедобных вещей, в основном из корнеплодов и травы пырея. Болезни и голод стали причинами многочисленных смертей. После этой трагедии последовали 15 лет медленного, но стабильного роста. Администрация справилась со своими функциями, и ситуация в новых поселениях стабилизировалась. Затем страну поразила другая катастрофа: Восточная Пруссия оказалась под Российской империей.

Сразу с начала своего правления Фридрих II должен был вести войны, первоначально Силезские войны, а затем Семилетняя война (1756-1763 гг.) коснулись существования прусского государства. Крупные европейские державы: Австрия, Россия, Швеция, Франция и Саксония объединились против нового короля Пруссии. Фридрих II недооценил скорость и

военную мощь русских, и к обороне Восточной Пруссии подготовил лишь небольшую армию. Весной 1757 года русская армия вторглась с трех сторон с четырехкратным численным превосходством: с севера через Мемель, с востока через Шталлупёнен/Эбенроде (город Нестеров) и Гумбиннен, с юга через Лик и Голдап. И в битве при Гросс-Егерсдорфе пруссаки проиграли.

Русские солдаты довольно жёстко обошлись в тот год в Восточной Пруссии: города были разграблены, деревни сожжены, обширные территории пахотных земель опустошены, да и с населением обращались жестоко. Особенно здесь отличились казаки и калмыки. Казаки те были уже не степные разбойники, авантюристы, а традиционные преданные и верные военно-служивые с юга России. Калмыки же были кочевым родственным монголам народом, поселившимся в устье Волги. Местные позже рассказывали о пережитом того страшного времени. Жителей угоняли с приграничных районов как скот. Особо не повезло городам Голдап, Шталлупёнен, Гумбиннен и Инстербург. Пострадали от казаков и пасторы, считавшиеся как духовенство особенно богатыми.

Не обошли стороной и район будущего Пиллькалленского округа. Ширвиндту пришлось терпеть казачьи набеги и грабежи. Из приходских деревень Куссен (посёлок Весново) и Малльвишкен (посёлок Майский Гусевского района) сообщалось о нескольких расквартированных русских войсках и казаках, что бродили и грабили округу. 13 сентября 1757 года с 7 до 8 часов вечера на постоялом дворе

Малльвишкен произошла резня между лейтенантом одиннадцати чёрных гусар и девятью казаками, собиравшимся поужинать в трактире. Лишь поздно ночью местные крестьяне захоронили тела убитых на песчаной дюне у елей. Жители тогда сбежали в лес, прекратили все полевые работы. Пастор Клемм из Виллунена рассказывал, как он храбро вышел к разгулявшимся казакам в своей колоратке и поразил их своим мудрым поступком, пригласив к себе в дом и подав им еду и питье. Казаки ушли, не тронув деревню и ближайшую округу.

В приграничных районах еще до прихода русских было сформировано народное ополчение из умеющих обращаться с оружием во главе с местными бывшими офицерами. Лейтенант фон Плеве, мэр Пиллькаллена, взял под своё командование роту по защите родных мест. Он занял позицию в лесу недалеко от Грюнкруга (название постоянного двора). По-видимому, его ставка была эффективной, поскольку русское командование назначило за него высокую награду.

В сентябре первого русского года случилось непредвиденное: русская армия отступила на север вдоль Инстера (река Инструч) и покинула страну. Все деревни на их пути пылали в огне. Рагнит разграбили в течении трёх дней. Жителей буквально раздели, две трети города превратились в руины и пепел. Предполагаемые продовольственные трудности побудили командующего русской армией отойти в Литву, поскольку запланированное снабжение по

Балтийскому морю и заливу оказалось неудачным. Кроме того, земля была опустошена, а население из-за разбоев настроено было враждебно.

Фридрих II полагал, что опасность миновала, отослал армию из Восточной Пруссии в Померанию остановить там шведов. Но зимой российская императрица Елизавета вернула свою армию в Восточную Пруссию под новым командованием с явным приказом щадить страну и считать ее частью России. Через несколько недель беззащитная провинция без эксцессов оказалась в руках русских. Впервые в истории Кёнигсберга в его стенах оказались завоеватели. В то время как в Западную Пруссию продвигалась русская армия, в Восточной действовала гражданская русская администрация. Прусские чиновники и население присягали царице, как новые русские подданные. Все прусские орлы были

заменены на русские, в том числе и на официальных печатях, чеканились новые монеты и возводились новые пограничные заставы: Восточная Пруссия должна была стать Новой Россией.

В Пиллькаллене тоже подданные торжественно присягнули на верность императрице. В церкви прикрепили российского двуглавого орла к дверям храма, установили помост для русских чиновников и повесили образа святых и императрицы. Придали Пиллькалленской церкви русский вид. Любопытно, что российский двуглавый орел хранился в храме до 1944 года в память о тех днях.

Жизнь при русском правительстве стала налаживаться. Прусская администрация на среднем и нижнем уровнях сохранилась. Представители российской администрации на местах в большинстве своем не знали языка и были незнакомы с укладом в Восточной Пруссии. Жителям разрешили вернуться к собственным владениям, им была гарантирована свобода вероисповедания. Но в то же время, всё оружие необходимо было сдать, контролировалась почта, пресса подвергалась строгой цензуре. Хозяйства не могли оправиться от разрушений первого года; их практически не восстанавливали. Леса беспощадно вырубались под строительство российского флота. Требовались высокие налоги и сборы. Фермеры из приходских деревень Куссен (посёлок Весново) и Малльвишкен (посёлок Майский Гусевского района) должны были возить на своих лошадях и телегах провизию для русской армии в Эльбинг и Торн. Население заметно обнищало. Однако жители подчинялись русской администрации послушно и без сопротивления.

В отличие от бедного населения, российский губернатор жил в Кёнигсбергском замке, как вице-король. В столице провинции ярко и с блеском проходили многочисленные российские государственные праздники. В результате духовная и светская жизнь Кёнигсберга пережила значительное оживление. Русские офицеры привнесли в жизнь строгого пуританского города новые свободы, но и в то же время поверхностный

взгляд на жизнь.

Фридрих Великий не имел возможности освободить Восточную Пруссию. Он должен был с переменным успехом переходить от битвы к битве, чтобы не дать армиям его врагов объединиться. После шести лет войны Пруссия была на грани своих сил, финансово и экономически разорена, истекала кровью из-за высоких военных потерь и частично оккупирована иностранными войсками. Король, будучи главнокомандующим, постоянно находился со своими войсками, был болен и подавлен.

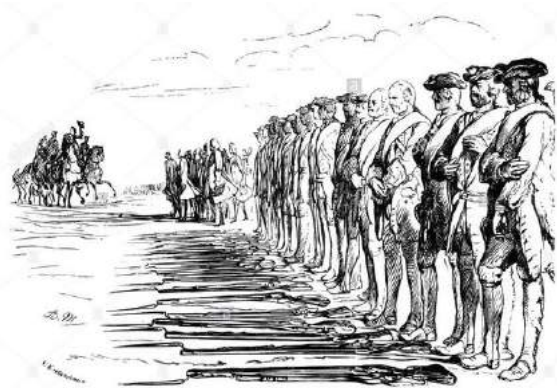
Но произошел неожиданный, почти чудесный поворот.

В начале 1762 года умерла российская императрица Елизавета. Ее преемник, русский царь Петр III, образованный и духовно просвещенный человек, был горячим поклонником прусского короля. Он немедленно прекратил все боевые действия, а через несколько месяцев подписал мирный договор. Безо всяких условий Петр III вернул Восточную Пруссию, чего не ожидал даже сам прусский король.

Российские чиновники и солдаты организованно освободили провинцию. Население освобождено было от присяги в верности российской короне.

Восточная Пруссия снова стала прусской после пяти лет российской оккупации.

Остальные противники Фридриха II, уставшие от войны, были готовы к переговорам после выхода России. В течение года со всеми участниками Семилетней войны один за другим был заключен мир – семь лет кровавой борьбы закончились. В результате Пруссия сохранила свою территорию в целом с Силезией, теперь её из второстепенного немецкого владения признали равной крупной европейским державам. Но цена была высока.

Восточная Пруссия шла первой в списке потерь в этой войне. Почти 90 000 человек были убиты и ранены, по которым горевала провинция.

42. Эрвин Шпер (Erwin Spehr). Об истории района Пиллькаллен/Шлоссберг. Продолжение...

Глава 12. Преобразования после Семилетней войны

Сразу после заключения мирного соглашения 1763 года Фридрих Великий энергично приступил к восстановлению разрушенного Прусского государства. Он создал эффективную администрацию с надежными чиновниками, для которых трудолюбие, чувство долга, порядок, неподкупность, справедливость и смирение были естественными добродетелями. Король умел привлекать способных и независимо мыслящих людей в министерства и административный аппарат, от которых он многого требовал. Сам он очень серьезно относился к задачам управления, считая себя «первым слугой государства». Прежде всего, он был озабочен стимулированием экономической жизни: он продвигал ремесленное производство, зарождающуюся

промышленность, а также торговлю и транспорт, чтобы привести в порядок государственные финансы. Он пытался выращивать новые культуры (например, картофель), внедрять новые отрасли экономики (например, шелководство) и развивать их на местах, чтобы меньше зависеть от импорта. В сельском хозяйстве Фридрих обеспечил правами крестьянское сословие и требовал от них повышения производительности. Этого удалось добиться за счет эффективного использования существующих и вновь созданных пахотных угодий.

Известно об обширном освоении пустошей, осушении болот и создании дренажных систем низинных земель.

В Восточной Пруссии под умелым руководством провинциального правительства шло последовательное её восстановление и постоянное заселение территорий новыми колонистами. Во время правления Фридриха Великого в провинции заселились около 15000 сельских семей: на вновь освоенных землях было создано 293 деревни и поселения. Кроме того, часть государственных угодий были разделены, существующие бреши между деревнями заполнялись, слишком большие фермы упразднялись и расчищались залысины на опушках леса.

Интенсивно культивировался округ Пиллькаллен. Во второй половине 18 века образовалось около 50 деревень нового поколения. Одним из направлений деятельности по развитию округа был «Зеленый лес» – полоса леса на западной границе будущего района Пиллькаллен. С 1763 года здесь возникли многочисленные поселения, наиболее крупными из которых являются:

Баренфанг, Кляйн Йодупёнен/Кляйнсorge, Бредлаукен/Брёден, Гросс Йодупёнен/Шварцфельде, Блюменталь, Дрошвальде (поселения чуть северо-западнее посёлка Саратовское), Гиррелишкен/Эбенвальде, Ной-Вингеруппен/Нойвальде (посёлок Дятлово), Грюнвальде, Орупёнен/Грюнроде, Ивенберг (поселения существовали западнее посёлка Дятлово).

Ещё новые поселения находились на восточной окраине округа: часть Великого Плиниса (Königsbruch), верхового болота к северу от Ширвиндта, осушалась и возделывалась с 1765 года. Более крупные новые поселения этой части округа включали: Дористаль (несуществующий с 1992 года посёлок Разино), Пavidлаукен/Брухдорф, Йодшахлен/Хербстфельде, Кляйн- и

Гросс-Кенигсбрух, Вилемюэ/часть Дористаля, Танненвальде (поселения в районе несуществующего с 1992 года посёлка Разино) и Пётшлаукен/Петерорт (поселение в районе Виллунен-зее, озера Бородинское). На краю леса Шореллен/Адлерсвальде (посёлок Саратовское) рядом с уже существовавшими поселениями были основаны Миттенвальде, Карклаукен/Вайденфельд (поселения севернее посёлка Саратовское) и Кляйн Аугстучен/Ревальде (поселение в районе посёлка Лосево). На южной окраине района был основан Кляйн Дагутелен/Доротеендорф (поселение в районе посёлка Заболотное Нестеровского района), а в юго-западном углу – Науёнингкен/Науинген (поселение существовало между посёлками Берёзино и Майское Гусевского района).

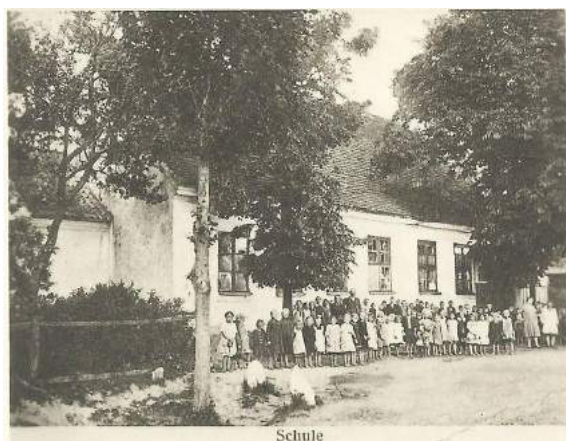

В это же время была образована усадьба с крестьянским хозяйством (Vorwerk) Нойхоф-Ласденен, позднее ставший Альтбаум.

Название «Vorwerk», в написании также и «Vorwerck», использовалось в обозначении территорий за пределами крепостей или замков, где первоначально хранились сопутствующие сельскохозяйственные товары. Позже, это имя обычно использовалось до 18-го века для поместий или даже отдельных хуторов,

поскольку в более крупных поместьях с обширными земельными участками, помимо основного крестьянского двора, часто были более мелкие и отдаленные хозяйства. К концу 18-го века отдалённые хозяйства часто упоминались как «Vorwerk», а в 19 веке термин использовался исключительно в этом смысле. Однако в названиях мест и названиях замков слово могло применяться в его старом значении, иногда, как обозначение дополнительных хозяйств.

Тенденция к росту отметилась открытием в округе 16 сельских школ, однако она была прервана в 1771 году очередным голодом. Из-за нехватки зерна население тогда узнало цену ставшего популярным картофеля. Город Пиллькаллен становится административным центром округа и все больше приобретает более урбанистический вид. Крестьяне становятся крупными горожанами и торговцами, появились новые пивоварни, городу принадлежат три

ветряные и водяная мельницы. В 1779 году король предоставил сертифицированному фармацевту Эрнсту Хассенштейну привилегию открыть первую аптеку в Пиллькаллени. Ширвиндт был обеспечен охранным гарнизоном. Однако экономическое развитие этого приграничного города не оправдало ожиданий. Тем не менее, в это время здесь была открыта аптека и построен кирпичный завод.

В сельской местности Фридрих Великий придерживался старых надёжных структур, сохраняя разнообразие правовых групп внутри сельского населения. Поскольку среди колонистов часто упоминаются различия, следует кратко охарактеризовать основные группы:

Кёльмеры занимали высшее положение среди сельских жителей по социальному статусу; при колонизации во времена ордена и герцогов получили относительно большие участки земли в качестве бесплатной собственности с особыми (кёльмскими) правами. У этих землевладельцев и крупных фермеров, помимо относительно низкого налога на собственность, не было никаких обязательств перед королевскими службами.

Среди фермеров, имеющих по одному хуфену (около 16 га) чистой пахотной земли, можно выделить три класса. Меньшая часть фермеров, не имеющих обязательств по обработке казённых угодий, выкупали наделы и владели землей и фермой в качестве собственного имущества. В их обязанности входила оплата базового

процента и подушевого налога, других обязательств по оплате у них не было, как и не обязаны были оказывать какие-либо услуги по продаже; однако иногда им необходимо было осуществлять услуги перевозчика.

Большинство фермеров (примерно 80% в округе Пиллькаллен) состояли в трудовых колониях шарверков. Они не являлись собственниками своих земельных наделов, а только их арендовали. Во время заселения они бесплатно получили пахотную землю, жилые дома, сельскохозяйственные постройки, рабочих животных, домашний скот, сельскохозяйственное оборудование и семена от собственника (в округе Пиллькаллен собственником являлось государство). Помимо оплаты базовых процентов у них был целый ряд обязательств перед округом. Основным обязательством являлись трудовые повинности шарверка – совместная обработка государственных владений и ферм с помощью собственных лошадей и инвентаря. Различные виды работ шарверка, в среднем 60 дней в году, естественно, приходились на весну и осень. Фермеры перевозили собранное зерно на казённых полях в Кенигсберг, возили дрова из леса, ремонтировали дороги, доставляли овес и солому в гарнизоны и многое другое. Этот крестьянский класс был наиболее обремененным, часто до предела своих возможностей. С другой стороны, государство заботилось о них. Фермеры получили бесплатно дома и древесину. В тяжелые времена отменяли им налоги или оказывали прямую поддержку. Шарверкбауэр, так называли фермеров с обязательствами шарверка, мог передать по наследству свою ферму или, с одобрения округа, передать ее кому-либо в обмен на компенсацию. Амт мог лишить фермера земельного надела исключительно из-за крайней некомпетентности. В результате сформированные государством и крестьянином угодья стали называться имениями (Guts-) или преемственностью (Erbuntertänigkeit).

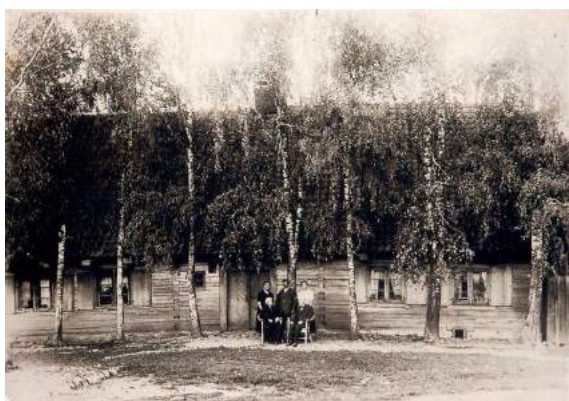
Третий класс фермеров возник при заселении после Великой чумы. Значительные группы швейцарцев, зальцбургцев и поселенцы из Нассау получили статус колоний. Они тоже получили бесплатно землю и фермы, как фермеры-шарверкбауэры, и поэтому имели много обязанностей, но они были освобождены от трудовых повинностей колоний шарверка.

Кроме того, у них были свои сельские общины с определенными правами на самоуправление.

Из не-фермеров самой важной группой были собственники. У них был собственный маленький домик (хижина) с садом на арендованной земле. Из этого следовало, что они прочно обосновались в сельской местности, работали в сельском хозяйстве или занимались сельским ремеслом. Садовники же или наёмные работники жили в арендованном, управляли садом и работали за постоянную заработную плату либо получали натуральными продуктами. Эти наёмные люди были из сельской местности.

Фридрих Великий лично считал шарверки устаревшими, но он не мог добиться их отмены. В конце концов, количество крестьян не увеличивалось, все образованные в своё время земельные наделы были «унаследованы», а значит, распроданы. В большинстве своём состав жителей деревень в округе Пиллькаллен был пёстрым, то есть смешанным. Так было, например, в деревне Шварпельн/Шварпен

(поселение севернее посёлка Добровольск) в 1787 году проживал кельмер с трактиром и кузницей, три фермера, принадлежавшие зальцбургской колонии, 12 фермеров-шарверкбауэров, два владельца хижин и учитель со служебной квартирой.

Спустя девять лет после окончания Семилетней войны Фридрих II добился внешнеполитического успеха. В результате Первого раздела Польши, который произошёл без войны, по договору 1772 года, согласно которому польский король вернул некогда орденские земли, называвшиеся Королевской Пруссией – территории областей Западной Пруссии и Варминского епископства

(Эрмландского государства) – общей площадью 36 000 кв. км с населением 580 000 человек. Таким образом была достигнута главная цель прусской политики. Была установлена сухопутная связь между Бранденбургом и Пруссией – между Берлином и Кенигсбергом.

В 1786 году Фридрих Великий умер бездетным. Его племянник унаследовал престол за ним как Фридрих Вильгельм II. А одиннадцать лет спустя его сын Фридрих Вильгельм III возглавил прусское правительство.

Многое что изменилось за это время в округе Пиллькаллен.

В результате Третьего раздела Польши в 1795 году образовалась Новая Восточная Пруссия. С отменой всяческих пограничных барьеров резко увеличился объём торговли и активизировалось передвижение. Ширвиндт, в частности, пережил экономический бум с необычайным процветанием в течение двенадцати лет. В это время Кантор Хассенштейн открыл в Ширвиндте высшее учебное заведение, которое приобрело известность за пределами маленького городка. Многочисленные новые поселения на востоке района образовали в 1793 году собственный

церковный приход в Шилленене/Шилленфельде (посёлок Победино). Три года спустя в Шилленене освятили церковь, первым пастором которой стал Зигфрид Остермайер.

В период правлений преемниками Фридриха Великого в государстве и обществе образовалась некоторая стагнация. Они почивали на успехах великого короля. Вряд ли кто из них думал подхватить новые идеи Французской революции и осуществить современные реформы или, например, модернизировать армию в период мирных десятилетий. Так случилось, что прусское государство рухнуло на удивление быстро и основательно под ударами Наполеона.

43. Эрвин Шпер (Erwin Spehr). Об истории района Пиллькаллен/Шлоссберг. Продолжение...

Глава 13. Французское время в 1806/07 и 1812/13 годы

В начале 19 века Европа переживает серьёзный передел своей вековой системы в соответствии с интересами амбициозного Наполеона.

В октябре 1806 года он разгромил прусскую армию под Йеной и Ауэрштедтом и вскоре после этого занял Берлин. Королевская чета со своим

двором и правительством бежала в Восточную Пруссию. Но уже в декабре французские войска перешли Вислу. В Восточной Пруссии они столкнулись с относительно слабыми прусскими и союзными русскими войсками. После нескольких месяцев боевых действий провинция была оккупирована вплоть до Мемеля, и Кенигсбергу пришлось сдаться. Правительство выехало в Мемель. В июле 1807 года Пруссия была вынуждена с Тильзитским миром подчиниться диктату Наполеона.

Условия были суровыми. Даже известная личная встреча королевы Луизы с Наполеоном не смягчила их. Прусская когда-то великая держава была разгромлена. По условиям договора для вывода французских войск прусскому правительству необходимо было собрать огромные суммы на погашение контрибуции в военную казну Наполеона, это привело к финансовому краху государства в целом и отдельно городов.

Во время многомесячной войны и последующей оккупации восточно-прусскому населению вновь пришлось пережить невообразимое. Из Пиллькаллена доносилось, что французские войска относились к жителям невероятно сурово и жестоко. Вымогательства, грабежи и убийства были в порядке вещей. Всего шесть недель они просидели в городе, но последствия были тяжелее, чем четырехлетняя российская оккупация полвека назад. К дороговизне и голоду прибавились болезни, уничтожавшие людей и животных. А огромные денежные выплаты привели к краху экономической жизни города.

Ширвиндт обязан был разместить на своих квартирах 30 000 французов – невообразимая нагрузка для маленького города при двухстах домах и около 1200 жителей. Жертвами военных стали весь скот и весь урожай, к тому же прибавились высокие денежные выплаты. С уходом военных городу остались разруха и нищета. Почти треть населения умерли от голода и болезней, большинство из них – дети.

Малльвишкен (посёлок Майский Гусевского района) тоже пострадал от пребывания различных войск. Французские офицеры разместились в доме приходского священника и выписывали расписки на похищенный ими скот. Приходской деревне сравнительно повезло – жители прятали весь свой скот и лошадей в близлежащем Цулкинском лесу (Forst Tannsee), в который оккупанты не решились войти.

Церковная хроника Куссена сообщала о пасторе Иоганне Кюсснере, который предусмотрительно зарыл всё церковное серебро и церковную казну в приходском саду. Все здания в деревне были заполнены французами, а в доме приходского священника поселился генерал со многими офицерами и несколькими слугами.

«После того, как французы забрали все, что им понравилось у приходского священника, они взяли с собой пастора в качестве проводника.»

Старый 70-летний настоятель прихода перед Шпулленом (посёлок Февральское) не смог двигаться дальше, его французы сильно избили и бросили на произвол судьбы. Пастора, истекающего кровью, подобрали сердобольные люди и вернули в деревню».

Союзные русские войска были не менее тягостными для населения. Пастор Иоганн Ленгник из Ласденена (город Краснознаменск) сообщает о том, как расквартировали «недобрых друзей». Русский генерал со всей семьей(!), многочисленными слугами и множеством лошадей разместился в доме священника.

Тот же пастор с гордостью рассказывал о своей встрече 7 апреля 1807 года с королём Пруссии, который тогда находился в Ласденене, и состоявшейся с ним беседы. Для королевы Луизы тогда был организован обед с великим русским князем Константином в его доме перед отъездом. Королева Луиза пользовалась огромной популярностью и любовью у населения. Запись в церковной книге Пиллькаллена свидетельствует о

нахождении королевы в районном городе и о трепетном отношении к ней. Пастор Готфрид Рюквард не без тщеславия воспроизвел личное письмо королевы, в котором она дала свое согласие приходскому священнику стать крестной матерью его дочери Луизы, родившейся 12 марта 1808 года.

После ухода французов провинция осталась опустошенной и разграбленной. Голод отяготили болезни и падёж крупного рогатого скота. Крестьянское благосостояние было разрушено за эти годы. Помимо этого, тяжелое бремя военных обязательств легли на плечи крестьян. Государство продавало домены и фермы, чтобы собрать необходимые деньги. Но едва восстановив страну после ужасов пятилетней давности, французы вернулись назад еще в большем количестве.

«Великая армия» Наполеона летом 1812 года перебросила 300 000 солдат через Восточную Пруссию в Россию. Снова был отдан приказ кормить армию. Основные войска двинулись на восток через Тильзит и Шталлупёнен (город Нестеров), в Пиллькаллене на несколько дней тоже расквартировались. Солдаты с силой отбирали всё продовольствие. По приказу

Наполеона армию необходимо было обеспечить 20-дневным пайком. Магазины вычищались, посевное зерно изымалось, целые стада скотины угнаны, поля с посевами вытоптаны. Военное командование бродило по стране с места на место, забирая с собой все съестное, включая необходимые для перевозок лошадей.

Восточная Пруссия понесла колоссальный ущерб за эти два «французских периода». Погибло около половины лошадей и около трети скота.

Население уменьшилось примерно на 15%. Зимой и весной 1812/13 года остатки наполеоновской армии, преследуемые казаками до Восточной Пруссии, заполнили провинцию. В этот момент стало очевидно, что обедневшая и разграбленная Восточная Пруссия должна возглавить

освободительную борьбу против Наполеона. Огромный энтузиазм и готовность к жертве стали распространяться в провинции. Пиллькаллен и Ширвиндт примкнул к народному ополчению, в отряды ландвера вступило больше жителей, чем требовалось. Население пожертвовало последними спрятанными талерами, а пасторы – церковным серебром. Таким образом, Пруссия смогла в короткие сроки создать новую армию и внести значительный вклад в Освободительную войну Европы от захватчика Наполеона.

Продолжение следует...

44. Город Краснознаменск.

Административный центр Краснознаменского района радуется своей ухоженностью. Двоенный Ласденен во время боевых действий января 1945 года пострадал меньше, чем город Пиллькаллен – бывший окружной центр. Теперь Краснознаменск гордо несёт статус единственного города в живописном и бесконечном крае лесов, рек и озёр с удивительной историей.

Довоенная хроника Краснознаменска, бывшего Ласденена, опубликована на портале Pillkallen и довольно подробно рассказывает об истории этого места.

Большая приходская деревня Ласденен с сельским рынком в 1938 году сменила своё литовское название (дословный перевод литовского слова «лазд» на немецкий «хазель» означает «лесной орех») и зазвучало на новый лад – Хазельберг. Но в тоже время первое упоминание уже существовавшего к тому времени на этом месте поселения носило название Хазельпуш.

На протяжении двух столетий имя этого поселения жонглировали с литовского на немецкий, с немецкого на литовский, с буквой «а», с буквой «е» – то ли Лесденен, то ли Ласденен, то ли Хазельпуш...

Деревня расположилась по обеим берегам реки Шешуппе в 19 километрах на север от окружного центра Пиллькаллен. История Ласденен восходит к 15 веку, о чем свидетельствуют старые записи. Название места впервые появилось в архивах округа Рагнит где-то в 1490 году, вместе с другими вновь созданными местностями. Спустя 60 лет с названием Хазельпуш упоминается имя Ласденн, Ласденишкен, Ластейнен и, наконец, в

1576 году остается Ласденен. Дословный перевод «lazdynas» означает – кусты лесного ореха.

Как уже ранее упоминали, что в этих краях заселение шло вдоль рек, поскольку они служили хорошим ориентиром в период колонизации и, по-видимому, работы в этих районах вести так было проще. Основными реками в районе Пиллькаллен стали Шешуппе, Эйменис (река Ульяновка), Будуппе (река Бровка) и другие. В до конца незаселённом районе чётких границ между отдельными владениями и деревнями не были определены и поэтому сельское население не имело конкретной принадлежности к какому-либо поселению.

Первые церковные приходы в районе стали создаваться после 1550 года. И в это же время в Ласденене появляется свой приход (*о церкви отдельная публикация*). Здесь же открываются постоянные дворы и трактиры – первые основные пункты для торговли и транспортных путей в этом совершенно безлюдном районе. Примерно к 1580 году в районе Пиллькаллен образовались четыре трактира – в Ширвиндте, Ласденене,

Пиллькаллене и Куссене. А к 1665 году в Ласденене их было уже два.

Трудные времена начались для приграничных поселений, когда король Швеции Густав Адольф выступил против Польши в 1626 году и завоевал Пиллау и Лохштедт. Два года шла борьба – войска шведского короля сновали туда-сюда по территории Пруссии. А затем и польские войска вторглись в пределы Пруссии и грабили, как разбойники.

Необходимо дать должное, что именно в это непростое время было завершено строительство школы в Ласденене – в 1649 году плотник Мишель Клювен построил её за 100 талеров.

Буквально через 7 лет эти края настигло еще одно посещение! В 1656 году татары вторглись в Рагнит через Ширвиндт и Пиллькаллен. В ходе этого вторжения были превращены в руины 13 селений, 37 церквей и 249 хозяйственных дворов

и ферм. 23000 беззащитных людей были убиты, 34000 угнаны в рабство и около 100000 умерли от голода и чумных болезней в наполненной врагами стране.

После освобождения от польской зависимости и признания в 1660 году в Оливе независимого герцогства Пруссия, Великий курфюрст приступил к восстановлению страны. В это время приходится и основание водяной мельницы, которая изначально была государственной и управлялась назначенным мельником. Наряду с различными налогами был введен и налог на помол для привлечения финансовых средств на формирование постоянной армии. Из патента

Великого курфюрста 1663 года, оригинал которого с собственноручной подписью Фридриха Вильгельма находился на руках последнего с 1893 года владельца мельницы Людвиг Брахфогеля, следовало, что непосредственная деятельность мельницы регулировалось законом и был точно определен, какой „помол“ принадлежал мельнице Ласденена. В Ласденене находилась одна из двух крупных мельниц района, принадлежавшая Брахфогелю, вторая находилась в Шеллинене (посёлок Победино).

Затишье в период ликвидации последствий татарского и польского нашествий сменилось болезнями... Завезённая с Польши чума бушевала в Пруссии с 1709 года. Кроме того, голод и рост цен в результате необычно холодной зимы 1708/09 года, уничтожившей все посевы. В первый же год чума сильно распространилась. Смерть пронеслась по стране и косила людей. День за днем по ком-то звонил колокол. Каждый год, когда приходила осень, а затем зима с холодом, снегом и льдом, надеялись, что душащий ангел смерти замерзнет под жестким потолком. Однако, когда приходила весна, он вновь просыпался, чтобы погубить людей с новой силой. Треть населения всей провинции тогда погибли, осталось всего 400 тысяч человек. В районе Пиллькаллен, принадлежавшего округу Рагнит, включая Ласденен, 28 000 человек стали жертвами "суда Божьего", в том числе и два пастора.

О том как свирепствовала здесь чума, можно судить по вымершим целым деревням, чьи земли превратились в пустоши – Ужбален (посёлок Лощинка Гусевского района), Эндрушайтен (поселение ещё называли Линдикен, находилось в сторону Ширвиндта на востоке округа, район посёлка Хлебниково), Эйгаррен (посёлок на правом берегу Шешуппе в районе посёлка Заречное, не существует с 1992 года), Линдикен (поселение на северо-востоке района, на левом берегу Немана, в районе посёлка Неманское, бывший Траппёнен, относилось к Мемельскому краю), Юкнатен (посёлок Илловайское) и Таппен (несуществующее поселение северо-западнее Краснознаменска). В Тюльпенингкене (посёлок Заречное), который граничит на севере с большим лесом Нойлубен, была образована так называемая «Чумная гора» («Morocallnas»), напоминавшая о жертвах, унесённых великой смертью.

Фридрих Вильгельм I мужественно залечивал раны страны, подвергшейся тяжелым испытаниям. Уже в 1711 и 1712 по 1725 годам он призвал первых колонистов с запада в обезлюдившую страну, включая Швейцарию, Нассау, Магдебург, Франконию, Пфальц, Померанию и другие. В 1731 году появился первый зальцбургский изгнанник, вскоре за ним

последовали и другие. В 1732 году в Ласденен прибыл первый поселенец из Зальцбурга, это был Руперт Эбнер. В документе от 1738 года назван и арендатор мельницы Захариас Вагнер – имя, распространенное среди эмигрантов из Зальцбурга! Мельница всё также находилась в государственной собственности. Переход её в частную собственность произошел только в 1752 году, согласно договора о наследовании, подписанного с мельником Вильгельмом Эшем, как предложившего самую высокую цену, подтвержденное, утвержденное и уполномоченное «Его королевским величеством в Пруссии (Фридрих Великий). В качестве покупной цены он должен был оплатить все расходы по ремонту в размере 1559 талеров, 17 гр., 6 пфеннигов». С этой мельницы в начале XX века поставлялась мука в Берлин и промышленную зону Вестфалии.

Вскоре над Пруссией разразилась ещё одна катастрофа! Силезские войны. Затем Австрия объединилась с Россией, и в приграничных районах Восточной Пруссии раздались звериные крики страха: «Кзаки идут!» Они продвигались через Ширвиндт и Виллунен к Рагниту. Где бы они ни появлялись, там царил ужас и кошмар, горящие деревни отмечали их пути. Те, кто не

сбежал, познакомились с длинными копьями казаков.

Пять лет тянулись их хождения взад и вперед, пока Петр III не заключил мир с Фридрихом Великим и русские не покинули Восточную Пруссию.

Не прошли бесследно и тяжелые годы злополучной войны 1806 – 1807 года. Это были испытания и для королевской четы. О нахождении королевы Луизы в Ласденене вспоминал пастор, о чём выше повествовывалось.

Враг со своими войсками дважды с запада перешёл прусскую границу. В 1812 году Наполеон и его несметная армия двинулись на Россию и с жестокой силой выжал из страны и народа всё, что могли. А через полгода зимой, когда остатки некогда великой армии, разгромленной и уничтоженной на огромных русских ледяных полях, возвращались с полуживыми и беспомощными беглецами. В приходской книге церкви Ласденен упомянуты погибшие здесь французские офицер и два пехотинца и итальянец-пехотинец.

Большое вдохновение охватило жителей события освободительной войны 1813 года. В бой ушли многие ласдененовцы. 14 имен увековечены на двух мемориальных досках, отдавших свою жизнь в боях за освобождение Пруссии.

В 1844 году из-за проливных дождей по всей провинции случился неурожай. В 1845 году король Фридрих Вильгельм IV посетил округ Пиллькаллен и подарил новую церковь городу Ширвиндт.

познакомить, Ласденен являлся конечной её станцией.

Здание вокзала сохранилось до наших дней на юго-западной части города Краснознаменск.

Вторая половина XIX века принесла более-менее период спокойного и благополучного развития. В это время была построена новая церковь в Ласденене по эскизу Штюлера. Налажено производство кирпичного завода, о котором подробно расскажем в отдельной публикации. В начале XX века была запущена Пиллькалленская малая железная дорога, с которой мы уже успели

Последствия же Первой мировой войны были огромны и трагичны. Во время первого русского вторжения в августе 1914 года Ласденен враг пощадил. Но когда была осуществлена неудачная атака на Тильзит 13 сентября, 7000 человек отошли к границе через Ласденен и Тюльпенинген (посёлок Заречное). Отступившие не преследовали жителей, а только взяли в

заложники землевладельца Крёнинга из Лёбегаллена (посёлок Толстово). Его освободили в районе Шмалленингкене (Погегай – Шмалининкай, Литовская республика, территория до 1945 года входила в состав Восточной Пруссии), когда на узком пути им неожиданно отрезали отступление немецкие егеря. 13 декабря, к ужасу местного населения, внезапно разразился канонада. Снаряды попали в Ласденен и срочно пришлось эвакуировать жителей. Русские заняли Ласденен в конце декабря. Немецкие военные позиции проходили вдоль линии Лёбегаллен – хозяйский двор Бергер-Палфнер лесом за деревней на юго-западе Ласденен по Пиллькаллен штрассе. В начале февраля 1915 года, накануне зимнего сражения, северное крыло фронта стало сворачиваться. Тем временем русские армия окончательно покинула Восточную Пруссию. С благодарностью жители приветствовали Гинденбурга, своего спасителя, а в апреле с радостью вернулись на родину бойцы, чтобы восстановить разрушенное и пережить ещё более тяжелые годы теперь уже Второй мировой войны.

С 1927 года «водяная мельница Брахфогель» обеспечивала электроэнергией Ласденен, ставший с 1938 года – Хазельбергом. Сама плотина и отвод подачи воды на мельницу видны на фрагменте карты 1927 года. После войны объект находился в плохом состоянии и пришел в упадок. В 2010 году велись обширные гидротехнические и земляные работы с целью использовать плотину в качестве электростанции. Однако в 2011 году работы прекратились,

генераторы и турбины решили не устанавливать в связи с началом строительства Балтийской атомной электростанции в Неманском районе в 22 километрах к западу от Краснознаменска.

В 1932 году в Ласденене было запущено производство уникальной керамики, которая радовала своими известными изделиями во всей Восточной Пруссии до 1945 года, рассказу и о ней мы уделим отдельную публикацию.

В 1938 году была налажена работа торфопредприятия «Кёнигсхулдер» на базе «Какче Бали» («Грязи Бали») большого верхового болота с интенсивным торфяным хозяйством западнее Хазельберга.

В 1939 году в Хазельберге проживало 2066 человек.

В период Восточно-Прусской операции 1944 – 1945 годов город не пострадал. В 1946 году был переименован в Краснознаменск, который стал тогда районным центром. Теперь это цветущий красивый город с населением около 3 500 человек. Интересно, что все старые общественные здания Ласденена/Хазельберга сохранились в Краснознаменске. Здесь всё ещё можно увидеть старый рынок. Клумбы, фонтан и множество

скамеек приглашают задержаться в городе. Памятник Ленину стоит перед бывшей гостиницей «Симунд», сейчас здесь расположилась городская администрация. Районная администрация расположена в новом современном здании. Одной из достопримечательностей Краснознаменска является плотина на Шешуппе, хорошо видна с нового моста через реку здание бывшей мельницы Брахфогеля. Молокоперерабатывающий завод по-прежнему работает в городе. В Краснознаменске открыты ресторан, районная больница, новый, утопающий в деревьях стадион.

Источник: http://wiki-de.genealogy.net/Die_Chronik_erz%C3%A4hlt_aus_der_Geschichte_Lasdehnens

45. Кирпичный завод

В 2006 году в районе посёлка Белкино на месторождении богатыми песками и глиной приступили к проектированию кирпичного завода «Пятый Элемент», одного из самых современных заводов России по производству керамического кирпича. Полученные лицензии на право пользования недрами на месторождениях «Белкино», дали старт выпуску с февраля 2010 года более 20 видов керамических изделий – клинкер, лицевой и рядовой кирпич, керамические блоки.

На территории завода ведётся добыча исходного сырья – песка и глины, а в районе посёлка Желанное находится месторождение песка и песчано-гравийного материала.

В довоенное время под Краснознаменском также работал кирпичный немецкий завод, который просуществовал до начала Второй мировой войны.

Кирпичные заводы как старейшие отрасли производства в округе Пиллькаллен появились сразу же после заселения «дикой местности». Там, где были залежи глины, изготавливались и сушились на открытом воздухе кирпичи простых форм. Постепенно формы совершенствовались, а кирпичи обжигались в полевых печах, тем более, что кирпичных мастеров можно было где расселить. Государственные районные управы, а затем и некоторые более крупные сельскохозяйственные землевладельцы стали открывать кирпичные заводы, в первую очередь для удовлетворения собственных потребностей в строительных материалах. Кирпичные предприятия землевладельцев всегда считались подсобными производствами сельского хозяйства, их работники получали за труд исключительно за продукцию. Так что напряжённое время посева и уборки урожая кирпичным заводам приходилось исключать, а в зимние месяцы заводы не могли работать, поэтому было принято решение сдавать кирпичные заводы в аренду или вести их как специальный бизнес независимо от сельскохозяйственной усадьбы. Но некоторые кирпичные заводы землевладельцев все равно пришлось закрыть, так как крупных залежей глины больше не было.

Только со временем кирпичные заводы превратились в особую отрасль промышленности. Были усовершенствованы методы производства, началось производство различных видов кирпича, таких как черепица, дренажные трубы и потолочный камень, чтобы удовлетворить потребности не только в своей местности, но и дальних округах. После того, как в начале XX века на кирпичных заводах были введены в эксплуатацию паровые механизмы, а после Первой мировой войны возникла необходимость в дополнительной модернизации, некоторые кирпичные заводы фермерских хозяйств пришлось снова закрыть.

Многие кирпичные заводы пострадали во время боевых действий 1944 – 1945 годов, какие-то полностью, какие-то частично, разрушенные предприятия не восстанавливались. Сохранились в бывшем округе Пиллькаллен несколько кирпичных заводов, которые производили кирпич, черепицу, дренажные трубы и потолочный камень:

1. В Ласденене/Хазельберге (город Краснознаменск) кирпичное производство Вильгельма Даниэльчика, владевшего гончарной мастерской с 1900 года, а с 1910 года – современным кирпичным заводом с паровым двигателем, выпускавшего от 3 до 4 миллионов кирпича в год, которая снабжала северную часть района.

2. В Кайлене (поселение в районе озера Бородинское) кирпичный завод Курта Балка, построенный его предыдущим владельцем Унтербергером в начале 90-х годов 19 века как кирпичное производство поместья, позже – предприятие на паровой тяге снабжало восточную часть района.

3. В Пиллькаллене/Шлоссберге кирпичный завод принадлежал городу, он был построен в 1916 году компанией Бюрер («Bührer») из Констанца на Боден-зее (город в Германии на границе со Швейцарией) для восполнения недостающего кирпича в период восстановления Пиллькаллена после Первой мировой войны. Оборудование было создано по современным принципам, включая работу с тяжелой (зернистой) глиной, искусственной сушки, собственной выработки электроэнергии и т. д. Это был ведущий кирпичный завод в провинции Восточная Пруссия с собственным железнодорожным сообщением и большим автопарком. Поэтому он поставлял кирпичные материалы, особенно облицовочный кирпич, водосточные трубы и серую черепицу, в различные районы объемом от 11 до 12 миллионов кирпичей в год.

4. В Шпуллене (посёлок Февральское) кирпичный завод имения Вальтера Бюхлера, построенный в 1899 году, вскоре стал специализированным промышленным предприятием, в 1910 году модернизирован паровым двигателем, а в начале 1915 года кирпичный завод был частично разрушен во время русского вторжения, восстановлен в 1916 году компанией «Фридрих-энд-Пфунтке» («Friedrich&Pfundtke») из Бреслау с транспортёром по всей территории завода. На заводе работала двухэтажная воздушная сушка над печью в современном стиле. В 1925 году работа производства от парового двигателя была переведена от электричества. Объём производства достигал от 3 до 4 миллионов кирпичей в год и снабжал западную часть района.

На основе письменных семейных воспоминаний младшей дочери владельца кирпичного завода Ласденена Евы Даниэльчик и внука Конрада Мурре, а также жителей Хазельберга мы поведём рассказ о кирпичном заводе под Ласдененом с большой историей.

На восточной окраине Лангенфельде округа Шлоссберг (посёлок Белкино в Краснознаменском районе) Вильгельм Даниэльчик в 1905 году приобретает старейший кирпичный завод. Много времени потратил Вильгельм на поиски подходящего производства в Восточной Пруссии, начиная с Кёнигсберга. Решающим фактором для выбора кирпичного завода под Ласдененом стало наличие огромной территории площадью в 500 акров (125 га).

По задумке семьи Даниэльчиков – Вильгельма Даниэльчика (1864-1935) и Анны Гауэр (1873-1940), поженившихся 26 сентября 1898 года – было важно иметь максимально независимое от различных кризисных моментов в стране производство промышленного продукта. Девиз Вильгельма Даниэльчика был соответствующим: «Строят всегда!». Это особенно точно сказалось в отношении возросшей строительной активности после Первой мировой войны в районах Восточной Пруссии, которые были разрушены русскими войсками. Это в значительной степени поспособствовало серьёзному развитию кирпичного завода в Ласденене. Кирпичная промышленность в Восточной Пруссии в целом тогда стала активно развиваться, чего подобного не переживала до Первой мировой войны и боролась тогда за свое существование.

Глина добывалась на собственных полях кирпичного завода. Большие участки земли брались в аренду для этих целей. Кирпичный завод был полностью отремонтирован и построены новые большие здания. На новой дымовой трубе, Герхард Шмидт из Хазельберга видел трубочиста, которого он запомнил дующего сверху в трубу.

Лифт тащил тележки с кусками глины на первый этаж кирпичного производства. Там сырьё заливали в производственную машину. С помощью парового двигателя можно было выпускать кирпичи машинным способом. Важным изобретением, с помощью которого шла подача глины через прямоугольный наконечник в виде длинных полосок, стал ленточный пресс. Резак, в виде натянутой проволоки, разрезал глину теперь уже в форме кирпича на равные отрезки.

Годовое производство после Первой мировой войны составляло 800 000 кирпичей и 125 000 черепицы, согласно информации, предоставленной в 1919 году Окружной ассоциацией работодателей Восточной Пруссии торговой палаты в Кёнигсберге. Таким образом, показатели кирпичного завода в Ласденене считались среднего уровня. Многие фермеры не

могли сами вывозить кирпич с завода, поэтому в поместье находилось несколько бригад специально для погрузки продукции. Вильгельм Даниэльчик как-то ответил недовольному погрузкой покупателю: «Вы можете бросать мои кирпичи с церковной башни! Они не ломаются!» И эта история стала семейным анекдотом.

Работники завода рассказывали, как велась оплата труда: «На кирпичном заводе было небольшое офисное здание. Через коммутатор подзывали каждого по имени к окошку кассы, где сидел сам Даниэльчик и рядом с ним мастер производства. Перед ними на столе были разложены деньги – марки и пенни в аккуратные стопочки. Каждому подсчитывали заработок по заслугам. Насколько помнится, самая высокая сумма была 50 марок. Но столько зарабатывали только работники цеха обжига!» Сотрудник завода Вернер Радтке вспоминал, что до него на кирпичном заводе работали его дед, отец и мать.

В период сбора урожая кирпичный завод не работал несколько дней. К кирпичному заводу принадлежал и небольшой завод цементных изделий. Позже сын Вильгельма Даниэльчика Вернер взял на себя руководство кирпичным заводом. Согласно налоговой декларации, объем продаж за 1937 финансовый год составил 170 628 рейхсмарок.

В октябре 1940 года кирпичный завод пришлось закрыть, так как его владелец Вернер Даниэльчик был призван на военную службу.

Затем после войны кирпичный завод снова заработал, но с ноября 1946 года по июль 1947 года стали возникать трудности с доставкой топлива из Советска, не хватало транспортных средств, после работа продолжилась до 1948 года.

Еще один кирпичный завод в Краснознаменском районе был введен в эксплуатацию в марте 1947 года в посёлке Неманском, бывший Траппён.

Кирпичный завод в посёлке Добровольск, бывший Шлоссберг, не стали восстанавливать.

Позже, за исключением небольшого административного здания, были снесены производственные корпуса кирпичного завода Даниэльчик в Хазельберге. Весь кирпич пошёл на строительный материал. Как рассказывали местные жители, механизмы кирпичного завода были проданы соседней Литве.

Кирпичный завод Хазельберг остался только в исторической памяти. На территории бывшего кирпичного завода не осталось и следов бывлой рабочей активности!

Источники: 5 элемент <https://5element.biz/factory/history/>
http://wiki-de.genealogy.net/Ziegelei_Danielczick_aus_Lasdehnen/Haselberg
http://wiki-de.genealogy.net/Gro%C3%9F_Wersmelingken

46. О художественной керамике Ласденена

Из воспоминаний доктора Конрада Мурра, родившегося 1931 году в Вене, племянник Евы Хартманн, урождённой Даниэльчик.

Ева Даниэльчик, младшая дочь владельца имения и кирпичного завода в Ласденене Вильгельма Даниэльчика, в 1932 году основала мастерскую по изготовлению керамических изделий на основе сырья из глиняных карьеров родительского производства.

Ева познакомилась с керамикой во всех ее разновидностях в Бунцлау в Силезии, а там же изучила искусство гончарного дела. Она сдала экзамен на подмастерье экзаменационной комиссии в Пиллькалене, а затем – на степень магистра в Дрездене.

Младшая дочь Даниэльчиков получила уроки скульптуры у профессора Артура Штайнера в Кёнигсберге. Этот мастер нам известен, как скульптор-анималист, автор работы «Лось» в Гумбиннене. Ева была первым мастером гончарного дела в районе Пиллькален. Ее керамические работы вскоре стали известны, желанны и популярны во всей Восточной Пруссии!

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 008681
Haselberg (Ostpr.), Kreis Schloßberg, MT10100-3. Lasehner Keramik. (1935-1941). ©

Сначала родители устроили мастерскую своей младшей дочери в подвале усадьбы на Шиллфельд-штрассе, 22 в Ласденене. Девочкой были созданы небольшие предметы, в основном маленькие вазочки, чашки и пары горшков в восточно-прусском стиле, а также горшки и миски с прозрачной глазурью, причем красивая красная глина особенно хорошо выделялась.

дала возможность впервые и не без успеха предложить продукцию мастерской, как вспоминает, работавшая с самых первых лет сотрудница Ренате Хорат. Следующий успех гончарной мастерской пришел во время ярмарки Балтийского моря в Кёнигсберге. В керамике из Ласденена видели продолжение гончарного мастерства Толкемите (город Толькмицко в Польше), расположенном на Фришен-Хафф в районе Эльбинга, который затих. Особой популярностью пользовалась яркая посуда с васильковым узором.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 027974 / III/8-4-19 (Nr. 252)
Tolkemit, Kreis Elbing, MT16083-6. Bauernhaus bei Tolkemit. (1930-1940). © Schöning, Lübeck

Вдохновленный успехом своей дочери Евы, отец Вильгельм в 1935 году построил большое представительное здание для гончарного дела с широкой заметной надписью: «Художественная гончарная мастерская Даниэльчика, построенная в 1935 году» («Kunsttöpferei Danielczick, erbaut 1935») и большим керамическим рельефом на входе, изображающим гончара за гончарным кругом.

В подвале размещалась первичная переработка глины и нижняя часть большой печи. Обжиг велся большими бревнами. Так что установить требуемую температуру обжига было непросто. До сих пор хорошо помню, как выжидающие смотрели через глазок в стене из шамотных кирпичей, которыми была облицована печь, перед каждым обжигом огнём за установленными конусами Зегера*, указывающие правильную температуру горения.

*Зегерные конусы (единица значения – SK) являются испытательными корпусами для определения огнестойкости. Они названы в честь керамиста Германа Зегера (1839-1893), который разработал их в 1885 году для своих исследований огнестойкости различных материалов. Стандартные конусы из проверяемого материала имеют высоту около 5 см и слегка скошены. Конус медленно нагревается в жаровне, по тому как кончик конуса полностью опрокидывается, по точке падения определяется необходимая температура выпечки в печах для обжига керамики и гончарного дела.

На первом этаже располагались офисные и рабочие помещения с несколькими гончарными кругами, одна из них с электроприводом для запуска серийного производства. На верхнем этаже располагались складские и упаковочные помещения, а также помещения с кухней и ванной для трех сотрудников. Многие любители ласдененской керамики могут еще вспомнить экскурсии по гончарному мастерству со своим школьным классом.

За работу кирпичного завода и добычу глины отвечал брат Евы – Вернер (погиб в 1941 году в России), получивший образование инженера по кирпичной кладке в коммерческом колледже в Кётене (город в Германии, земли Анхальт). Он был техническим консультантом по гончарному делу. Ева Даниэльчик ярко описывает методы добычи сырья в первые дни их существования в дневниковых записях для своих внуков:

«Глина добывалась на нашем собственном поле. Для этой цели отец Вильгельм арендовал большие участки земли. Почву нужно было расчистить до глубины двух лопат, а под ней лежала лучшая глина, слоем 5-10 лопат. Запас был на 100 лет.

К месту разбора вела легко сложенная дорожка, по которой лошади тянули две телеги. Глину сгружали в большие ямы в земле (думаю, их было 4), боковые стены которых были сделаны из досок или бетона, чтобы изолировать глину от земли. Здесь в глину добавляли песок. Тяжелую массу вручную лопатами и топча ногами

перемешивали – это был для мужчин тяжелый труд.

Я рассказываю об этом только для того, чтобы вы поняли, насколько все примитивно!»

На 1939 год, согласно проведённой переписи населения, в Хазельберге постоянно проживали 2070 человек, что было указано в "Официальном муниципальном справочнике Германского рейха".

С 1945 году этот город переименован в Краснознаменск.

Но именно вокруг этих мест есть обширные залежи глины, среди которой встречается и красная глина, очень похожая на месторождения глины Кадинена на Фришен-Хаффе (город Толькицко в Польше). Керамика Кадинена составляет базовые основы кирпичной и гончарной керамики в Восточной Пруссии. Месторождения обязаны своим геологическим происхождением, связанные с процессами таяния

ледника. Красный оттенок объясняется богатым содержанием железа.

В 1939 году Ева Даниэльчик вышла замуж и переехала в Швелм в Вестфалию, на родину её мужа.

Изготовление керамики в Хазельберге продолжилось двумя керамистами в арендованной в 1942 году мастерской г-жой Юшей Шнайдер-Деринг, которая содержала её до своего бегства в 1944 году. Юша успела познакомиться с гончарным делом в Ласденене во время своей стажировки в 1939 году, где выдержала экзамен подмастерья после окончания Государственной художественной школы в её родном Гамбурге. С 1939 по 1942 годы проходила обучение в Гамбургском университете изящных искусств. В 1942 году вместе с мастерами Янне Беккер (Эска) и Сигрид Крюгер берут в аренду

художественную керамическую мастерскую в Ласденене. В 1943 году в Кёнигсберге выдерживает экзамен мастера.

В 1944-45 годах, покинув Ласденен из-за военных действий, переезжает в Брюль в Мекленбург, где работала мастером на фабрике печной плитки Фентенс (Fentens) и в гончарной мастерской Густава Гримма в Гамбург-Шнельсен. В 1948-49 годах возглавила в Гамбурге мастерскую Сибиллы Блюменфельд, а в Берлине основала керамическую фабрику, в то время как в Рендсбурге работала мастером компании «Рутс Керамик». В 1950 году в Рендсбурге вместе с Зигфридом Шнайдером основала собственную мастерскую «Rendsburger Fayence-Manufaktur».

В 1952–54 годы переезжает в родной Гамбург со своим цехом в связи с приобретением «Ганза-Керамик». В 1954-58 годы работает в мастерской в замке Грабау близ Бад-Ольдесло, а в 1958 году переезжает со своей мастерской в Бад-Ольдесло, земли Шлезвиг-Гольштейн.

В своё время Юша Шнайдер-Деринг призналась Шлезвиг-Гольштейну: «Восточная Пруссия была и останется моей большой любовью!»

Подруга Евы Даниэльчик по совместному обучению в Бунцлау, а затем работница первых лет в мастерской Ласденена Рената Хорат-Веспер, которая, как и Ева, сдала магистерский экзамен в Дрездене, после войны основала свою гончарную мастерскую в Хагене в Вестфалии. Её мастерская изготавливали керамику в стиле Ласденена, в том числе вазы, тарелки, кувшины и плитки с гербами городов Восточной Пруссии и изображениями местной фауны, а также подсвечники в виде ангелов.

«Глиняное» заклинание Уилла Веспера, которую он когда-то написал для своей дочери Ренаты и мастерской в Ласденене, до

сих пор дорога ей как лейтмотив:

*«Боже, храни страну –
Глину, круг и обжиг –
И мою руку».*

В своей гончарной мастерской в Брандербайде/Бранде-Хёрнеркирхен (в Шлезвиг-Гольштейне) Сигрид Петерсен производила керамику с подписью «Искусство Ласденена». Ещё будучи стажёром в 1939 году Сигрид познакомилась с продукцией гончарной мастерской Ласденена вместе с Юшей Шнайдер-Деринг. Она написала о своей работе в очерке: *«Когда я открыла свою мастерскую в 1976 году, ко мне подошла пожилая женщина из Восточной Пруссии и попросила меня дополнить ее кофейный сервиз из Ласденена, поскольку некоторые предметы сервиза*

раскололись во время бегства. Мне это хорошо удалось, и я влюбился в васильковый узор!»

Cadiner Rot oder Kornblumenmuster

Die Tradition der Töpferei Danielczick aus dem ostpreußischen Lasdehnen wird auch heute weitergeführt

Wer heute Keramik nach ostpreußischer Art erwerben will, der muß sich an eine Töpferei in Werdohl in Nordrhein-Westfalen wenden. Dort stellt Kerstin Weber-Warschun in ihrer Werkstatt Keramik nach Lasdehner Art her und zeigt Besuchern nach vorheriger telefonischer Anmeldung gern ihre Schätze (02392/507788). Sie hat Fotobände und Musterbücher von Renate Horath-Vesper geerbt, deren Werkstatt sie vor 20 Jahren übernahm. Mit ihren Erzeugnissen ist Kerstin Weber-Warschun auch im Museumshop und auf den jährlich stattfindenden Museumsmärkten des Ostpreußischen Landesmuseums in Lüneburg regelmäßig vertreten.

Renate Horath-Vesper hatte an der Keramischen Fachschule im schlesischen Bunzlau Eva Danielczick kennengelernt, die Tochter des Guts- und Ziegeleibesitzers Wilhelm Danielczick aus Lasdehnen, Kreis Pölkallen (ab 1938 Schloßberg), und war ihr nach Ostpreußen gefolgt. 1932 hatte Eva in Lasdehnen (ab 1938 Haselberg) eine Werkstatt für Keramik-Waren gegründet, Basis war die elterliche Tongrube mit einem Ton, der dem in Cadiner sehr ähnlich war.

Zunächst wurde eine Versuchswerkstatt mit einer Töpferscheibe und einem kleinen Brennofen in einem Kellerraum des elterlichen

Gutshauses eingerichtet. Es entstanden kleine Gegenstände, meist kleine Vasen, auch Töpfe und Schalen mit durchsichtiger Glasur, wobei der schöne rote Ton besonders gut zur Geltung kam. Objekte im hellgrauen Grundfarbton sind dagegen „Klassisches Lasdehnen“. Hergestellt wurden kunsthandwerkliches Gebrauchsgeschirr, figürliche Tierdarstellungen, Leuchter und Krippenfiguren. Ein Treffen der Salzburger in Gum-

Roter Ton war die Grundlage für eine erfolgreiche Töpferei

binnen 1932 bot Gelegenheit, die Erzeugnisse erstmals anzubieten – nicht ohne Erfolg.

Der nächste Erfolg stellte sich auf der Ostmesse in Königsberg ein. Man sah in der Keramik aus Lasdehnen eine Fortsetzung des Töpferhandwerks in Tolkemit (Kreis Elbing) am Frischen Haff, um das es still geworden war. Besonders die hellen Geschirre mit dem Kornblumenmuster oder bunten Rändern waren gefragt.

Durch die Erfolge angeregt, errichtete Vater Wilhelm Danielczick 1935 für die Töpferei ein großes repräsentatives Gebäude mit hellen großen Fabrikationsräumen. Die Tochter hatte inzwischen in

Dresden ihre Meisterprüfung abgelegt. An der Hauswand prangte weithin sichtbar die Inschrift „Kunsttöpferei Danielczick, erbaut 1935“. Ein großes Keramikrelief auf der Eingangsseite stellte einen Töpfer an der Töpferscheibe dar.

Im Keller war die Aufbereitung des Tons und der untere Teil des großen Brennofens untergebracht. Gefeuert wurde mit großen Holz-

[Anhalt] an der Gewerbehochschule absolviert hatte. Er blieb der Töpferei als technischer Berater erhalten.

Bald waren die Keramikarbeiten aus der Kunsttöpferei Danielczick in ganz Ostpreußen bekannt und beliebt. Königsberger und Gumbinner Geschäfte deckten sich mit Keramik aus Lasdehnen ein. Auch außerhalb Ostpreußens fanden die

Keramik zu erweitern und für eine spätere Ausstellung aufzubereiten. Eva Danielczick heiratete 1939 und zog nach Westfalen in die Heimat ihres Mannes Renate Horath-Vesper verschlug es nach Hagen, wo sie eine eigene Werkstatt gründete. Die Töpferei in Lasdehnen wurde von zwei Keramikerinnen weitergeführt. 1942 pachtete Juscha Schneider-Döring die

Werkstatt in Bad Oldesloe auf, in der sie sich bemühte, Glasuren zu entwickeln, die denjenigen der chinesischen Hochkulturen ähnlich waren. Ihre Erzeugnisse sind im Heimatmuseum von Bad Oldesloe vertreten. Anlässlich der Preisverleihung eines Kunsthandwerker-Preises für keramische Arbeiten in Schleswig-Holstein 1985 bekannte Juscha Schneider-Döring: „Ostpreußen ist und bleibt meine große Liebe.“ Einige andere Praktikantinnen und Mitarbeiterinnen aus der gemeinsamen Zeit in Lasdehnen gründeten nach dem Krieg ebenfalls eigene Töpfereien. Sie stellten Vasen, Teller, Krüge und Kacheln mit ostpreußischen Städtewappen und Tierdarstellungen im Stil von Lasdehnen her. Eine von ihnen, Sigrid Petersen in Brande-Hörnerkirchen, war auf vielen Deutschlandtreffen der Ostpreußen mit einem Stand vertreten. Sie schreibt in einem Brief: „Als ich 1976 meine Werkstatt eröffnete, kam eine ältere Ostpreußerin zu mir und bat mich, ihr Lasdehner Kaffeeservice zu ergänzen, es waren einige Stücke auf der Flucht kaputtgegangen. Es gelang mir sehr gut und ich verliebte mich in das Kornblumenmuster.“ Eva Danielczick-Hartmann stellte sich nach dem Krieg anderen Aufgaben. Ihre Arbeit und ihre Ideen fanden in den Werkstätten ihrer einstigen Schüler und Mitarbeiter ihre Fortsetzung. Konrad Mürtz

Typisch Lasdehner Keramik: Zarte Farben auf hellem Grund

Bilder: Mürtz

Stücke Interesse. Auf diese Weise blieben viele Arbeiten erhalten und wurden kein Opfer des Krieges. Heute können in der Heimatstube der Kreisgemeinschaft Schloßberg in Winsen an der Lube mehrere Lasdehner Keramikon bewundert werden. Zur Zeit bemüht sich das Ostpreußische Landesmuseum in Lüneburg, seinen Bestand an ostpreußischer

Werkstatt, die sie bis zu ihrer Flucht 1944 leitete. Die Hamburgerin hatte bereits 1939, frisch von der Hamburger Hochschule für Bildende Künste gekommen, die Töpferei bei einem Praktikum kennengelernt. 1943 legte sie ihre Meisterprüfung vor der Handwerkskammer in Königsberg ab. Nach dem Krieg baute sie zusammen mit ihrem Mann eine eigene

В настоящее время керамику в стиле Ласденена продолжает Керстин Вебер в своей мастерской в Вердоле в Северной Рейн-Вестфалии. Керстин в середине 1960-х годов приобрела каталоги с фотографиями и книги с образцами изделий, которые принадлежали мастерской Ласденена. Продукция мастерской госпожи Вебер регулярно представляется на ежегодных музейных рынках Государственного музея Восточной Пруссии в Лüneбурге.

Источник: [http://wiki-de.genealogy.net/Ziegelei Danielczick aus Lasdehnen/Haselberg](http://wiki-de.genealogy.net/Ziegelei_Danielczick_aus_Lasdehnen/Haselberg)

47. Подвиг врачей и священников в годы первой мировой войны.

Подвигу фронтовых врачей и священников в 1914-1918 годах посвящена статья действительных членов Общества православных врачей Санкт-Петербурга Николая Федоровича ЖАРКОВА и Татьяны Вениаминовны ЖАРКОВОЙ.

«У людей, не имеющих исторической памяти развития своего государства, не помнящих своего родства, забывших Бога, разлюбивших Отечество, развивается порок нравственной памяти, ведущий к оскудению умов, к деградации общества».

Митрополит Иоанн (Снычев)

Войны всегда являются бедой для любого народа. Мировые войны — трагедия всего человечества.

В Первую мировую войну (1914-1918) санитарные потери в Императорской Русской армии превысили 9 млн человек, число заболевших и лечившихся в лечебных учреждениях России составило почти 5 млн.

Императорская военно-медицинская академия

Военные врачи являлись не просто участниками войны, а были ведущими фронтовыми специалистами. Они разрабатывали новые методы лечения, совершенствовали организационные мероприятия по эвакуации раненых, размещали свои наблюдения и методики лечения в медицинских изданиях.

Этот опыт имел огромное значение для отечественной медицины. Не менее важное значение имело во время Первой мировой войны военное духовенство, являвшее пример мужества и отваги для солдат и офицеров.

ВОЕННО-ПОЛЕВЫЕ ХИРУРГИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Врачей для российской армии готовила Императорская военно-медицинская академия в Санкт-Петербурге, а также медицинские факультеты университетов, которые при объявлении войны выпускали студентов старших курсов в должности «зауряд-военный врач».

Русским хирургом № 1 в области военно-полевой хирургии называют Николая Ивановича Пирогова. Его ученики достойно проявили себя на благо Отечества. Среди них всемирно известные врачи и ученые:

Владимир Андреевич Оппель (1872-1932) в Первую мировую войну, будучи уже опытным врачом, трудится хирургом-консультантом, много оперирует. В итоге приходит к убеждению о необходимости ранних оперативных вмешательств по поводу огнестрельных ранений.

Для лечения огнестрельных переломов длинных трубчатых костей В. А. Оппель предлагает проволоочный шов, соединяющий костные обломки (этот метод широко применялся и во время Великой Отечественной войны). На основе своего военного опыта в 1917 году он пишет труд «Организационные вопросы передового хирургического пояса действующей армии».

В годы Первой мировой войны именно В. А. Оппель сумел обосновать необходимость этапного лечения раненых. В последующие годы система В. А. Опделя утвердилась окончательно и на ее основе была разработана военно-медицинская доктрина.

Николай Александрович Вельяминов (1855-1920) окончил медицинский факультет Московского университета. В качестве зауряд-врача принимал участие в боевых действиях в русско-турецкой войне. В 1894 году получил придворное звание лейб-хирурга и назначен профессором академической клиники Виллие, где проработал почти 20 лет.

Н. А. Вельяминов, известный врач и ученый, академик медицины, тайный советник, с самого начала вступления России в Первую мировую войну принимает участие в работе Главного управления Красного Креста, а с 26 августа уже состоит в должности хирурга-консультанта при Ставке Главнокомандующего.

*Лазарет для раненых и больных воинов
Всероссийского союза городов*

Академик Вельяминов много работал в госпиталях действующей армии, руководил медицинской службой гвардии. Обобщив свой фронтовой опыт, он опубликовал книгу «В защиту антисептики при лечении огнестрельных ран на войне» (1917). Его труды по медицине (более 100 работ) не утратили научной ценности до настоящего времени.

*Проф. Н. А. Вельяминов на обходе
в детской клинике ВМА. 1911 г.*

За заслуги перед Отечеством Н. А. Вельяминов в 1905 г. получил звание тайного советника, а в 1907 году награжден Императорским орденом святой Анны I-ой степени. В годы Первой мировой войны Вельяминов работает в Главном управлении Красного Креста, а затем консультантом-хирургом при Ставке.

Николай Нилович Бурденко (1876-1946) — сын священника Пензенской губернии, окончив духовную семинарию, все-таки решает стать врачом. Будучи студентом-старшекурсником медицинского факультета Томского университета, Н.Н. Бурденко участвовал в Русско-японской войне 1904-1905 годах, выполнял обязанности санитаря, фельдшера, зауряд-врача на передовых позициях. Оказывая на поле боя помощь раненым, он сам был ранен в руку, однако отказался от помощи и продолжал перевязывать раненых. Был награжден Георгиевским крестом.

К началу Первой мировой войны Бурденко был уже крупным хирургом и сразу после объявления войны сформировал хирургический отряд для отправки на фронт. Вскоре он был назначен хирургом-консультантом Императорской армии и лично оказывал тяжело раненым неотложную хирургическую помощь.

Неоценима заслуга Н. Н. Бурденко в разработке нового метода лечения нейрохирургических раненых. Работая в организованном им госпитале в прифронтовом городке Жирардове (на территории сегодняшней Латвии), он предложил новый, так называемый открытый метод лечения ран мозга, который спас жизни тысячам русских солдат. Он постоянно был в работе. «Жить стоит лишь тогда, когда работаешь, а если не работаешь, то не стоит и жить» — вот девиз Н. Н. Бурденко, которому он был верен всю свою сознательную жизнь.

Миротворцев Сергей Романович
(1878-1949)

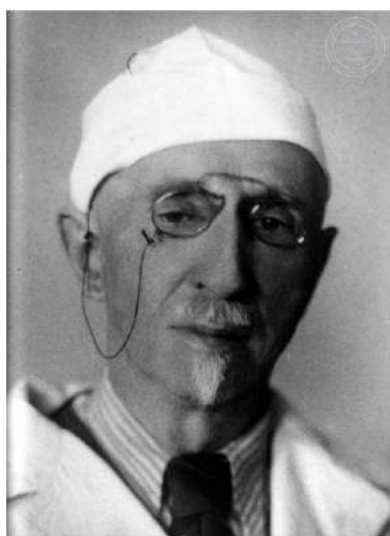
Сергей Романович Миротворцев (1878-1949) после окончания Харьковского университета отправляется врачом-добровольцем на русско-японскую войну. С этого времени вся его жизнь тесно связана с военно-полевой хирургией. На фронтах Первой мировой войны С. Р. Миротворцев показал себя не только превосходным хирургом, но и отличным организатором медицинской помощи раненым. В период боевых действий вышла в свет ценная и актуальная статья доктора Миротворцева «О ранениях осколками аэропланых и цеппелинных бомб», написанная ярко и доходчиво.

Опубликованная в военное время статья, была единственной работой по этой теме в медицинской литературе до 1941 года. За свою жизнь Сергей Романович прошел пять войн как участник, хирург и ученый. Награжден орденом Владимира 4-й степени с мечами.

Роман Романович Вреден (1867-1934) — сын известного петербургского врача, почетного лейб-отиятра. После окончания Императорской военно-медицинской академии работал хирургом, получил степень доктора медицины. С началом Русско-японской войны в должности хирурга-консультанта Николаевского военного госпиталя был направлен на Дальний Восток. Из-за контузии вернулся в Петербург и написал монографию «Практическое руководство по военно-полевой хирургии». С 1906 года он директор первого в России Петербургского ортопедического института. В годы Первой мировой войны Р. Р. Вреден — главный хирург Юго-Западного

фронта. В его ортопедический институт поступают воины с тяжелыми последствиями ранений, нуждающиеся в сложных восстановительных операциях. Под его руководством и при непосредственном участии разрабатывались новые методики операций, осуществлялась подготовка к протезированию. Сегодня Санкт-Петербургский институт ортопедии и травматологии носит его имя.

Николай Николаевич Петров (1876-1964) — выпускник Императорской военно-медицинской академии в 1914 году был призван в армию, где занимал должность хирурга-консультанта на разных фронтах. На основе личного военного опыта им написан фундаментальный труд «Лечение военных ранений» (1915). В тот же год доктор медицины, профессор Петров становится главным хирургом большого хирургического лазарета на 1000 коек, размещенного в Зимнем дворце, куда поступали самые тяжелые раненые.

Занимаясь научными исследованиями параллельно с лечением раненых, Николай Николаевич сформулировал тезис о первичном (в момент ранения) инфицировании огнестрельных ран и заявил о необходимости «своевременной первичной хирургической обработки ран с обязательным использованием антисептиков». Таким образом, в годы Первой мировой войны Н. Н. Петровым была опровергнута ошибочная теория немецкого хирурга Эрнста Бергмана о первичной стерильности огнестрельных ранений.

Герман Александрович Альбрехт (1878-1933) — уроженец Пскова, отцом его был простой служащий. В июне 1914 года Г. А. Альбрехт назначен главным врачом 105-го полевого госпиталя на Северо-Западном фронте, а через год становится младшим врачом Мариинского приюта увечных воинов в Петрограде, который вскоре реорганизуется в институт протезирования (1919). Здесь Герман Александрович создает собственную протезную мастерскую.

Сегодня Санкт-Петербургский научно-практический центр медико-социальной экспертизы, протезирования и социальной защиты Российской Федерации назван его именем.

Семен Семенович Гирголав (1881-1957) родом из Тифлиса (Тбилиси), из семьи служащего. После окончания (1904) Императорской военно-медицинской академии, он служит на флоте судовым врачом. Семен Семенович много занимался проблемами травматологии, создал классификацию ран. В 1916 году военврач С. С. Гирголав направляется в действующую армию, где на практике занимается организацией системы этапного лечения, созданной его учителем В. А. Оппелем.

ХИРУРГИ В ТЫЛУ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Сергей Петрович Федоров (1869-1936) окончил медицинский факультет Московского университета, основатель крупнейшей отечественной хирургической школы. Его называют «отцом русской урологии».

Впервые в России (1893-1894) он приготовил противостолбнячную сыворотку, а в 1904 г. первым использовал для общей анестезии внутривенный гедоналовый наркоз, который широко применялся в Первую мировую войну. За рубежом этот метод обезболивания получил название «русского наркоза». В Великую войну* врач С. П. Федоров в должности лейб-хирурга сопровождал Российского императора Николая Александровича и цесаревича Алексея в поездках на фронт.

С. П. Фёдоров с курсантами

Еще при жизни профессора его именем была названа 1-я хирургическая клиника Военно-медицинской академии, где установлена мемориальная доска в его память.

** Название «Первая мировая война» утвердилось в историографии только после начала Второй мировой войны в 1939 году. В межвоенный период употреблялось название «Великая война».*

Сергей Сергеевич Юдин (1891-1954) был студентом медицинского факультета Московского университета, когда началась Первая мировая война. В августе 1914 года он призван в действующую армию и отправлен на фронт в составе 5-го передового отряда Красного Креста. Работал зауряд-врачом в госпитале, оперировал раненых и даже участвовал в боевых операциях.

Фронтовые офицеры ценили личную храбрость Сергея Юдина, его ловкость и самоотверженность. Он трижды был ранен, один раз тяжело, за храбрость награжден Георгиевским Крестом.

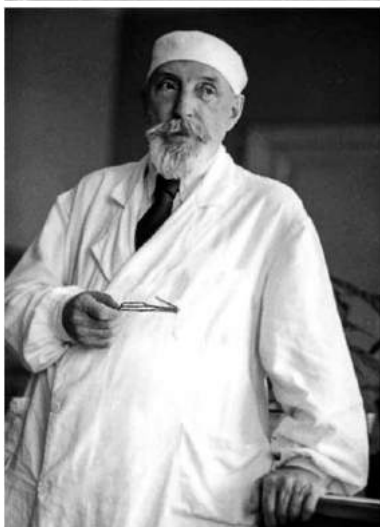
В 1915 году больницу для «чахоточных», где трудился С. С. Юдин, переоборудовали под госпиталь для раненых, в котором он развил активную деятельность, не только лечебную, но и хозяйственную.

Несмотря на значительные достижения в практической и научной медицине, своим детищем Юдин считал переливание трупной крови. Занимая должность главного хирурга института им. Н. В. Склифосовского, С. С. Юдин говорил, что хирурги должны в совершенстве овладевать разными подходами в лечении пациентов, и называл такую установку «поливалентной хирургией». Он регулярно присутствовал на богослужениях в Елоховском соборе.

В журнале посетителей клиники, где работал С. С. Юдин, сохранилась запись профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого: *«Хирург в прошлом, блестящему хирургу настоящего и будущего. Свидетельствую свое восхищение его блестящей техникой и неисчерпаемой энергией в строительстве новой хирургии нашей великой Родины».*

Леонид Георгиевич Беллярминов (1859-1930) — сын сельского священника Саратовской губернии. Заслуженный профессор, лейб-окулист, он был награжден всеми императорскими орденами от Станислава до Владимира. Во время 1-й мировой войны по предложению профессора Беллярминова были организованы и направлены в действующую армию три подвижных глазных отряда, а также созданы глазные отделения и лазареты в общехирургических госпиталях.

Владимир Петрович Филатов (1875-1956) 60 лет жизни посвятил офтальмологии. В 1914 году, непосредственно перед Первой мировой войной, он изобрел чрезвычайно действенный метод пересадки кожи с помощью, так называемого мигрирующего круглого кожного «филатовского стебля», который в годы войны и позднее избавил сотни тысяч людей от увечий, полученных при ранениях.

Этот метод пластических операций стал настоящим прорывом в восстановительной хирургии, и входит в сотню великих научных достижений России. Сегодня этим методом восстанавливают поврежденные ткани и устраняют обезображивающие дефекты хирурги во всем мире.

Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (1877-1961) по окончании медицинского факультета Киевского университета решает стать земским врачом. Его первая должность — фронтовой врач, первые пациенты — раненые на русско-японской войне солдаты. С началом Первой мировой войны в Переславле-Залесском хирург В. Ф. Войно-Ясенецкий возглавил земский лазарет для лечения раненых и больных воинов русской армии и пленных солдат противника. Несмотря на тяжелейшие условия работы, именно в эти годы он первым в России начинает применять местную анестезию в хирургических операциях на головном мозге, защитив в 1916 году докторскую диссертацию «Региональная анестезия»; одним из первых делает сложные полостные

операции.

В. Ф. Войно-Ясенецкий с персоналом

Священный Синод приравнял лечение раненых на фронтах Первой и Второй мировых войн хирургом-епископом Лукой к архиерейскому служению и возвел его в сан архиепископа в марте 1943 года. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) канонизирован Русской Православной Церковью в 2000 году.

СВЯЩЕННИКИ НА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ

Церковь всегда благословляла своих чад сражаться с врагами Отечества. Первая мировая война вызвала горячий отклик у всех слоев населения Российской империи. Естественно, что Русская Православная церковь поддерживала и всячески укрепляла патриотические чувства народа. Православные священники не только выполняли свои непосредственные обязанности, но часто сами являли пример мужества и отваги.

Немалую роль Церковь сыграла в укреплении тыла и организации снабжения армии.

Всего за годы Первой мировой войны 40 священников были убиты или умерли от ран, более 200 — получили раны и контузии, свыше 100 — пребывали в плену.

По штату каждый полк Русской Императорской армии имел православного священника. На начало 1914 года в армии насчитывалось 766 священников, 121 дьякон и 88 псаломщиков, общим числом 975 священнослужителей. Во время войны в армии служили свыше 5 тысяч священников.

Перед войной на Первом съезде военного и морского духовенства была разработана памятка-инструкция военному священнику, согласно которой помимо своих основных обязанностей (проповедь Евангелия и совершение Таинств), полковой священник должен был:

помогать врачу в перевязке ран;

заведовать выносом с поля боя убитых и раненых;

извещать родных о смерти воинов;

заботиться о поддержании в порядке воинских могил и кладбищ;

устраивать походные библиотеки.

Кроме того, военному священнику предписывалось собирать сведения о подвигах всех воинских чинов своей части, критически исследуя каждый случай. Местом пребывания военного священника был передовой перевязочный пункт.

Важна была роль священников и в укреплении боевой дисциплины. Еще осенью 1914 года вышел приказ командования, в котором особо отмечалось, что: «в цепях предупреждения распространения пропаганды революционного характера в батальоны будут назначаемы опытные священнослужители для совершения богослужений, ведения бесед и пастырского надзора за нижними чинами».

НАГРАЖДЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА

За отличия и пастырское служение на поле брани в годы войны священникам вручены 227 золотых наперстных крестов на Георгиевской ленте, 85 орденов св. Владимира 3-й степени с мечами, 203 ордена св. Владимира, 304 ордена св. Анны 2-й степени с мечами и 239 орденов св. Анны 3-й ст. с мечами.

Эти награды отражают доблесть и христианскую нравственность, жертвенность, подвижничество русского духовенства, которое разделяло с войсками все тяготы военного времени.

*Епископ Дмитровский
Трифон (Туркестанов)*

Два епископа были награждены во время Первой мировой панагией на Георгиевской ленте. Первым 26 февраля 1916 года стал епископ Дмитровский Трифон (Туркестанов), вторым — награжденный 1 июля 1916 года викарий Волынской епархии епископ Кременецкий Дионисий (Валединский).

*Епископ Кременецкий
Дионисий (Валединский).*

Подвиги военного духовенства в период военных действий, за которые награждались священники можно условно разделить на три типа:

1. Подвиг священника в решительные минуты боя, с крестом в поднятой руке, воодушевлявшего солдат продолжать сражение. Как правило, это происходило, когда бывали ранены или убиты офицеры полка.

Герой двух войн и мученик за веру — протоиерей Стефан Щербаковский во время Русско-Японской войны служил в 11-м Восточно-сибирском

стрелковом полку. В ходе битвы при Тюренчене погиб командир полка. Положение становилось критическим, и тогда отец Стефан встал перед строем стрелков на колени и три раза осенил бойцов крестным знаменем со словами: «Христос Воскресе!» Это пасхальное приветствие зажгло надежду в сердцах солдат. Воодушевившись, они все увереннее и громче отвечали своему пастырю: «Воистину воскрес!» Тогда священник, высоко подняв крест, воскликнул: «Вперед, за святое дело, за Отечество! Победим!» — и пошел на японцев впереди знамени полка, увлекая за собой солдат. Благодаря решительности своего пастыря, русские воины, исполнившись мужества, осуществили прорыв и вышли из окружения.

В этом сражении отец Стефан Щербаковский был дважды тяжело ранен, вынесен солдатами с поля боя, однако и в таком состоянии совершал чин отпевания. После лечения в госпитале вновь вернулся на фронт и продолжил свое пастырское служение.

С началом Первой мировой войны протоиерей Стефан Щербаковский становится полковым священником Кавалергардского Ея величества

Государыни Марии Федоровны полка. За храбрость, проявленную в боях у деревень Веббельн и Каушен (посёлок Междуречье Гусевского района) награжден орденом св. Владимира 3-й степени.

Священник 318-го пехотного Черноморского полка Александр Тарноуцкий, который сумел собрать остатки отступивших в тяжелом бою рот, и с крестом в руках повел их в атаку на врага. В этом бою батюшка погиб, награжден орденом св. Георгия 4-ой степени посмертно.

Старец Богородицко-Площанской пустыни Брянского уезда, служивший в 289-м пехотном Коротоякском полку, иеромонах Евфимий (Тулупов) также погиб в атаке.

Священник 9-го драгунского Казанского полка Василий Шпичак, увидев замешательство командования и солдат перед жестоким огнем противника, верхом на лошади первым повел полк в атаку, она была настолько стремительной, что опрокинутый враг обратился в бегство.

Иеромонах Амвросий (Матвеев) — полковой священник 3-го Гренадерского Перновского полка приказом от 13 сентября 1916 года был посмертно награжден орденом св. Георгия 4-й степени. В приказе написано: «Во время атаки 24 июня 1915 года пошел впереди полка с поднятым крестом в руках и был убит».

Протоиерей 154-го пехотного Дербентского полка Павел Смирнов возглавил атаку пехотинцев, когда полк потерял всех своих офицеров. В этом бою отец Павел остался живой, но потерял ногу.

Священник 429-го пехотного Илецкого полка Михаил Дудицкий в бою взял командование полком на себя и сам повел его в контратаку на противника.

2. Отличия священников, связанные с усердным исполнением своих непосредственных обязанностей в особых условиях.

Так, 70-летний иеромонах Антоний (Смирнов) Бугульминского Александро-Невского монастыря, будучи священником минного заградительного корабля «Прут», когда поврежденное противником судно уже шло ко дну, уступил свое место в шлюпке матросу, и, стоя на тонущем корабле в полном священническом облачении, благословлял отплывающую команду.

Описал этот подвиг и Г. К. Граф: «...Глаза всех еще оставались прикованными к палубе. Там виднелся отец иеромонах Антоний, который, стоя в полном облачении, осенял крестом находившихся в шлюпках».

Семидесятилетний пастырь (...) не захотел покинуть ни родной корабль, ни смертельно раненных, которых не представлялось возможным спасти. Вот уже и палуба стала уходить под воду, а еще через несколько минут «Прута» не стало. Только рябь морской волны выдавала место его гибели...»

Иеромонах Антоний стал первым священнослужителем, награжденным высшей воинской наградой Российской империи Императорским военным орденом святого великомученика и Победоносца Георгия.

Священник 115-й бригады государственного ополчения Николай Дебольский не прервал службы во время начавшейся вражеской бомбардировки.

Священник 15-го драгунского Переяславского полка Сергей Лазуревский не бросал службы всеобщего бдения под шрапнельным огнем до тех пор, пока не был контужен.

В 1915 году на Галицком фронте, когда иеромонах 311-го пехотного Кременецкого полка Митрофан совершал литургию, снаряд, пробив крышу и потолок алтаря, упал около престола. Отец Митрофан перекрестил чудом не разорвавшуюся бомбу и продолжал службу. Молящиеся остались рядом со своим батюшкой.

В 1915 году священник 237-го пехотного Грайворонского полка Иоаким Лещинский в полутора верстах от боя совершал молебен о даровании победы. Внезапно, как писали в газетах того времени: «снаряд ударил в крыло паперти и, отхлынув чудом Божиим, сразу в углу в пяти шагах разорвался». В храме выбило все стекла. Батюшка продолжил службу. Среди трехсот молящихся никто не пострадал.

Священник 6-го Финляндского полка Андрей Богословский, стоя на пригорке, благословлял каждого подходившего к нему воина. Началась стрельба. Вражеская пуля попала в дароносицу, висевшую у него на груди и отскочила в сторону, не причинив ему вреда.

Священник 183-го пехотного Пултусского полка Николай Скворцов, узнав, что в занятом неприятелем селе есть убитые и раненые, добровольцем пошел туда для напутствия и погребения. Своим примером он увлек за собой нескольких санитаров и выполнил свой священнический долг.

3. Подвиги духовенства, присущие всем армейским чинам.

Первый в войне наперсный крест на Георгиевской ленте получил священник 29-го пехотного Черниговского полка Иоанн Соколов за спасение полкового знамени. Крест вручил император Николай II, о чем сохранилась запись в личном дневнике царя.

Иерей 159-го пехотного Гурийского полка Николай Дубняков, заменив убитого начальника обоза, взял командование обозом на себя, и доставил боеприпасы до места назначения.

Священник 58-го пехотного Прагского полка Парфений Холодный «вместе с тремя другими чинами, случайно столкнувшись с австрийцами, вышел перед неприятелем с иконой «Спас Нерукотворный» и уговорил сдаться в плен солдат (23 человек) и двух офицеров противника» (из газет).

Список воинских подвигов священства, конечно, неполный.

В качестве военных пастырей и проповедников на войне побывали: архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе); архимандрит Нестор (Анисимов) — в то время священник лейб-гвардии Драгунского полка, который организовал санитарный отряд «Первая помощь под огнем врага».

Ходил с крестом в атаку и иеромонах Николай (Ярушевич), священник лейб-гвардии Финляндского полка. Впоследствии двое последних стали митрополитами.

Проповедником Особой армии на фронте был архимандрит, а впоследствии архиепископ священномученик Петр (Зверев).

Те же обязанности в 1-й армии выполнял протоиерей Валентин Свенцицкий, также претерпевший гонения и умерший в ссылке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на личную доблесть большинства военных пастырей, нейтрализовать большевистскую пропаганду и остановить духовное разложение русской армии уже было невозможно. Всего за несколько месяцев 1917 года русское христолубивое воинство перестало быть не только «христолубивым», но и «воинством».

Толчком к развалу армии послужил приказ Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов № 1, опубликованный 1 марта 1917 года. Согласно приказу, все воинские части подчинялись не офицерам, а своим выборным комитетам из нижних чинов и Совету. В результате произошло резкое падение дисциплины и боеспособности русской армии.

Новая власть не нуждалась в военных священниках. В 1918 году статус военных священников был упразднен, их место заняли комиссары. В России началось осознанное попрание Бога в человеке. Только в последнее время стали обнаруживаться имена священников, участвовавших в Первой мировой войне, и совершенные ими подвиги.

События 1917 года катастрофически изменили как всю Россию в целом, так и личную жизнь каждого русского человека. Очень немногим военным пастырям удалось пережить гонения. Часть священников, а также врачей и медсестер, трудившихся на фронтах Первой мировой войны, были вынуждены покинуть Родину.

Знания, колоссальный научный потенциал, практический опыт оказались ненужными в условиях нового государственного строя. Не легкий жребий выпал и тем, кто остался в России. Многие, лучшие люди своего Отечества, стали жертвами репрессий. Среди них священнослужители и наши коллеги, врачи, участники Первой мировой войны. Вечная им память!

Материал для доклада на собрании Общества православных врачей от 22.03.2016 года взят из журнала «Церковь и медицина». Подготовила Анна Константиновна Фурсова.

<https://hramsergiy74.ru/news/podvig-vrachey-i-svyashhennikov-v-godyi-pervoy-mirovoy-voynyi.htm>

48. Эрвин Шпер (Erwin Spehr). Об истории района Пиллькаллен/Шлоссберг. Продолжение...

Глава 14. Великие реформы начала XIX века

После краха прусского государства и вывода французских войск в 1807 году король Фридрих Вильгельм III собрал вокруг себя основательных, способных и дальновидных людей с целью провести необходимые интенсивные реформы для внутреннего и внешнего преобразования как самого государства, так и общества в целом. Эти реформы, охватившие все сферы жизни, в первую очередь связаны с именами Штейна, Харденберга, Гумбольдта, Шарнхорста, если называть только самых важных.

Карл Август фон Харденберг

Карл Фрайхер фон Штейн

Главными инициаторами прусских – ряда конституционных, административных, социальных и экономических реформ стали Карл Фрайхер фон Штейн и Карл Август фон Харденберг.

Реформы Штейна-Харденберга явились первыми шагами к объединению Германии и основанию Германской империи, к такому выводу пришли немецкие историки в середине XX века, анализируя реформаторское движение начала XIX века.

Реформы стали реакцией на поражение пруссаков в битве при Йене-Ауэрштедте в 1806 году с Наполеоном I, которое в конечном итоге привело ко второму Тильзитскому договору (в Тильзите были подписаны два соглашения в июле 1807 года – Франко-Русский договор от 7 июля, заключённый между Наполеоном и российским императором Александром I на плотах посреди реки Неман, и Франко-Прусский договор от 9 июля, заключённый между Наполеоном и

королём Пруссии Фридрихом Вильгельмом III уже в Тильзите), по которому Пруссия потеряла около половины своей территории и была вынуждена выплачивать огромную контрибуцию Франции. Чтобы произвести выплаты огромной суммы, правительству необходимо было рационализировать свое управление.

Поражение и подчинение Пруссии продемонстрировали слабость её абсолютно монархической модели государственности и исключили ее из числа великих держав Европы. Для возвращения себе статуса великой державы, с 1807 года Пруссия инициировала реформы, основанные на идеях Просвещения и в соответствии с реформами в других европейских странах. Они привели к реорганизации правительства и администрации Пруссии и изменениям в правилах торговли сельскохозяйственной продукцией, включая отмену крепостного права и позволение крестьянам становиться землевладельцами. Промышленная реформа была направлена на поощрение конкуренции, подавляя таким образом монополию гильдий, объединения ремесленников и торговцев. Экономическая политика конца 18 века была

направлена на максимальное увеличение экспорта и минимизацию импорта, так называемый меркантилизм, чья политика ещё с 16 века часто приводила к войнам и мотивировала колониальную экспансию. Меркантилизм должен был дать Пруссии определенную степень самодостаточности, обеспечивающий себя без внешней поддержки, и предоставить достаточную выработку излишек для экспорта. Интересы государства требовали, чтобы его подданные

имели хорошее здоровье, хорошо питались, а сельское хозяйство и производство делали страну независимой от зарубежных стран, в то же время позволяя ей иметь деньги за счет экспорта излишков. Однако промышленность оставалась очень ограниченной, с жестким государственным контролем. Торговля была организована монополией гильдий, а налоговые и таможенные законы были сложными и неэффективными.

Абсолютистская система укреплялась, реформы Фридриха II по преобразованию государства затормозились. После поражения 1806 года финансирование оккупационных войск и военных компенсаций оказали давление на экономику Пруссии. В результате проводимых реформ в начале 19 века администрация Пруссии была децентрализована, а власть дворянства уменьшена.

Параллельно Герхардом фон Шарнхорстом, Августом Нейдхардтом фон Гнейзенау и Германом фон Бойеном (родился в Кройцбурге, посёлок Славское Багратионовского района) проводились военные реформы, а также и образовательные реформы Вильгельма фон Гумбольдта.

Гнейзенау ясно дал понять, что все эти реформы были частью единой программы, заявив, что Пруссия должна заложить свои основы в «трехликой ипостаси оружия, знаний и конституции». Трудно установить, когда реформаторское движение завершилось – в области конституции и внутренней политики, в частности, 1819 год стал поворотным моментом, тогда тенденции преобразований взяли верх над конституционными. Реформы, несомненно, модернизировали Пруссию, однако их успехи были неоднозначными, а результаты противоречили первоначальным пожеланиям реформаторов. Реформы сельского хозяйства освободили

некоторых крестьян, но либерализация землевладения обрекла многих из них на нищету. Привилегии дворянства уменьшились, но его общее положение укрепилось.

Из множества реформ отмена крепостного права имела особое значение для сельскохозяйственной Восточной Пруссии. Корни этой реформы уходят в прошлое. Фридрих Вильгельм I в 1719-20 году уже объявлял об отмене крепостного права для крестьян, возделывающих королевские (государственные) земли.

В 1763 году Фридрих II издал подобное постановление относительно уже всех, включая фермеров, возделывающие земли частных собственников – дворян, а также церковные и городские земли. Фермер, таким образом, хотя и являлся свободным человеком, но сохранялась его сильная экономическая и личная зависимость от землевладельца, сохранялись и имущественное

или наследственное право за собственником земель. Первый шаг к фактическому освобождению крестьян совершил Фридрих Вильгельм III еще до Наполеоновских Войн. В 1799 году он приказал упразднить трудовые колонии шарверков.

В свою очередь, от фермеров требовалось оплатить своё освобождение арендаторам доменов, так называемую компенсацию за потерю рабочей силы. Поэтому понятно, что, вопреки ожиданиям, не все фермеры вздохнули с облегчением. Крестьянское освобождение было прервано войной, но к 1808 году оно было практически завершено: обременительная трудовая повинность шарверка на доменных владениях ушла в прошлое. Остальные же обязательства пока оставались.

Сразу после заключения Тильзитского мирного договора в 1807 году в качестве следующего шага стала отмена наследуемой крепостной зависимости для всех крестьян. Но этого было недостаточно, потому что какой толк в личной независимости, если вы не можете свободно распоряжаться своей собственностью? Вот почему в 1808 году последовала сама суть реформы: передача собственности (имущества или земли). Каждый землевладелец получал грамоту на безвозмездной основе подтверждение во владении имуществом, которым пользовался, уже в качестве его частной собственности. Эта бесплатная передача земли и хозяйственных построек была задумана государством как компенсация за понесённые тяготы военного времени и французской оккупации.

Великие реформы начала 19 века называют в честь их лидеров Штейна и Харденберга, но они также были плодом сотрудничества между экспертами, каждый со своей специализацией. Одним из этих экспертов был Генрих Теодор фон Шён, который последовал за Штейном, сопровождавшего прусское правительство в Кёнигсберг после поражения Пруссии при Йене и Ауэрштедте.

Именно туда Теодор фон Шён привнес свои знания о крепостном праве, и именно его трактат помог Штейну написать октябрьский указ 1807 года об отмене крепостного права. В отличие от Штейна, Шён поддерживал большую либерализацию землевладения – для него экономическая рентабельность была на первом месте, даже если это было в ущерб крестьянам. С 1816 года Шён стал оберпрезидентом сначала Западной Пруссии, а восемь лет спустя – всей провинции Пруссии. Около 40 лет Теодор фон Шён посвятил себя экономической и социальной жизни провинции, которой впоследствии он управлял.

Итак, весь инвентарь хозяйства, как в рабочем, так и в нерабочем состоянии, был передан новым владельцам. В то же время все остальные обязательства, например, транспортировка зерна и леса, работы в лесном хозяйстве и по запросам замка, а также снабжение продуктами, например, гарнизоны, были заменены на денежные выплаты. В результате за освобождение от обязательств была получена значительная сумма денег.

Четверть этой суммы осталась в виде неизменного ежегодного налога на недвижимость. Большая часть этой суммы была капитализирована и требовалось её погасить 24 ежегодными платежами.

В целом освобождение принесло крестьянам значительное облегчение и к тому же полное владение землей и хозяйством, но, с другой стороны – финансовое бремя, которое было примерно в два-три раза выше прежнего. Это налоговое обязательство достигло предела работоспособности крестьян. Теперь каждый малый кризис приводил к большим проблемам, землевладелец теперь не проявлять заботу.

В том районе округа Пиллькаллен, который относился к Гумбинненскому управлению, передача прав собственности и начисление новых налогов завершились к 1813 году. Фермеры стали работать как независимые предприниматели. Но не все справились с новой свободой. В годы бедствий после 1813 года многие фермеры не смогли платить ежегодные суммы. Проблема обострилась, когда Англия, основной покупатель прусского зерна, прекратила импорт, и теперь цены на зерно упали из-за избытка предложения. Возросла задолженность крестьян, увеличивалась безработица среди наёмных работников в сельском

хозяйстве. Все больше фермерских дворов приходилось выставлять на аукцион, в результате чего, в свою очередь, цены на землю снижались. Произошел великий сельскохозяйственный кризис 1823-1827 годов.

Государство пыталось помочь фермерам различными мерами. В некоторых случаях фермеры могли привлекаться на государственные чрезвычайные работы, например, строительство дорог, улиц и каналов, за счёт которых могли отработать свои долги, в каких-то случаях – это проценты за просрочку, в других – возможность уменьшить сумму долга. В тоже время предоставлялось содействие в развитии овцеводства, чтобы снизить зависимость от зерна. Кризис был наконец преодолен, и с 1830 года сельское хозяйство в округе Пиллькаллен начало расти.

Одновременно с аграрной реформой началось упорядочивание лесного хозяйства. Лес стали развивать как экономическую зону по производству древесины. Крестьянам отменили право возделывать лесные луга.

Однако 17 января 1818 года лесное хозяйство сильно пострадало. Страшный зимний ураган пронёсся над Восточной Пруссией и нанес огромный ущерб всем лесным массивам в правительственном округе Гумбиннен, за исключением лесов, расположенных на Мемеле, – все имевшиеся пихтовые ели были потеряны.

Пиллькаллен сообщил, что ураган повредил все ветряные мельницы с первой же попытки. Ширвиндтская хроника поведала, что помимо значительных повреждений были разбиты магазин, 15 амбаров и две ветряные мельницы.

Аграрная реформа была важнейшей, но не единственной мерой экономического обновления. Другой прогрессивной реформой было введение свободы предпринимательства. Прежние классовые барьеры между крестьянами, горожанами и дворянами были сняты, в частности, была разрушена власть гильдий. Теперь крестьянин или дворянин могли заниматься в городе предпринимательством. И в тоже время горожанин или крестьянин могли приобрести дворянское поместье. Кроме того, были введены налог на прибыль и персональный налог с дохода.

Еще одним направлением реформы была административная. Здесь тоже предполагались ответственные самоуправления. Ключевым элементом стал введенный в ноябре 1808 года порядок самоуправления в городах – реформа городов, согласно которой граждане, имеющие право голоса, теперь избирали городской совет и магистрат сроком на 6 лет каждый. В том же году в Пиллькаллени вступил в действие этот порядок. Первым мэром, избранный таким образом, был Луккенбах. В Ширвиндте годом позже по новым правилам был избран мэр Грубер.

В 1815 году произошло государственное деление на провинции и административные округа. Также был реорганизован нижний административный уровень: прежние доменные образования, как административные единицы, были упразднены, и сформированы округа.

1 сентября 1818 года считается днём рождения округа Пиллькаллен (с 1938 года Шлоссберг). Из уже существовавших семи приходов Малльвишкен/Малльвен (посёлок Майский Гусевского района), Куссен (посёлок Весново), Пиллькаллен/Шлоссберг (посёлок Добровольск), Ласденен/Хазельберг (город Краснознаменск), Шилленен/Шилфельде (посёлок Победино), Виллунен (поселения не существует) и Ширвиндт (посёлок Кутузово) был образован округ. Первым ландратом – районным администратором, был В. Флоттуэлл. Границы округа Пиллькаллени в последующие периоды менялись незначительно.

Примерно в середине 19 века деревня Камантен стала частью района Рagnит, а в 1937 году Вандлаушен/Биркенрид (посёлок Лощинка Гусевского района) – частью района Гумбиннен.

Также следует упомянуть о серьёзных реформах в школьном образовании. К моменту великих реформ начала 19 века в округе Пиллькаллен уже существовало множество церковных и сельских школ, но уровень общего образования оставлял желать лучшего. В основном это было связано с преподавательским составом, который, помимо учителей церковных школ, которых готовили в семинариях, по обыкновению состоял из ремесленников, солдат или служащих – выходцев из мирян. Да и к тому же из-за очень низкой оплаты даже этих учителей было крайне мало. Кроме того, сельское население часто игнорировало обязательное школьное обучение, не понимая необходимости в нём.

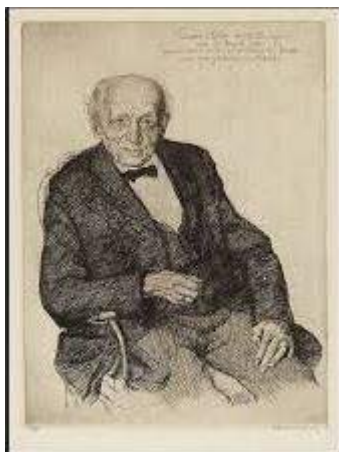

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 011804
 Luisenberg, Kreis Insterburg, MT13097-3.
 Das "Weiße Haus" des Lehrerseminars, später Kinderhaus II. (1924-1925). ©

В качестве повышения профессиональной подготовки учителей в рамках образовательных реформ 1811 года в Инстербурге был основан первый учебный институт для учителей начальной школы.

В результате школьной реформы школа и молодёжь должны были отныне пропитаться новым духом – духом Песталоцци, создателя теории элементарного природо-сообразного воспитания и обучения. Эта сторона жизни не

осталась без внимания королевы Луизы, которая находилась в годы изгнаний в Кёнигсберге и участвовала в школьной реформе.

Приверженцев знаменитого швейцарского педагога Иоганна Генриха Песталоцци в Кёнигсберге было много. Все они полагали, что метод Песталоцци является самым лучшим и безошибочным средством облагораживания людей – как детей, так и взрослых. Но чтобы ввести этот метод в школы, требовалось обучить сначала самих учителей. С этой целью в Кёнигсберг в 1809 году пригласили Карла Августа Целлера – одного из лучших учеников знаменитого педагога Песталоцци. Его сочинение прочитал военный советник, юрист и поэт Иоганн Георг Шеффнер, представил его канцлеру Шрёттеру, а канцлер передал сочинение Целлера королеве Луизе.

Королева постоянно размышляла о том, как могла бы поспособствовать внутреннему развитию Пруссии, и распорядилась о приглашении Целлера. Его назначили школьным советником и наделили большими полномочиями для организации так называемых «нормальных институтов» для обучения учителей. Первый из них был создан в королевском сиротском приюте у Закхаймских ворот в Кёнигсберге уже через месяц после прибытия Целлера в город.

Деятельность Целлера не оставалась без внимания королевского двора: 26 ноября 1809 года институт посетил Вильгельм фон Гумбольдт с двумя принцессами в сопровождении более чем 30 дам, а 7 декабря – королевская чета вместе с двумя своими старшими сыновьями.

К сожалению не только королевы, но и других сторонников Песталоцци, Целлер не оправдал возлагавшихся на него надежд. И через год его лишили руководства институтом.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 011795
 Luisenberg, Kreis Insterburg, MT13097-3. Blick vom Ziegenrücken. (1910-1920), © F. Schönaeck, Insterburg

Но ему не давало покоя полученное у великого швейцарского педагога образование. Целлер был полон идей. Ему удалось найти меценатов, которые выкупили Двор Хагена под Инстербургом в районе поселка Каралене, еще ранее Куметшен, в официальных документах часто назывался Аугшткуммечен (посёлок Зелёный Бор под Черняховском) и основали здесь

учительский семинар Каралене, в переводе с литовского означает «королева», причем это место позднее получит название в честь королевы Луизы после её смерти. 17 октября 1811 года был основан учительский семинар, начавший свою работу двумя годами позже. Были набраны 25 воспитанников, которые получали начальное образование, а с 17 лет получали образование сельских учителей, при этом они умели делать крестьянскую работу лучше, чем простые крестьяне. Воспитанники были образованны, физически крепкими, благодаря прекрасному физическому воспитанию. Полученное воспитание и навыки работы в великолепном саду и на пасеке делали воспитанников уважаемыми людьми во время работы в сельской местности. Ни один праздник в Гумбиннене или Инстербурге не проходил без великолепного оркестра скрипачей из Каралене, позднее названного Луизенбергом, опять же в честь незабываемой королевы Луизы. Очень многие учителя после работы в Каралене получали повышение по службе. С 1924 года город Инстербург стал использовать здания семинарии под дома отдыха и для престарелых.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 011807
 Luisenberg, Kreis Insterburg, MT13097-3.
 Das "Neue Haus" des Lehrerseminars, später Kinderhaus I. (1924-1925), ©

Первоначально преподавание в семинарии велось на литовском языке, позднее – на немецком и литовском языках. В 1820-1832 годах в семинарии преподавал Вильгельм Мендель (1799-1869), издатель и главный редактор известной польской газеты на Мазурах. В 1857 директором семинарии был назначен преподаватель Карл Бенджамин Захариас.

С 1859 года в актовом зале семинарии проводились богослужения собственного прихода евангелической церкви, церковные книги которого велись с 1860 по 1919 год.

Сохранившаяся надпись на здании гласит: *«Даже юноши устанут и утомятся, молодые упадут от изнеможения; но надеющиеся на Господа наберутся новых сил. Они воспарят на крыльях, словно орлы, побегут – и не утомятся, пойдут – и не устанут».*

К 1911 году семинария подготовила 2208, а к 1926 году – 2385 выпускников. В семинарии учились дети, в основном сироты и из малообеспеченных семей.

Реформы начала XIX века снова превратили Пруссию в прогрессивное государство. Они стали популярными за пределами границ Пруссии и часто становились образцами для соответствующих усилий в других немецких государствах.

49. Эрвин Шпер (Erwin Spehr). Об истории района Пиллькаллен/Шлоссберг.

Продолжение...

Глава 15. Сто лет мира перед Первой мировой.

После наполеоновских войн провинция Восточная Пруссия пережила период мира, который длился более ста лет. Важнейшие политические события 19 века происходили далеко за пределами этой провинции. Даже революционные волнения 1848 года не вызывали особого волнения в Пиллькаллене/Шлоссберге (посёлок Добровольск). Однако войны 1864, 1866 и 1870/71 годов требовали жертв от округа Пиллькаллен, но не затронули его напрямую. С созданием Империи в 1871 году Восточная Пруссия стала частью великого единого государства – Ватерланда (Vaterland).

После того, как сельскохозяйственный кризис был преодолен примерно в 1825 году, положение медленно, но стабильно улучшалось, хотя в 1840-х годах все еще были неудачи. Одной из основных причин этого положительного развития, несомненно, было прогрессивное для того времени «разделение» по единому типу консолидации, проходившее между 1825 и 1850 годами, что и положило конец аграрной реформе. После передачи права собственности крестьянам, в ведении смешанного трехполевого земледелия на различных полях ничего не изменилось.

У каждого фермера были свои пахотные полосы на трех полях, из-за отсутствия тропинок между участками, их возделывание производилось одновременно и совместно со всеми крестьянами. Пастбища, леса и карьеры принадлежали деревням и использовались коллективно. Эта зависимость рабочего процесса от деревенской общины все чаще воспринималась более опытными фермерами как препятствие. Но выделение, то есть отделение своей земли из общих полей, для одного фермера было невозможно и в тоже время недоступно. Но если все крестьяне соглашались, тогда оценивались земли деревенской общины с точки зрения качества почвы и делилась так, чтобы каждый фермер получил по возможности свою собственность целиком. Недостатки более бедной почвы или большего расстояния от деревни компенсировались более крупными полями. Теперь каждый фермер мог заниматься своим полем независимо от других по своему собственному графику. Вот только после этого крестьянин становился свободным и самостоятельным предпринимателем.

Со временем это разделение привело к серьезным изменениям в картине культурного ландшафта, а именно к частичному упразднению единичных поселений. Фермеры, чья собственность находилась далеко от поселений, вскоре отказались от своих старых фермерских дворов и строили на своих территориях новые, как позже стали называться, колонии. Старый двор использовался либо для наёмных работников,

либо продавался ремесленникам или кётнерам (жителям кёте – хижин). В течение XIX века более половины фермеров «расширились», как тогда говорили, в Восточной Пруссии. Возник типичный для округа Пиллькаллен ландшафт с многочисленными отдельными двориками, окруженными деревьями и садами. Остальной довольно равнинный пейзаж приобретал приветливый и дружелюбный вид. Нередко в старых деревнях оставались несколько крестьян, ремесленников, торговцы, трактир и школа. А некоторые небольшие фермерские деревни растворились и превратились в разрозненные поселения.

Преимущества этого развития, финансируемого государством, были очевидны, и ожидаемый подъем в сельском хозяйстве был неизбежен. С другой стороны, бесчисленные разделы земель привели к обеднению деревенской культуры и общественной жизни, поскольку совместная работа на полях прекратилась, теперь каждый работал на себя, вдали от соседа. Общение долгими зимними вечерами за полезным рукоделием снизилось. Дорога в школу для детей была длиннее и труднее, особенно зимой.

В этот период стали появляться как крупные, так и малые фермерские хозяйства, что оказало на стремительное развитие сельского хозяйства. До того момента, как фермеры стали собственниками земли, в деревне каждый имел равное количество земли, а кооперативное ведение хозяйства не стимулировало конкуренции и, следовательно, не существовало больших различий между богатыми и бедными. Однако многие фермеры не выдерживали конкуренции в условиях свободного

хозяйства. Некоторым пришлось продать поля, чтобы рассчитаться за высокие пошлины. А опытные фермеры в тоже время получали прибыль, скупая поля по выгодной цене, и тем самым увеличивали свои владения. Со временем количество полновластных фермеров стало уменьшаться в пользу более крупных хозяйств, а процент мелких собственников среди сельского населения (собственники хижин, наёмные работники, вольные люди) увеличился. Смелые фермеры все чаще переходили от простого трехпольного земледелия к более производительному возделыванию собственного хозяйства. Этому развитию способствовало введение искусственных удобрений (в данном сопроводительном материале упомянули, что в районе фермерской деревни Куссен располагалось образцово-прибыльное хозяйство Фридриха Шмальца, оказавший вклад во всех областях сельского хозяйства, и имевший высокую репутацию в Восточной Пруссии и во всех странах Балтии).

Еще одной причиной экономического подъема стало расширение транспортных путей. До 1816 года в Восточной Пруссии не было понятие «шоссе» (искусственных дорог, покрытых щебнем). Существующие дороги и мосты были в плохом состоянии, деревенские дороги весной и осенью были непроходимыми. Лишь в середине XIX века появилась расширенная дорожная сеть, частично внедрённая в рамках государственных чрезвычайных мер. Дорога из Рагнита (город Неман) через населённые пункты округа Пиллькаллен

– Шпуллен (посёлок Февральское), Пиллькаллен (посёлок Добровольск) и Виллунен (поселение не существует) – в Ширвиндт (посёлок Кутузово) была завершена в 1856 году, позже дорога из Гумбиннена через Куссен (посёлок Весново) в Пиллькаллен. Интенсивно строились также окружные дороги с твердым покрытием, например, дороги от Пиллькаллена до Ласденена/Хазельберг (город Краснознаменск) и Шталлупёнен/Эбенроде (город Нестеров), а также более дешевые дороги с гравийным покрытием в качестве соединительных маршрутов. Как и старые дороги, новые были засажены деревьями с обеих сторон. Эти придорожные аллеи были и остаются типичными для культурного ландшафта Восточной Пруссии.

Лишь в 1892 году Пиллькаллен был связан железнодорожной сетью от Шталлупёнена до Тильзита. На рубеже веков по инициативе частных лиц была построена Пиллькалленская малая железная дорога – узкоколейка «Pillkaller Kleinbahn». Ширина колеи малой железной

дороги после 1918 года была увеличена с 0,75 м до 1,00 м. Она соединяла районный город Пиллькаллен/Шлоссберг с Ласдененом/Хазельберг, затрагивая многочисленными поворотами множество населённых пунктов. Ответвления вели в Ширвиндт и в Дористаль (посёлок Разино, с 1992 года не существует) через Шилленен/Шилфельде (посёлок Победино). Необходимые земельные участки для прокладки узкоколейки в большинстве своем бесплатно предоставлялись муниципалитетами и землевладельцами. Этот небольшой поезд в основном использовался для сельскохозяйственных транспортных задач.

Можно говорить и о позитивном развитии в культурном плане. Из-за неуклонного роста населения в 19 веке постоянно открывались новые школы и классы. В 1886 году в округе было 83 сельских и 4 городских школы. Из сельских школ 64 были одноклассными, 14 двухклассными и 5 трехклассными. Сеть школ была теперь настолько плотной, что только 7%

школьников имели расстояние до школы более 3 км. Тем не менее, есть сообщения о неудовлетворительном школьном обеспечении. Согласно официальному регламенту, в одном классе должно обучаться не более 80 учеников. Однако в районе было 6 одноклассных школ с более чем 100 учениками. В Ласдинелене/Зоммерсвальде (посёлок Мичурино) училось 137, а в Диксшене/Линдбах (посёлок Абрамово) – 129 учеников всех возрастов в одном классе.

Также были увеличены приходы, но уже не придерживаясь границ округа. Приход Гросс Варнингкен/Штайнكيرх (посёлок Заболотное Нестеровского района) включён в округ с 1863 года. Он был образован из поселений, входивших в приходы Пиллькаллен, Виллунен и Ширвиндт, а также из общин в соседнем районе Шталлупёнен/Эбенроде. Церкви в Гросс Варнингкене до 1895 года не было. В 1901 году был основан самый молодой приход округа Гросс-Шореллен/Адлерсвальде (посёлок Саратовское), отделив северную часть прихода Пиллькаллен.

Для дальнейшего развития церковного обеспечения вновь образованные приходы округа Пиллькаллен были переданы в состав церковных приходов соседнего района Рагнит. Еще в 1853 году более десятка деревень прихода церкви Куссен (посёлок Весново) перешли к соседней церкви Раутенберг (посёлок Узловое). А в 1902 году некоторые отдаленные общины прихода Ласденен/Хазельберг были переданы новым церквям в Ведерайтишкене/Сандкирхен (посёлок Тимофеево) и Траппёнен/Траппен (посёлок Неманское).

Районный город Пиллькаллен получил значительный импульс развития, благодаря интеграции его в шоссейную и железнодорожную сеть и подъему сельского хозяйства. В 1900 году в городе проживало уже 4000 жителей.

Однако до этого, 26 июля 1872 года, в Пиллькаллени произошел самый большой пожар в своей истории: его спровоцировали играющие

дети в хлеву. Засуха прошлых недель и сильный ветер привели к уничтожению 50 жилых и 85 подсобных домов всего за несколько часов.

В 1881 году в город пришла первая промышленная компания – завод сельскохозяйственных машин с литейным цехом Э. Дингера. Через год в Пиллькаллени была построена новая больница.

В начале 20 века в Пиллькаллени была средняя школа для мальчиков и девочек в дополнение к начальной школе с 12 классами, подготовительная школа для педагогических семинаров и коммерческая школа повышения квалификации педагогов. В 1929 году здесь же появилось сельскохозяйственное училище.

Из-за своего не совсем благоприятного приграничного положения не мог развиваться город Ширвиндт. Во время поездки по провинции в 1845 году король Фридрих Вильгельм IV побывал в Ширвиндте, тогда он решил подарить бедному городу новую церковь, и лично присутствовал на её открытии в 1856 году.

Во второй половине XIX века произошло развитие в северо-восточной Пруссии, а значит, и в районе Пиллькаллен, имевшее большое значение с точки зрения истории культуры, так называемое, языковое уравнивание. Это в значительной степени коснулось эмигрантов 18 века, прибывших из соседней Литвы, западной Восточной Пруссии и всех немецких областей, включая франкоязычную Швейцарию.

Ни в одной другой стране не могло быть большего разнообразия жителей, языков и диалектов, обычаев и традиций на такой маленькой территории, как здесь. Первоначально отдельные этнические группы по максимальной возможности старались жениться друг на друге, но уже через несколько поколений проживание в одних и тех же природных, пространственных и экономических условиях привело к единому образу жизни, одним и тем же привычкам, а, следовательно, к растущей адаптации и смешению. Так возникла народность, которую называют восточно-прусской.

*Девушка из Инстербурга, крестьянин из Рагнита,
1-я половина 18-го века.*

Помимо литовского языка, изначально в северо-восточной части провинции были представлены почти все немецкие диалекты. Однако удивительно, что смешанного диалекта не возникло. Даже широко представленные верхненемецкие диалекты, например, Зальцбурга, Франконии, Пфальца, через несколько поколений перестали использоваться и не оставили лингвистических следов. Помимо верхненемецкого, преобладал восточно-прусский нижненемецкий язык, хотя он не составлял большинства среди крестьян, владевших им. Считается, что ремесленники

и сельскохозяйственные работники, которые мигрировали с запада в Восточную Пруссию, помогли нижненемецкому диалекту проявиться здесь. К концу 19-го – в начале 20 века в северо-восточной части Восточной Пруссии на верхненемецком языке говорили в городах, а на нижненемецком и литовском – в сельской местности.

Литовский народ был единственным, кто благодаря государственной и церковной заботе долгое время сохранял свой язык. Однако на рубеже XIX и XX веков литовскоязычная часть населения быстро сократилась. Это подтверждают переписи населения. В районе Пиллькаллен в 1890 году около 12% людей назвали литовский своим родным языком, доля упала до 8,8% к 1900 году и до 5,9% – к 1910 году. В 1925 году на литовском языке во всем районе говорили только 616 человек, или 1,4%.

Причина этого сокращения не в сокращении численности данной группы населения. Разумеется, люди здесь остались, о чем свидетельствуют многочисленные немецкие жители с литовскими фамилиями. Скорее, они все чаще отказывались от своего языка, особенно молодые люди. Эта интеграция произошла без принуждения. Однако этот естественный процесс ускорили различные факторы.

После аграрной реформы и развития в стране транспорта люди стали более независимыми и мобильными. Они вышли из своих замкнутых деревень в города и другие районы Пруссии, где не говорили по-литовски. Конечно, помимо хозяйственного развития, на языковую среду влияли школьные уроки, военная служба, решение административных вопросов и публикации в прессе. Литовская этническая группа все больше осознавала, что использование немецкого языка является необходимой предпосылкой экономического успеха и социального статуса.

Продолжение следует...

50. Посёлок Заречное

В красивой местности в долине Шешупе на границе с большим лесом по дороге в северо-восточном направлении от Краснознаменска в сторону посёлка Пугачёво, а далее к реке Неман, расположился посёлок Заречное, бывший фермерский посёлок Тюльпенингкен

объединённый с восточной стороны с фермерскими деревнями Шилленёлен/Флюсвельде и Войтекатен/Остфюрст.

В конце 17 века эти места расчистили от редких деревьев на опушке леса и освоили в основном переселенцы из Литвы. Позднее кёльмеры выкупят дикие места и фермеры-шарверкбауэры создадут пахотные земли. Жители посёлка жили скромно, за счёт сельского хозяйства, но расположенный севернее лес Нойлубёнен, позднее Мемельский лес, предоставлял работы в Тюльпенингкенском лесничестве.

Простые деревянные дома фермерских деревень располагались по обе стороны основной проселочной дороги. Когда-то в этих местах над речными лугами стояла мельница. На востоке деревни граничили с лесом Тюльпенингкен. Луга на берегу Шешуппе были богатыми. Особое значение здесь имело пастбищное хозяйство. На другой стороне Шешуппе, всё ещё на территории Восточной Пруссии, находился Даргушенский лес, который чаще всего называли просто «Хайде» («Вереск»).

В Шилленёлене и Войтекатене река Шешуппе делала поворот на восток, где встречала границу империи. На этих землях Шешуппе полностью протекала по территории Германской империи. Сегодня этот район пустынный и обезлюдел, и кроме нескольких фруктовых деревьев вдоль проселочной дороги, почти ничего не осталось от этих деревень. В 1933 году в селе было 138 жителей, а в 1939 году их стало всего 129.

По воскресным дням жители-лютеране отправлялись в церковь Ласденен пешком, эти десятикилометровые прогулки длились целый день. После богослужения на одном из многочисленных постоянных дворов в Ласденене прихожане Шилленёлена и Войтекатена встречались с родственниками из окрестных деревень, где обсуждались важные семейные дела, а после таинства венчания велись строгие разговоры. Мальчики и девочки выезжали в церковь на обряды конфирмации на рабочей лошадке, избегая опасности дальнего похода. А местные католики выезжали в Шилленен (посёлок Победино), расположенный на большом расстоянии. Обычно поездка занимала весь день на лошади с телегой. А те католики, что были военнослужащими из Литвы, выезжали всем семейством на автомобиле.

Жители Шилленёлена и Войтекатена были коренными литовцами, но в тоже время почитали прусскую монархию. Помимо церковных праздников, день рождения императора был самым большим праздником в поселении. Дети учились в школе в Нью-Скардупёнен (посёлок Пугачёво) на севере. Почтовое отделение находилась в Тюльпенингкене. Ближайший вокзал в Ласденене. Шилленёлен принадлежал к административному округу Мейснерсроде/Юкнатен (посёлок Илловайское).

Шилленёлен не пострадал во время Первой мировой войны. Фермы тогда были разграблены российскими солдатами, но имущественного ущерба практически не нанесли. В ту зиму 1914-15 года сгорела школа в Ной-Скардупёнен (посёлок Пугачёво), были разрушены две фермы в Войтекатене, но Шилленёлен относительно легко пережил войну. Совершенно иначе было во время

Второй мировой войны: в ожесточенных боях за Пиллькаллен зимой 1944/45 года Шилленёлен был полностью разрушен. Лишь в Войтекатене, чуть южнее Шилленёлена, сохранилось несколько домов.

Тюльпенингкен был центральным местом для окрестных деревень. Здесь находились кроме почтового отделения, продуктовый магазин, гостиница, кирпичный завод и несколько ремесленных мастерских. До войны в селе Тюльпенингкен проживало 424 человека. Жители были заняты в фермерском, лесном хозяйстве и гидротехническом ведомстве.

Несмотря на живописную красоту, в деревни на Шешуппе редко приезжают туристы, от большинства которых практически ничего не сохранилось, исчезнувшие усадьбы заменили простые новостройки. Люди живут в простых условиях, кормятся богато цветущими садами и содержат всевозможный мелкий скот. Сельское хозяйство частниками развивается не охотно.

Лишь Шешуппе продолжает, как всегда, извиваться по разнообразному ландшафту, но многосторонних взаимоотношений, которые когда-то существовали по берегам реки от Восточной Пруссии до литовской стороны, больше не существует. Сегодня Шешуппе является внешней границей ЕС, и по обе стороны реки есть пограничные зоны, в которые можно попасть только со специальным разрешением.

Сохранились записи молодого лесничего Виктора Киттеля, служившего в 1940 году в Тюльпенингене, он с теплотой вспоминает свою недолгую службу в лесничестве.

«Я начал свое двухлетнее практическое обучение в качестве районного лесничего, претендуя на инспектора лесоводства, тогда это называлось карьерой государственного служащего среднего класса, 1 апреля 1940 года в районном Тюльпенингенском лесничестве. Это относительно короткое время молодого лесного чиновника было одним из самых прекрасных в моей жизни.

Лесничему в Тюльпенингене было очень одиноко.

Электричества не было, и единственным телефоном был индукционный датчик, который можно было использовать для связи между лесниками, используя разные сигналы. Служебное здание районного лесничества было частично облицовано деревом. Окна выходили на заботливо ухоженный сад лесного хозяйства – это были 80 акров сельскохозяйственных угодий. С той стороны воздух был наполнен приятными и пряными запахами овощей и специй, смешанными с ароматом целого моря летних цветов.

В уютный и домашний интерьер служебного жилья можно попасть через высокую деревянную веранду. Основным центром профессиональной жизни, а также встреч для игры в скат с коллегами, был рабочий кабинет районного лесничего. Стены были украшены изображениями с охотничьими мотивами, рогами большого оленя, рогами косуль и большим чучелом тетерева.

Внушительный книжный шкаф, в котором хранились изысканные произведения охотничьей литературы, дубовый деревянный стол, за ним кожаный диван, кожаное кресло, письменный стол с великолепной резьбой и несколько стульев с высокими спинками создавали обстановку. С потолка свисала многоярусная люстра, сделанная из прочных декоративных оленьих стержней.

В комнате, отделенной от кабинета двойной стеклянной дверью, дамы джентльменов, играющих с лесником в скат, проводили вечера за настольными играми. Кроме того, все двери вели в большую гостиную, где устраивали обеды, и в коридор – куда заглядывали гости в зеленых охотничьих одеждах, высокопоставленные правительственные чиновники, начальство из государственного управления лесного хозяйства Гумбиннена или друзья-охотники районного лесничего. Эти визиты всегда были особенными. Они наполнили дом волнением и любопытством, а комнаты и коридоры – голосами весёлых мужчин.

Летом 1941 года, после начала войны с Россией, я оставил пост районного лесничего, чтобы продолжить обучение в лесном управлении Мемельвальде (бывший Ной-Любёнен, посёлок Пугачёво). Мне пришлось на некоторое время отказаться от военной службы. Тогда я подумал, если меня не привлекут в ближайшее время, я опоздаю на войну, и поэтому тайно пошел добровольцем в Люфтваффе еще в 1940 году. Явившись 16 ноября 1941 года к инспектору лесничества, я увидел его, естественно, в ярости. Он сказал мне, что из-за нехватки персонала в лесном хозяйстве я имел освобождение, и, кроме того, будучи лесным стажёром можно присоединиться только к пехоте, а именно к «Ортельсбургским охотникам». Он пригрозил мне последствиями».

Источник: Тюльпенингкенское лесничество <http://wiki-de.genealogy.net/Tulpeningken>

На поселковом кладбище Тюльпенинггена был установлен памятник погибшим в годы Первой мировой войны 1914-1918 годов.

От памятника в посёлке Заречье сохранились основание в виде многоугольника из тесаных камней и элементы идущей к нему лестницы.

51. «Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности».

Автор Елена Спартаковна Сеньявская — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, лауреат Государственной премии Российской Федерации.

В статье на основе архивных документов раскрывается повседневность военного плена солдат и офицеров Русской армии в годы Первой мировой войны — от момента захвата на поле боя до условий содержания в лагерях. Рассматриваются меры, предпринятые военным руководством страны для предотвращения добровольной массовой сдачи в плен, в том числе пропагандистское воздействие и карательные санкции. Приводятся свидетельства бежавших из плена военнослужащих о нарушении противником норм международного права в отношении к военнопленным. Показана политика официальных структур и ведомств по вопросам военного плена, их отношение к попыткам общественных организаций оказать помощь попавшим в беду соотечественникам.

Первая мировая война буквально потрясла мировое общественное сознание, явилась психологическим стрессом для всей современной цивилизации, показав, что весь достигнутый людьми научный, технический, культурный и якобы нравственный прогресс не способен предотвратить мгновенное скатывание человечества к состоянию кровавого варварства и дикости. 1914 год открыл

дорогу войнам новой эпохи, в которой проявилась «невиданная до тех пор массовая и изощренная жестокость и гекатомбы жертв» после «относительно благонравных» войн XVIII и XIX столетий, когда все еще сохраняли свою силу «традиции рыцарского благородства и воинского великодушия» ... «В кровавой бойне отныне были попораны все законы морали и нравственности, в том числе воинской. Людей травили газами, втихомолку подкравшись, топили суда и корабли из-под воды, топили и сами подводные лодки, а их экипажи, закупоренные в отсеках, живыми проваливались в морские бездны, людей убивали с воздуха и в воздухе, появились бронированные машины — танки, и тысячи людей были раздавлены их стальными гусеницами, словно люди эти и сами были не людьми, а гусеницами. Такого, да еще в массовом масштабе, не происходило в любых прежних войнах, даже самых истребительных». Такова была повседневная реальность тех, кто оказался непосредственным участником Первой мировой. Реальность, в которой люди жили и погибали.

Небывалым по сравнению с войнами прежних эпох оказалось в Первую мировую войну и число военнопленных. В Русской армии потери пленными с августа 1914 по 31 декабря 1917 г. составили более 3,4 млн чел., то есть 74,9% всех боевых потерь, или 21,1% от общего числа мобилизованных. Из них 42,14% содержались на территории Германии, 59,9% — в Австро-

Венгрии, менее 1% — в Болгарии и Турции.

Положение русских военнопленных Первой мировой войны (включая такие сюжеты, как правовые аспекты военного плена, политика своего и вражеского правительств по отношению к ним, деятельность общественных организаций по облегчению их участи, условия содержания и использование принудительного труда пленных, их контакты с местным населением, психологическое состояние оказавшихся за колючей проволокой, влияние плена на менталитет солдат и офицеров, и многие другие) стало особенно активно изучаться в нашей стране с середины 1990-х годов, чему посвящена обширная литература. Так, в монографии О. С. Нагорной «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914-1922)» подробно анализируются переживания «маленького человека» при столкновении с чужой социокультурной средой, лагерный быт, взаимоотношения внутри сообщества пленных, религиозные практики, стратегии выживания и выработка поведенческих моделей, формирование памяти о плене, и др.

В данном очерке, не претендующем на полноту освещения проблемы, будут затронуты лишь некоторые аспекты повседневности военного плена.

Начнем с того, что *«представления русских солдат об условиях германского плена формировались задолго до попадания на фронт...»*. Под влиянием предыдущего опыта и общественных настроений в солдатской среде сформировалось представление о плене как о лучшей доле и пути возможного избежания

гибели: «Конечно, наш брат попадает в плен, чтобы только спасти свою жизнь, а присягу забыл. ...почти все, кто участвовал в японской войне и были в Японии в плену, они же в плену и теперь, и вот они пишут письма из плена домой, а дома его читает не только одна семья, но и целое село. Пошел воевать его сосед или знакомый — тоже попал в плен...».

По утверждению О. С. Нагорной, «немецкие протоколы допросов содержат признания солдат, что «отставные, бывшие в плену в японской войне, убеждали товарищей сдаваться», а в переписке русского Главного Управления Генерального Штаба и Ставки, обеспокоенных высокой численностью попавших в

плен русских солдат, «отмечалось, что практически с самого начала войны «в деревнях ...новобранцев отпускают с советами: не драться до крови, а сдаваться, чтобы живыми остаться»».

Влиял на настроения солдатских масс и довольно распространенный миф о «богатом житье» «культурных немцев». Так, в дневниках В. Арамилева приводится любопытный случай.

«В наши окопы пробрался удравший из немецкого плена рядовой Василисков. Рассказывает о немцах с восторгом.

— Бяда, хорошо живут черти. Окопы у них бетонные, как в горницах: чисто, тепло, светло. Пишиша — что тебе в ресторантах. У каждого солдата своя миска, две тарелки, серебряная ложка, вилка, нож. Во флягах дорогие вина.

Выпьешь один глоток — кровь по жилам так и заиграет. Примуса для варки супа. Чай не пьют вовсе, только один кофей да какаву. Кофий нальют в стакан, а на дне кусков пять сахара лежит. Станешь пить какаву с сахаром — боишься, чтоб язык не проглотить.

— Сладко? — спрашивают заинтересованные солдаты.

— Страсть до чего сладко! — восклицает Василисков. И тут же добавляет:

— Игде нам супротив немцев сдюжать! Солдат у его сыт, обут, одет, вымыт, и думы у солдата хорошие. У нас что? Никакого порядка нету, народ только мают.

— Чего ж ты удрал от хорошей жизни? — шутят солдаты над Василисковым. — Служил бы немецкому царю. Вот дуралей!

Он недоуменно таращит глаза.

— Как же можно? Чать я семейный. Баба у меня в деревне, ребятишки, надел на три души имею. Какой это порядок, ежели каждый мужик будет самовольно переходить из одного государства в другое. Они — немцы — сюды, а мы — туды. Все перепутается, на десять лет не разберешь».

Простоватый неграмотный крестьянин и не подозревал, что ему в плену «пускали пыль в глаза», угощали непривычными «деликатесами», а затем позволили сбежать к своим, чтобы использовать в качестве агитатора, деморализующего боевой дух сослуживцев. Так быт становился оружием «информационной

войны», предваряя листовки более позднего времени с призывами к солдатам противника сдаваться и обещаниями сладкой и сытной жизни в плену.

С точки зрения военного руководства, плен воспринимался как позор, а пленные в большинстве своем — как предатели, изменившие долгу и присяге. В первую очередь это касалось добровольно сдавшихся в плен, каковыми считались бойцы, попавшие к противнику неранеными и не использовавшие средства в обороне. Но подозрения и клеймо потенциальных изменников ложились на всех оказавшихся в плену, что прямо или косвенно отражалось на их положении, оказании им материальной, продовольственной и иной помощи, организации переписки с Родиной, и, наконец, на морально-психологическом состоянии самих пленных.

Так, отмечая случаи массовой сдачи в плен нижних чинов русской армии (не только после нескольких лет сидения в окопах, что можно объяснить усталостью от затянувшейся войны и общим разложением армии, но уже осенью 1914 г.!), командование издавало многочисленные приказы, в которых говорилось, что все добровольно

сдавшиеся в плен по окончании войны будут преданы суду и расстреляны как «подлые трусы», «низкие тунеядцы», «безбожные изменники», «недостойные наши братья», «позорные сыны России», дошедшие до предательства родины, которых, «во славу той же родины надлежит уничтожать». Остальным же, «честным солдатам», приказывалось стрелять в спину убегающим с поля боя или пытающимся сдаться в плен: «Пусть твердо помнят, что испугаешься вражеской пули, получишь свою!» Особенно подчеркивалось, что о сдавшихся врагу будет немедленно сообщено по месту жительства, «чтобы знали родные о позорном их поступке, и чтобы выдача пособия семействам сдавшихся была бы немедленно прекращена». Генерал А.Н. Куропаткин заявлял, что «в военной среде сам по себе плен считается явлением позорным, ... все случаи сдачи в плен подлежат расследованию после войны и наказанию в соответствии с законом». В 1916 г. в Петрограде была выпущена специальная пропагандистская брошюра «Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью. Беседа с нижними чинами», где разъяснялись те репрессивные меры, которые будут применены к «предателям Веры, Царя и Отечества».

Другой мерой, призванной предотвратить добровольную сдачу в плен, стало широкое распространение сведений о нарушении противником норм международного права: о реализации в германской и австрийской армиях приказов не брать русских живыми в плен; о пытках и изощренных убийствах раненых, захваченных на поле боя; о

лишениях и издевательствах, ожидающих пленного в лагере, и др. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии публиковались и в тыловых, и в армейских газетах. Так, в газете «Наш вестник», издававшейся при Штабе Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта для бесплатной раздачи войскам, регулярно печатались заметки под красноречивыми и часто повторяющимися названиями: «В плену», «Германские неистовства», «Немецкие зверства», «Христиане ли немцы?», «Расстрел 5000 пленных», «В следственной комиссии о немецких зверствах», «В германском плену», «Казаки о сдающихся в плен», «Распятие казака», «Расстрел казаков», «Три беглеца» и т.п. Другие издания печатали похожие по содержанию материалы: «Выдающиеся зверства австрийцев», «Как немцы допрашивали пленных», «Германские зверства в русском окопе», «Варварское умерщвление раненых», «Отравление германцами русского пленного офицера», «Кровавая расправа с пленными», «Сожжение русских раненых офицеров и солдат», «Что такое немецкий плен», «Расстрел за отказ рыть окопы для немцев», «Смерть царствует в лагерях для военнопленных», «Под прикрытием русских пленных» и др. Впоследствии, уже в 1942 г., эти и другие материалы, собранные Чрезвычайной следственной комиссией, были изданы отдельной брошюрой «Документы о немецких зверствах 1914-1918 гг.».

О характере этих публикаций можно судить по следующему фрагменту, в котором приводятся показания военнопленного лейтенанта австрийского пехотного полка, утверждавшего, что издевательство над русскими пленными в немецкой и австро-венгерской армиях было возведено в систему.

«В конце апреля и в мае [1915 г.], при отходе русских к реке Сан, ко мне неоднократно прибегали мои солдаты — чехи, поляки и русины — и с ужасом докладывали, что где-нибудь поблизости германские и часто австрийские солдаты-немцы занимаются истязанием русских пленных, замучивая их до смерти, — рассказывал он. — Сколько раз я обращался по указанному направлению и видел действительно ужасную картину. В разных местах валялись брошенные обезображенные и изуродованные трупы русских солдат. Находившиеся поблизости германские солдаты каждый раз мне объявляли, что они лишь исполняют приказания своих начальников.

Когда я обращался к германским офицерам с вопросом, правда ли это, то они мне отвечали: «Так следует поступать с каждым русским пленным, и пока вы, австрийцы, не будете делать того же, вы не будете иметь никакого успеха. Только озверелые солдаты хорошо сражаются, но для этого наши солдаты должны упражняться в жестокости на русских пленных, которые, как изменники своей Родины и добровольно сдавшиеся в плен, ничего, кроме пытки, не заслуживают».

Обобщая полученную из самых разных источников информацию, газеты гневно писали:

«Зверски жестокое отношение к забираемым германцами пленным и раненым, в полноте проявляется уже с первого момента взятия их в плен, на полях сражений. Сдавшихся жестоко истязают, часто до смерти, раненых добивают прикладами и штыками. Многие очевидцы-

офицеры показывают, что при них расстреливали из пулеметов группу забранных в плен казаков».

Разумеется, подобные публикации, как и факты жестокости неприятеля, с которыми военнотружущим приходилось сталкиваться лично или узнавать «из первых рук» от свидетелей и очевидцев, вызывали обоснованный страх перед возможностью попасть в плен и подвергнуться мучениям и издевательствам. Не случайно, в немецких письмах, дневниках и записных книжках наряду с упоминаниями о пленении русских солдат («...этот трусливый народ (русская пехота) при более сильном напоре с нашей стороны бросал оружие и сейчас же сдавался в плен») встречаются и примеры иного рода: «Один русский офицер застрелился, чтобы не быть взятым в плен».

21 августа 1914 г. командир 33 эрзац-батальона капитан фон Бессер пишет о боях в Восточной Пруссии:

«Мои люди были настолько озлоблены, что они не давали пощады, ибо русские нередко показывают вид, что сдаются, они поднимают руки кверху, а если приблизишься к ним, они опять поднимают ружья и стреляют, а в результате большие

потери». В ответе его жены от 11 сентября 1914 г. мы находим следующий отклик, отражающий настроения в тылу Германии по отношению к пленным: «Ты совершенно прав, что не допускаешь никакого снисхождения, к чему? Война — это война, и какую громадную сумму денег требует содержание в плену способных к военной службе людей! И жрать ведь тоже хочет эта шайка! Нет, это слишком великодушно, и если русские допускали такие ужасные гнусности, какие ты видел, то нужно этих скотов делать безвредными! Внуши это также своим подчиненным».

Тем не менее, массовость плена стала реальностью мировой войны, а специфический опыт пребывания и выживания «за колючей проволокой» — уделом свыше 3,4 млн русских пленных.

Об условиях пребывания в плену — как на стадии этапирования, так и в пунктах временного и постоянного содержания — подробно рассказывали беглецы, чьи свидетельства фиксировались в опросных листах, собранных, в частности, разведотделениями при штабах командующих фронтами.

Так, в опросе бежавшего из плена рядового 324-го пехотного Клязьминского полка Григория Кузнецова от 6 июля 1915 г. сообщалось: *«Кормили нас в дороге плохо и мало, давали 1 котелок кофе на двух и по 1/2 фунта хлеба, хлеб плохой из гречневой и кукурузной муки... Австрийские конвоиры обращались с нами хорошо. Германские солдаты отбирали одежду, особенно сапоги; у меня они отобрали часы... Конвойные русины продавали нам хлеб по 50 коп. фунт...».*

Подпрапорщик 12-й роты Сибирского полка А. Денисов и младший унтер-офицер Иван Банифатьев рассказывали о том, как их гнали в составе колонны военнопленных к границе, а затем везли по железной дороге в Германию: *«Из Брезин повели нас почти раздетых, без сапог и шинелей к границе. Многие из нас были раненые, больные. Шли мы 6 дней. Нас не кормили.*

Подведут к яме с картошкой или свеклой и кричат: «Ешьте, русские свиньи».

Раненые, истекая кровью, шли версты две. Хотя мы друг друга всю дорогу и поддерживали, но, выбившись из сил, отставали и падали. Отсталых немцы всех убивали. До границы нас не дошло и половины. Здесь посадили нас в грязные вагоны. В каждый вагон набили человек по 80-90. Везли нас с запертыми дверями. Окошек не было. Духота — невыносимая. От истощения и тесноты некоторые умирали. Мы их клали к стенке вагона. Стон, крики раненых и больных наводили на всех ужас. При виде всех этих страданий некоторые из нас были близки к сумасшествию. Я, говорит Денисов, несколько раз плакал. В Берлине наши вагоны открыли. Мертвых из вагонов мы вынесли. Нам дали супу и по небольшому куску хлеба; хлеб был с соломою, но мы были готовы есть и камни...».

Бежавшие из плена рядовые 231-го Дрогичинского полка Иван Вербило и Роман Черепеха 4 июля 1915 г. показали, что их использовали на строительстве военно-фортификационных сооружений:

«В Ярославле [пленных] разбили по партиям, заставили рыть окопы, кто не хотел работать или говорил, что болен, того доктор германский осматривал и, если находил здоровым, ему давали по 15 палок... Позиция, которую мы рыли, тянется от Ярославля через Радымно к Перемышлю. Стали мы думать, как бы удрать из плена, так как считали позором рыть укрепления

против своих и вообще тяжело было в плену во всех отношениях. ... Место ночлега было обнесено высоким проволочным забором... Обращались конвойные германские и австрийские с нами плохо: бьют и ругают. Пища была очень плоха. Ячневый суп без мяса и навару, один фунт хлеба очень плохого с мякиной и два стакана чая в день. На счет пищи конвойные германцы лучше, германец даром скорее даст нашему голодному пленному кусок хлеба; австриец, какой бы нации ни был, норовит продать и взять за полфунта рубль».

Рядовой 6-й роты Л.гв. Семеновского полка Василий Кузнецов рассказывал:

«...В Сувалках пленные производили работы. Я лично работал по хозяйству и по погрузке на железной дороге, но мне известно, что наши пленные в районе Сувалок рыли окопы даже под огнем русской артиллерии, причем трое были убиты... С пленными русскими немцы обращаются очень плохо. Бьют палками, почти не кормят. Для солдат из евреев делают исключение и назначают старшими на работы...».

Нижние чины фельдфебель 206-го Сальянского пехотного полка Иван Лаврентьев Аношенков и старший унтер-офицер 74-го Ставропольского полка Захарий Иванов Жученок, вместе бежавшие из плена, сообщили:

«...В плену кормят очень плохо, бывает поэтому много краж нашими пленными. При погрузке провианта двух наших пленных нижних чинов

расстреляли в Раве-Русской за то, что взяли одну бутылку вина и несколько хлебов. Обращение жестокое вообще...» И. Анашенков дополнил: «...Работали мы в Белжеце по разгрузке разных вещей — провианта и фуража, но я, как фельдфебель, не работал». Подтвердил это и З. Жученок: «...Я, как старший унтер-офицер, не работал и оставался в палатке и познакомился с фельдфебелем Аношенков, и мы решили бежать из тяжелого плена».

Часть таких показаний включалась в распространяемые в войсках воззвания, предупреждавшие от сдачи в плен, и публиковалась в газетах. Так, 2 июля 1915 г. газета «Наш Вестник» на первой странице писала:

«Каждый день являются из Германии наши пленные, которым удалось пробраться через границу после долгих дней скитаний и голодовок.

Рассказы их полны ужасов. Нет границ мучениям и издевательствам, выпадающим на долю несчастных, которых судьба заставила попасть в плен.

Беспрерывная голодовка, позорные работы по вывозу нечистот, побои, суровые зверские наказания за неуспешные вследствие отощания работы; отсутствие ухода за ранеными и больными – вот чем заполнены рассказы тех молодцев, которым удалось пробраться ценою страшных лишений и риска.

И безмерная злоба мучителей, которые, как звери, наслаждаются страданиями безоружных и беззащитных наших солдат.

Вот какими словами заканчивает свой рассказ один из бежавших через Швейцарию:

«Не дай Бог, братцы, никому попасть в такое адское мучение. Заболеешь от голода на работе, так для лечения получишь несколько толчков прикладом: несколько наших солдат от такого мучения плакали. И не мало зарыли в сырую землю. Многие не могли вынести такого мучения неприятельского. И пусть меня Бог накажет, если это я неправду говорю...»

...Подобное отношение к военнопленным является лучшей характеристикой нашего врага, который в бессильной злобе, видя неминуемый свой позор, вымещает его на беззащитных пленниках».

В другом номере, за 9 июля 1915 г., «Наш вестник» приводит рассказ трех беглецов, бежавших из немецкого плена в Голландию, перепечатанный из «Петроградского курьера», Роттердамский корреспондент которого встречался с ними в Русском Генеральном консульстве. Ефрейтор 141-го Можайского полка Иосиф Филобоков и старший фейерверкер 5-й батареи 36-й артиллерийской бригады Иван Матовых попали в плен в самом начале войны, в середине августа 1914 г. в Пруссии, и провели в плену 9 месяцев. Их товарищ доброволец 163-го Ленкоранско-Котенбургского полка Владимир Тимченко попал в плен 2 декабря 1915 г. и пробыл в неволе 5,5 месяцев. Из их показаний можно составить достаточно полное представление о дневном рационе русских военнопленных нижних чинов:

«Свое пребывание в этом плену все они в один голос описывают самыми мрачными красками. Пища давалась им в крайне недостаточном количестве. В последнее время, например, хлебный паек был уменьшен до 100 грамм или 1/4 фунта на человека в день. Утром отпускалось кофе по две чашки. То же самое вечером. Иногда вечерний кофе заменялся подсоленной водою с какой-то приправой. Обед все время неизменно

состоял из одного блюда: болтушки из неочищенного картофеля с примесью за последнее время (после жалоб!) кукурузной муки. И это все!»

В рассказе присутствует описание самого лагеря и условий содержания в нем, отношения к пленным со стороны лагерной администрации и охраны, использование их на принудительных работах:

«Обращение с пленными возмутительное. Ругают, бьют и увечат их походя, за всякие пустяки. Все караульные лагеря повинны в этом, но особенно встретившиеся нам беглецы жаловались на унтер-офицеров и фельдфебелей: «Собаки цепные, а не люди!» ...

Лагери, по описанию беглецов, ниже всякой критики. Сделаны из досок, протекают, зимой тепла не держат. Мебели в них никакой. Вместо постели – солома на полу. Поэтому в бараках грязно, душно и «вшиво».

Благодаря недостатку пищи и антигигиеничности бараков, а также отсутствию бань, среди пленных, можно сказать, свирепствуют всевозможные болезни. Процент смертности там необыкновенно велик. Медицинская помощь дается не всегда, ибо администрация подозревает всех заболевших в симуляции.

Все вышеприведенные сведения не являлись новостью. Подобные жалобы мы слышали уже не раз от беглецов из другого лагеря. Недостаток пищи, дурное обращение, грязь, болезни — все эти прелести свойственны и другим немецким лагерям. Но последние беглецы жаловались еще на изнурение их тяжелыми работами, это было уже для нас новостью. По их словам, немцы пользуются пленными исключительно для самых

тяжелых работ. При постройке, например, железных дорог их заставляют носить бревна, шпалы и др. тяжести, копать канавы и пр.

Обязывают работать всех. Когда, например, унтер-офицеры заявили, что они по русскому воинскому уставу не должны употребляться на работы, им ответили, что они не в России, а в Германии, и что здесь все равны, и рядовые, и унтер-офицеры, и фельдфебели, и подпрапорщики, и все должны работать.

Обязывают немцы пленных работать даже в большие православные праздники. Так, работы производились пленными в Вербное Воскресенье. На Пасху для отдыха был дан всего один день.

Сами пленные, собственно, против работ ничего не имели бы. Они даже предпочитают работать. Но беда в том, что даваемая им пища не соответствует спрашиваемому с них труду. Затем их возмущает то, что их употребляют на работы, связанные с обороной Германии: проведение стратегических дорог, постройка фабрик для изготовления воинских принадлежностей и пр.».

11 июля 1915 г. «Наш вестник» публикует рассказ еще двух беглецов — младшего медицинского фельдшера 314-го полевого подвижного госпиталя Ивана Еленского и стрелка 39-го Сибирского полка Нила Семенова, подробно описавших свое пребывание в лагере военнопленных и особенности распорядка в нем:

«...Пленные помещались в конюшне квартировавшего там до войны кавалерийского полка. В каждом стойле было размещено по 6 человек, что создавало невероятную тесноту. Вскоре же появились разные заболевания. В первое время пленным давали три фунта хлеба на два дня, но это продолжалось не более двух месяцев, после

чего те же три фунта давали на пять дней, а иногда не выдавали по несколько дней. На завтрак и ужин пленным отпускался черный кофе, горький, не больше одного стакана на каждого, а обед состоял из жидкой похлебки в очень недостаточном количестве. Положение ухудшалось тем, что немцы никому не разрешали иметь деньги и с первого же дня отняли не только все деньги и ценные вещи, как-то: часы, кольца и проч., но даже сняли со всех шинели и сапоги, выдав взамен их деревянные башмаки, которые были невероятно тяжелы и терли ноги.

В качестве охраны к ним были приставлены ландштурмисты, почти все сплошь пожилые люди. Эти солдаты были страшно грубы и жестоки.

Когда появились среди пленных больные, то никакой медицинской помощи им не оказывали; немцы не верили в их болезни, подозревали притворство и отправляли к врачу лишь тогда, когда больной в изнеможении падал на работе или был уже близок к смерти в вонючей конюшне. Кроме этих доказательств болезни, немцы ни во что не верили.

При заявлении пленного о недомогании его обыкновенно били тесаками и прикладами, после чего гнали на работу. Много таких больных умерло прямо на работе.

Куриль пленным не разрешали под страхом жестокого наказания. В течение первых нескольких недель плена им запрещено было говорить что-либо между собой, что явилось непосильной тягостью для несчастных, лишенных даже этого утешения.

...Несмотря на тесноту и грязь в помещении и сопряженную с этим нечистоплотность пленных, немцы ни в коем случае не позволяли им помыться, мотивируя это тем, что русские – свиньи и в этом не нуждаются...».

вернули даже шинелей, люди «работали по колено в ледяной воде, а после работы не могли даже высушить одежду». Причем, «работали по 12 часов в сутки, без исключения, без различия звания».

Описывая условия труда военнопленных на принудительных работах, беглецы рассказали, что 24 ноября 1914 г. их отправили на сооружение каналов для электрической станции в местечке Брансберг. Всего было отправлено около 500 человек, причем им пообещали плату и улучшение пищи, но обманули: условия были ужасны, пленным не выдали никакой одежды, не

В таких невыносимых условиях, ставивших людей на грань выживания, многие пленные задумывались о побеге, а некоторые осуществляли и реальные попытки бежать:

«В первый день Пасхи с работ убежали 10 человек пленных, воспользовавшись прорезанным ножами в стене барака отверстием. Тотчас же, среди глубокой ночи, всех пленных собрали на проверку: немцы бесновались и кричали, старались выместить свою неистовую злобу на оставшихся; целый взвод немецких солдат бросился вдоль речки в погоню за бежавшими, но поиски их успеха не имели. Пленные уже втайне радовались, что хоть некоторым их товарищам удалось выбраться из этого ада, но вышло иначе. На рассвете беглецов настигли, восемь человек поймали, а остальные два скрылись... Пойманных же подвергли предварительно истязаниям, после чего двое опасно заболели и, кажется, на другой же день умерли, а остальных отправили под сильным конвоем в Данциг. О постигшей их участи пленные ничего не узнали... Сразу же после этого происшествия режим еще больше ухудшился. Пленным запрещено было иметь даже перочинные ножи, произвели у них поголовный обыск и пригрозили немедленным расстрелом, если у кого-нибудь будет обнаружен нож или другой острый предмет... После этого случая пленных буквально морили голодом...».

На основе показаний пленных, бежавших из разных лагерей Германии и Австро-Венгрии, а также других источников, в том числе сообщений представителей Красного Креста, делались выводы и обобщения о повсеместном нарушении противником норм международного права в отношении военнопленных и чудовищных условиях их содержания:

«Полученные за последнее время совершенно достоверные сведения о положении в Германии наших военнопленных офицеров и нижних чинов дают следующую безотрадно тяжелую картину тех исключительно чрезвычайно тяжелых условий жизни, которые созданы немцами для попавших во власть к ним русских пленных...».

Особо отмечалось нарушение международных конвенций по отношению к пленным офицерам, лишенным не то что привычного, но хотя бы минимального комфорта:

«Перевозка военнопленных офицеров, включительно до старших начальников, производится обычно в неосвещенных вагонах, нередко загаженных скотиною, — по 40 человек в одном вагоне. При этом сидеть приходится прямо на грязном полу, где офицеры вынуждены и спать при переездах, длящихся несколько суток.

Кормят в дороге пленных почему-то большею частью ночью, давая отвратительную салную бурду, без хлеба, от которой с многими делается рвота. Вода отпускается в крайне ограниченном количестве и то сырая, кипятку же не дают совсем. Покупать что-либо в пути запрещается совершенно.

Обращение конвойных и их начальства с пленными всех чинов и званий неизменно является варварски грубым и жестоким. Так, с полкового священника конвойные сорвали однажды крест и топтали его ногами, раненого офицера били по изувеченной ноге.

В пунктах постоянного квартирования русских военнопленных офицеры размещаются в грязных казармах, по 15-18 человек в небольшой комнате, снабженной двумя ярусами нар. Зачастую офицеры помещаются даже в конюшнях и сараях. Два пленных генерала водворены в тесной унтер-офицерской коморке.

Составленными из офицерских чинов сводными ротами, в состав коих входят и генералы, командуют немецкие нижние чины, проявляя во всем самое грубое отношение к своим несчастным подчиненным. Два раза в день военнопленным офицерам и нижним чинам делаются переклички, производимые каждый раз на дворе, даже в дождливую и холодную погоду, несмотря на то, что громадное большинство пленных одето в одни только легкие защитные рубашки.

Офицеров и генералов постоянно подвергают оскорбительным по форме обыскам и, вообще, создают им в концентрационных лагерях самые невозможные условия повседневного режима.

Питание офицеров, крайне неудовлетворительное по качеству, является более чем скудным. Среди пленных развивается страшное малокровие, а помещение значительной части их в темных, сырых и зловонных подземных казематах вызывает тяжкие ревматические заболевания».

При этом в документе подчеркивались крайне суровые условия содержания в плену русских солдат и приводились примеры «дисциплинарного воздействия» на них со стороны немецких властей:

«Нашим пленным нижним чинам приходится в Германии особенно тяжело. В пищу им отпускается по полфунта самого плохого хлеба в

день, два раза в неделю дается по небольшому куску мяса, а в остальные дни только одна подболтка. Пленных солдат наряжают на всевозможные тяжелые работы, подвергая страшно суровым наказаниям. Так, например, за мельчайшие проступки привязывают на несколько часов к дереву или заставляют бегать до изнеможения с мешком, полным песку, за спиной, который больно колотит по спине во время бега. Нижних чинов бьют палками, нагайками, прикладами — за малейшую оплошность.

Один нижний чин, написавший в письме домой, что он получает в пищу по полфунта хлеба в день и два раза в неделю мяса, — как то есть и на самом деле, был присужден на два года в тюрьму за клевету.

На почве недоедания, при усиленной тяжелой работе и отсутствии всякой медицинской помощи, среди нижних чинов развивается большая смертность. Весьма часты и случаи самоубийств; так, недавно нижний чин зарезался коробкой из-под сардинок.

Сношение пленных разных лагерей между собой совершенно запрещено».

Следует учесть, что ни одна из воюющих сторон «не была готова к размещению такого количества пленных солдат и офицеров противника и их обеспечению в условиях затянувшегося противостояния». При этом «в ходе войны стремление укрепить моральный дух собственного населения и повлиять на мнение нейтральных стран, измерявших цивилизованность воюющего государства по

уровню смертности в лагерях военнопленных, обусловило желание всех сторон занижить или скрыть численность сдавшихся в плен собственных солдат, а также заболевших и умерших военнопленных противника».

Несоответствие условий содержания санитарным нормам, голод и эпидемии, а также многочисленные нарушения положений международного права стали причиной высокой смертности в лагерях. По мнению отечественных исследователей, уровень смертности среди русских военнопленных составил 7,3%, а в целом в лагерях Центральных держав погибло 190 тыс. чел., из них около 100 тыс. — в Германии. При этом смертность среди выходцев из Российской Империи в два раза превышала соответствующие показатели пленных западноевропейских национальностей. Согласно неполной немецкой статистике, 91,2% смертных случаев были вызваны болезнями (из них 39,8% по летальному исходу занимал туберкулез, 19% — пневмония и 5,5% — сыпной тиф, 31% — «прочие болезни», в которые, очевидно, входили такие «типично лагерные заболевания» как дизентерия, холера и истощение от голода), 8,2% — ранениями и 0,6% — самоубийствами.

Из Центрального Комитета Российского Общества Красного Креста в конце августа 1916 г. сообщали:

«В Комитете получены сведения, что наши военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в значительно большем числе умирают от туберкулеза и что вообще зараза этой болезнью,

принимая там на почве недоедания угрожающие размеры, может послужить очагом распространения этой болезни и в России при возвращении наших пленных. Ввиду этого необходимо кроме усиления продовольствования наших военнопленных посылками съестных припасов соглашение с Германией и Австро-Венгрией об эвакуации туберкулезных больных в нейтральные страны».

Поднимался вопрос об обмене военнопленными-инвалидами (о взаимном возврате их на родину), о переводе больных и раненных военнопленных в нейтральные страны и их интернировании до конца войны.

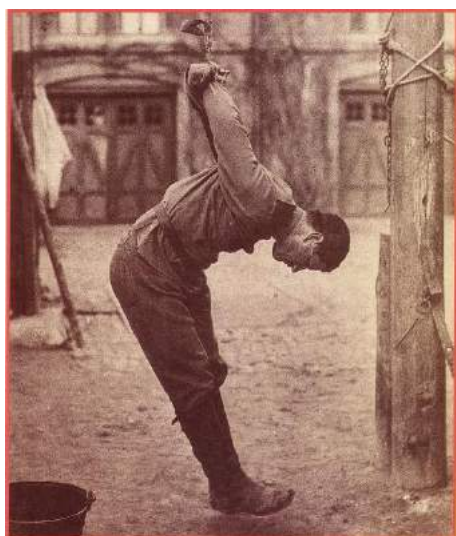

Соответствующие соглашения были подписаны между несколькими воюющими державами, обмен осуществлялся при посредничестве «Красного креста» и Ватикана. Однако в России решение данного вопроса тормозилось на уровне межведомственных согласований, о чем, в частности, свидетельствует секретная переписка между директором Второго департамента МИД

России А.К. Бентковским и руководством Генерального штаба в феврале 1915 г.

«Если с одной стороны, — писал Бентковский, — удаление наших военнопленных из Германии может благоприятным образом отразиться на условиях их проживания, то с другой стороны, освобождение германского правительства от обязанности продовольствовать довольно крупное по числу своему количество военнопленных может в некоторой степени хотя бы на некоторое время улучшить его положение в отношении обеспечения народонаселения Германии питательными средствами, что с нашей военной точки зрения, несомненно, представляется крайне нежелательным».

Главное Управление Генерального Штаба в лице генерал-майора Леонтьева выразило полное согласие с данным мнением, хотя, безусловно, понимало, что голод и изнурительный труд для раненных и тяжелобольных людей равносителен смертному приговору. Но «политическая и военная целесообразность» оказалась для высоких чиновников важнее гуманитарных соображений и облегчения участи попавших в плен соотечественников.

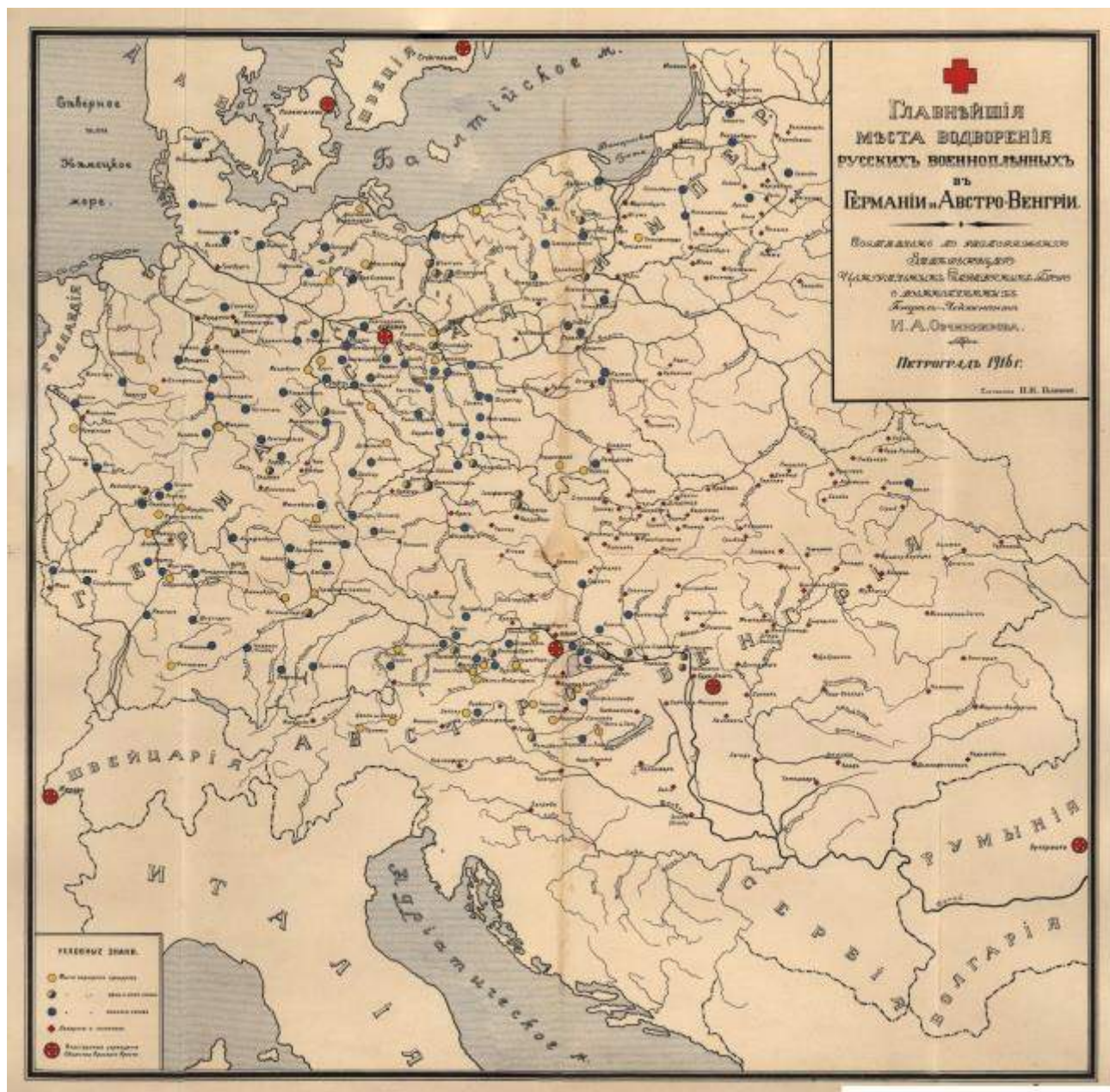

Препятствия чинились даже общественным благотворительным инициативам по организации помощи пленным, сбору денег и отсылке продовольствия. Так, М.А. Алексеев призывал запретить публикацию в газетах объявлений о сборах, мотивируя это тем, что *«пленные находятся в условиях жизни более сносных, чем защитники Родины на фронте, которые ежеминутно подвергаются смертельной опасности»*, и если сведения о голоде и жестоком обращении с пленными в лагерях до сих пор останавливали массовый переход к врагу, то сообщения о сборе денег и организации помощи могли настроить «малодушных, не

усвоивших понятия долга, на сдачу», и, кроме того, собранные средства сократили бы «затраты немцев на содержание наших пленных» и позволили направить высвободившиеся ресурсы на ведение войны.

В результате такого подхода помощь военнопленным из России была организована поздно и оказалась малоэффективной, а германские власти широко использовали в своих целях трагическое положение русских пленных, развернув в их среде пропаганду о том, что они брошены на произвол судьбы, подрывая тем самым и их моральный дух, и авторитет царского правительства.

Еще в апреле 1915 г. Русский посол в Париже сообщал, что в ряде лагерей «солдаты умирают с голода, посылка денег нецелесообразна, так как покупать съестные припасы солдатам запрещено». Но на запрос начальника Генерального штаба о необходимости посылки пленным продовольствия, император Николай II ответил отказом, мотивируя его «невозможностью проверить, что хлеб действительно будет доставлен по назначению, а не будет использован для продовольствия германских войск».

29 июля 1915 г. начальник Генерального штаба направил начальнику Главного управления почт и телеграфов секретное письмо за № 1067 о запрете на пересылку сухарей в посылках для военнопленных. Впрочем, через некоторое время этот запрет был снят.

Среди русского населения распространялись слухи о том, что посылавшиеся русским военнопленным посылки расхищались в Германии и Австро-Венгрии или конфисковывались по решению правительств этих стран. О пропаже посылок весьма эмоционально писала столичная и провинциальная пресса. В результате многие родственники и близкие знакомые

военнопленных, а также некоторые общественные организации воздерживались от отправки им съестных припасов. Между тем, многие посылки пропадали еще в пути, так и не достигнув границ Германии и Австро-Венгрии. Об этом 10 ноября 1915 г. в Московский комитет Красного Креста написал генерал-майор Иванченко:

«Сын мой, капитан артиллерии, будучи искалеченным, еще в августе прошлого года попал в плен и теперь находится в лагере... Судя по тому, что пишут об участии наших военнопленных, этот лагерь надо признать исключительным. Из самых верных источников я знаю, что комендант у них прекрасный честный старик, очень заботящийся о возможном улучшении их участи, обращение корректное, за заболевшими уход прекрасный, но они голодают потому, что везде недостача продуктов, и вся надежда на нашу помощь, а из нее выходит вот что: сын пишет: «М-м В... (Из Москвы) выслала мужу 14 посылок (непосредственно почтой) и мне 4. Ни одна не получена. Посылки приходят к нам с русскими печатями, с немецкой аккуратностью вскрываются в нашем присутствии и, в большинстве, оказываются обокраденными. «Ищи злодеев у себя» ...»

Русский солдат-пленный обрабатывает землю.

Унтер-офицер И.И. Чернецов попал в плен в 1915 г. Последнее письмо с фронта, полученное от него родными, датировано 15 января, первая открытка из плена — 15 июня 1915 г. Содержался он в лагере военнопленных в Германии, в городе Вормс.

Письма из плена, вернее, открытки на стандартном бланке Красного Креста, разрешалось посылать 6 раз в месяц. Содержание большинства этих открыток в 10 строк у И.И. Чернецова стандартное: «Жив, здоров, спасибо за посылку...» А далее обычно следует перечисление ее содержимого, – вероятно, для того, чтобы убедиться, что по дороге ничего не пропало.

И лишь 19 февраля по старому стилю (4 марта по новому стилю) 1917 г., в пасхальном поздравлении к родным, его сдержанность и прагматичность уступает место чувствам:

«Христос Воскресе! Милые и дорогие Лиза, Алексей Иванович и Бобочка! Поздравляю вас с великим праздником и от всей души желаю встретить и провести его в полном здоровье и душевном спокойствии. Мысленно находясь со всеми вами, я постоянно связан невидимыми духовными нитями, соединяющими нас, и пусть хоть это сознание будет вам и мне утешением в этот великий день. Посылки 10 и 11 получил 15 и 17 февраля. Сердечно благодарю за все. Поздравьте с праздником всех родных. Целую, любящий брат Ваня».

На всех открытках из плена указан обратный адрес: «Для военнопленного. Унтер. Оф. Чернецов Иван. Бат. III, рота 15, N 1007. Германия, город Вормс (Worms)». Следует отметить, что сестра И.И. Чернецова Е.И. Огнева состояла в переписке не только с братом, но и с другими военнопленными из этого лагеря, его однополчанами, посылала им посылки и получала через них известия о брате, в свою очередь, передавая весточки от своих корреспондентов их семьям.

Русские солдаты-пленные за работой на германской ферме.

Возможность поддерживать связь с домом, с родными, подать им весточку, сообщить о себе, успокоить близких людей, находящихся в постоянной тревоге об их судьбе, являлась самой острой потребностью для пленных. Главной темой писем были хозяйственные и семейные дела оставшихся дома близких, а основным стимулом, поддерживавшим волю людей к жизни,

— стремление вернуться на Родину. Между тем, жесткая цензура и тщательная проверка писем и посылок приводила к значительным задержкам из России почтовых отправок военнопленным, для которых они являлись вопросами физического и морального выживания, а репрессии германских властей в форме отмены корреспонденции приводили к потере интереса к действительности: *«люди падали духом, ходили как тучи и ни о чем не хотели слышать»*. Возобновление контактов с Родиной мгновенно улучшало моральное состояние пленных, выводило их из депрессии.

Процесс приспособления солдат и офицеров к ситуации плена проявлялся в широком спектре поведенческих моделей — от пассивного принятия навязанных реалий и бегства от действительности, разных форм сотрудничества с немецкими властями и лагерной администрацией, до скрытого и открытого сопротивления, включая стихийные и организованные выступления. Заключенные лагерей ревностно следили за развитием положения на фронтах, бурно обсуждали политические события в России.

В целях самооправдания (в противовес распространенным на Родине подозрениям пленных в предательстве) свое пребывание в плену они пытались представить в свете мученического ореола, а то и внести элемент героизации, включая в самопрезентации отказ от работы на врага или неудачную попытку побега. Один из молодых офицеров характеризовал свои переживания за колючей проволокой как процесс социального взросления:

«Из слабого мальчика я превратился в обросшего бородой мужчину, много пережил горя и лишений, но тяжелые испытания укрепили меня, теперь уже не страшно смотреть вперед».

В целом, следует отметить, что опыт плена был для каждого столь же индивидуален, как и собственно фронтовой опыт. Кому-то везло больше, кому-то меньше. У офицеров было больше шансов на выживание, чем у нижних чинов, у здоровых — больше, чем у раненых и больных, у владевших каким-либо ремеслом — больше, чем у тех, кто его не знал, у образованных — больше, чем у неграмотных, и т.д. Условия, в которых содержались военнопленные, зависели не только от общегосударственной политики, экономических причин, постоянном нагнетании в обществе «образа врага», вызывавшего у разных слоев населения рост ненависти к пленным, но и просто от «человеческого фактора»: злоупотребление полномочиями, неконтролируемый произвол в лагерях и рабочих командах исходили, чаще всего, от местного начальства. *«В отдельном лагере уровень насилия зависел, прежде всего, от коменданта, которому принадлежало не только право определять дисциплинарный режим, но и принимать окончательные решения о реализации наказаний в конкретных случаях».*

Несмотря на все материальные и моральные тяготы, выпавшие на долю военнопленных, необходимо признать, что в отличие от лагерей уничтожения Второй мировой войны, «места содержания военнопленных в Первую мировую войну обладали многими чертами переходного типа, соединив в себе традиции предыдущей эпохи (стремление стран-участниц соответствовать образу цивилизованного

государства, уважительное отношение к военной элите противника, проницаемость границы между лагерем и его окружением) и новые радикальные тенденции (репрессии, принудительный труд, национальную и политическую агитацию)».

Различные условия содержания (проходные (карантинные) и основные лагеря, штрафные лагеря для пойманных беглецов или привилегированные агитационные лагеря для национальных меньшинств, выступавших объектом особого внимания для немецких пропагандистов, — отличались друг от друга весьма существенно, как и

нахождение в сельских (более «сытых»), промышленных и прифронтовых (более «голодных») рабочих командах); разная степень изоляции офицерских и солдатских лагерей; разнообразные формы самоорганизации пленных (в том числе комитеты и кассы взаимопомощи, офицерские суды чести и лагерные товарищеские суды) и виды лагерного досуга (школы, библиотеки, кружки, самодеятельные театральные спектакли и концерты, художественные выставки, лагерные газеты, игра в шахматы и проч. — все то, что имело место в период Первой мировой, но невозможно представить для советских военнопленных в фашистской Германии во Второй мировой войне, хотя у размещенных по соседству в тех же лагерях англичан и французов подобный досуг спокойно существовал); отправление религиозных обрядов и праздников; сложная система внутрилагерной иерархии и выстраивание отношений в сообществе пленных, — все это было многогранной реальностью повседневной жизни в условиях военного плена.

Тяжелым испытанием стало и переживание революционных событий в России, и последующее возвращение бывших военнопленных на Родину, раздираемую новой, уже Гражданской войной, где каждому пришлось выбирать, какую принять сторону в междоусобном конфликте. По определению И.В. Нарского, «в России вытеснение прошлого приняло характер коллективного забывания...», при этом многие ветераны Первой мировой «были вынуждены до конца своих дней быть пленниками собственной памяти, оставаясь один на один с личными воспоминаниями и индивидуальным фронтовым опытом...».

И эта индивидуальная память, в том числе о пребывании в плену, оказалась пропущена через идеологические фильтры в зависимости от сделанного выбора, вписавшись в структуру коллективной памяти либо новой большевистской России, либо антисоветской эмиграции.

52. Эрвин Шпер (Erwin Spehr). Об истории района Пиллькаллен/Шлоссберг. Продолжение...

Глава 16. Первая мировая война и ее последствия

Начало Первой мировой войны 1 августа 1914 года положило конец 150-летнему мирному соседству с Россией (Литва и Польша с 1795 года входили в состав Российской империи).

Уже в первые дни войны казачьи отряды переходили границу, бродили по Ширвиндту и по приграничным селам беззащитной в военном отношении территории округа Пиллькаллен и наводили ужас на местное население. 13 августа Ширвиндт был разграблен и частично сожжен. 17 августа две русские армии широким фронтом с востока и юга провинции перешли границу Восточной Пруссии. В первый же день Пиллькаллен оказался в руках русских. Немецкая армия, которая была наполовину меньше по численности и оснащению, отступила, несмотря на несколько успешных сражений при Малльвишкене/Малльвен (посёлок Майский Гусевского района) и Шарене (поселение существовало юго-западнее посёлка Добровольск). За короткое время русские заняли почти три четверти Восточной Пруссии. В районе Пиллькаллен часть населения оставалась дома, доверяя порядочности русских. Тех, кто сбежал раньше, достигли Вислы, а других нагнала проворная русская конница.

В конце августа – начале сентября 1914 года немецкая армия под новым руководством Гинденбурга и Людендорфа сумела предпринять быстрые и решительные действия, чтобы окружить и разгромить две русские армии в битвах, продолжавшиеся несколько дней у Танненберга и Мазурских озер. 12 сентября Восточная Пруссия была освобождена от русских.

Осенью фермеры поспешили вернуться на свои поля. Но в начале ноября русские вернулись с новой армией, более дикой и жестокой, чем летом. Однако их продвижение удалось остановить, так что между Мемелем (река Неман) и Йоханнисбургской пустошью была занята только полоса шириной 50-60 км и длиной 145 км. Почти весь район Пиллькаллена снова оказался в руках русской армии. Фронт проходил примерно по дороге Раутенберг (посёлок Узловое) – Шпуллен (посёлок Февральское) – Куссен (посёлок Весново) – Йенткуткампен/Бургкампен (посёлок Садовое на юге Краснознаменского района). Большая часть населения из-за предыдущих неприятных событий вовремя сбежала поездом до Штеттина с помощью властей.

Gasse aus Schirwindt heute.
Blick über die Pilsener Straße auf die Immanuel-Kirche in Schirwindt, vor 1914

Schirwindt nach dem Russeneinfall, 1914/15.
Kriegsschäden nach dem Einmarsch 1914/15

Blick von Osten auf die ex. Platanen von Schirwindt, bevor das Kriegsgeschehen

Der Krieg im Osten – Schirwindt
Schirwindt nach dem Russeneinfall im Ersten Weltkrieg

В начале февраля 1915 года русская армия вновь была разгромлена – окружена и вынуждена была сдаться в результате 9-дневного зимнего сражения на севере и юге. Округ Пиллькаллен в эти дни стал местом для театра военных действий. 14 февраля 1915 года русская армия окончательно покинула Восточную Пруссию.

Но какой увидели свою Родину вернувшиеся жители!

То, что не было уничтожено, находилось в состоянии не поддающемся описанию: дома были завалены мусором, колодцы страшно загажены и заражены, скот заколот или угнан, мебель и хозяйский инвентарь уничтожены. Из сильно пострадавшего Ширвиндта пастор Фарбер сообщил, что после бесчисленных боёв его приход превратился в огромную пустыню, а город – в груды руин. В Ширвиндте сохранились только 4 жилых и 16 хозяйственных построек, сильно пострадала церковь, но она все еще стояла, – русские использовали её под конюшню. В уездном городе Пиллькаллен, который относительно благополучно пережил первое российское вторжение, было разрушено 54 жилых дома с 230 квартирами и 44 магазина, а также 64 хозяйственных постройки, а остальные дома были разграблены и разрушены. В Куссене сожжены были 26 ферм, Кигген/Штайнерсхёфен (поселение существовало между посёлками Весново и Февральское) был полностью разрушен при отступлении русских.

Russenverwüstungen in Ostpreußen
Pilsken
Wohnungsbaugesellschaft Schirwindter Straße

Оставшимся в то время в округе жителям пришлось плохо. Мародерство и пытки были частью повседневной жизни. Русские в каждом видели «шпионов». Чтобы оказаться расстрелянным достаточно было обладать велосипедом или формой лесника. Страшней всего пришлось женщинам и девушкам, они натерпелись страданий, русские относились к ним безмерно грубо. Неделями женщины и

девушки прятались в подполах сараев или среди могил на кладбищах, терпя холод и голод, чтобы не попасть в руки блуждающим русским. В Дудене/Дуденвальде (поселение существовало западнее посёлка Добровольск) семь девушек спрятались в дымовой трубе, что было небезопасно. В Ушпиаунене/Кисдорф (посёлок Никитовка) мать замуровала двоих дочерей на кирпичном заводе, и ежедневно приносила им еду. Женщин вместе с детьми и стариками без разбора сгоняли и увозили в Россию. Многие в зиму этого не пережили.

В северной части района многие жители бежали в густые леса. Но это куда ни шло во время августовских событий, а зимой всё заканчивалось голодом, тяжелыми обморожениями и часто смертью. Окружённый большим лесом Ласденен/Хазельберг во время первого вторжения оставался островком мира, поэтому жители решили не покидать своих домов и во время второго вторжения. С

приходом русских в Ласденен некоторые жители ушли в Рагнит вместе с немецкими солдатами, а другие сбежали и прятались в лесной деревне с пастором Виттке. Пастор Браун из Шореллена/Адлерсвальде (посёлок Саратовское) рассказывал, что тем, кто остался в деревне пришлось пережить трудные времена – женщины и девушки подвергались насилию, пятеро мужчин были убиты и 30 жителей с детьми были угнаны за границу. Подробности об ужасах войны в округе Пиллькаллен в этом очерке опускаются. Результаты четырехмесячных военных действий с русской армией для округа Пиллькаллен оказались мрачными, учитывая, что большая часть населения бежала: 135 мирных жителей, не участвовавших в боевых действиях, были убиты и 1 148 человек отправлены в Россию. Не было зафиксировано количество содеянного насилия в отношении людей. Всего в районе было разрушено 864 жилых дома и 1808 хозяйственных построек. Помимо Ширвиндта, более половины, а некоторые даже и полностью, сожжены 29 деревень, 8 поместий и 5 лесозаготовок.

После окончания Восточно-Прусской операции в начале 1915 года стало известно об ущербе и состоянии самой провинции, по всей Германии прокатилась волна готовности в оказании помощи. Повсюду создавались частные ассоциации военной помощи, которые собирали деньги, бытовую технику, мебель, белье и многое другое и отправляли их в Восточную Пруссию, чтобы облегчить

бедственное положение провинции, пострадавшей за всё отечество. Также были созданы попечительские фонды по сбору средств на восстановление городов и деревень. Правительственный округ Бреслау (в настоящее время польский город Вроцлав) взял на себя шефство над округом Пиллькаллен, без города Ширвиндта, – «город Бреслау для города Пиллькаллен». Город Крефельд одобрил строительство небольшого поселения «Ной Крефельд» в округе Пиллькаллен в рамках «Помощи Восточной Пруссии».

Bild 11. Ein Porzellanteller des Kriegshilfsvereins Bremen zur Unterstützung von Schirwindt mit den beiden Stadtwappen und dem Reichsadler. (aus: G. Schiller, Der Grenzkreis Schloßberg im Bild)

Бременская ассоциация военной помощи взяла на себя шефство пережившего страшные испытания города Ширвиндт и достаточно успешно, собрав большие средства, активно участвовала в восстановлении города.

Помимо многочисленных частных акций помощи, которые были объединены и целенаправленны для решения проблем Восточной Пруссии, существовала чрезвычайная финансовая государственная программа. Прежде всего она была направлена на восстановление аграрного сектора: предоставление необходимого сельскохозяйственного оборудования, семян и скота,

строительство зданий и обновление транспортных путей. Восстановление городов в провинции в целом продолжилось до 1923 года, но уже в 1916 году сельскохозяйственные угодья были полностью обработаны.

Несмотря на всю помощь, сельское хозяйство Восточной Пруссии пошло под откос. Экономическое положение провинции осложнилось в результате Версальского договора 1920 года, согласно которому большинство провинций – Западная Пруссия и Познань, а также Мемельланд – были отсоединены от Германии. Восточная Пруссия теперь не имела сухопутной связи с остальной Германией, она была отрезана от основной территории и стала «островом».

Продолжение следует...

53. Краснознаменск. Памятные места Первой мировой.

Первая мировая война не обошла Лазденен стороной. Бои за него начались с декабря 1914 г. — января 1915 г. в районе города на правом фланге. Русские войска пытались взять этот населённый пункт. К 25 января 1915 г. командующий Вержболовской группой генерал Н. А. Епанчин собрал имеющиеся силы на данном направлении. Но уже через

несколько дней наступление русских частей было остановлено. Попытки произвести перегруппировку сил и захватить Лазденен успеха не имели. Контрнаступление немецких войск в конце января — феврале 1915 г. вынудило генерала Н. А. Епанчина с большими потерями отступить к границе Восточной Пруссии.

Сквер памяти ротмистра В. Б. Бушнёва.

15 декабря 1914 г. во время боя за мост через реку Инструч командир 3-го эскадрона 3-го уланского Смоленского полка ротмистр Владимир Бенедиктович Бушнёв повёл в атаку на немецкие пулемёты спешившихся кавалеристов. Мост был взят, но ротмистра смертельно ранили. Место захоронения В. Б. Бушнёва неизвестно.

В 2000 г. по инициативе главы города Ф. Г. Пискарева был установлен памятный знак в честь подвига ротмистра В. Бушнёва, погибшего в бою за город Лазденен в декабре 1914 г.

Памятник является объектом культурного наследия местного (муниципального) значения (Постановление Правительства Калининградской области от 23 марта 2007 г. № 132).

Сквер находится в центре города. Ул. Советская открыта для движения транспорта. Рядом автовокзал (примерно в 20 м).

Захоронение русских и немецких воинов, погибших в ноябре 1914 г.–феврале 1915 г.

На старом церковном кладбище в Лазденене были похоронены 157 русских (военнослужащие пехотного полка № 70, резервного пехотного полка № 258, кирасирского полка № 3, уланского полка № 8, конноегерского полка № 10, ландверного полка № 48, пехотных полков № 44, 45 и других подразделений) и 128 немецких воинов.

В 1997–1998 гг. памятник был восстановлен предпринимателем Отто Белайтом.

Над могилой русских солдат установлен восьмиконечный православный крест с выбитой эпитафией: «157 unbekannte russische Kriger 1914-1915» (157 неизвестным русским солдатам). Над могилой немецких солдат - лютеранский крест на постаменте из тёсанных гранитных камней. В постамент была вмурована плита с рельефом, изображавшим кавалеристов (утрачена после 1945 гг.). На кресте надпись на немецком языке: «Nicht umsonst 1914-1918» («Не напрасно 1914-1918»).

Объект культурного наследия местного (муниципального) значения (Постановление Правительства Калининградской области от 23 марта 2007 г. № 132).

Захоронение находится в западной части города, по ул. Чапаева (необходимо будет пройти, примерно, 500 метров до него от церкви).

Источник: Путеводитель по следам Первой мировой войны в Калининградской области

<http://fww-explore.com/>

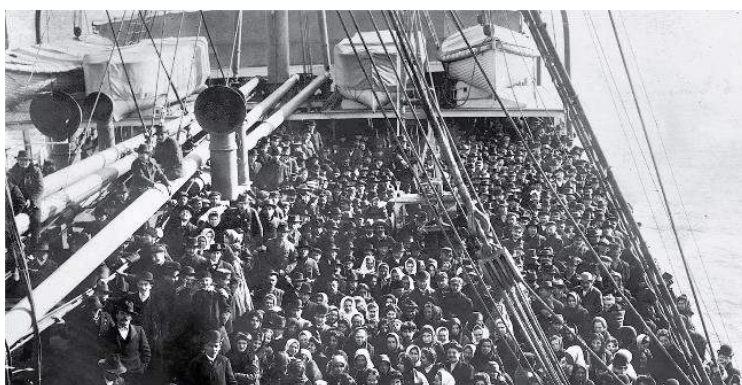
54. Эрвин Шпер (Erwin Spehr). Об истории района Пиллькаллен/Шлоссберг. Окончание...

Глава 17. Последние 25 лет истории округа Пиллькаллен.

Аграрная провинция Восточная Пруссия жила за счет экспорта своей сельскохозяйственной продукции. Однако в результате подписания Версальского договора в 1920 году старые рынки сбыта, в частности, Познань, были потеряны, а недавно образованные государства, как Польша и Литва, изолировали эту провинцию от верного старого торгового партнера – России.

Приходилось искать новые рынки на больших расстояниях в Германии. Подросшие расходы на транспортировку увеличили стоимость продукции более чем на 10%, что шло за счет прибыли. Это, в свою очередь, сказалось на торговле и промышленности в городах. В последствии выросла безработица и усилилась эмиграция из Восточной Пруссии, так называемый остфлюхт – «бегство с Востока».

Однако проблема эмиграции для провинции не нова. К концу XIX века Восточная Пруссия, в которой преобладало сельское хозяйство и отсутствовала какая-либо достойная промышленность, не могла предложить достаточно рабочих мест для растущего населения. В частности, молодые люди из сельских общин

переехали в Берлин и новые промышленные центры Рейнской области и Вестфалии, где ощущалась нехватка рабочих рук. Эта эмиграция началась примерно в 1870 году, была особенно высокой на рубеже веков и поначалу сразу после Первой мировой войны даже не уменьшалась. За 60 или около того лет, между 1871 и 1933 годами, Восточная Пруссия лишилась около 1 миллиона, в основном молодых людей. Изолированной провинции грозила серьёзная потеря сил, общая численность населения оставалась на прежнем уровне, а в районе Пиллькаллен даже уменьшилась.

Инфляция 1923 года и Великая депрессия 1929 года ударили по сельскому хозяйству Восточной Пруссии. При неблагоприятных внешних условиях и еще не полностью преодолев ущерб, нанесенный Первой мировой войной, провинция должна была что-то ещё производить. В конечном итоге глубокий сельскохозяйственный кризис с 1929 по 1932 год повлек за собой жертвы, ими стали многочисленные хозяйства.

Тревожили рост залогового имущества и аукционы. Крупные поместья с высокими требованиями к рабочей силе пострадали больше, чем фермеры, которые смогли

временно отказаться от собственной заработной платы и, таким образом, лучше пережить кризис. Беспорядки этого трудного времени дали о себе знать и в округе Пиллькаллен: в 1923 году в некоторых поместьях произошли забастовки работников сельского хозяйства, а в 1929 году разгневанные фермеры помешали аукциону по выкупу фермы в Ласденен (Хазельберг).

В это критическое время правительство страны, конечно же, осуществляло многочисленные программы поддержки в улучшении ситуации в сельском хозяйстве на Востоке: целевые выплаты, льготы по процентным ставкам, реструктуризация долгов и т. д. Нехватку рабочей силы в аграрном секторе и снижение эмиграции попытались решить путём обустройства мест для постоянного проживания работников сельского хозяйства.

Для этого скупались на аукционах необходимые материалы, распределялись между мелкими землевладельцами и поселенцами, и продавали на выгодных условиях по соответствующей полученной доступной цене. В основном это происходило в районах, где располагались крупные поместья. Но не только там, в округе Пиллькаллен около 1920 года было заселено поместье Куршелен/Зидлерфельде (посёлок Новосёлово, между посёлками Правдино и Полтавское) площадью более 200 гектаров.

Однако ни одна из этих мер в конечном итоге не смогла существенно улучшить экономическую ситуацию или даже восстановить сельское хозяйство. Среди жителей был распространён скепсис в отношении желания правительства страны помочь Восточной Пруссии и учесть её особое положение. Многие восточные пруссаки чувствовали себя брошенными.

Так что не случайно новое национал-социалистическое движение нашло благодатную почву и добилось большого успеха на выборах 1932/33 годов. Фактически это движение добилось улучшения экономической ситуации. Значительно снизилась безработица и удалось остановить эмиграцию за счет расселения в районах предприятий обрабатывающей отрасли и различных программ по созданию рабочих мест.

Кризис был преодолен и начался общий экономический подъем, в том числе и в сельском хозяйстве.

Ещё во время Веймарской Республики в 1927 году был принят закон о муниципальной реформе, который отменил прежнюю муниципальную независимость крупных поместий и присоединил их к существующим или объединил в новые

муниципалитеты. Поскольку появилась необходимость в обозначении этих больших подразделений и присвоении новых названий, то и была использована возможность заменить старые литовские названия мест на немецкие. Эта реформа затронула 47 деревень, усадебных и лесных районов Пиллькалленского округа, из которых было создано 26 муниципалитетов, 23 из них получили новое название.

Определены были причины для переименования.

Старые топонимы относятся к первому периоду расселения в XVI веке, которые, в основном, принесли литовские эмигранты. Во время переселения в 18 веке, в большинстве своём, немецкими переселенцами, сохранились старые названия мест, даже если деревня, обезлюдевшая из-за чумы, была полностью или преимущественно, восстановлена немецкими переселенцами. К тому же нет ни одного нового названия места, напоминающего о Зальцбурге, они не возникли в результате иммиграции 16 000 зальцбуржцев.

Образованная в 1625 году деревня Яннайтшен, была переименована в 1723 году в королевский ворверк – крестьянское хозяйство – Грумбковкайтен (посёлок Правдино). И опять же своё новое название государственное поместье получило с литовским окончанием и в честь прусского генерала и политика фон Грумбова.

* Фридрих Вильгельм фон Грумбков (1676 – 1739) пользовался неограниченным доверием короля Фридриха Вильгельма I, который назначил Грумбова членом Тайного государственного совета, военным министром и генеральным военным комиссаром.

Грумбков возглавил военное и налоговое ведомства Пруссии и вместе с королём развернул обширную реформаторскую деятельность в этих областях, целью которой являлись как всемерный рост численности войск и совершенствование управления прусской армией, которую вскоре станет считаться образцовой, так и повышение эффективности управления страной. По указанию и совместно с королём Грумбков усовершенствовал систему сбора налогов, торговли, цехового дела, внутренней колонизации и управления городов. В 1737 году Грумбков получил звание генерал-фельдмаршала.

В 1732 году Грумбков по наущению австрийского посла Фридриха Генриха Зекендорфа препятствовал женитьбе кронпринца Фридриха на английской принцессе из Ганноверского дома Амелии, что привело к отрицательным результатам во внешней политике Пруссии. В интересах Австрии Грумбков злоупотреблял доверием короля и способствовал ухудшению отношений между отцом и сыном. Позднее кронпринц Фридрих помирился с Грумбковым, который искренне стремился в последние годы жизни помирить Фридриха Вильгельма I с сыном.

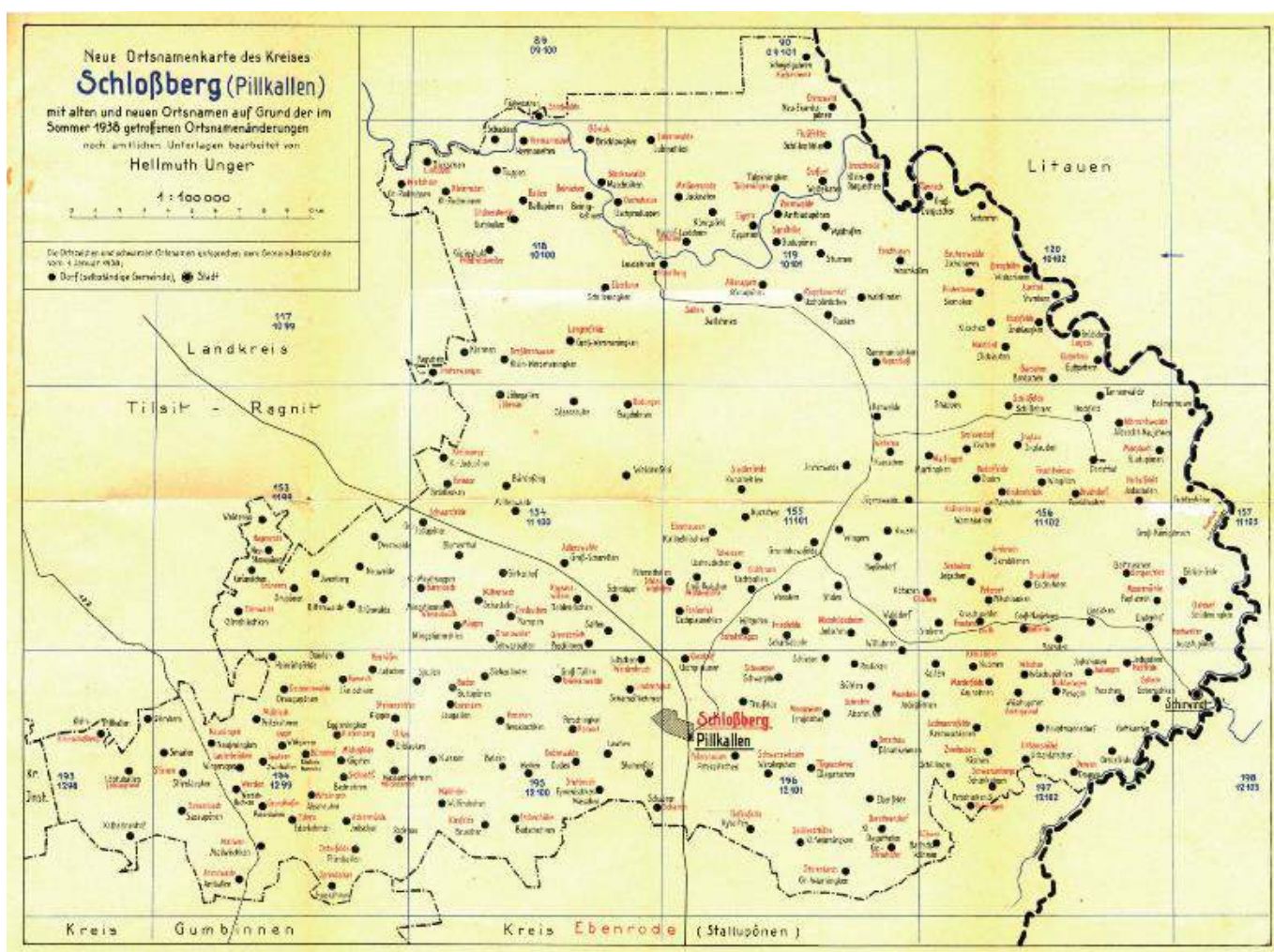
Вернёмся к финальному периоду истории округа Пиллькаллен. После смешения населения за последние 200 лет и языкового уравнивания, литовский язык почти полностью исчез, многие жители Восточной Пруссии все чаще находили старые топонимы странными и сильно устаревшими. С другой стороны, приверженцы традиций сожалели об исчезновении этих языковых памятников,

которые считались особой чертой северо-восточной Пруссии, заслуживающие сохранения и окультуривания. Конечно, для изменений географических названий были и политические причины: с целью избежать посягательств на территории поселений со старо-литовскими названиями новым литовским национальным государством, уже аннексировавшего Восточно-прусскую Мемельскую территорию.

В 1936 году было принято постановление об общей корректировке орфографии: все буквы «sz» в названиях мест были заменены на «sch», например, Uszballen – Ужбален стал Uschballen – Ушбаллен (посёлок Полянское). Только в 1938 году пришла вторая, гораздо более масштабная волна изменений. Теперь все литовские названия мест, рек, лесов и болот планомерно заменяются. В соответствующем постановлении от 16 июля 1938 года только район Пиллькаллен/Шлоссберг представлен 163 новыми топонимиками, не считая незначительных изменений в орфографии. Эта «сплошная рубка» («Kahlschlag») не всегда вызывала одобрение даже у понимающих людей.

Разумеется, новые географические названия не были присвоены просто «сверху». Скорее всего, на местах могли внести свои предложения. Не вызывали проблем изменения, касающиеся только окончаний слов. Таким образом, Петерайчхен был преобразован в Петерсхаузуе (поселение существовало между посёлками Полтавское и Саратовское) и Эдеркемен – в Эдерн (поселение существовало между посёлками Майское и Новинки). Вернулись немецкие названия тем местам, которые получили их ещё во времена Ордена, например, Пиллькаллен стал снова Шлоссберг, или поселения были названы относительно немецких географических названий, расположенных рядом. Таким образом, была образована новая община Ягерсвальде (поселение существовало южнее посёлка Правдино) из общин Баушен, Лаугаллен и домена Гиррелишкен, и названа по имени небольшого домена, расположенного за пределами Ягерсвальде. Часто старые названия мест переводились более или менее буквально, например, Септинлёпен (семь лип) в Зибенлиндене (посёлок Петровское, северо-восточнее Весново), Лазденен (орешник) в Хазельберг (Краснознаменск), Варнакаллен (воронья гора) в Крёхенберге (поселение существовало юго-восточнее посёлка Правдино), Цвирбаллен (воробьи) в Шпатцене (посёлок Кропоткино, между посёлками Майское и Новинки).

Также искали исторические связи, например, среди имён первых поселенцев, как у Альтснупёнен теперь снова Альтснаппен (посёлок Высокое, восточнее Краснознаменска) по имени первого фермера-собственника, или следующего после него.

Некоторые места напоминали о прибывших новых жителях после Великой чумы: Крушинелен, переименованный в Франкенройт (в честь поселенцев из Франконии, поселение в районе озера Бородинское), Шимкунен – в Шварценберг (напоминание о выходцах с Шварцахских гор, поселение существовало на границе округа между посёлками Добровольск и Кутузово), Йодшен церковного прихода Виллунена стал называться Кляйнхилдесхейм (вспоминая прибывших из Хилдесхайма, поселение существовало в районе озера Бородинское), Кишенбаннес стал именоваться по имени переселенца из Зальцбурга, сельского старосты Андреаса Бюлера – Бюлерхоф (посёлок Дальнее, западнее посёлка Новинки).

Многочисленные выбранные переименования были связаны с ландшафтом, например, в Патильшене стал Инстervalде (лес у реки Инструч, посёлок Отрадное, севернее посёлка Правдино), Ушпяунен стал называться Киесдорф (место гравия, посёлок Никитовка), Ушпяунэлен становится Фоленталь (долина жеребят, посёлок Новоуральское), Шогельгальвен именуется Киефернхорстом (сосновый холм, посёлок на границе с Литвой, севернее посёлка Пугачёво).

Некоторые населённые пункты указывали на своё пограничное положение, например, в Войтекатене, переименованный в Остфурт («восточный брод», поселение вошло в границы посёлка Заречное), или Висбориенене, ставший Гренцхёз («пограничная высота», посёлок Ливны, севернее Победино). В новых названиях

некоторых мест не обнаруживается очевидных предпосылок об их происхождении, вероятно, выбор пал на красивое звучание, например, Аугштутчен становится Рехвальде («лес косуль», посёлок Лосево).

Многочисленные новые имена были официально приняты, но применялись в сельской местности неохотно. Да и времени особо не было – через год разразилась Вторая мировая война. На новых указателях населённых пунктов дополнительно к новым названиям рядом в скобках помещалось прежнее название, так что переходный период переименований был упрощён.

В первые годы войны в Восточной Пруссии внешне царил глубокий мир. Весной 1944 года матери из Берлина приехали с детьми в округ Пиллькаллен, чтобы скрыться от бомбардировок. В июне и июле 1944 года невоеннообязанных призвали на работы в Литву по сооружению противотанковых траншей у границы, тогда-то и разгорелись беспорядки. 31 июля 1944 года Ширвиндт был атакован советскими низколетящими самолетами, а на следующий день поселения у границы были эвакуированы. Жителей разместили в западной части района. Однако через несколько дней они вернулись, чтобы собрать урожай. За два дня до возобновления наступления советских войск, 16 октября 1944 года началась эвакуация всего района, жителей переселили в район Велау, расположенный примерно в 100 км. 17 октября 1944 года Красной Армией был взят город Ширвиндт. 26 октября наступление красноармейцев было остановлено, но юго-восточная часть района находилась в руках советского командования.

Линия фронта, которая удерживалась до середины января 1945 года, проходила от границы в Грабфельде/бывший Граблаукен (поселение существовало на берегу реки Шешуппе на границе с Литвой, севернее посёлка Победино), примерно по Зееграбену (овраги в районе озера Бородинское) до Грабенбрюке/бывший Радшен (поселение существовало в районе озера Бородинское), затем через Крузен (посёлок Кубанка, восточнее посёлка Правдино) до Шацхагена/бывшего Вильтаутен (поселение существовало восточнее посёлка Новоуральское) и восточнее Шлоссберга (посёлок Добровольск) до Шарена/бывшего Шаарена (поселение существовало юго-западнее посёлка Добровольск).

Из самого Шлоссберга немецким войскам удалось оттеснить красноармейцев.

Зимой было достаточно спокойно, Красная Армия за это время собрала свои силы для последней атаки. 13 января 1945 года началась Восточно-Прусская операция, а 20 января 1945 года округ Шлоссберг пал.

Жителям разрешили выехать в район Велау только 21 января. Но это оказалось слишком поздно, 23 января советские войска наступали с юга и достигли Вислинского залива у Эльбинга.

Bild 12. Flucht im Januar 1945. Treck des Dorfes Schruten (Abschruten, Ksp. Willuhnen). (aus: Schloßberger Heimatbrief Nr. 28/1990)

См. также: 100 лет Советской России

Те, кто не смог покинуть Восточную Пруссию раньше, оказались в плену или зажаты в «Хайлигенбайльском котле». Отсюда можно было выбраться только двумя способами: либо по льду залива шириной примерно 10 км к Вислинской косе и вдоль фронта в направлении Данцига, либо выйти в сторону Пиллау и спастись на корабле через Балтийское море. Оба пути были очень опасными и унесли бесчисленное количество жертв. Не спаслись даже те, кто прошёл Данциг,

переход был остановлен советским наступлением вдоль Одера в Померании.

Это почти чудо, что большинству жителей округа Шлоссберг удалось вырваться живыми из ада последней и невообразимо жестокой войны.

Источник: https://wiki-de.genealogy.net/Portal:Pillkallen/Geschichte/Aus_der_Geschichte_des_Kreises_%28von_Erwin_Spehr%29

9

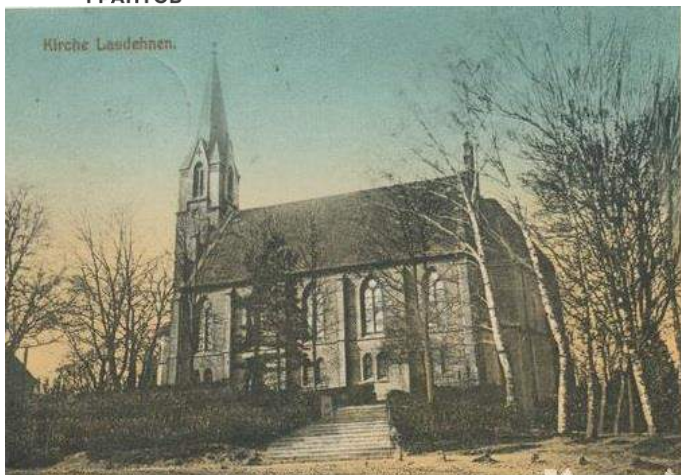
55. Церковь Краснознаменска

Особой достопримечательностью Краснознаменска является бывшая протестантская приходская церковь Ласденена. Здание во время боевых действий 1944 – 1945 годов, как и само поселение, не пострадали. После войны добротное кирпичное здание долгое время использовалось как складское помещение, в результате оно сохранилось.

В 1989 году храм перешел в собственность Русской Православной Церкви. После бережной реставрации в церкви открыт приход Храма святых первоверховных апостолов Петра и Павла.

Немного в стороне от центра на холме, на высоком правом берегу реки Шешуппе, стоит легкоузнаваемая церковь. Её 40-метровая колокольня виднеется далеко за городом.

Церковь в неоготическом стиле была построена между 1874 и 1877 годами по эскизам известного прусского королевского архитектора Фридриха Августа Штюлера (1800 – 1865), представляет собой трехнефную базилику. Строительство церкви контролировал районный архитектор Костеде из Пиллькаллена. Здание по проекту рассчитано на 1100 посетителей.

К слову, Штюлер в 1837 году участвовал в разработке плана перестройки Зимнего дворца в Санкт-Петербурге, но его планам не удалось реализоваться, Николай I принял решение перестроить оригинальный дворец в стиле барокко и рококо вместо предложенной Штюлером концепции нео-ренессанса.

Многие работы архитектора не пережили боёв Второй мировой войны, в том числе и Имманулкирха в Ширвиндте. Известно, что некоторые творения архитектора были восстановлены не в первоначальном виде, однако идеи Штюлера в них прослеживаются.

Краснознаменску в этом смысле крупно повезло! На северо-востоке Калининградской области сохранилось творение ученика и последователя Карла Фридриха Шинкеля, выведшего немецкую архитектуру из застоя.

Нам выпала удача любоваться работой Штюлера, выполненной по его эскизам, стиль которой воплощал пожелания короля Фридриха Вильгельма IV и создавал образы Прусской Аркадии, гармонично связывая изобилие природного великолепия с архитектурой.

Кстати, недалеко от Потсдама по просьбе кронпринца Фридриха Вильгельма Штюлер построил православную церковь Святых Петра и Павла для Александры Фёдоровны, прусской принцессы Шарлотты, супруги Николая I. Штюлер вписал в окружающий ландшафт византийский купольный храм, умудрившись выдержать его в романтическом духе.

Большой церковный приход Ласденена был образован в 1570-х годах и объединил 15 поселений. Это был третий приход в округе Пиллькаллен. В 1578 году была построена первая церковь в Ласденене на правом берегу реки Шешуппе в поселении Нойхоф-Ласденен, позднее – Альтбаум (посёлок Смоленское), на территории которого в 1772 году была создана усадьба

Бурбштедт, спускавшаяся на луг у реки с шикарным парком из старинных лип и могучего дуба. Первым пастором прихода стал Станислав Муса. В результате нашествия жемайтов в 1661 году церковь горела и была разрушена. Курфюрст Фридрих Вильгельм выделил деньги и кирпичи на строительство новой кирхи, простоявшей 200 лет, после чего из-за ветхого состояния её пришлось снести в 1869 году. Известно, что в доме священника хранились церковные принадлежности той первой церкви Ласденена – стеклянная картина 1578 года, чаша для причастий 1691 года и пасторский крест 1661 года.

В результате строительства в 1663 году государственной водяной мельницы – к XX веку ставшей одной из крупнейших мельниц в районе Пиллькаллен – Ласденен становится основным торговым рынком на реке Шешуппе. С увеличением числа прихожан во второй половине 19 века приходу потребовалась уже вместительная церковь на месте обветшавшей.

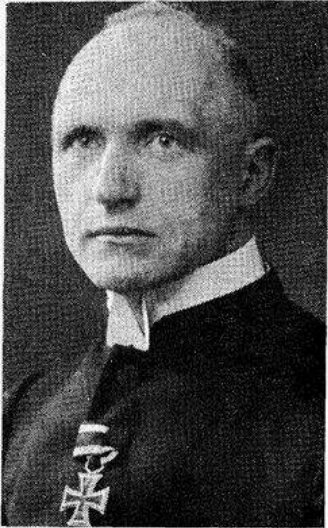

В годы Первой мировой войны, во время канонады 13 декабря 1914 года, в башню церкви Ласденен попал русский снаряд. Путешествуя по маршруту «...в поисках камней Первой мировой», мы непременно остановимся перед церковью и обратим внимание на след, оставленный более 100 лет тому назад.

Приход церкви Ласденена по праву гордится своим последним пастором Рудольфом Эрихом Сакм. Стойкий и бесстрашный христианин прослужил 15 лет в Ласденене с 1926 года, вступил в конфликт с национал-социалистами, был арестован и умер в 1943 году в концентрационном лагере Дахау.

Ещё в годы Первой мировой войны Эрих Сак в качестве суперинтенданта и пастора нового прихода города Лик остался с общиной. Во время русской оккупации большая часть населения и властей бежала из города, которому грозило уничтожение, пастор Сак обошёл каждый дом и собрал нужную сумму денег по требованию коменданта, спасая город Лик.

Он по ночам выезжал на близлежащие огневые позиции и доносил слово Божье до солдат, заботился о физическом их благополучии. За его храбрость очень уважал и русский командир. Отступая через три недели, полк не преминул отдать знаки чести «молодому мужественному пастырю».

После восьми лет работы в Штайнكيرхе (ранее Гросс Варнингкен – Groß Warningken, посёлок Заболотное Нестеровского района) и трех с половиной лет в приходе Цинтена (посёлок Корнево Багратионовского района) Эрих Сак занял должность пастора в Ласденене. Здесь он служил своему приходу 15 лет честно, невозмутимо, был хорошим советником

и духовником, особенно для молодежи в критические для страны с 1930 по 1939 годы. Его помнят, знают и ценят.

С начала Второй мировой войны Эрих Сак резко выступал против НСДАП, считавший её оппозиционной немецким христианам, и называл открыто эту партию «национальным бедствием». Так он попал под наблюдение гестапо, его допрашивали несколько раз, пытались заставить его покинуть приход. На каждом его богослужении под кафедрой в штатском находились трое гестаповцев. Поначалу гестапо не нашло никаких доказательств или каких-либо средств того, чтобы арестовать пастора.

На уроке, посвящённый таинству вступления в Церковь, 6 августа 1942 года перед школьниками старших классов Эрих Сак проговорил фразу: «Народ, отрицающий свою веру, никогда не победит». Опираясь на показания школьников, пастора арестовали на десять суток без постановления и отправили в Тильзитскую тюрьму, где во время допроса его обвинили в разложении военной мощи.

В середине августа его депортировали в концлагерь Дахау, где 4 сентября 1942 года он и оказался. Ему присвоили номер 25843, отправили выполнять каторжные работы. Ему разрешалось обмениваться с женой только одним письмом из 15 строк в месяц. В середине ноября писем не стало вообще. Г-жа Марта-Луиза Сак поехала в Берлин-Шарлоттенбург в штаб-квартиру Тайной государственной полиции добиться его освобождения, но, к сожалению, тщетно. Она получила от него только последнее приветствие в свой день рождения 19 января 1943 года. Это было послание умирающего. Вскоре полиция довела до приходского священника известие о его смерти.

24 января 1943 года пастор Эрих Сак изможденный и истощенный был подвергнут мучениям в концентрационном лагере Дахау, причиной смерти была указана «пневмония». Его урна с прахом прибыла только в марте. Местная община придерживалась традиционных захоронений, поэтому урну поместили в гроб и похоронили.

Эрих Сак был женат, имел сына и семь дочерей.

В 1960 году во время закладки первого камня в фундамент церкви Святой Троицы в Хофстеде-Римке, действующие три пастора выразили желание установить на здании новой церкви достойную мемориальную доску жертвам нацистской тирании. Спустя 26 лет были установлены две мемориальные доски на входе в церковь, одна – посвящена борцу сопротивления и мученику Эриху Саку, пастору из Восточной Пруссии, много лет прослужившего в церкви Хазельберг.

Один из прихожан церкви Хазельберг Ганс Иоахим Мейер произнёс тогда 14 сентября 1986 года: «Я и по сей день высоко ценю этого человека, и я счастлив признать, что он повлиял и сформировал мое отношение к христианской вере».

Источники: https://de.wikipedia.org/wiki/Erich_Sack,
[https://ru.qaz.wiki/wiki/Arcadia_\(utopia\)](https://ru.qaz.wiki/wiki/Arcadia_(utopia))

и Фридрих Август Штюлер - https://ru.qaz.wiki/wiki/Friedrich_August_St%C3%BCler

У стен церкви в Краснознаменске мы завершим рассказ, а путешествия в живописных местах долины реки Шешупе на этом не заканчиваются. В сторону города Неман, на северо-восток от районного центра, ближе к реке Неман, расположены посёлки с не менее богатой историей и людьми, берегущие прошлое – Неманское с

великолепным местным музеем, Ливенское с восстановленным памятником Первой мировой войны местным жителем, Тимофеево и его нарядная «Церковь на песке», ныне православная во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы.

И, безусловно, бескрайняя красота удивительной реки Шешупе не оставит равнодушных, она позволит всё также любоваться и созерцать своим вечным плавным течением всем, кто окажется в этих краях...

В заключении сопроводительного материала к туристическому маршруту по Краснознаменскому району «Автомаршрут по живописному краю в поисках камней Первой мировой войны» предлагаем познакомиться с работой немецкого исследователя Маурер Труде — профессор новой истории и истории Восточной Европы Гёттингенского университета «ВОЙНА УМОВ» и поразмыслить...

Развитие событий в первые недели Первой мировой войны привело к пересмотру позиции ученых Российской империи относительно Германии и ее ученых, с которыми у перед войной существовали особенно тесные научные связи и взаимообмен. Особенно оживленными были научные и культурные обмены между Россией и Западной Европой в годы перед Первой мировой войной. Русские рассматривали себя членами нации, занявшей место среди других народов Европы со своим специфическим голосом. Никому и в голову не приходило, что через каких-то полгода может стать актуальным вопрос о русско-германских отношениях.

Потрясение в связи с началом Первой мировой войны в различных воевавших странах привело к переоценке германских университетов. В Первую мировую войну «академики всех воевавших государств» с самого начала чувствовали себя обязанными поддерживать — по крайней мере, пером — военные усилия собственной нации.

В предложенной к прочтению работе М. Труде предлагается познакомиться как отстаивание национальных целей собственной страны (пусть даже частично необдуманно и некритичным образом), новая оценка научных партнеров, ставших врагами в начале XX века с того самого момента,

когда разразилась Первая мировая война, у которых была похожая аргументация, даже аналогичные ценности, показывало друг другу и миру, что сильно враждовавшие стороны все еще были связаны общими принципиальными взглядами.

Статья была опубликована в монографии «НАУКА, ТЕХНИКА И ОБЩЕСТВО РОССИИ И ГЕРМАНИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ» 2007 года и на странице проекта в социальных сетях:

<https://www.facebook.com/ProektHistoryk39/posts/222143422818462>

<https://www.facebook.com/ProektHistoryk39/posts/222347326131405>

<https://www.facebook.com/ProektHistoryk39/posts/223774802655324>

<https://www.facebook.com/ProektHistoryk39/posts/224575735908564>

Работа подготовлена

координатором Проекта «История. Люди. Память» — Эммой Басовой.